

Институт истории и
этнологии АНМ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения российской академии наук

ЧИНГИС ХААН
Национальный музей
Чингисхана

С.В. Данилов

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ТОМ II

(МОНОГРАФИЯ, СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ)

Издательство Соёмбо Принтинг
Улаанбаатар 2025

ННА 63.4
ДАА 930.1
В - 573

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ТОМ II

(МОНОГРАФИЯ, СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ)

Редакционная коллегия
Акад. РАН Б.В.Базаров
Акад. РАН Н.Н.Крадин
Акад. АНМ С.Чулуун
Проф Л.Эрдэнэболд

Составители:

Базаров Б.А., Бальжанов Б.Л., Гомбожапов А.Д., Дикий Я.В., Миягашев Д.А.,
Симухин А.И., Ташак В.И. Уртнасан Э., Өлзийдулам У.

Обложка: Изображение находки из городище Тэрэлжийн дурвулжин

Данилов Сергей Владимирович. Избранные труды. Т.2. Статьи, доклады, тезисы.
– Улаанбаатар: Издательство “Соёмбо Принтинг”, 2025. 292 с.

ISBN: 978-9919-0-4716-0

Книга включает в себя избранные труды известного советского и российского археолога, историка и монголоведа Сергея Владимировича Данилова (1950-2014 гг.). В них рассматриваются как общетеоретические, так и конкретные вопросы развития материальной и духовной культуры древнего и средневекового населения Центральной Азии. Публикуемые материалы будут интересны археологам, историкам, краеведам и широкому кругу читателей.

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ДАНИЛОВ

Избранные труды
Т. 2. Монография, статьи, доклады

Утверждено к печати Ученым советом
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
и Институт истории и этнографии АНМ

Издание факсимильного типа

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5-9
Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. (Монография)	11-211
Данилов С.В. Города Центральной Азии эпохи Монгольской империи 13-14 вв.	215-225
Данилов С.В. Изучение городов кочевников Центральной Азии	226-229
Данилов С.В., Очир А., Коновалов П.Б., Именохоев Н.В., Симухин А.И., Нанзатов Б.З., Эрдэнэболд Л., Уртнасан Э. Предварительные результаты исследований международной археологической экспедиции 2012 г. по проекту «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии» (2010-2014 гг.)	230-237
Данилов С.В., Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Очир А., Эрдэнэболд Л. Города эпохи хунну на востоке Монголии	238-257
Данилов С.В., Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Очир А., Эрдэнэболд Л. Раннемонгольский комплекс городищ Хатанбулаг Восточно-Гобийского аймака Монголии (по результатам полевых исследований 2012 г.)	258-265
Данилов С.В., Именохоев Н.В., Миягашев Д.А., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Тулуш Д.К., Эрдэнэболд Л. Бажын-Алаак и Малгаш-Бажын: городища древнеуйгурского периода на западе Тувы (по результатам полевых исследований 2011 г.)	266-273
Данилов С.В., Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Тулуш Д.К., Эрдэнэболд Л. Города эпохи хунну на территории Тувы	274-292

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2025 году исполняется 75 лет нашему дорогому другу, известному историку и археологу России и Бурятии, видному исследователю истории Центральной Азии, монголоведу Сергею Владимировичу Данилову.

С.В. Данилов родился 7 апреля 1950 г. в г. Улан-Удэ Бурятской АССР (современная Республика Бурятия) в семье интеллигентов. В 1974 году окончил историко-филологический факультет Бурятского государственного педагогического института им. Д. Банзарова по специальности «историк-археолог». С 1974 года работал старшим лаборантом Бурятского института общественных наук Сибирского отделения АН СССР. С 1974 по 1975 год – учитель средней школы в с. Окино-Ключи Бурятии; с 1975 по 1976 г. – заместитель директора средней школы в с. Загустай; с 1976 по 1979 г. обучался в аспирантуре Института археологии АН СССР (Москва), по окончании которой защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. С 1981 г. и до конца жизни он проработал в Институте монголоведения, тибетологии и буддологии Сибирского отделения РАН, сначала фотографом, научным сотрудником, старшим, ведущим сотрудником, заведующим лабораторией археологии и отделом истории и культуры Центральной Азии, заместителем директора института по научной работе, затем по международным связям.

С.В. Данилов – исследователь, специализирующийся на изучении истории кочевников Центральной Азии и Байкальского региона от эпохи позднего бронзового века до Средневековья. С 1981 года он начинает самостоятельные археологические раскопки на территории Бурятии, а затем в целом руководит направлениями археологических исследований в родном институте.

Сергей Владимирович Данилов провел обширные исследования в рамках общей темы древних кочевников: трансформацию экономической и политической жизни кочевников, торговли и социальной структуры кочевых обществ Центральной Азии. Он также подробно изучал погребальные и жертвенные сооружения, городские поселения ранних кочевников.

С 1999 года С.В. Данилов начал проводить археологические исследования в Монголии. Отправной точкой стало участие в международной исследовательской экспедиции «Трансформация кочевых сообществ Центральной Азии». С этого момента Сергей Владимирович посвящает свою научную деятельность изучению городских поселений и захоронений периода центральноазиатских государств – империй хуннов, уйгуров и киданей.

С 2004 года С.В. Данилов совместно с российскими и монгольскими коллегами вновь начал археологические раскопки городов киданьского (империя Ляо) периода в Монголии, провел их первые научные описания, определил время и принадлежность населения городов. Результаты исследований способствовали привлечению внимания исследователей разных стран к данной тематике.

Данная работа, которую он начал вместе со своими коллегами, обогатила исследовательскую базу древних городов Монголии новыми материалами. В раскопках на месте остатков городищ киданьского времени, таких как Чин Толгой, в которых принимал участие С.В. Данилов, было установлено, что просо обыкновенное выращивалось и использовалось в пищу в Монголии в X-XI вв., а также выявлен район его возделывания в бассейнах рек Туул и Орхон. Материалы свидетельствуют о том, что население занималось орошаемым земледелием, строило оросительные каналы, плавало железную руду с использованием угля и изготавливало строительные материалы в специальных печах на берегах рек вблизи городов.

Таким же образом была предпринята попытка подтвердить археологическими материалами свидетельства китайских летописей и других связанных с этим периодом исторических источников о том, что в X-XI вв. киданьская администрация создала сеть военных городов на территории Монголии. Главный узел этой сети городов находился в бассейнах рек Керулен и Туул, откуда военная администрация могла контролировать и управлять местными кочевыми племенами монголов. Исследования показали, что военные города, основанные киданцами, были окружены орошаемыми сельскохозяйственными угодьями, большими каменными мельницами для помола зерна и печами для обжига глиняных изделий, предназначенных для строительства и бытовых нужд. Эти города в Монголии также служили коммуникационными базами для доступа в Среднюю Азию, выступали в качестве торговых и коммерческих центров и имели сельскохозяйственные поселения, окружавшие более крупные города.

Исследования С.В. Данилова по городам и поселениям киданьского времени на территории Монголии выявили факты проникновения в Монголию в X-XI вв. определенных элементов оседлой дальневосточной культуры. Среди киданьских воинов, обосновавшихся в то время на территории Монголии, были представители таких этнических групп, как чжурчжэни и бохайцы, которые, основав свои собственные города, внедрили присущие им методы гончарного дела и привнесли некоторые культурные элементы своих игр и праздников. Это самое раннее свидетельство культурных связей между Монголией и Дальним Востоком. Открытие археологического памятника археологического памятника бохайской культуры на территории Монголии является одним из новшеств в исследованиях С.В. Данилова. Бохайцы, долгое время проживавшие на западном побережье Японского моря (ныне территория Дальневосточного региона Российской Федерации), обнаружили следы своего присутствия в Монголии в X-XI веках. Это позволило удревнить историю культурных и экономических отношений между монгольскими народами и корейцами на сотни лет. С другой стороны, это новое и интересное исследование, которое расширяет распространение археологической культуры народа бохай, предков корейцев, на запад до Хангайских гор.

Начатые С.В. Даниловым работы не только расширили и углубили изучение киданьских городов в Монголии, но и обогатили анализ средневековых городов и поселений кочевников Центральной Азии новыми инструментами и открыли новые направления для изучения культурных связей между Дальним Востоком и Монголией.

Еще одним крупным достижением научной деятельности профессора С.В. Данилова является изучение городищ хуннского периода. Экспедиция под его руководством в районе сомона Мунгунморьт (монг. *Монгунморьт сум*) Центрального аймака Монголии под названием «Обследование городища Тэрэлжин дурвулжин (монг. *Тэрэлжин дөрвөлжин*)» (2007-2008 гг.) представляла собой крупные систематические и обширные раскопки городского поселения эпохи хунну в Монголии. Данное исследование является прямым продолжением работ монгольского ученого Х. Пэрлээ, который впервые исследовал хуннский город Тэрэлжин дурвулжин. Оно представляется важным, поскольку подтверждает первоначальный вывод относительно назначения города: «Возможно, это было место жертвоприношений во времена хуннской империи».

Возглавляемая С.В. Даниловым экспедиция в течение нескольких лет проводила раскопки памятника на городище Тэрэлжин дурвулжин. Было установлено, что памятник окружен снаружи земляным валом, размеры которого составляли 230x230 м, а здания внутри города были довольно больших размеров – 40x50 м и 30x20 м. Они были построены на высоких земляных платформах. Здания уничтожены пожаром. Обнаружено несколько зданий с черепичными крышами и некоторые из них были соединены друг с другом постройками наподобие сарая с многочисленными колоннами. Таким образом, можно утверждать, что хуннское городище Тэрэлжин дурвулжин являлось дворцом высокопоставленного вельможи.

В остатках центрального здания в стенах городища Тэрэлжийн дурвулжийн также было обнаружено большое количество строительных материалов, в том числе концевые диски черепиц с рельефными символами, которые, как полагают, являются родовыми печатями хуннских шаньюев. Символьные изображения на концевых дисках черепицы на крыше зданий напрямую связано с их владельцем. На основе этого положения монгольские исследователи пришли к выводу, что центральные здания можно рассматривать как дворец-ставку хуннского шаньюя.

Следующим крупным достижением С.В. Данилова в Монголии, стало проведенное в 2009 г. совместно с монгольскими коллегами изучение памятника под названием «Шорон Бумбагар» (или «Шороон Дов» в сомоне Заамар Центрального аймака. В ходе раскопок обнаружена гробница принца племени лугу периода Древнетюркского каганата, датируемая до 677 г. н. э. Это стало крупным прорывом в археологии Центральной Азии тюркского времени.

Раскопки гробницы принца племени лугу, руководимые российскими археологами, стали настоящей сенсацией в научном мире. Было найдено около

500 бесценных редких артефактов, что вошло в новостную ленту под заголовком «Обнаружен клад сокровищ племени Пугу». Раскопанная под руководством С.В. Данилова гробница стала выдающимся открытием в истории изучения раннего Средневековья Монголии. Изучение памятника «Шорон Бумбагар» привлекло внимание иностранных ученых, а коллеги из Японии, Южной Кореи, Китая и Турции в высказанных мнениях дали ему высокую оценку. Это открытие позволило пролить свет на погребальную обрядность царей и знати уйгурских племен периода Древентюркского каганата, памятники которых в Монголии ранее ещё не были выявлены. Это было совершенно новым исследованием, заполняющим пробел в истории не только Монголии, но и Внутренней Азии.

Эпитафия с китайскими иероглифами, обнаруженная в гробнице, является не только первым уникальным памятником, найденным в Монголии, но и ярким свидетельством того, что кочевники, проживавшие на территории Монголии в то время (VII в.), имели разнообразные политические, торговые и культурные связи с Китаем, Индией, Византией, Сасанидами (Иран) и другими странами Средней Азии. Кроме того, исследователи полагают, что надпись на каменной плите важный источник для дальнейшего углубленного изучения многих вопросов, в том числе административной организации, экономики, земельных отношений, религии и культуры кочевых обществ с государственным устройством VII-VIII вв.

Ранее считалось, что среди кочевников Центральной и Восточной Азии мавзолеи строили только кидани, однако исследования С.В. Данилова и его коллег показали, что уйгуры строили подобные сооружения для своих умерших вельмож примерно за 200 лет до киданей. Таким образом, первая в истории обнаруженная в Монголии гробница стала важным научным открытием, проливающим свет на структуру, организацию, ритуалы, мировоззрение, одежду и технику росписи древнеуйгурских захоронений.

Нет сомнений в том, что эти раскопки стали крупным открытием в монгольской археологии на тот период. Уникальные и ценные артефакты, обнаруженные в этом мавзолее, теперь занимают почетное место в экспозиции недавно созданного Национального музея Чингисхана в Монголии.

На основе своих предыдущих археологических исследований в Монголии С.В. Данилов в 2010 году начал масштабный проект по учету и документированию памятников древних городов Монголии, Прибайкалья и Южной Сибири. Он был руководителем российской части проекта «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии» (2010–2012 гг.), объединив монгольских и российских исследователей для картирования более 100 известных памятников в Монголии и российских регионах: Бурятия, Забайкальский край, Тува и Хакасия. В рамках проекта сделаны новые научные описания и фоновые карты городов и поселений. Кроме того, были введены в научный оборот более 10 ранее неизвестных городских памятников разных исторических периодов. По результатам археологических исследований опубликованы многочисленные научные отчеты и статьи.

Руководимый им монгольско-российский археологический исследовательский отряд добился вышеуказанных успехов в результате многолетней непрерывной работы. Он всегда предлагал свежие идеи и стремился к внедрению новых методов и способов. Выбор памятников для археологических раскопок, применяемый С.В. Даниловым, заключался в проведении тщательной предварительной разведки, рекогносцировки, сравнении объекта с другими памятниками и его всестороннем изучении. В этом и заключается формула проведения успешных археологических исследований.

Сергей Владимирович был не только хорошим ученым и исследователем, но и замечательным руководителем, организатором науки и педагогом. Он преподавал в Бурятском государственном педагогическом институте им. Д. Банзарова, Бурятском филиале Новосибирского государственного университета, а после их слияния в Бурятском государственном университете, осуществлял научное руководство диссертационных работ аспирантов и докторантов. Он не только руководил научной деятельностью молодых российских ученых, но и обучал их коллег из Монголии основам научных исследований и методике полевых работ. Подготовленные им ученики в настоящее время с успехом проводят свои научные исследования, поднимая репутацию своего выдающегося учителя на самый высокий уровень.

Вклад профессора С.В. Данилова в изучение истории и культуры Монголии и народов Центральной Азии в 2006 г. был отмечен правительством Монголии медалью «800-летие образования Великой Монгольской империи», а в 2012 году – орденом Хубилай хана – высшей наградой Монгольской академии наук.

В сердцах и умах коллег – монгольских учёных – навсегда сохранится память о нашем дорогом товарище, уважаемом учителе и близком друге Сергее Владимировиче Данилове как доброжелательного, жизнерадостного и дружелюбного человека, чья творческая и любознательная натура была искренне предана изучению и раскрытию истории и культуры кочевников Центральной Азии и Монголии.

С.Чулуун
Л.Эрдэнэболд
Улаанбаатар. 2025.03.10.

Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН

С. В. Данилов

**ГОРОДА
В КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Улан-Удэ
Издательство Бурятского научного центра СО РАН
2004

УДК 711.524
ББК 63.4
Д18

Ответственный редактор
д-р ист. наук **П. Б. Коновалов**

Рецензенты
д-р ист. наук, проф. **Н. Н. Крадин**
канд. ист. наук **А. Д. Цыбиктаров**
канд. ист. наук **Б. Б. Дашибалов**

Данилов С. В.

Д18 **ГОРОДА В КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.** –
Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 202 с.
ISBN 5-7925-0156-4

Монография представляет исследование археологических останков городов, расположенных на территории Центральной Азии. В ней впервые дается целостная картина появления городов в кочевых обществах региона.

Книга рассчитана на историков, археологов и всех тех, кто интересуется древностями евразийских степей.

ISBN 5-7925-0156-4

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 03-01-00767а и Интеграционного проекта СО РАН № 77

© ИМБит СО РАН, 2004
© С. В. Данилов, 2004
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2004

Введение

Одним из главнейших условий выживания древнего человека и становления человеческого общества было стремление древнейших людей к созданию своеобразного защитного барьера, способного предохранить от холода и непогоды, хищников. Для этой цели служили вначале пещеры, гроты, т. е. убежища, созданные самой природой, а затем искусственные жилища. Уже в каменном веке в эпоху палеолита появляются стационарные поселки охотников, а позднее – рыболовов с долговременными жилищами. В них создается своеобразное хозяйственно-культурное пространство, подразделявшееся на четко осознаваемые функциональные зоны деятельности.

Формирование в позднем мезолите, раннем неолите в субтропической зоне производящих форм экономики приводило к появлению групп населения, связанных общностью хозяйственных интересов и имеющих местом проживания определенные экологические ниши. Места проживания таких групп, привязанных к определенным территориям, становились и местом формирования традиций создания стационарных жилищ и поселков. Древнейшие поселения, отдельные из которых достигали довольно крупных размеров, находятся в переднеазиатской зоне становления производящего хозяйства. Наиболее известные памятники этой эпохи поселения Чатал Гуюк в Анатолии, Иерихон в Палестине и др. Население этих поселков занималось земледелием и разведением домашних животных. Жилищами служили дома, построенные из сырцовых кирпичей. Вокруг поселений возводили мощные оборонительные сооружения. Особое место во внутренней структуре этих поселений занимали общественные здания, служившие местами проведения культовых обрядов и центрами управления всей жизнедеятельностью населения поселка или целой прилегающей к нему округи (Меларт, 1982; Древние цивилизации, 1989; Ламберг-Карловски, Саблов, 1992). Расширение территории таких округов, их слияние или укрупнение при помощи военной силы, посредством экономических рычагов и дипломатических ухищрений, при благоприятных природно-климатических условиях, приводили к созданию территориально-политических образований, которые служили прообразами государств.

Возникновение городов обычно связывают с формированием в субтропической зоне древнейших государств. Долины Нила и Инда, Тигра и Евфрата, Хуанхэ послужили местом появления и дальнейшего развития первых в истории человечества цивилизаций, известных в истории как цивилизации Древнего Востока (Древние цивилизации, 1989). Процессы сложения государственности и формирования городов были во многом взаимосвязаны и отражали уровень политического, экономического, социального развития общества. Такая взаимозависимость явлений была одной из характерных черт процессов становления цивилизации и урбанизации в обществах древности, средневековья, нового и новейшего времени.

Появление в древневосточных обществах городов явилось одним из важнейших факторов их эволюции, стимулировало развитие цивилизационных процессов. В городах того времени сосредотачивался интеллектуальный потенциал общества. В них концентрировались производительные силы, создавались передовые способы производства, развивалась разветвленная международная торговля, расцветала духовная культура, принимавшая самые различные формы, складывались сложные и оригинальные системы миро-воззрения.

В эпоху энеолита и бронзы, когда расширяются ареалы распространения производящего хозяйства, стационарные поселения и города появляются и в других природных зонах, зонах умеренного климата. Одним из регионов, где отмечалось расширенное градостроительство, становится бассейн Средиземного моря. Финикийцы, население крито-микенской культуры, эллины, римляне и другие многочисленные народы, населявшие побережье Средиземноморья, имели сложившуюся городскую культуру, во многом определявшую культурный облик всего средиземноморского региона (Древние цивилизации, 1989).

Крупные поселения отмечены в трипольской культуре, располагавшейся в Днепро-Дунайском бассейне (Энеолит СССР, 1982, с. 192, 196).

Появление городов отмечается и на территории Средней Азии, где в эпоху неолита возникает производящее хозяйство, четко просматривающееся в джейтунской культуре. Уже в это время у местного населения появляются традиции возведения зданий из сырцо-

вого кирпича. Совершенствование техники землепользования, применение искусственного орошения приводило к увеличению количества населения, расширению территории, на которой культивировалось поливное земледелие. И уже ко времени энеолита и ранней бронзы существовали крупные, хорошо укрепленные, с общественными зданиями поселения типа Намазгадепе и Алтындепе, служившие центрами крупных оазисов, отдельные из которых уже можно рассматривать как города (Энеолит СССР, 1982, с. 56–57).

В Китае в бассейне Хуанхэ складывается государство Шан-Инь с развитыми городскими центрами (Древние цивилизации, 1989). Процесс возникновения городов постепенно охватывает все области и территории, где существовали экономика и высокий уровень развития социальных отношений.

К III тыс. до н. э. производящие формы экономики начинают проникать в степные районы Евразии. Материалы исследований среднестоговской культуры эпохи энеолита, памятники которой отмечаются в Северном Причерноморье, показывают, что ее носители в полной мере освоили способы разведения отдельных видов домашних животных. По всей видимости, в это время происходит приручение лошади – событие, давшее мощный импульс развитию скотоводства в степных регионах. Древнеямная культура, ареал распространения которой охватывает Поволжье, Северное Причерноморье, считается оставленной народами, у которых скотоводство служило основным видом хозяйственной деятельности. Социальное развитие древнеямных племен позволяет говорить о появлении у них организации общества, соответствующего союзу племен. Находки древнеямных погребений за пределами территории их распространения, например на Балканах, приводят исследователей к мнению о существовании мощных племенных объединений, способных проводить военные походы далеко за пределами своей территории. Существовали у населения древнеямной культуры и традиции строительства крупных городищ, функции которых не до конца ясны (Мерперт, 1974, 1978; Энеолит СССР, 1982, с. 322–331).

Строительство крупных городищ в бронзовом веке отмечалось у населения южноуральских степей (Зданович, 1995), в Северном Казахстане (раскопки ученого В. Ф. Зайберта) и отражало уровень социального и экономического развития населения указанных ара-

лов. На территории степной Евразии складываются крупные культурные общности: срубная – в Северном Причерноморье и Поволжье; андроновская – в казахских степях, Западной и Южной Сибири. Проведенные крупномасштабные раскопки на городищах Аркаим, Синташта (Южный Урал) (Зданович, 1995), на городище Ботый (Северный Казахстан) (данные ученого В. Ф. Зайберта) служат подтверждением наличия сложных социально-экономических процессов, происходивших в обществах древних скотоводов эпохи бронзы. Крупные городища, существовавшие у скифов, по всей видимости, продолжали традиции строительства оседлых поселений, зародившихся в степях в эпоху бронзы.

В восточном ареале евразийских степей, в Южной Сибири, Саяно-Алтае, Западной и Центральной Монголии в эпоху энеолита становление производящего хозяйства связано с памятниками афанасьевской культуры. Хозяйственная деятельность населения в это время становится более разнообразной, и скотоводство играет в нем не последнюю роль. Резкоконтинентальный климат и обширные пространства горных плато, служивших прекрасными пастбищами, привели к преобладанию подвижных форм скотоводства и сложению специфического хозяйственно-культурного комплекса.

Остеологические материалы, найденные при раскопках афанасьевских памятников, свидетельствуют, что в хозяйстве населения этого времени преобладающую роль начинает играть скотоводство с присутствием всех основных пород скота. Отмечено у афанасьевского населения существование долговременных стоянок (Энеолит СССР, 1982, с. 329–331; История Горного Алтая, 2002), однако укрепленных поселений типа Аркаима и Ботыя пока не найдено.

Приведенные данные показывают, что к концу энеолита и началу бронзового века в евразийских степях начинается широкое распространение производящих форм экономики с ведущей ролью скотоводства. Громадные размеры региона, разнообразие географических и природно-климатических условий способствовали формированию хозяйственных систем, основанных хотя и на единой основе, однако различавшихся по многим характеристикам. На всей территории степного пояса Евразии можно выделить несколько крупных регионов: черноморско-поволжский, урало-казахстанский, памиро-тяньшаньский, центральноазиатский, подразделявшиеся в свою очередь на более мелкие районы.

Становится очевидным, что в процессе развития обществ с многоотраслевой экономикой и находящихся на довольно высоком уровне социального развития появляется такой показатель развития общества, как город. Причем процесс возникновения городов наблюдался как в обществах с экономикой, основанной на земледелии, так и в обществах со скотоводческим хозяйством, т. е. определяющим в процессе появления городов являлся не способ производства, а уровень экономического, социального и политического развития общества. Проблема появления ранних городов чрезвычайно сложна и до сих пор нет еще окончательного решения о механизме перехода обширных сельскохозяйственных поселений к городам и формированию в них своеобразной городской культуры. Скорее всего решение проблемы лежит в анализе всех конкретных факторов, определяющих уровень развития конкретного общества. Еще более сложной для разрешения становится эта проблема, когда речь заходит о городах в кочевых обществах, так как еще не в достаточной мере полны наши знания об экономическом и социальном уровне развития древних и средневековых кочевников. Хотя уровень теоретических разработок, касающихся социального развития кочевых обществ и становления в них политических систем, достаточно высок, тем не менее недостаточно исследована проблема городов в кочевых обществах. Причем если мы рассматриваем труды кочевниковедов-этнографов, то в них мы отмечаем повышенный интерес к традиционной бытовой культуре, хозяйственному комплексу, социальным отношениям (Владимирцов, 1934; Марков, 1976; Викторова, 1980 и др.). Проблемы оседлости в таких трудах рассматривались ввиду недостаточности материалов в самом общем виде.

Б. Я. Владимирцов, глубокий знаток истории, языка и культуры монголов, в своей книге «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» пишет: «Ввиду того, что вопрос этот недостаточно освещен, а также потому, что подобные поселения не играли сколько-либо видной роли в жизни монголов XII–XIII вв., рассмотрение оседлого хозяйства может быть оставлено в стороне» (Владимирцов, 1934, с. 45). Г. Е. Марков, указывая оседлость хунну, тюрков и монголов, не исключает возможности китайской колонизации (Марков, 1976, с. 33, 39). Им отмечается оседлость

уйгуров, соорудивших города, занимавшихся земледелием, добычей и обработкой железа (Марков, 1976, с. 43). В целом же можно подчеркнуть, что отечественные этнографы, исследуя культуру кочевых народов Центральной Азии во всех ее проявлениях, почти не затрагивали проблемы существования городов и городского населения.

В большей степени проблему существования городов в кочевых обществах удастся разрешить методами археологии. Археологи, изучая поселенческие и могильные комплексы, оставленные кочевниками разных времен и различной этнической принадлежности, в большей степени обращают свое внимание на систематизацию полученных археологических материалов и построение социально-экономических моделей древних обществ. Именно археологами были выделены среди кочевнических древностей, в том числе и Центральной Азии, памятники, связанные с оседлостью, и поставлен вопрос о существовании у кочевников городской культуры (Киселев, 1947, 1957, 1958, 1961; Древнемонгольские города, 1965; Пэрлээ, 1957, 1961, 1962; Кызласов, 1959, 1969, 1979; Федоров-Давыдов, 1966; Егоров, 1969; Плетнева, 1958, 1982). Экспедицией, исследовавшей под руководством С. В. Киселева древности Центральной Азии, были открыты города хунну, уйгуров, киданей, но особое место в исследованиях ученого заняли города, возведенные в период монгольской империи. Основная задача его исследований заключалась в том, чтобы изменить прежние стереотипы о кочевых обществах Центральной Азии путем публикации материалов, полученных при раскопках Каракорума, Кондуйского дворца, города на р. Хирхира, Ден-Терека.

В коллективной монографии «Древнемонгольские города», написанной под редакцией С. В. Киселева, на широком историческом фоне рассматривалась историческая ситуация, возникшая в Монголии с приходом к власти Чингисхана и созданием монгольского государства. Во введении к книге С. В. Киселев критически относится к существовавшим в то время взглядам о «незакономерности возникновения городов в условиях кочевого феодализма». В процессе изложения авторы приводят данные об архитектуре, строительных материалах, ремесле и аргументированно показывают существование городской жизни в монгольской империи. Однако,

доказав факт существования у средневековых центральноазиатских кочевников городов и городской культуры, С. В. Киселев не стал или не успел установить причины их возникновения.

Л. Р. Кызласов, проводивший исследования древностей Хакасии и Тувы, изучил целый ряд городищ, замков, храмов, относящихся к эпохе уйгурского и древнехакасского государств и монгольской империи. Уйгурские города, изученные им в Туве, интерпретированы как линия обороны от кыргызских вторжений. Города, возникшие в монгольскую эпоху, рассматриваются как попытки создания производственной и сырьевой базы империи (Кызласов, 1969, с. 59–62, 138–159; он же, 1979, с. 145–158). Л. Р. Кызласовым – одним из первых был поставлен вопрос об общности процессов возникновения городов в различных по экономическому положению обществах (Кызласов, 1991, с. 43–48).

Поисками закономерностей перехода кочевников от постоянного кочевания к полuosедлому образу жизни, созданию государственности занимались многие ученые – историки, этнографы, археологи. Их деятельность в этом направлении была в целом проанализирована С. А. Плетневой (Плетнева, 1982, с. 5–11). В своей книге «Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей», на основе большого фактического материала, она выделила три стадии, через которые проходили кочевые сообщества Евразии: таборная, полукочевая, полuosедлая. На третьей, наивысшей стадии, выделенной С. А. Плетневой, у кочевников возникали оседлость и оседлые поселения, сооружались города. Схема возникновения города, когда вокруг замка богатого скотовода, удачно выбравшего место, образовывались посады, населенные торговцами и ремесленниками, условно названа С. А. Плетневой «от кочевий к городам». В то же время она указывает и на другие пути создания кочевниками городской культуры, например, завоевание ими оседлых городов (Плетнева, 1982, с. 78, 121, 145).

Историк-кочевниковед Н. Н. Крадин, разрабатывая вопросы, связанные с социальной структурой кочевых обществ и их политогенеза, приходит к выводу о зачатках урбанистического строительства, начиная с эпохи хунну. Разнообразные источники, в том числе и археологические, привлекаемые им для характеристики оседлости в хуннском обществе, показывают, что это были относитель-

но небольшие поселки (Иволгинское городище), с населением, занимавшимся сельским хозяйством и ремеслом. В то же время отсутствие полноценных археологических материалов из раскопанных городов хунну, по-видимому, предостерегло Н. Н. Крадина высказаться более пространно о городской культуре хунну. В то же время в своей книге «Кочевые общества (проблемы формационной характеристики)» Н. Н. Крадин отмечает существование городов и процессов урбанизации в кочевых обществах (Крадин, 1992, с. 107, 177) и высказывается о причинах, приводивших к строительству оседлых поселений и городов (Крадин, 1988).

В. Л. Егоров, сравнивая материалы по средневековым монгольским городам Золотой Орды и Монголии, приходит к выводу о том, что на этот процесс повлияло создание монголами государственности. Он произвел разграничение между вопросами об оседании кочевников и возникновении у них городов (Егоров, 1969, с. 39–49).

Проблеме появления оседлости и городов в кочевых обществах посвящена довольно обширная литература. Однако можно констатировать, что исследователи кочевых обществ в большей степени уделяли внимание этому вопросу эпизодически, в зависимости от разрабатываемых ими научных проблем. Можно также считать, что пока нет целостного взгляда на проблему становления городов у кочевников вообще и в Центральной Азии, в частности. Рассматривая проблему появления и становления городов в кочевых обществах через призму эволюции социальных отношений, совершенствования политической системы и появления новых экономических отношений, можно попытаться выявить некоторые закономерности этого процесса.

Настоящая работа посвящена исследованию истории появления городов в центральноазиатском регионе, куда мы относим территории Монголии, Саяно-Алтая, Забайкалья, Ордоса. Хотя древние насельники Центральной Азии хунну, сяньби, жуэнь, тюрки, уйгуры, кидани, монголы завоевывали и включали в свои государственные образования земли, расположенные далеко на западе, востоке и юге, все же предметом нашего исследования являются города, построенные центральноазиатскими кочевниками на исконной территории их обитания. Страны, завоеванные ими, имели большие города и развитую городскую культуру, и кочевники лишь ис-

пользовали их для своих целей. Другой степной регион, где центральноазиатские кочевники XIII–XIV вв. создали городскую культуру – это территория Золотой Орды. Мы также не рассматриваем памятники оседлости этого политического образования, хотя для исторической оценки роли городов, созданных кочевниками, сведения о них привлекаются нами.

К востоку от центральноазиатского региона располагались государственные образования, созданные скотоводами – киданями и чжурчженями. Поскольку города киданей располагались на территории Центральной Азии, сведения о них привлекались нами к исследованию. Данные о городах чжурчженей использовались лишь в связи с влиянием архитектуры империи Цзинь на строительное дело монголов времен империи, созданной Чингисханом. Не включена нами территория Минусинской котловины, где население вело преимущественно оседлый образ жизни, связанный с земледелием.

Основными источниками для выполнения исследования являлись остатки древних поселений и городов, выявленных и изученных археологами нескольких поколений, начиная с XIX в. Хотя в настоящее время открыты десятки и сотни поселений и городов, относящихся к различным историческим периодам, общее количество памятников, подвергавшихся крупномасштабным раскопкам, еще крайне незначительно. Не будет ошибкой указать, что в разработке данной проблемы мы находимся на стадии первоначального накопления знаний. Тем не менее появилась необходимость привести в систему имеющиеся материалы и провести специальное исследование с тем, чтобы лучше понять закономерности развития кочевых обществ, представляющих один из многочисленных путей эволюции человечества в целом.

В работе использованы труды предшествующих исследователей, русских, советских и монгольских археологов – Н. М. Ядринцева, Д. Клеменца, Г. П. Сосновского, С. В. Киселева, Л. А. Евтюховой, Х. Пэрлээ, Л. Р. Кызласова, А. П. Окладникова, А. В. Давыдовой, Э. В. Шавкунова, а также результаты собственных изысканий автора, проводившего раскопки хуннского городища Баян Ундэр на р. Джиде, средневековых памятников близ с. Нарсатуй в Тугнуйской долине и на р. Темник, находящихся на территории Южной Бурятии.

Кроме археологических данных, ценными являются сведения, содержащиеся в исторических хрониках, генеалогических преданиях, путевых заметках. В этих трудах, оставленных историками, путешественниками, жившими в разное время в Китае, Европе, Средней Азии, Монголии, содержатся материалы об оседлых стационарных поселениях и городах, существовавших в разное время у кочевого населения Центральной Азии, а также об уровне экономического, социального и политического развития. Использовались сведения источников, оставленных тюркскими и монгольскими народами, имевшими письменность. В них содержатся разнообразные материалы, касающиеся различных сторон жизнедеятельности кочевых обществ.

Введены в оборот и более поздние данные о монгольских городах второй половины XIX в., содержащиеся в работах А. М. Позднеева, а также сведения Базара Барадийна и Гомбожапа Цыбикова о тангутских и тибетских городах начала XX в. (Позднеев, 1880; Цыбиков, 1981; Барадийн, 1999). В трудах этих авторов дается характеристика городов (Урга, Лхаса, Улясутай, Кобдо, Лавран), возникавших при буддийских монастырях, расположенных в регионах с преимущественно скотоводческим типом экономики. В трудах указанных авторов есть сведения о составе населения и их занятиях в городах, расположенных в зонах кочевого скотоводства. Основная роль этих городов заключалась в обеспечении товарами кочевого населения Монголии и Тибета, в размещении в них теократической и светской администрации.

Изучение всех предпосылок возникновения городов в Центральной Азии предполагает создание концептуального решения вопроса появления в кочевых обществах Центральной Азии городской культуры. Мы постарались использовать все доступные нам материалы и воссоздать приблизительную картину политических, экономических и социальных процессов, происходивших в среде кочевников региона и приведших к созданию городов.

ГЛАВА 1

История исследования поселений и городов Центральной Азии

Сведения о городах центральноазиатских кочевников содержат различного вида источники. К первому и основному виду источников относятся археологические остатки древних городов и информация, извлекаемая из них в процессе исследования. Ко второму виду можно отнести письменные источники, с рассмотрения которых мы и начинаем настоящий обзор. Это исторические хроники и сочинения, жизнеописания выдающихся деятелей, истории правящих династий, путевые заметки путешественников, где среди различного рода сведений вкраплены данные о центральноазиатских городах. Сюда же можно отнести исследования, проведенные учеными, специально изучавшими города.

Наиболее ранние письменные источники о кочевниках появляются в эпоху Шан-Инь и Чжоу. Из этих сведений можно почерпнуть самые общие представления о древних центральноазиатских скотоводах. Более подробные данные о населении Центральной Азии появляются в эпоху хунну, с началом поступления информации об этом кочевом народе к хронистам Древнего Китая. Эти сведения содержат, в основном, политическую историю и некоторые данные этнографического характера. Данные об оседлых поселениях и городах крайне скудны и в большинстве случаев не содержат необходимую информацию, хотя одно только упоминание китайскими авторами о городах, существовавших у кочевников, является косвенным признанием их довольно высокого уровня развития.

По всей видимости, китайские историографы начинают уделять внимание кочевым народам после создания ими политических образований, равных по своей мощи могущественным китайским империям. Первым таким образованием, возникшим на территории Центральной Азии, было государство хунну, созданное в конце III в. до н. э. и просуществовавшее почти 300 лет. Историк Древнего Китая Сыма Цянь (145–86 гг. до н. э.), собравший все доступные ему сведения, посвятил хунну одну главу в своем знаменитом труде «Ши Цзи» (Исторические записки). Он дал описание политическо-

го устройства хуннского общества, экономическую характеристику, охарактеризовал их внешнюю и внутреннюю политику, привел некоторые сведения этнографического характера. Давая описание хозяйственного уклада хунну, Сыма Цянь обрисовал его как типично кочевое и отметил отсутствие у них городов (Таскин, 1968, с. 34). В то же время в тексте источника содержатся упоминания о каких-то городах, существовавших у хунну. Так, описывая поход ханьских войск против хунну, упоминается город Чжаосиньчэн, находившийся, судя по тексту, в землях хунну. Гора Тяньяньшань, у которой находился этот город, отождествляется китайским учеными с южной оконечностью Хангайского хребта (Таскин, 1968, с. 54; прим. 188 на с. 148).

Более поздние китайские авторы – Бань Гу (32–92), написавший «Историю ранней династии Хань» (Хань-шу), и Фань Е (398–445), автор «Истории поздней династии Хань» (Хоухань-шу), посвятили отдельные главы своих сочинений сюнну (хунну), в которых отмечали кочевой скотоводческий образ жизни хунну и рассматривали политическую историю этого народа. Однако в их трудах изредка встречаются сведения, которые можно расценить как отражение существования у хунну оседлых поселений. В «Хань-шу» упоминается город Фаньфужэнь, по некоторым данным, находившийся на территории Халхи (Таскин, 1973, с. 12; с. 136, прим. 12). Имеются сведения о том, что шаньюй северных хунну Чжичжи построил город во владениях Канцзюй, который был укреплен двумя рядами частоколов и земляной стеной (Таскин, 1973, с. 128–129; с. 164, прим. 8). Приводятся слова китайского советника Вэй-люя: «Выкопайте колодцы, постройте окруженные стенами города, воздвигните для хранения зерна башни и обороняйте города совместно с циньцами» (Таскин, 1973, с. 137; прим. 19).

Более поздние китайские источники, содержащие сведения о кочевых народах Центральной Азии, в основном, приводят факты политической истории сяньби, жужаней, тюрков, уйгуров, киданей, монголов. В них подчеркивается кочевой образ жизни населения и почти отсутствуют упоминания и тем более описания городов, хотя косвенные данные позволяют предположить их наличие.

Яо Сылянь в «Истории династии Лян» упоминает о строительстве жужанами в промежутке между 502–519 гг. города Мумочен (Таскин, 1984, с. 290).

Отдельные упоминания о городах древних тюрков есть в китайских источниках. В них упоминается город Хэй ша чэн, построенный каганом Гудулу (Liu Mau-tsai; цит. по: Кызласов, 1969, с. 47). В памятниках письменности самих тюрков отсутствуют упоминания о существовании городов, хотя встречаются термины «город», «горожанин», «здание», показывающие их знакомство с городской культурой (Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л., 1951; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.; Л., 1959; цит. по: Кызласов, 1969, с. 47).

Сведений о городах уйгурского каганата (745–840 гг.) в китайских источниках почти не имеется. В «Синь Таншу» говорится о захвате енисейскими кыргызами уйгурского города (Малов С. Е. 1974, с. 27). Уйдя после кыргызского разгрома на запад, уйгуры довольно быстро приспособились к оседлости и создали в пределах Турфанского оазиса собственное государство с экономикой, основанной на земледелии, торговле. Основная политическая и культурная жизнь уйгурского княжества сосредоточивалась в городах.

Кидани – кочевые племена, населявшие бассейн р. Шара-мурэн и создавшие могущественную империю Ляо (916–1125 гг.), в доимперский период, возможно, уже строили какие-то оседлые поселения. В «Ляо-ши» упоминается о существовании у них каменного зодчества и обнесенных стенами городов (цит. по: Ивлиев, 1983, с. 129).

О городах средневековых монголов китайские источники данных почти не содержат, кроме часто упоминаемой столицы монгольской империи Каракорума, или по-китайски Холинь.

Сведения европейских путешественников, оставивших путевые заметки о Центральной Азии, появляются лишь в эпоху средневековья. Представители византийского посольства к тюркскому кагану, состоявшемуся в VI в., в своих описаниях не оставили сведений о городах. Первые сведения о городах Центральной Азии появляются в более позднее время, в эпоху монгольской империи. Это были описания путешествий, написанные образованными людьми, побывавшими в коренном улусе монгольской империи. Они описывали все, что казалось им интересным, в том числе и города. Однако сведения о городах Монголии были краткими и не давали полной картины монгольского города XIII–XIV вв.

Плано Карпини как посланец римского папы, побывавший в Золотой Орде у Бату-хана и затем в Монголии, в ставке Гулюк-хана в 1245–1247 гг., в своей насыщенной разнообразными сведениями книге «История Монгалов» не оставил описаний монгольских городов (Карпини, 1997).

Марко Поло, венецианский купец, пребывавший при дворе хана Хубилая с 1271 по 1295 гг. и написавший книгу о своих путешествиях, по всей видимости, не был в Каракоруме, а его краткое описание составлено, вероятно, со слов побывавших там Николо и Маффео Поло, отца и дяди путешественника. Пребывание знаменитого венецианца в монгольской империи проходило уже в то время, когда политический, экономический центр империи переместился из Монголии в Китай, которому и посвящены в большей части его сочинения о монгольском государстве. Сведения о собственно Монголии Марко Поло приводит, пользуясь сообщениями своих информаторов. Из книги Марко Поло, проезжавшего по районам Западной, Средней и Центральной Азии, видно, что эти регионы оправились от последствий монгольского нашествия. Проезжая через территории Ирака, Ирана, Афганистана, он описывает процветающие города, окруженные сельскохозяйственными предместьями, населенными ремесленниками и торговцами. В то же время путешественник отмечает развалины городов, разрушенных монгольскими войсками (Поло, 1997).

Наиболее полное описание монгольской столицы содержится в «Путешествии в восточные страны», написанном Гильомом де Рубруком, побывавшим в монгольском государстве в 1253–1255 гг. в качестве посланника французского короля Людовика. В 1254 г. он прибыл в ставку Мунхэ-хана и побывал в столице монгольской империи Каракоруме. Поскольку иных описаний столицы монгольской империи не имеется, мы приводим его полностью: «О городе Каракоруме ...известно, что за исключением дворца, он уступает даже пригороду святого Дионисия, а монастырь святого Дионисия стоит вдесятеро больше, чем этот дворец. Там имеются два квартала: один – сарацин, в котором бывает базар, многие купцы стекаются туда из-за двора, который постоянно находится вблизи него, и из-за обилия послов; другой квартал катальцев (китайцев), которые все ремесленники. Вне этих кварталов находятся большие дворцы,

принадлежащие придворным секретарям. Там находятся двенадцать кумирен различных народов, две мечети, в которых провозглашают закон Магомета, и одна христианская церковь на краю города. Город окружен глиняной стеной и имеет 4 ворот. У восточных продается пшено и другое зерно, которое, однако, редко ввозится; у западных продают баранов и коз; у южных продают быков и повозки; у северных продают коней» (Рубрук, 1997, с. 161).

Однако описание древнего, ныне несуществующего города, несмотря на всю полноту и тщательность наблюдений, будет недостаточным, и только проведение полномасштабных археологических исследований позволит хотя бы приблизиться к реальной картине средневекового монгольского города.

Мусульманские путешественники XIII–XIV вв., самый известный из которых Ибн Баттута, оставили материалы о городах, расположенных на территории Ирана, Средней Азии, Золотой Орды. В них даются разнообразные сведения о хозяйственном состоянии городов, описываются наиболее выдающиеся архитектурные памятники и события, связанные с их сооружением, характеризуются правители городов и нравы дворов, перечисляются мусульманские святыни, проживавшие в различных местах (Ибрагимов, 1988). Однако маршруты путешествий Ибн Баттуты не пролегали по территории собственно Монголии и соответственно не оставлены сведения об особенностях этого края.

В новое время, в период проникновения за Урал и колонизации русским населением Сибири, Северного Казахстана, Забайкалья и Дальнего Востока, первые путешественники, посланцы русских царей, в своих путевых заметках оставили упоминания о различных достопримечательностях, памятниках древности, в том числе и развалинах древних городищ. Среди древностей Забайкалья в начале XIX в. Г. И. Спасским, а затем А. К. Кузнецовым, В. Паршиным – одними из первых, были отмечены развалины городища на Хирхире и Кондуйский городок (Древнемонгольские города, 1965, с. 23, 326). На территории Тувы А. В. Адриановым, позднее – С. А. Теплоуховым были посещены городища, датированные впоследствии временем существования монгольской империи (Древнемонгольские города, 1965, с. 63–65).

Однако подлинное открытие европейской наукой древних городов на территории Центральной Азии состоялось в конце XIX в., когда Монголию посетила экспедиция Восточно-Сибирского отдела РГО во главе с Н. М. Ядринцевым. Основной задачей экспедиции было обследование долины р. Орхон с целью выявления древних памятников. В ходе работ были открыты каменные стелы с надписями, обширные могильные поля, в том числе развалины городов уйгурского Хара-Балгасуна и монгольского Карако-рума.

Сразу же после первых открытий древних памятников Монголии в 1890 г. была подготовлена и направлена экспедиция под руководством В. В. Радлова, известная впоследствии как Орхонская экспедиция. В результате проведенных исследований на территории Северной Монголии были открыты многочисленные археологические памятники, ставшие сенсацией в научном мире. Наряду с тюркскими руническими надписями, многочисленными разновременными погребальными памятниками, перед исследователями предстали развалины занесенных землей городов. После исследований Орхонской экспедицией на территории Монголии было открыто немало руинированных остатков древних городов. В 1907 г. экспедицией П. К. Козлова был открыт Хара Хоту – один из крупных городов тангутского государства Си Ся, давший значительные материалы, в том числе большое количество книг. Им же были открыты остатки города юаньского периода (Козлов, 1963, с. 419–424, 410–413).

В конце XIX в. изучением городов, расположенных на территории Монголии, занимался А. М. Позднеев. Им были даны описание и характеристика экономического состояния городов, появившихся в Монголии во времена ее вхождения в состав империи Цин (Позднеев, 1880).

Выявляются древние поселения на территории Бурятии, первые сведения о существовании которых содержатся в отчете В. В. Попова, ученого секретаря Бурят-Монгольского научного общества, об исследовании различных археологических памятников. Кроме перечисления и описания самых разновременных памятников, он подробно останавливается на описании так называемого «китайского места» близ Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ) и остат-

ков сооружений в Тугнуйской долине (Попов, 1928, с. 154). «Китайское место» после произведенных Г. П. Сосновским в 1928 г. раскопок оказалось городищем хунну (Сосновский, 1934, с. 150–156), а остатки зданий в Тугнуйской долине, раскопки которых произвел в 1953 г. академик А. П. Окладников, были датированы им X–XI вв., т. е. эпохой средневековья (Окладников, 1975, с. 19). В 1929 г. Г. П. Сосновский, проводя обследование археологических памятников Бурятии, открыл поселение на р. Темник, датированное им эпохой средневековья (Сосновский, 1936, с. 320).

Планомерное изучение хуннского городища, открытого В. В. Поповым на Нижней Иволге, начинается с конца 40-х гг. Раскопками А. П. Окладникова, а впоследствии – В. П. Шиловой и А. В. Давыдовой, было изучено около 30 % площади городища. Исследованиям подверглись более 50 жилищ и остатки фортификационных сооружений, получено большое количество разнообразного материала, во множестве сохранившегося из-за внезапной гибели городища (Давыдова, 1995).

Однако наиболее существенный вклад в изучение городов Центральной Азии внесла советско-монгольская экспедиция, работавшая с 1948 г., с перерывами, по 1958 г. под общим руководством члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева. Исследованиями экспедиции были охвачены территории Монголии, Забайкалья, Тувы. Еще ранее, в 1941, 1945, 1946 гг., С. В. Киселевым, Л. А. Евтюховой и В. П. Левашовой было раскопано здание хуннской эпохи на территории Хакасии близ Абакана и высказано предположение о его принадлежности китайскому полководцу Ли Лину, попавшему в плен и затем назначенному наместником в подвластную хуннам землю Хягас (Евтюхова, Левашова, 1946, с. 72–84; Евтюхова, 1947, с. 79–85; Киселев, 1951, с. 479–484).

В результате работ экспедицией были обследованы остатки десятков городов, относящихся к различным эпохам. Стационарные раскопки, проведенные в Ден-Тереке в Туве, Хирхире и Коидуе в Восточном Забайкалье, ряде других пунктов, дали колоссальное количество материалов, позволивших аргументированно поставить вопрос о существовании у кочевых народов Центральной Азии стационарных оседлых поселений и городов. Полученные экспедицией данные свидетельствовали о глубоких и прочных традициях осед-

лости, существовавших у центральноазиатских кочевников с древних времен (Киселев, 1947, 1957, 1958, 1961; Пэрлээ, 1957, 1962, 1974; Кызласов, 1959, 1969, 1979; Древнемонгольские города, 1965).

Самыми впечатляющими достижениями работ экспедиции явились открытие и раскопки столицы монгольского государства Каракорума. Материалы, полученные в ходе раскопок, дали представления об архитектуре, строительных приемах и материалах, применявшихся при возведении зданий. Особенно рельефно предстают различные ремесленные производства, обслуживавшие все слои монгольского общества и носившие хорошо выраженную товарную направленность. Нужды населения в дополнительных ремесленных изделиях пополнялись за счет ввозимых торговцами различных товаров, произведенных, главным образом, в Китае. Письменные источники сообщают о присутствии в Каракоруме китайских и мусульманских купцов, захвативших, по-видимому, в свои руки торговлю внутри монгольского государства. Подтверждаются и сведения письменных источников о занятии населения земледелием.

Раскопки на территории Монголии проводились и на объектах хуннского, уйгурского, киданьского времени. Большой вклад в изучение проблемы древних городов был внесен одним из участников экспедиции С. В. Киселева, известным монгольским археологом, впоследствии членом-корреспондентом АН Монголии Х. Пэрлээ, которым были опубликованы данные о хуннских, уйгурских, киданьских и монгольских городах, расположенных на территории Монголии. В его публикациях содержатся сведения о географическом и топографическом положении городов, их размерах, наличии фортификационных и иных сооружений. Дается характеристика археологического материала, полученного при обследовании памятников (Пэрлээ, 1961). Впоследствии Х. Пэрлээ поставил вопрос о древней оседлости на территории Монголии (Пэрлээ, 1974).

Другим участником советско-монгольской экспедиции профессором МГУ Л. Р. Кызласовым был раскопан и изучен ряд поселений, замков и городищ уйгурского, кыргызского и монгольского времени на территории Тувы и Хакасии. Огромное количество полученного материала позволило ему концептуально подойти к сложной проблеме формирования городов в Северной Азии (Кызласов, 1984, 1991).

Работами экспедиции был вскрыт мощный, ранее почти неизвестный, пласт истории и культуры Центральной Азии. Все полученные в ходе работ экспедиции материалы по средневековым монгольским городам были обобщены и систематизированы в коллективной монографии «Древнемонгольские города» (М., 1965). В этом труде были охвачены почти все стороны не только городской жизни, но и представлена развернутая характеристика монгольского общества XII–XIV вв. Дана развернутая характеристика всех категорий археологического материала, полученного при раскопках в Монголии, Туве и Забайкалье.

Важный этап в изучении древностей Центральной Азии был связан с деятельностью советско-монгольской экспедиции, организованной по инициативе выдающегося археолога, академика А. П. Окладникова. Исследованиями экспедиции были охвачены практически все исторические периоды – от раннего палеолита до этнографической современности. Изучались самые различные типы памятников: петроглифы и пещеры, могильники и эпиграфика, городища и святилища.

Монгольским археологом Сэр-Оджавом были продолжены раскопки столицы монгольской империи Каракорума. Чешскими археологами раскапывались остатки поминального комплекса Кюльтегина, брата тюркского кагана Бильге. Эти раскопки дали большое количество разнообразных строительных материалов, использовавшихся древними тюрками. Обследование хуннских городищ проводил Э. В. Шавкунов. Им были описаны городища хунну в Центральном аймаке Монголии (Шавкунов, 1973, с. 506–507).

В 1986–1989 гг. С. В. Даниловым были раскопаны остатки здания близ с. Нарсатуй, отнесенные к периоду существования монгольского государства, о чем свидетельствуют материалы, полученные в процессе исследования здания (Данилов, 1992). В эти же годы было обнаружено средневековое поселение на р. Темник, открытое ранее Г. П. Сосновским. Предварительные раскопки, проведенные на нем, выявили присутствие среднеазиатской керамики. С 1986 г. С. В. Даниловым продолжаются раскопки на хуннском городище Баян Ундэр на р. Джиде. Здесь были вскрыты остатки наземных глинобитных жилищ с каркасно-столбовой конструкцией. Прослежена конструкция фортификационных сооружений, опоясывающих городище (Данилов, Жаворонкова, 1995; Данилов, 1998).

В результате исследований, проведенных несколькими поколениями ученых из разных стран, были выявлены и изучены остатки древних поселений, свидетельствовавших о существовании на территории Центральной Азии длительных периодов оседлости. Часть поселений, судя по остаткам монументальных сооружений, размерам застроенной площади, выполняла, по-видимому, функции городов. Однако об окончательном решении проблемы городской жизни в обществах центральноазиатских кочевников можно будет говорить после проведения широкомасштабных раскопок на памятниках и привлечения к их изучению ученых различных специальностей.

ГЛАВА 2

Появление производящих форм хозяйства в Центральной Азии. Становление скотоводства и возникновение кочевничества

Проблема появления и формирования в Центральной Азии оседлых поселений и городов тесно связана со многими объективными и субъективными факторами как природного, так и антропогенного характеров, но, в первую очередь, с социальным и экономическим развитием населения региона. Формирование в регионе Центральной Азии производящих видов экономики и скотоводства, ставшего впоследствии той экономической основой, на которой возникали мощные политические объединения, оказывавшие влияние на ход мировых исторических процессов, требует рассмотрения основных этапов становления в регионе производящих форм экономики. Такой анализ необходим и для более четкого и ясного понимания истоков появления феномена городов, связанного с экономическим состоянием общества, развитием и подъемом уровня социальных отношений. Немалое значение имело и влияние внешних факторов, в частности, появление в регионе населения с навыками производящего хозяйства, наличие по соседству таких регионов, как долина Хуанхэ, Дунбэй, где с эпохи неолита формировалось производящее хозяйство в виде мотыжного, а затем и пашенного земледелия. Особое значение имели природные факторы, во многом способствовавшие сложению в центральноазиатском регионе специфических, преимущественно скотоводческих форм хозяйства.

Как известно, территориальные границы Центральной Азии до настоящего времени достаточно точно не определены и почти каждый исследователь имеет свое собственное понимание и географическое видение этого региона. Кроме этого, существует понятие «историко-культурное пространство» Центральной Азии, определяемое общностью исторического и экономического развития, культурных особенностей населения, входящего в определенный географический регион, в данном случае регион Центральной Азии. Не вдаваясь в полемику по поводу определения географических границ региона, изложенную Л. А. Мирошниковым (Мирошников,

1987, с. 54–58), отметим, что существует несколько точек зрения на понятие «Центральная Азия», сформулированных в свое время известными географами А. Гумбольдтом, Ф. Рихтгофеном, Н. Ханьковым, И. Мушкетовым, где ими обосновываются понятия «большая» Центральная Азия и «малая», получившая название «Внутренняя Азия».

Мы, исходя из материалов собственных исследований, в свою очередь, отметим, что по историко-культурному облику восточная часть региона отличается от западной, где с неолита и энеолита процветало поливное земледелие, существовала городская культура с развитым ремеслом, торговлей, сложным по социальному составу населением и за которой в советской исторической науке закрепилось название «Средняя Азия». В восточной части Центральной Азии (в расширенном ее понимании) существовало кочевое скотоводство со всем своеобразием кочевой культуры. Поэтому в исследуемый нами регион мы включаем территорию Монголии (с Автономным районом Внутренняя Монголия КНР), Южного Забайкалья, Тувы, т. е. территории, на которых издавна проживали скотоводы, имеющие свою длительную историю и самобытную культуру.

В III тыс. до н. э. начинается проникновение ранних форм производящего хозяйства в зону евразийских степей. Природно-географические условия степных районов с обширными пастбищными пространствами и недостаточной для земледелия увлажненностью приводили к сложению специфических форм хозяйства с преобладанием скотоводства. Причем, в зависимости от локальных географических и экологических условий отдельных регионов, вырабатывались свои, максимально приспособленные к местным условиям способы ведения хозяйства. В это же время начинают складываться и культурные особенности населения, занимавшего обширные территории евразийских степей. В черноморско-каспийских степях складывается древнейшая историко-культурная общность (Мерперт, 1974; Энеолит СССР, 1982). В казахских степях, в Приишимье, формируется культура Ботый (сведения В. Ф. Зайберта). На территории Южной Сибири, Восточного Туркестана и Западной Монголии находятся памятники афанасьевской культуры, исследователи которой единодушно связывают ее с эпохой производящего хозяйства (Киселев, 1951; Худяков, Комиссаров, 2002).

В Центральной Азии первые проявления формирования производящего хозяйства связаны, по-видимому, с тамцаг-булакской культурой эпохи неолита, выявленной в Восточной Монголии и связанной, вероятно, с неолитом Дунбэя. При исследовании памятников этой культуры, представленных небольшими поселениями, встречались каменные мотыги, песты и зернотерки. В небольших землянках, где проживало население, были обнаружены зерна проса (Окладников, Деревянко, 1970; Дорж, 1971). Однако в дальнейшем эта культура не получила развития, и становление производящего хозяйства в этом районе произошло позднее.

Эпохой энеолита и ранней бронзы датируется появление в Центральной Азии памятников афанасьевской культуры. Они представлены, в основном, погребениями и раскопаны в Убур Хангае и Баян Хонгоре в Арахангайском и Центральном аймаках Монголии (Волков, 1981). Хотя явных следов, характеризующих производственно-хозяйственную деятельность, при исследовании памятников не было обнаружено, принимая во внимание общую характеристику афанасьевской культуры, можно говорить о появлении в эпоху энеолита и ранней бронзы в монгольских степях населения с навыками производящего хозяйства. Основными домашними животными у населения афанасьевской культуры были крупный рогатый скот, лошади, овцы и козы (Киселев, 1951, с. 28).

Появление в степных регионах Азии населения, имеющего виды скота, характерные для переднеазиатского и восточноевропейского ареалов, говорит о продвижении групп населения из западной части континента. Подтверждением этому может служить значительное сходство в антропологии населения древнейшей и афанасьевской культур (Алексеев, Гохман, 1984, с. 35), хотя существует мнение, что афанасьевская культура имеет автохтонное происхождение (История Горного Алтая, 2002, с. 118–123).

К югу от центральноазиатского региона, одним из основных очагов возникновения производящих форм хозяйства в Восточной Азии, явилась неолитическая культура Яншао, дислоцировавшаяся в бассейне р. Хуанхэ. Основными домашними животными, разводившимися населением этой культуры, были свинья и собака. С этими видами животных был связан весь хозяйственный комплекс ранних земледельцев Восточной Азии. Появление в позднем неолите

те Китая, в культуре Луншань, датирующейся III тыс. до н. э., полностью сформировавшейся домашней овцы является, вероятно, свидетельством каких-то контактов с населением, занимавшимся разведением этих животных и продвигавшихся с запада. Возможно, у населения культуры Луншань происходила некоторая перестройка хозяйственной деятельности (Шнирельман, 1980) к востоку от Центральной Азии в Дунбэе, где развивалось земледельческое хозяйство со свиньей и собакой в качестве домашних животных (Ларичев, 1959, с. 67; Шнирельман, 1980).

Находка полного скелета сформировавшейся домашней овцы в глазковском погребении Фофановского могильника, датируемого ранней бронзой и расположенного в нижнем течении Селенги, свидетельствует о связях охотников и рыболовов эпохи бронзы таежной зоны со скотоводами Центральной Азии (Герасимов, Черных, 1975, с. 35, 44, рис. 6, 4).

Первые проявления формирования производящей экономики в Центральной Азии происходят в неолите-энеолите и связаны с первыми опытами становления мотыжного земледелия в восточной части региона (тамцаг-булакская культура) и проникновением населения с навыками ведения скотоводческого хозяйства из западной части региона (афанасьевская культура). Имеющиеся сведения показывают, что древние центральноазиатские скотоводы вступали в контакты с населением, проживавшим к югу и северу от них.

Хозяйство населения ранней и развитой бронзы на территории монгольских степей при настоящей степени археологической изученности региона сложно реконструировать из-за недостаточности материала. Можно только предполагать, что нахождение на территории Центральной Азии афанасьевского населения сопровождалось развитием его хозяйственного потенциала с учетом экологических и климатических особенностей региона. В условиях преобладания степных ландшафтов на первое место в хозяйственной деятельности выходит скотоводство. Наличие громадных по площади, еще не освоенных пастбищ стимулировало развитие подвижных его форм, т. е. переход к полукочевому и кочевому образу жизни населения.

В эпоху средней бронзы на территории Центральной Азии формируется своеобразный археологический комплекс, представленный

бронзовыми оружием, украшениями, предметами быта. Эти вещи получили широкое распространение на широкой территории, включающей Ордос, Монголию, Забайкалье, Саяно-Алтай, Минусинскую котловину. Отдельные предметы имели хождение далеко за пределами указанного региона. Впервые введенный в научный оборот по материалам Минусинской котловины комплекс получил название карасукской культуры. Здесь были выделены могильники и поселения, получен обильный подъемный материал. Хозяйство карасукцев реконструировалось как комплексное, сочетавшее в себе скотоводство и земледелие. На остальной территории распространения карасукских бронз до последнего времени памятников, относившихся к карасуку, не выделялось.

Однако исследователи постепенно приходят к мнению, согласно которому эпоха бронзы Центральной Азии, представленная карасукскими бронзами, связана с двумя крупными массивами памятников: с одной стороны – оленные камни и керексуры, с другой – плиточные могилы (Волков, 1981; Коновалов, 1976; Цыбиктаров, 1998). Вопрос об общности собственно карасукской культуры Южной Сибири (Минусинская котловина) и одновременных памятников, расположенных на территории Тувы, Монголии и Южного Забайкалья, превращается, на наш взгляд, в одну из сложных и важных проблем археологии Центральной Азии. Во всяком случае, в связи с темой настоящей главы, можно констатировать, что карасукцы Южной Сибири (Минусинской котловины) имели комплексное хозяйство, включавшее скотоводство и земледелие, охоту и различные виды промыслов, обеспечивавших насущные потребности населения. В стаде скота карасукцев имелись овцы, крупный рогатый скот, лошади. Держали карасукцы и верблюдов (Киселев, 1951, с. 141).

При раскопках керексуров эпохи бронзы Тувы, Монголии и Южного Забайкалья встречались безынвентарные погребения, в которых отсутствовал остеологический материал. Вследствие этого видовой состав стада домашних животных у населения этого региона в карасукскую эпоху остается пока неясным. Однако, несомненно, что появившееся здесь в афанасьевское время скотоводство получило импульс к дальнейшему развитию, и центральноазиатс-

кие карасукцы разводили, по-видимому, те же виды скота, что и карасукцы минусинские.

Получившие широкое распространение в карасукское время бронзовые своеобразные изделия, помимо показателя уровня развития металлургии, свидетельствовали о изменениях, произошедших в хозяйственной деятельности. Бронзовые коленчатые, «хвостатые», дугообразнообушковые и вогнутообушковые ножи резко выделяются на фоне коллекций бронз из археологических культур евразийских степей. Их функциональное предназначение было связано, по-видимому, с увеличением количества скота и необходимостью быстрой и качественной заготовки и переработки животного сырья. Бронзовые коленчатые и дугообразнообушковые ножи использовались, вероятно, для заготовки овечьей шерсти, «хвостатые» и вогнутообушковые ножи применялись для раскроя шкур и кож, из которых изготовлялись ремни, сбруя, обувь, одежда. По всей видимости, в это время началось разделение труда по половому признаку. Все работы, связанные с обработкой сырья, получаемого в животноводстве, исполнялись женщинами и находившимися в низу социальной лестницы мужчинами. Такой вывод можно сделать при рассмотрении высеченных изображений различных предметов на оленных камнях, считающихся памятниками мужчин-воинов и относимых к рассматриваемому времени. На них почти нет изображений орудий труда, а преобладает вооружение, что отвечало представлениям воинственных скотоводов о роли мужчины в обществе.

Появление в Центральной Азии афанасьевского населения послужило толчком к развитию в регионе производящих форм хозяйства. Дальнейшее развитие хозяйственной системы в условиях континентального климата, малого количества осадков, обилия пастбищ, пригодных для круглогодичного выпаса, привело к усилению роли скотоводства, увеличению его доли в общественном производстве. В степях появляются монументальные памятники – оленные камни и керексуры. По всей видимости, производящие формы экономики в это время начинают широко распространяться по всей территории центральноазиатских степей.

В восточной части Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа складывается культура плиточных могил. Относительно места ее формирования нет еще устоявшейся точки зрения. Однако

все исследователи признают, что первоначальный ареал распространения культуры находился в восточной части региона. Нет единой точки зрения и относительно хронологических рамок ее существования. Отдельные исследователи относят время существования культуры плиточных могил к скифскому времени, т. е. к первой половине I тыс. до н. э. Часть ученых считают, что культура плиточных могил, по крайней мере, ее ранние этапы, восходит к эпохе бронзы, карасукскому времени, и продолжает свое существование в скифскую эпоху. (Полемику по датировке и хронологии плиточных могил см.: Цыбиктаров, 1998, с. 8–22). Мы придерживаемся наиболее аргументированной, на наш взгляд, точки зрения А. Д. Цыбиктарова, который отнес существование плиточных могил к XIII–VI вв. до н. э.

В погребальном инвентаре встречались вооружение, украшения, предметы быта, керамика, кости животных. Среди костей домашних животных, находимых при раскопках плиточных могил, были кости овец, лошадей, крупного рогатого скота, коз. Однако наиболее часто обнаруживались остатки костей лошадей и овец. Кости крупного рогатого скота и коз отмечались значительно реже. Хотя соотношение костей домашних животных, находимых в погребениях, регулировалось ритуалом, все же можно предположить, что именно эти виды скота являлись основными в хозяйственной деятельности древних скотоводов. По-видимому, наличие обширных степных пространств, возможность круглогодичного выпаса обусловили формирование стада скота, с преобладанием в нем лошади и овцы. Именно такие виды домашних животных, способных к тебеневке, разводились и разводятся монгольскими аратами, причем основное место в стаде занимают овцы и лошади. Происходили, по всей вероятности, у древних скотоводов населения плиточных могил изменения и в сфере материальной культуры: формировались новые типы переносных разборных жилищ, одежда, пища и способы ее консервации были максимально приспособлены к условиям хозяйства и климату Центральной Азии.

Постепенно носители культуры плиточных могил, продвигаясь на запад, занимают большую часть территории центральноазиатского региона и вступают в контакты с населением культуры керексуров. В какой форме проходили эти контакты, пока можно толь-

ко предполагать, но факт сосуществования этих двух культур в течение определенного промежутка времени на одной территории подтверждается археологическими данными (Волков, 1981; Коновалов, 1996; Цыбиктаров, 1998).

В западной части центральноазиатского региона на территории Саяно-Алтайского нагорья на основе монгун-тайгинской культуры (монгун-тайгинская культура Тувы синхронна культуре керексурсов Центральной Азии, и, возможно, это варианты одной культуры) складываются уюкская и чандманьская культуры, относимые к кругу памятников скифского облика. На Алтае для этого времени характерны памятники пазырыкской культуры. Основой хозяйства населения Саяно-Алтая было скотоводство.

В I тыс. до н. э. на территории Центральной Азии складываются, по крайней мере, три археологические культуры. Две из них уюкская и чандманьская, являющиеся вариантами одной культуры, и пазырыкская находились в западной части центральноазиатского региона, восточную часть региона занимала культура плиточных могил. Население этих двух ареалов отличалось по многим параметрам: в устройстве могильных сооружений, обряде погребения, по многим предметам материальной культуры, антропологии населения. Однако экономическая основа хозяйства была единой. Скотоводство являлось ведущей формой хозяйства у населения обеих частей этих ареалов Центральной Азии, отличавшееся в разных районах в зависимости от географических условий составом стада и условиями его выпаса. По всей видимости, в это время, а возможно, и раньше, начинают формироваться особенности материальной культуры и поведения населения, создавшие феномен кочевой культуры. Передвижные и разборные жилища, одежда, пища, различные виды промыслов – все это было максимально приспособлено к условиям жизни в бескрайних степных пространствах и на обширных горных плато. В среде евразийских скотоводов сформировалось своеобразное искусство, сложились самобытное мировоззрение и идеология (Жуковская, 1979; Викторова, 1980).

Сходство географических и климатических условий, в которых проходила хозяйственная деятельность населения, приводило, возможно, и к сходству в социальных процессах обществ древних скотоводов.

Появление на территории Центральной Азии населения с навыками производящего хозяйства произошло в эпоху энеолита-ранней бронзы. По крайней мере, уже в источниках эпохи Шан-Инь (XVII–XIII вв. до н. э.) говорится о воинственных северных варварах-скотоводах, ведущих непривычный с точки зрения оседлого земледельца кочевой образ жизни (Таскин, 1968, с. 6–7).

Дальнейшее развитие хозяйственной деятельности в условиях континентального климата и при наличии большого количества пастбищ способствовало усиленному развитию скотоводства. Превращение процесса перевыпаса пастбищ привело к появлению подвижных форм ведения скотоводческого хозяйства, способствовавших формированию кочевничества и кочевой культуры. Кочевничество, как одна из форм существования человеческого общества, становится доминирующей на территории Центральной Азии.

Наряду с совершенствованием хозяйственной деятельности, происходили и изменения в социальном строе ранних кочевников Центральной Азии. Несомненно, что они были связаны, главным образом, с имущественной дифференциацией, возникавшей у древних скотоводов. Накопление богатства, основным мерилом которого был скот, приводило к расслоению общества, появлению групп населения, обладавших большим количеством скота и иного имущества, пользовавшихся привилегиями при пользовании пастбищами, водными источниками, охотничьими угодьями. Это отразилось в появлении грандиозных по размерам погребальных сооружений, возводимых наиболее выдающимися членами рода. К таким сооружениям относятся курганы в Турано-Уюкской котловине в Туве (самый известный из них курган Аржан раскопан М. П. Грязновым; Грязнов, 1980), курганы в урочище Салбык в минусинских степях (Киселев, 1951, с. 264–265), пазырыкские курганы на Алтае (Руденко, 1953), плиточные могилы в Восточном Забайкалье (самая большая могила Кара Баян; Гришин, 1981, с. 8, 123) и многие другие.

По всей видимости, появление имущественной и социальной дифференциации знаменует собой формирование новых общественных отношений, в результате которых значительно усложняется социальная стратификация общества, повышается уровень его организации. В среде древних кочевых племен Центральной Азии проходили сложные процессы внутреннего развития общества, стано-

вавшиеся более понятными после появления письменных источников и проведения этнографических исследований среди кочевых народов Азии. Очевидно, развитие сложных социальных отношений приводило к формированию политической системы, новым формам организации кочевых обществ, сложению в его недрах прообразов государственных институтов. Появление оседлых поселений и городов явилось следствием социально-экономических и политических процессов, происходивших в кочевых обществах Центральной Азии.

ГЛАВА 3

Оседлые поселения в государствах ранних и средневековых кочевников Центральной Азии (археология поселенческих и городских комплексов)

Как говорилось в предыдущей главе, племена, населявшие Центральную Азию в эпоху бронзы и раннего железа, достигают в своем общественном развитии довольно высокого уровня, по-разному определяемого различными исследователями. Археологические памятники этого периода не только Центральной Азии, но и всей степной Евразии свидетельствуют о далеко зашедшей имущественной и социальной дифференциации населения степей. В Северном Причерноморье, на Южном Урале, в казахских степях, в степях Центральной Азии – везде появляются грандиозные курганы, свидетельствующие о появлении степной аристократии, сосредоточившей в своих руках богатство и власть над кочевым населением.

В Центральной Азии в эту эпоху получила распространение культура керексуровых оленных камней и культура плиточных могил, известная, в основном, по погребальным сооружениям. Немногочисленные поселения с керамикой, подобной встречающейся в плиточных могилах, известны на развееиваемых, так называемых дюнных, стоянках и являлись, скорее всего, остатками кочевых стойбищ. В это время в степях не были известны оседлые укрепленные поселения со стационарными постройками. Их появление явилось результатом сложных социально-политических процессов, протекавших в кочевых обществах. В них проходило формирование сложной социальной структуры, выстраивалась политическая система, опиравшаяся на комплексную экономику, основанную на получении прибавочной продукции как за счет внутреннего экономического потенциала, так и в результате активной внешней политики, в большинстве случаев проводимой военными средствами. Именно на таких принципах создавалась первая, известная нам, в истории Центральной Азии империя хунну.

Последующие государственные образования Центральной Азии создавались примерно по такой же схеме. Особенности внутреннего развития кочевых обществ часто вынуждали их становиться на

путь создания сети оседлых поселений, причем не совсем понятно, был ли этот процесс стихийным или осуществлялся целенаправленно, являясь частью общегосударственной политики.

В этой главе мы рассмотрим археологически исследованные оседлые поселения и города, расположенные на территории Центральной Азии. Степень изученности этих объектов различна. На отдельных памятниках проводились крупномасштабные раскопки, давшие разнообразные материалы для исследований. На других объектах происходили глазомерные и топографические съемки, закладывались небольшие шурфы для определения историко-культурной принадлежности памятника. В большинстве же случаев на памятнике проводился сбор подъемного материала, по которому определялась историко-культурная принадлежность памятника. Соответственно количество имеющегося материала и степень изученности каждого памятника определяли сам процесс нашего исследования.

Первые памятники оседлости появляются в хуннскую эпоху, поэтому мы начнем свой обзор с хуннских поселений и городищ.

Поселения и городища хунну

Сведения об оседлых поселениях хунну, содержащиеся в письменных источниках, крайне скудны и противоречивы. Так, Сыма Цянь в своей главе о хунну, характеризуя их, пишет, что «у них нет городов, обнесенных внутренними и наружными стенами» (Таскин, 1968, с. 34). Однако встречаются упоминания о строительстве в хуннской земле обнесенных стенами городищ, в которых хранились запасы зерна (Таскин, 1973, с. 137, прим. 19).

С накоплением археологических данных об оседлых поселениях хунну появляется значительное количество материалов, меняющих прежние представления о хуннском обществе как о примитивном, неспособном к саморазвитию обществе, начинают изменяться взгляды на характер экономической и политической структуры хуннской державы.

Оседлые поселения хунну встречались почти на всей территории созданного ими государства. Они известны в Монголии, Южном Забайкалье, Хакасии. Нет пока достоверных сведений о хуннских поселениях на территории Северного Китая. Судя по имею-

щимся в настоящее время сведениям и степени археологической изученности хуннских памятников, основной массив поселений находится на коренной территории их проживания, в Монголии. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют отметить, что подавляющее большинство памятников имеет внешнее описание, включающее топографию памятника, размеры, наличие сооружений на территории, ориентировку на местности относительно стран света. Дается описание подъемного материала, служащего для определения возраста. Эта работа, необходимая для выяснения процессов оседания населения в хуннском обществе, проводилась несколькими поколениями исследователей.

Однако до сих пор очень мало памятников, подвергнувшихся широкомасштабному археологическому исследованию. Таких памятников на фоне все более увеличивающегося количества вновь открытых поселений и городищ насчитываются буквально единицы.

Сравнительно лучше исследованы археологические памятники оседлости хунну, находящиеся на территории Южной Сибири и Западного Забайкалья.

В Южной Бурятии известно несколько поселений и укрепленных городищ хуннского времени. Преимущественно они расположены по берегам Селенги и ее притокам – Джиде, Хилку и Чикойю. Одним из самых хорошо исследованных поселенческих комплексов хунну является Иволгинское городище на р. Селенге, находящееся недалеко от г. Улан-Удэ. Широкомасштабные раскопки проводились на поселении Дурены на р. Чикой и на городище Баян Ундэр на р. Джиде. С рассмотрения этих памятников мы и начнем описание древних городов Центральной Азии.

Иволгинское городище

Иволгинское городище расположено на надпойменной террасе левого берега старого русла Селенги. Оно имеет в плане прямоугольную форму размерами 348 × 216 м. Вход в городище располагался с южной стороны. С востока площадь городища ограничена обрывом старого русла реки, размыты которой изменили площадь городища. С остальных трех сторон оно было окружено фортификационными сооружениями, представляющими собой четыре линии валов и три рва между ними. Рвы достигали глубины до 2–

2,5 м. Валы были невысокими, их высота в современном состоянии достигала высоты до 0,5 м. Общая ширина оборонительной полосы равнялась 35–38 м, что делало городище труднодоступным для внезапного налета и затяжным предприятием при длительной осаде. Однако, несмотря на существование такой оборонительной системы, в начале I в. н. э. Иволгинское городище, просуществовавшее, вероятно, не менее двухсот лет, было разгромлено и сожжено (Давыдова, 1995).

Внутреннее пространство городища было плотно застроено – только на исследованных 20 % площади были обнаружены остатки 54-х жилищ. Это относительно небольшие, от 2,80 (3,20) шириной до 6,85 (6,65 м) длиной, прямоугольные в плане полуземлянки, углубленные на 0,55–1,1 м, с входом с южной стороны. Глинобитные стены полуземлянок имели столбовой каркас. Опорные столбы поддерживали двускатные кровли, сложенные из балок и брусьев с глиняной обмазкой, покрытые жердями, прутьями, берестой, соломой, золой, а поверх всего этого – дерном. В северо-восточном углу каждого жилища имелась закрытая, сложенная из каменных плит, печь. От печи, вдоль западной и северной стен, проходил сооруженный из плоских каменных плит, дымоход, действовавший как отопительный канал типа широко распространенных на Дальнем Востоке канов. Отличается от полуземлянок здание, расположенное в центральной части городища, где предположительно жил его правитель. Оно было построено на утрамбованной площадке в центре городища, имело большие размеры (13 × 11,5 м), толстые (1,12–1,38 м) сырцовые стены, большую печь, тщательно утрамбованный пол (Давыдова, 1995, с. 14–19).

В результате исследований, проведенных на городище, были выявлены остатки деятельности ремесленников различных специальностей. На городище существовали керамическое и металлургическое производство, кузнечное дело и различные промыслы (Давыдова, 1995, с. 51–57). Жители городища занимались земледелием и скотоводством. Только на исследованной части поселений открыто более 600 ям разного размера и глубины, прикрытых крышками или навесами, предназначенными для хранения продовольствия: зерна, мяса, рыбы и др. Выращивали, в основном, просо, но употреблялись также ячмень и пшеница. Сельскохозяйственные

орудия: сошник, серпы, мотыги, найденные при раскопках, свидетельствуют о достаточно высоком уровне агрокультуры (Давыдова, 1995, с. 43–46).

Жители городища держали собак различных пород и разводили крупный рогатый скот, овец, коз, свиней. Употребляли в пищу и мясо диких животных, добытых на охоте (Давыдова, 1995, с. 47–51).

В 440 м от городища, ближе к впадению в Селенгу р. Иволги, располагался могильник жителей городища, на котором было исследовано 216 грунтовых погребений с останками 244-х человек (Давыдова, 1996).

Городище Баян Ундэр

Городище находится на высоком правом берегу р. Джиды в местности Баян Ундэр. Основная часть городища имела размеры 70 × 70 м и была укреплена валами и рвом. Вокруг городища наблюдался еще один вал. Высота внутреннего, основного, вала в современном состоянии – 1 м, а глубина рва после его исследования с внешней стороны восточного вала достигает 160–170 см от современной поверхности. Тело вала состоит из плотно убитой глинистой почвы с включением мелкой и средней дресвы. На северном участке вала, ближе к северо-западному углу, наблюдались остатки частокола, сделанного из толстых жердей (Амоголонов, Филиппова, Данилов, 2000).

Непонятными пока остаются функции внешнего вала. Высота его достигала 10–20 см, и он окружал всю территорию городища. Внутри тела вала визуально наблюдались небольшие камни. Закладка траншеи через внешний вал не прояснила его предназначения.

Вход внутрь укрепления прослеживался с южной стороны, где наблюдался разрыв вала. Напротив входа, с наружной стороны, находятся остатки какого-то сооружения, выполнявшего, возможно, функции предвратного укрепления.

Внутри городища, в северо-западном углу, находились остатки наземного здания размерами 7 × 8 м со стенами толщиной около 0,5 м, выполненными из сырцовой глины. С наружной стороны стен располагались глиняные выступы подквадратной формы, внутри которых находились остатки деревянных столбов. Под столбы

была вырыта ямка с каменной плиткой на дне. Остатки столба были зафиксированы посередине жилища, где он служил подпоркой центральной балки. В северо-восточном углу здания находилась печь, от которой вдоль северной и западной стен прослеживались остатки отопительной системы кана в виде массивных каменных плит, частично сохранивших вертикальное положение. Вход в здание находился с южной стороны и был выделен с двух сторон деревянными столбами. Со всех четырех сторон здание было обнесено глинобитной стенкой, отстоявшей от стен на 1,2–1,4 м и с проходом в юго-западной части. Эти стенки, окружая здание, повторяя его контуры, образуют в плане подквадратную форму (Данилов, 1999).

При исследовании оборонительных сооружений городища в восточном валу были обнаружены остатки жилища, ограниченные с трех сторон каменными плитами. Функциональное предназначение жилища пока непонятно (Данилов, Жаворонкова, 1995). На площади, занимаемой городищем, не обнаружено остатков производственной деятельности. Возможно, что здесь, в отличие от поселения на Иволге, население имело другие занятия. Похоже на то, что в Баян Ундэре располагалась ставка правителя или предводителя определенного ранга, осуществлявшего властные функции на определенной территории.

Поселение Дурены

Среди неукрепленных поселений хунну наиболее крупное находится на р. Чикой, близ с. Дурены – его общая протяженность составляет около 5 км. На нем были выявлены остатки стационарных жилищ и хозяйственные ямы, идентичные изученным на Иволгинском городище (Давыдова, 1978).

Городище Нижний Мангиртуй

Остатки городища находятся на правом высоком берегу р. Хилок. Городище окружено валами. При обследовании собраны фрагменты керамики хуннского времени (Лбова, Хамзина, 1999).

Здание близ Абакана

Остатки городища, на котором было раскопано наземное здание хуннского времени, было исследовано в 1940 г. в Хакасии, близ

Гуа

Развалины древнего городища ми построек, находящиеся на юго-востоке в местности Цагаан Арал, на левом берегу реки, известным местным жителям под названием Гуа до в. стало известно благодаря трудам ученого тета наук Монголии Жамъян, исследовавшего ких шаманских призываниях названий на основании информации шамана хошуна Сэцэн-хан (ныне Моронго). Хошуна считают, что Гуа до в. назван и исследовал это место. Отчет о исследовании Гуа до в. неизвестны. Работы в 1952 г. под руководством Пэрлээ.

Вал, окружавший городище, возвышается над уровнем современной местности на 50–70 см, ширина – 3,5 м. Различия в высоте вала – 367 м, с запада на восток – 360 м. В крепости есть остатки ворот.

Посередине городища расположено по-видимому, остатками здания. Длина – 56 м. В северо-восточной части находится большого сооружения. Кроме этого, в городе около десятка строений.

При раскопках Гуа до в. обнаружено большого строения. Оно было возведено на возвышенности. Значительная часть края разрушена дождями и имеет неровную поверхность. В процессе раскопок выявлены остатки из глинобита. При изучении остатков выявлена толщину 90 см, с обеих сторон выявлены столбы. Стенка имеет штукатурку.

На платформе, на дне ямок, в которых помещались гранитные плиты. Там прослежено 13. Возможно, основой здания является зал размером 12 × 12,5 м. С севера

Гуа дов

Развалины древнего городища, с возвышающимися остатками построек, находящиеся на юго-востоке Центрального аймака, в местности Цагаан Арал, на левом берегу р. Керулена, известны местным жителям под названием Гуа дов. Монгольским ученым городище Гуа дов стало известно с 1920-х гг. Первый глава Комитета наук Монголии Жамьян, исследуя упоминаемое в монгольских шаманских призываниях название исторического места Гуа дов, на основании информации шамана Гомбожав из аймака Сэцэн-хан, хошуна Сэцэн-хан (ныне Моронский сомон) о том, что шаманы хошуна считают, что Гуа дов находится в западной стороне, нашел и исследовал это место. Отчет или заметки Жамьяна об исследовании Гуа дов неизвестны. Раскопки на городище начались в 1952 г. под руководством Пэрлээ.

Вал, окружавший городище, в настоящее время почти не выделяется над уровнем современной поверхности. Его высота достигает 50–70 см, ширина – 3,5 м. Размеры городища с севера на юг – 367 м, с запада на восток – 360 м. На северной и южной сторонах крепости есть остатки ворот.

Посередине городища расположено возвышение, являющееся, по-видимому, остатками здания. Его высота – 3 м, ширина – 45 м, длина – 56 м. В северо-восточной части городища есть остатки одного сооружения. Кроме этого, внутри крепости имеются остатки около десятка строений.

При раскопках Гуа дов обнаружено много столбов, остатков большого строения. Оно было возведено на специально утрамбованном земляном возвышении. Это возвышение (платформа) по краям разрушено дождями и имело в плане прямоугольную форму. В процессе раскопок выявились стены строения, возведенные из глинобита. При изучении остатков восточной стены, имеющей толщину 90 см, с обеих сторон выявлены вертикально установленные столбы. Стенка имеет штукатурку толщиной 0,5 см.

На платформе, на дне ямок, вырытых для установки столбов, помещались гранитные плиты. Таких плит в ямках под столбы прослежено 13. Возможно, основой здания был центральный квадратный зал размером 12 × 12,5 м. С севера и юга к нему примыкали две

комнаты размером 12 × 5,75 м. Было и первоначальное строение: спереди – сзади (с севера и юга) имело по два отделения (комнаты), посередине центральный зал.

За пределами городища вниз по склону наблюдается около десятка мелких построек, имеющих размеры: в длину – 5 м, а в ширину – 2,8 м, некоторые из них раскопаны.

Среди материалов, полученных при раскопках остатков большого здания Гуа дов, встречались строительные кирпичи, черепица крыши, плоские квадратные кирпичи, основания деревянных столбов. Внутри центрального строения ничего не осталось, но из построенных вдоль крепости строений найдена одна интересная находка, сделанная из плоских кирпичей, – это постамент. Такие постаменты находились в двух строениях рядом с основными воротами. Возможно, эти постаменты использовались в ритуальных целях.

Среди бытовых находок были толстостенные осколки фарфора с китайскими иероглифами, металлические пуговицы. В небольших постройках найдены черепица, кирпичи с закругленными краями, в большом количестве встречались квадратные кирпичи для изготовления ритуальных постаментов-алтарей.

При раскопках большого здания отмечены следы пожара, послужившего причиной его гибели. В 190 м к юго-востоку от крепости Гуа дов обнаружены остатки строения. При его раскопках установлены осколки черепицы от крыши, несколько больших камней, видимо, оснований для столбов. Здесь же была обнаружена прикрытая плоскими камнями мумия человека. Кости мумии были сильно сгнившими. Голова мумии была ориентирована на восход солнца, ноги согнуты, руки вытянуты вдоль туловища. Рядом с мумией был положен один костяной наконечник стрелы: длина – 6 см, толщина острия – 0,2 см, основания – 1 см, длина насада – 1,5 см, толщина – 0,5 см. Это строение могло быть гробницей представителя хуннской знати.

Находки предыдущих раскопок и неоднократное упоминание в призываниях монгольских шаманов названия Гуа дов прежде всего указывают на то, что крепость Гуа дов, его постройки были местами поклонения хуннов.

Находки, обнаруженные при раскопках Гуа дов, а также находящиеся поблизости остатки нескольких хуннских крепостей, дают основание предполагать, что Гуа дов был не только местом поклонения, но и дворцом. При нем было старинное захоронение мумии. Этот новый взгляд мы считаем справедливым.

Почему местные жители относились с почтением и верой вплоть до XX в. к постройкам Гуа дов, становится понятным тогда, когда имя «Гуа дов» нам встретилось в «Тайном сказании монголов», поэзии монгольского шаманства: Хуба-хая – в тайном сказании монголов, в призываниях бурятских шаманов – Хуа добун, Хуу добун, Хуу добуу, Хуа добу (Пэрлээ, 1961, с. 30–32).

Тэрэлжийн дэрвэлжин газар

Эта крепость стала известна ученым с 1925 г. Она находится в Центральном аймаке, в сомоне Монгон морьт, в устье р. Тэрэлж, впадающей справа в Керулен.

Академик Б. Я. Владимирцов в 1925 г. провел на городище небольшие предварительные раскопки, однако не смог установить дату его существования. Но, принимая во внимание, что в местных преданиях эти постройки называются «город Хасар», он решил, что это город Хасара, любимого младшего брата Чингисхана.

В 1949 г. известный исследователь древностей Центральной Азии профессор С. В. Киселев, изучив находки из Тэрэлжийн дэрвэлжин газар в Центральном государственном музее, датировал их хуннским временем.

Тэрэлжийн дэрвэлжин газар представляет собой квадратную крепость, возведенную на утрамбованной платформе. Снаружи имеются остатки системы водных каналов. Крепость имела ворота с четырех сторон. Размеры крепости – 235 × 235 м, современная высота валов – 50–80 см, ширина рвов была 10–15, в настоящее время достигает 3–6 м, глубина – 30–70 см.

Внутри крепости есть остатки большого сооружения, высота – 2 м, его размеры – 25–30 м × 30–35 м, нынешняя высота – 2,5–3 м, 2–2,5 м. Продолжением к большому сооружению идут остатки маленького строения-2, размерами 15 × 17 м, 20–25 м, высотой 1,3–1,6 м.

При раскопках Тэрэлжийн дэрвэлжин газар так же, как и в Гуа дов, обнаружены широкие плоские черепицы с загнутыми краями,

квадратные кирпичи. Раскопки большого строения дают основание предполагать, что Тэрэлжийн дэрвэлжин газар так же, как и Гуа дов, был поврежден внезапным пожаром и, возможно, был разрушен с применением силы.

Даты основания и разрушения Тэрэлжийн дэрвэлжин газар остаются неизвестными. Но так как Тэрэлжийн дэрвэлжин газар находится недалеко от Гуа дов, можно предположить, что он был разрушен в то же время, что и Гуа дов (Пэрлээ, 1961, с. 32–33).

Бурхийн дэрвэлжин газар

В Центральном аймаке, в сомоне Монгон морьт, на правом берегу р. Бурхийн-гол – левом притоке Керулена, находятся остатки городища, которые местные жители называют «Проклятая крепость» и говорят, что там жили двое больших шаманов – мужчина и женщина. (Даже сейчас воткнуть там кол в землю, пройти считается святотатством). В местности Зун Бурхийн-гол есть места под названием «Шаман», «Шаманка». Местные легенды гласят, что тут захоронены шаман и шаманка.

Бурхийн дэрвэлжин газар представляет собой остатки земляного квадратного строения. Размеры: 180 × 180 м. Внутри городища расположены остатки двух строений. Размеры одного из них – 18 × 30 м, другого – 28 × 29 м. Южная часть городища значительно разрушена водами р. Бурхийн-гол.

При раскопках городища были найдены обломки черепицы, квадратные кирпичи с овальными краями. Эти находки позволяют считать обследованное городище одновременным с Гуа дов и Тэрэлжийн дэрвэлжин газар (Пэрлээ, 1961, с. 32–33).

Барс хот II (Баруун Дэргэгийн хэрэм)

В Чойбалсановском аймаке, сомоне Цагаан-овоо, в 5 км к северу от р. Керулен, в 7 км на северо-восток от Керулен Барс хот I, на западе от местности Дороо-хэмэх находится городище, получившее название Барс хот II.

Построенный из утрамбованной земли вал имеет прямоугольную в плане форму размерами: северная сторона – 345 м, западная – 335 м, южная – 345, восточная – 335 м, современная ширина вала городища – 4–5 м, высота – 1–2 м, с севера и юга в вале просматривались ворота.

В северной части городища возвышаются остатки четырех построек, из которых два больших были раскопаны. При раскопках были обнаружены глиняная штукатурка, мелкие куски древесного угля, сгнившие остатки дерева.

На постройке, расположенной в восточной части, на глубине 1,25 м был найден глиняный горшок. Большое сходство находки с керамическими изделиями из Ноин-ула указывает на его принадлежность хуннскому времени.

Определив в общем принадлежность Барс хот II к хуннскому времени, нельзя точно определить, в какие годы он был возведен и уничтожен (Пэрлээ, 1961, с. 30–32).

Так как все из вышерассмотренных четырех городищ находятся только на начальной стадии археологического изучения, можно надеяться на то, что при дальнейших археологических раскопках будут найдены новые дополнительные материалы и добавится немало сведений к уточнению вопроса о хуннских городах.

Баян булгийн турь (хэрэм)

В южногобийском аймаке, сомоне Номгон, на северном краю пустыни Борзон, на южном склоне горы Хорхи, в местности Баян-булаг находятся остатки небольшого городища.

Вал городища сделан из утрамбованной земли. Его современная ширина – 5,7 м, высота – 1–2 и 1–1,6 м. Размеры городища: 130 × 170 м. Трудно определить наличие строений внутри крепости. Найденные в остатках мусора на обрыве перед крепостью обломки глиняной вазы с хуннским узором, бронзовый наконечник с металлической петлей наглядно показывают, что Баян булгийн турь относится к хуннскому времени.

Среди подъемного материала, найденного на городище Баян булгийн турь, во множестве обнаружены остатки обжига глиняных горшков, следы металлургического производства – металлические шлаки. В окрестностях Баян булгийн турь есть нечеткие остатки пашни.

При изучении вышеприведенные материалы Баян булгийн турь можно датировать начальным периодом хуннского времени. Найденный там бронзовый наконечник с металлической петлей несет в себе признаки переходного периода от бронзового века к железно-

му. Такие бронзовые наконечники в пустыне Борзон находят во множестве и в других местах. Как бы ни был мал Баян булгийн турь, он ценен для изучения городов хуннского времени, расположенных в пустыне (Пэрлээ, 1961, с. 34–35).

Ундэр дов

В Центральном аймаке, в сомоне Эрдэнэ вблизи Керулена, между озерами Большой и Малый Гун, на юге местности Аяга-Шанага есть возвышенность под названием «Ундэр дов».

В 1925 г. академик Б. Я. Владимирцов произвел небольшие раскопки Ундэр дов, но не датировал его.

Первоначальный облик городища Ундэр дов не ясен. Размеры его следующие: западная сторона – 285 м, северная – 255 м, восточная – 292 м, южная – 285 м. Современная высота вала городища – 30–60 см, ширина – 2–3 м, есть остатки смотровых окон, бывших на крепости: на западной стороне – 3, восточной – 6, северной – 8, южной – 5. В четырех углах, возможно, были окна большого размера (башни).

В центре Ундэр дов наблюдается возвышение, являющееся, очевидно, остатками большого строения размерами 18 × 20 м и высотой – 1,35 м. Кроме этого, с западной, юго-восточной, юго-западной и северо-западной сторон этого строения есть четыре небольших возвышения, являющихся, вероятно, остатками маленьких строений.

При предварительных раскопках центрального возвышения Ундэр дов были найдены куски глиняной штукатурки стены, похожие на утрамбованную землю или остатки необожженного кирпича из серой глины.

Раньше были основания, позволявшие считать, что Ундэр дов, являлся военным городищем XVII–XVIII вв. (Х. Пэрлээ. Об археологических памятниках в верхнем течении р. Керулен / Рукопись, с. 31). В последнее время, исходя из опыта раскопок городищ времени хуннского государства, можно полагать, что Ундэр дов не является военным городком XVII–XVIII вв., а относится к хуннскому времени, о чем свидетельствуют находки из раскопок (Пэрлээ, 1961, с. 35–36).

Хурээт дов

Находится в Центральном аймаке, сомоне Монго морь, в местности Баруун Байдраг (р. Баруун Байдраг впадает в Керулен с левой стороны). Черепицу, привезенную местными жителями с Хурээт дова, исследователи идентифицировали как относящуюся к хуннскому времени (Пэрлээ, 1961, с. 36).

Цэнхэрийн голын хэрэм

Находится в Хэнтэйском аймаке, слева от дороги, проходящей между сомонами Жаргалтхаан и Дэлгэрхаан. Х. Пэрлээ в 1955 г., будучи там попутно, посетил и изучил его. Размеры городища: 300 × 300 м. Внутри городища расположена возвышенность размерами 25 × 25 м. Учитывая внешний вид городища, а также особенности векового уклада быта, можно предположить, что, возможно, оно принадлежит хуннам (Пэрлээ, 1961, с. 36).

Шувуутайн голын хэрэм

Находится в Булаганском и Бурэгхангайском аймаках, в северном бассейне р. Шувуута, притоке Орхона. В 1954 г. городище было изучено Пэрлээ.

Валы городища предположительно сделаны из утрамбованной земли. Внутри городища есть возвышение – остатки большого строения. От этого возвышения до северных ворот проложен земляной перешеек, скорее всего остатки каких-то сооружений.

Размеры городища: южная сторона – 265 м, правая – 193 м, восточная – 187 м, северная – 265 м. Основное большое строение крепости – 30 × 40 м, земляной перешеек – 8 × 19 м.

Есть остатки четырех ворот. Внутренняя организация городища по некоторым признакам напоминает Тэрэлжийн дэрвэлжин газар, относимую к хуннскому времени (Пэрлээ, 1961, с. 37).

Борогийн суурин

Это поселение, являющееся остатком старинного города, расположено в Центральном аймаке, в госхозе Борнуур, в 30 км на север от САА-н товоос, на правом берегу р. Бороо. Здесь в конце пади есть старый золотой рудник, который называется Цагаан чулут; там есть холм, поросший ковылем и крапивой, со множеством

ям, в которых находили в большом количестве черепки глиняной посуды, горшков с различными каемками, кости животных. Археолог Ц. Доржсурэн в 1966 г. изучил его и отнес к городищам хуннского времени.

Борогийн суурин – это памятник, изучение которого может дать много нового в исследовании хуннских городищ, существовавших на территории Монголии, принести немало интересных находок, касающихся быта, экономики и культуры. Здесь раскопки были начаты в 1990 г. под руководством Д. Цэвэндоржа, И. Эрдели. Материалы, найденные в ходе раскопок, правильно датировать не удалось, было много совершенно новых находок. Особо надо отметить, что найденные на этом городище маленькие и большие горшки размерами, формой, технологией изготовления, орнаментом и налепными украшениями похожи на горшки из знаменитого кургана Ноен Ула. При сравнительном изучении городища и кургана исследователи высказали предварительные мнения, что горшки, найденные в кургане Ноен Ула, были изготовлены в Борогийн суурин (Монгол нутаг..., 1999, с. 177–178).

В начале 70-х гг. исследования хуннских и средневековых городов на территории Монголии проводил Э. В. Шавкунов. Им были обследованы четыре хуннских городища, одно из которых – Хурээт дов – было описано более подробно. На этом городище, имеющем в плане четырехугольную форму, прослежены остатки оборонительных сооружений в виде валов с входными проемами с каждой стороны. Внутри городища зафиксирован ряд округлых в плане земляных платформ высотой до 2-х м, на одной из которых из гранитных блоков просматривалась кладка, являвшаяся, по-видимому, фундаментом здания дворцового типа. Платформы зафиксированы и за пределами городища. На отдельных из них находится большое количество кровельной черепицы (Шавкунов, 1973, с. 506–507).

Рассмотрев имеющийся в нашем распоряжении материал о хуннских поселениях и городищах Центральной Азии, очевидно, что их появление и существование в это время становятся одной из особенностей эпохи.

Для хуннских городищ можно выделить несколько характерных черт, к которым, в первую очередь, относится наличие фортификационных сооружений. Почти все городища имели оборонительные сооружения, дошедшие до наших дней в виде распылившихся, задернованных валов, в некоторых случаях расположенных в несколько рядов. Изучение валов проводилось на Иволгинском городище и городище Баян Ундэр. Иволгинское городище, имевшее «форму неправильного прямоугольника, вытянутого с севера на юг на 348 м и с запада на восток на 194–216 м» (Давыдова, 1995, с. 9), было окружено четырьмя рядами валов и тремя линиями рвов. Общая ширина этой линии обороны составляла 35–38 м (Давыдова, 1995, с. 10–13).

Городище Баян Ундэр имело две линии валов, причем внешний вал едва возвышается над современной поверхностью земли (его даже трудно назвать валом). Внутренний, основной, вал городища имел высоту с внешней стороны 1,10–1,15 м, а с внутренней – 0,7–0,9 м. Перед валами с наружной стороны вырывались рвы глубиной 1,6 м. В разрезе, сделанном в восточном валу городища Баян Ундэр, просматривается основа вала, сложенная из плотно сбитой дресвы, перемешанной с суглинком. От рва до основы вала наблюдалось пространство, или площадка, предназначение которой пока непонятно (Данилов, Жаворонкова, 1995, с. 29, 29, рис. 4).

Валы городищ, судя по всему, сооружались из земли, взятой при рытье валов. Высота вала, судя по степени его расползания в течение длительного времени, могла достигать полутора метров. Вместе со рвом, считая от его дна, общая высота оборонительных сооружений составляла более трех метров. Хотя укрепления хуннских городищ не представляются достаточно серьезными для их преодоления, по сравнению с одновременными фортификационными сооружениями стран Древнего Востока и античного мира, все же для центральноазиатских кочевников и жителей лесной зоны, вообще не знавших никаких оборонительных сооружений, они служили довольно серьезной преградой.

Внутри городищ отмечены остатки различных сооружений, хотя следует заметить, что лучше изученными являются жилища типа полуземлянок. Наземные здания, имеющиеся почти на всех хуннских городищах, исследованы в значительно меньшем количестве.

Полуземлянки изучались, в основном, при раскопках Иволгинского городища и поселения Дурены, где основная масса была раскопана экспедицией под руководством А. В. Давыдовой. Конструкция полуземлянок на этих двух памятниках была полностью идентичной. Расстояние, отделявшее оба памятника, составляет более двухсот километров. Для всех изученных полуземлянок «характерно углубленное в землю основание прямоугольной формы, стороны которого ориентированы по странам света. Материковые стенки и пол покрывали глиняной обмазкой. Полуземлянки имели разные размеры, вход в них находился с южной стороны. Конек двускатной крыши проходил по направлению север – юг. Кровля состояла из балок и брусьев, составлявших основу перекрытия, а также жердочек и прутьев, покрытых толстым слоем глиняной обмазки» (Давыдова, 1995, с. 14–15). Система отопления полуземлянок была охарактеризована выше. Подобные отопительные системы (каны) имели широкое распространение в дальневосточной культуре.

Наземные здания исследовались близ Абакана, на Иволгинском городище и городище Баян Ундэр. Мы остановимся на них несколько подробнее. Х. Пэрлээ предпринимал раскопки большого здания на городище Гуа дов, хотя материалы исследований остаются пока не опубликованными.

На Иволгинском городище наземных жилищ визуально прослеживалось два. Одно из них оказалось металлургической мастерской и не было до конца исследовано. Второе сооружение (жилище № 9) было раскопано. Здание в плане имело прямоугольную форму, размерами 13 × 11,5 м, и было ориентировано по сторонам света. Оно было построено на небольшом естественном всхолмлении. «Стены сложены из сырцово-глины и имели толщину: южная – 1,12 м, западная – 1,30 м, восточная – 1,38 м, северная – 2,25 м. В южной стене на расстоянии 1,7 м от юго-восточного угла здания обнаружен дверной проем шириной в 1,35 м, с наружной стороны окаймленный двумя сгоревшими вертикальными столбами. Внизу эти столбы с внутренней и внешней стороны соединялись деревянной перемычкой-порогом, на котором сохранились следы циновки, сплетенной из растительного волокна. С внутренней стороны стены жилища покрыты слоем глиняной обмазки. В северо-восточ-

ном углу здания находилась печь, сложенная из каменных плит. От нее вдоль северной и западной стен здания проходил канал-дымоход шириной в 30 см, сооруженный из каменных плит, применяемый для обогрева помещения» (Давыдова, 1995, с. 17).

Второе наземное здание хуннского времени было исследовано в 1940 г. в Хакасии близ г. Абакана в междуречье Ташебы и Абакана. Хотя остатки здания были частично разрушены при строительстве дороги, исследователям удалось проследить архитектурно-строительные особенности здания. Нижние сохранившиеся части стен были сделаны из глины, заливаемой в сделанную из досок опалубку. Толщина внешних стен достигала 2-х м, а стен, расположенных внутри здания, – 1,8 м. Внешние стены сохранились на высоту до 50 см, внутренние же достигали высоты 1,80 м. Размеры всего сооружения составляли с севера на юг – 35 м, с запада на восток – 45 м (Евтюхова, 1947, с. 79).

Внутренняя планировка здания была достаточно сложной и представляла собой многокомнатный блок с большим центральным залом, соединявшимся с другими комнатами дверными проемами. Внутри здания наблюдались остатки системы отопления, представлявшие собой «узкие (до 50 см ширины) канавки с наклонными стенками, обставленными плитами девонского песчаника» (Евтюхова, 1947, с. 81). Обнаружена печь; из которой производилось отопление здания. В холодные зимние месяцы здание дополнительно обогревалось жаровнями, от которых на глиняном полу здания оставались следы в виде прокалов. Внутри здания зафиксированы вкопанные в землю деревянные столбы, опиравшиеся на каменные плиты и являвшиеся, по-видимому, опорами для перекрытия. Здание имело черепичную крышу, реконструируемую исследователями как двухъярусная и четырехскатная. Черепица обнаруживала явное сходство с ханскими образцами, а нижние концевые диски имели штампованные по сырой глине надписи китайскими иероглифами. Были обнаружены дверные ручки, выполненные в виде бронзовых фантастических человекообразных личин с кольцом в носу (Евтюхова, Левашова, 1946; Евтюхова, 1947).

Еще одно наземное здание раскопано на городище Баян Ундэр, расположенном в Южной Бурятии на р. Джиде. Оно было расположено внутри городища, в северо-западном углу, почти при-

мыкая к северному и западному валам. Здание было подквадратной формы, с размерами: северная сторона – 8,7 м, восточная – 8 м, западная – 7,60 м, южная – 8,90 м. Стены здания, сохранившиеся только в нижней части, были тщательно заглажены с внешней стороны и стояли строго вертикально. На внешних же сторонах стен просматриваются продольные «ступеньки», являвшиеся отпечатками досок опалубки, в которую закладывалась влажная глина. Снаружи стены покрывались, судя по проведенному разрезу, тонким слоем обмазки, своего рода штукатурки, толщина которой составляла 2–3 см. Толщину стен определить довольно затруднительно, так как если наружная внешняя сторона стен здания просматривалась почти по всему периметру, то внутренняя сторона из-за развала стен внутрь не прослеживается. Высоту здания восстановить практически невозможно, однако по массивному развалу стен можно судить о количестве строительного материала, затраченного на сооружение здания.

По всему периметру здания, с внешней стороны, сохранились подпрямоугольной в плане формы глинобитные выступы, пристроенные к стенам, внутри которых просматривались остатки столбов. На северной стороне здания было четыре выступа; на южной стороне сохранилось два выступа; на западной и восточной сторонах здания было по одному выступу. По всей видимости, эти выступы служили для укрепления находившихся внутри них деревянных столбов, выполнявших функции несущих конструкций и являвшихся частью строительно-архитектурного ансамбля здания. Для столбов выкапывались ямки, на дне которых находились каменные плитки, служившие твердой опорой столбу.

Наличие с восточной и западной сторон здания по одному выступу, располагавшихся точно посередине, позволяет предполагать, что на этих вертикальных столбах помещалась центральная несущая балка. Дополнительным подтверждением этому служат остатки столба, найденного посередине здания на одной линии со столбами с восточной и западной сторон. Центральный опорный столб стоял в неглубокой ямке и опирался на каменную плиту. Столбы на северной и южной сторонах служили, возможно, опорами для боковых несущих балок, к которым крепились стропила. Очевидно также, что эти столбы служили для придания дополнительной

устойчивости глинобитным стенам здания. Такая конструкция перекрытия предполагает наличие двускатной крыши, прослеживаемой на большинстве полуземлянок Иволгинского городища.

В северо-восточном углу здания находилась печь, сложенная из гранитных плит. От нее вдоль северной и западной стен здания прослеживались остатки отопительного канала, от которого сохранились вертикально стоящие и беспорядочно лежащие плоские гранитные плиты.

Вход в здание находился в южной стене здания, ближе к юго-восточному углу и был обозначен с двух сторон деревянными столбами, от которых сохранились нижние части.

Вокруг здания со всех четырех сторон прослежены остатки глинобитных стен с проходом в юго-западной части. Эти стены отстояли от стен здания: с северной стороны – на 1,55 м; с восточной – на 1,55 м; с западной – на 1,70 м; с южной – на 1,50 м. И повторяя в целом его контуры, образовывали в плане подквадратной формы своеобразный внутренний дворик-коридор. Проход в этот «дворик», обрамленный с двух сторон стенками, выходя за пределы общего квадратного плана, тянулся к югу в виде коридора на восемь метров (Данилов, 1998, с. 111–114).

Все рассмотренные здания расположены в северных пределах хуннской империи и находились внутри укрепленных городищ, являвшихся своего рода опорными пунктами государственности. Городища располагались по берегам рек Селенги, Джиды и Ташебы на остепненных прибрежных участках.

Наземные здания были построены из глины и сооружались скорее всего по единой технологии. На абаканском здании и здании в городище Баян Ундэр был прослежен способ возведения стен путем заливки или укладки влажной глины в дощатую опалубку. Причем, если на здании из Иволгинского городища и на абаканском здании исследователями реконструируются стены значительной толщины, более 1 м, достигая 2-х м, то в Баян Ундэре подобная толщина стен не прослеживается, а кажущиеся их массивность и толщина создаются за счет разрушения и расползания стен после оставления зданий его обитателями. Высота сохранившихся стен не позволяет пока говорить о высоте всех зданий и наличии в них оконных проемов.

Остатки деревянных столбов, постоянно прослеживаемых в процессе исследования, позволяют считать их конструктивной особенностью архитектурно-строительного облика хуннских зданий. Столбы служили несущими конструкциями для кровли и придания большей прочности глинобитным стенам зданий. Прослеживаемые под столбами плоские камни предназначались для придания устойчивости всей каркасной конструкции. Такая особенность прослеживается в архитектуре древнего и средневекового Китая и была зафиксирована у многих соседних народов.

Внутри всех зданий прослеживаются остатки довольно сложных отопительных систем. На Иволгинском городище и в Баян Ундэре наблюдалась система отопления, называемая в литературе «кан». Принцип сооружения кана был единым как для наземных зданий, так и раскопанных жилищ-полуземлянок: в северо-восточном углу жилища находился крытый очаг или печь, сложенная из каменных плит, от которой вдоль северной и западной стен тянулся дымоход, сложенный из плоских каменных плит и предназначавшийся для обогрева здания. В абаканском здании система отопления состояла из канавок, прорытых в полу и закрытых сверху плоскими каменными плитами, проходивших через несколько комнат. Горячий воздух поступал в эту систему из топки, расположенной в отдельной комнате.

Вход во все описываемые здания находился с южной стороны, причем ширина входного проема в здании на Иволгинском городище и в Баян Ундэре позволяет предположить наличие двустворчатой или иной конструкции широкой двери.

Перекрытие зданий и материал, из которого изготовлялась кровля, реконструируется не всегда с достаточной степенью достоверности. Определенно можно говорить только об абаканском здании, где были найдены остатки кровельной черепицы. Исследователи этого памятника, опубликовавшие результаты раскопок, реконструируют крышу здания как двух- или даже трехъярусную (Евтюхова, 1947, с. 79–85). Черепицей покрывались и отдельные здания, расположенные на территории Монголии, в коренных землях хунну. Наличие этого строительного материала отмечалось на городищах Гуа дов, Хурээт дов. На Иволгинском городище и в Баян Ундэре при раскопках зданий выявлялись остатки деревянных плах

бревен и брусьев, причем на Иволгинском городище были «встречены фрагменты плах, покрытых глиняной обмазкой, обломки Г-образной формы, которые покрывали углы, образованные либо потолком и стенами, либо двумя смежными стенками» (Давыдова, 1995, с. 17). Здесь скорее всего сооружалась двускатная крыша, сходная по своей конструкции с перекрытием реконструированных полуземлянок Иволгинского городища (Давыдова, 1995, с. 15, рис. 3, табл. 86,2).

Данные, известные на сегодняшний день по изученным наземным зданиям хунну, показывают, что основным материалом, применяемым при строительстве, была глина специально, по-видимому, подготовляемая для строительных работ. Основной технологией возведения стен зданий, судя по их нижним сохранившимся частям, было помещение глинистого раствора или влажной глины в сооруженную из досок опалубку. Одновременно с возведением стен или несколько раньше устанавливались деревянные столбы, служившие опорой для балок, стропил и обрешетки перекрытия. Применение такого способа сооружения жилых зданий имело широкое распространение в северных районах Восточной Азии, в частности, в Дунбэ: «Каркасно-столбовые дома, в которых крыша опирается только на деревянный остов, стены же никакой нагрузки не несут (вне зависимости от заполняющего их материала). Характерно, что столбы каркаса не вкапываются в землю, а опираются на каменные подушки-базы. Такой опорный каркас сохраняется нередко в срубных и каменных постройках» (Народы мира, 1965, с. 102, 247, 248, 250, 675, 676), хотя применение столбов в качестве опор для перекрытия и укрепления конструкции стен известно у многих народов мира.

Одной из характерных черт известных нам хуннских жилищ являлась своеобразная система отопления. Имеющиеся данные позволяют говорить о том, что каны впервые начали применяться на Дальнем Востоке населением кроуновской культуры, занимавшей территорию южной части Приморского края, Северо-Восточного Китая и севера Корейского полуострова. Время существования этой культуры исследователи определяют III в. до н. э. – II в. н. э., т. е. совпадающей со временем хуннского великодержавия. Контакты между населением кроуновской культуры и хунну, несомненно, существовали, особенно, учитывая существующее в науке мнение о

происхождении, по крайней мере, части населения, вошедшего в состав хуннского государства, из Дунбэ. Скорее всего отражением самых разнообразных связей между населением центральноазиатского региона и Дунбэ явилось сходство и в технологии строительства жилищ, и в применении самобытной системы отопления (Окладников, Бродянский, 1984, с. 109–110; Бродянский, 1985, с. 46–50).

В абаканском здании прослеживалась иная система отопления. Она отличалась от кана своим подпольным расположением, что впрочем обуславливалось наличием большого числа комнат и необходимостью их обогрева в холодное время года. Топки (их в здании было, по крайней мере две) располагались в отдельных помещениях. Отопление жилищ с использованием каналов, расположенных под полом, использовалось довольно широко корейцами, где такая система известна под названием «ондоль» (Народы мира, 1965, с. 815–816). Следы употребления такого способа обогрева помещения встречались при раскопках жилищ в Средней Азии.

Можно констатировать, что у хунну отмечается наличие мелких и крупных оседлых поселений, расположенных по всей территории их проживания. Хотя археологическая изученность хуннских городищ продолжает оставаться недостаточной, все же можно говорить о широком использовании хуннами достижений в области жилищного и городского строительства, достигнутого соседними народами. В первую очередь, судя по материалам раскопок городищ, расположенных в северных пределах хуннского государства, хунну использовали строительный опыт народов Северного Китая и Дунбэ. Это просматривается в использовании каркасно-столбовых конструкций зданий, строительстве стен из глины и широком применении канов. Возможно, здесь не исключена возможность происхождения части хуннского населения с дунбэйских равнин, откуда и были принесены традиции сооружения стационарных жилищ. Следует также обратить внимание на то, что основным типом жилищ на северной периферии хуннского государства, как и населения кроуновской культуры, были полуземлянки. Наземные сооружения, хотя и отмечаются исследователями кроуновской культуры, но их количество было, видимо, незначительно.

Зафиксированный при раскопках абаканского здания способ его обогрева был, вероятно, перенят у народов Дальнего Востока

и Корейского полуострова. Этот способ обогрева жилищ мог быть и местным изобретением. Так, на поселении Дурены была зафиксирована вырытая в материке канавка, служившая топочным каналом вместо кана (Давыдова, 1978). Каркасно-столбовая конструкция здания с глинобитными стенами, с черепичной крышей вполне соответствовала архитектурным традициям, складывавшимся в Китае со времени существования государства Шан-Инь и продолжавшим свое развитие в последующие эпохи. Очевидно, что идею строительства наземных зданий хунну заимствовали в архитектуре империи Хань, с которой у них существовали самые разнообразные контакты.

По всей видимости, хунну имели и иные типы наземных сооружений, чем рассмотренные нами. Они просматриваются при визуальном осмотре городищ, расположенных в Монголии. На них отмечается наличие, округлых в плане платформ, высотой свыше 2-х м зданий дворцового типа, мощных фортификационных сооружений (Пэрлээ, 1961; Шавкунов, 1973, с. 506–507). Раскопки, проведенные на городище Гуа дов, выявили остатки здания на насыпной платформе с глинобитными стенами, в конструкции которого просматриваются деревянные столбы, установленные на каменных плитах. В материалах, полученных на этом памятнике, упоминаются черепица, строительные кирпичи, плоские квадратные кирпичи, основания деревянных столбов.

Однако судить обо всем комплексе строительных и архитектурных достижений хуннского общества можно будет только после проведения полномасштабных раскопок на различных типах памятников городской культуры.

Городища и города уйгурского каганата

Археологическое изучение территории Центральной Азии показывает, что стационарные оседлые поселения в послехуннское время появляются в период существования уйгурского каганата. Достаточно хорошо документированных памятников оседлости сяньбийского населения и жужаней в настоящее время пока не имеется.

Каганат уйгуров возник на развалинах государства тюрков, во многом унаследовав их культурные традиции. В отличие от тюрков, памятники оседлости которых пока не известны, у уйгуров

наблюдается строительство оседлых поселений и городов, в которых сосредотачивались административные учреждения и разворачивалась хозяйственная жизнь. Столичные города уйгуров, расположенные на Орхоне, служили крупными культурными центрами и местом караванной торговли. Одним из крупных городов уйгуров был Кара Балгасун (Орду Балык), расположенный в долине Орхона, с которого мы начинаем описание уйгурских памятников.

Кара Балгасун (Орду Балык)

Развалины Орду Балыка, столицы уйгурского каганата, находятся в Арахангайском аймаке, сомоне Хотонт, в долине р. Орхон. Местные жители его называют «Хар балгас». Во второй половине XIX в. Хар балгас изучали русские ученые Д. А. Клеменц, В. В. Радлов; в 1933, 1934 гг. – Д. Букинич; в 1949 г. здесь проводили исследования С. В. Киселев, Х. Пэрлээ.

По всей видимости, Орду Балык первоначально был расположен не в долине Орхона, а перенесен сюда позже. В китайской исторической хронике написано: «Начало Тянь бао – в 751 году главная ставка уйгурского хана Пэй-ло перекочевала в место между горой У-тэ-цзянь (Утуган) и рекой Хун (Орхон). Слева от того места была равнина. Справа гора У-тэ-цзянь, на севере в 600 ли река Сянь-э (Селенга)». Точно определить, когда и где был основан город, представляется довольно затруднительным, но, возможно, Орду Балык был основан девятью уйгурскими родами, откочевавшими с их родины, с р. Селенги на юг, – замечал Х. Пэрлээ (Пэрлээ, 1961, с. 49–50).

Судя по письменным источникам, Орду Балык был большим городом, раскинувшимся на 25 км. Здесь находился центр административного управления государством, сосредотачивались ремесленное и торговое население, пагода. Крепость-цитадель – по своим размерам самое значительное фортификационное сооружение уйгурского каганата. Хотя его стены с течением времени значительно обвалились, их высота и в настоящее время составляет 12 м, а центральной смотровой башни городища – 14 м. При раскопках внутри городища были обнаружены остатки дворца, который можно отнести ко времени эпохи Тан (618–907 гг.). Стены крепости были укреплены башнями из сырцового кирпича. Башни находились так-

же и по углам крепости. Около ворот крепости, возможно, находился сад. Полученные при исследовании Орду Балык материалы подтверждают, что крепость являлась центральной ставкой уйгурского хана и была столицей всего каганата.

Кроме этого, в городе находились остатки сооружения с пагодой, являвшейся, вероятно, культовым сооружением правящего каганского рода. Около дверей этого сооружения были установлены каменные стелы с уйгурскими, китайскими и орхоно-енисейскими надписями, посвященные уйгурским каганам. В северо-западной, западной частях Орду Балыка располагались кварталы, где проживало торговое и ремесленное население города. При раскопках в 1949 г. были определены несомненные следы обработки металла, остатки плавки бронзы и китайская монета, относящаяся к 840 г. Обнаруженные в Орду Балыке во множестве черепки от так называемых «кыргызских ваз» являются свидетельством того, что там жило много людей, занимающихся гончарным ремеслом. Хар балгас, хотя и был большим городом, но просуществовал не более 100 лет, в 840-е гг. енисейские кыргызы разрушили и сожгли столицу уйгуров и уничтожили сам каганат.

Сведения исторических хроник, что город был сильно разрушен кыргызами, подтвердили результаты раскопок. Хотя факты свидетельствуют, что почти каждая семья имела ручную мельницу, до сих пор не найдено ни одного целого жернова, встречаются только сплошь разбитые. Были разрушены и каменные стелы с письмами (Киселев, 1957, с. 93–95).

Байбалык (Бий булаг)

Город был основан уйгурами в середине VIII в. в долине р. Селенги, на территории ныне Булаганского аймака. Его остатки местные жители называют «Бий булаг». По сведениям письменных источников, Байбалык первоначально основали согдийские и китайские торговцы. Кроме них, в городе проживали приглашенные буддийские богословы, которые проповедовали и переводили на уйгурский язык священные книги.

Археологические раскопки в Байбалыке не проводились. При изучении местности просматриваются два, стоящих отдельно друг от друга, небольших глинобитных сооружения. Они были соору-

жены так же, как и дворец в цитадели Хар балгаса, на земляной платформе.

В северном сооружении (в пагоде Байбалыка) находились каменные статуи льва и львицы, лежащие позади крепости «Голова льва». Такие статуи устанавливались обычно в дверях дворцовых сооружений (Пэрлээ, 1961, с. 51–52).

Хэдун Хатун хот

В уйгурском каганате, кроме Хар балгаса и Байбалыка, были и другие города. Название одного из них, Хэдун хот, позже появляется в киданьское время (X в.). Местоположение этого города точно не было известно. Ученый Ростхорн ошибочно принимал Хэдун хот за Хар балгас.

Но высказывание Ролстхорна, что Хэдун хот – это дворец, находящийся к северу от р. Тамир, на оз. Тэйлур, ничем не обосновано. Сейчас установлено, что Хэдун хот находился в долине р. Керулен. О том, что он располагался рядом с киданьским городом на р. Пи-бэй, пишется в «Мэн-гу-ю-му-цзи».

Раскопки этого городища предприняли в 1949 г. Х. Пэрлээ и С. В. Киселев. При изучении найденных при раскопках строительных материалов оказалось, что они идентичны находкам в Орду Балыке и относятся к одному времени. Исследователи полагают, что это, возможно, были ранние остатки города Хар хорин (?). Данные, подтверждающие этот факт, можно найти в китайских исторических источниках. В этих хрониках написано, что на месте, где находился Хар хорин, уйгурский хан Чжан синь построил дворец и в 839–840 гг. дополнительно возвел крепость.

Есть сведения, что в уйгурском государстве помимо городов были похожие на поселения отдельные религиозные построения, монастыри. Можно полагать, что в этих монастырях жили не только священники, но и ремесленники, обитавшие в его окрестностях. Местонахождение остатков монастырей уйгурского времени пока не найдено.

Из письменных источников и раскопок проясняется, что уйгурские города по организации и значению были несравненно выше, чем имевшиеся до них в Монголии поселения.

Кроме долин Орхона, Селенги и Керулена, уйгурские городища известны на территории Тувы. Эти памятники на протяжении

ряда лет изучались археологической экспедицией МГУ под руководством профессора Л. Р. Кызласова. Им сделано описание всех выявленных памятников, проведена их топографическая съемка. На отдельных памятниках были проведены стационарные раскопки.

I Шагонарское городище

Памятник расположен на правом берегу Шагонарчика. Размеры городища с севера на юг – 235 м, с запада на восток – 232 м, т. е. общая площадь городища составляет 5,45 га. Валы городища в современном состоянии шириной в среднем до 15 м и высотой до 2 м. С наружной стороны валов проходят неглубокие рвы. Городище имело двое ворот с севера-северо-запада и востока-северо-востока, башни по углам и еще по одной башне у ворот. От северо-восточного угла поселения на восток-северо-восток отходит вал (длиной около 2 км), доходящий, как удалось выявить автору раскопок в 1947 г., до базарной площади Шагонара, а затем до левого берега Улуг-Хема. С севера-северо-западной стороны вала по всей его длине проходит ров. От северо-западного угла вал отходит в противоположную сторону (на запад-юго-запад). Он идет на протяжении 1,3 км и обрывается в Шагонарчик. Первоначально I Шагонарское городище было форпостом, преграждавшим путь для едущих от устья Хемчика вверх по левому берегу Улуг-Хема. Его стена пересекала всю долину от Шагонарчика до Улуг-Хема. Дополнительной преградой было V Шагонарское городище на левом берегу Шагонарчика, в 1,5 км выше его устья.

Внутренняя поверхность I Шагонарского городища ровная. Здесь были заложены два шурфа и разрезан вал, оказавшийся глинобитным. Обследование показало, что тонкий культурный слой городища повсюду недавно распахан. Лучше всего он сохранился в его юго-западном углу. Шурф (2 × 4 м, до глубины 0,85 м) выявил лишь нетронутый материк. А в шурфе № 2 найдены обломки тех же сосудов, что и на поверхности, и обломок зернотерки. Шурф № 2 (2 × 2 м) заложен в небольшом круглом углублении диаметром 8 м и глубиной до 0,2 м. Это углубление на площади городища единственное. Очевидно, первоначально оно было ямой или полужемлянкой. Под толстым дерновым слоем, до глубины 0,76–0,84 м, шли перемежающиеся слои серого и бурого цвета, видимо, отложения

размылов зимних и летних осадков. Ниже, до самого материка, шел мощный слой коричневого суглинка, в котором всюду встречались, как впрочем и в верхних слоях, обломки сосудов и кости домашних животных. Обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади. Материк выявился на глубине 1,6 м (Кызласов, 1979, с. 145–146).

II Шагонарское городище

Городище имеет квадратную форму размерами 150 × 150 м. Валы городища достигают 2,5 м в высоту. Длина стен по верху вала: западная – 151,4 м, северная – 148 м, восточная – 150 и южная – 150 м. По углам валов городища сохранились остатки башен, а вокруг проходит ров. Ворота находятся в западной стене, и охранялись они еще одной башней. Ширина проема ворот – 4 м. На внутренней, густо заросшей осокой, плоской площади нет видимых остатков жилищ (Кызласов, 1979, с. 146).

III Шагонарское городище

Оно расположено в 260 м к юго-востоку от II городища, 4 км к юго-востоку от г. Шагонара, 2 км к юго-востоку от пос. Кок-Чираа. Первоначально это был хорошо укрепленный замок размерами – 126 × 119 м, площадью – около 1,5 га. Длина стен по верху вала: западная – 119,7 м, северная – 126 м, восточная – 119 м и южная – 126,2 м. Ворота располагались в северном и восточном валах городища. Ширина их проемов соответственно 3,5 и 9 м. В отличие от остальных городищ, на III Шагонарском городище была внутренняя квадратная цитадель размерами 47 × 45 м, т. е. около 0,2 га. Валы цитадели – остатки мощных стен, сложенных, как показала зачистка старой ямы в юго-восточном углу цитадели, из длинномерного сырцового кирпича, размерами 42 × 20 × 10 или 43 × 23 × 10 см. Размеры этого кирпича характерны для сырцовых сооружений центральных и восточных районов Средней Азии VII–IX вв. На валах просматриваются остатки 10 башен и ворот со въездами в северной и восточной стенах. Высота валов от уровня глубоких рвов снаружи достигает 5,5 м, от уровня плоской внутренней поверхности городища – 2,8 м.

Угловые башни есть и у внутренней цитадели замка, которая также имеет ворота с северной и восточной сторон. Высота остат-

ков стен цитадели от уровня поверхности городища достигает 2 м. Длина стен по верху вала: западной – 44,6 м, северной – 46,2 м, восточной – 45,2 м и южной – 47,2 м. Проем обоих ворот – по 6 м.

Хорошая сохранность стен замка, несмотря на их оплывы, позволила воссоздать Л. Р. Кызласову его реконструкцию. Внутри замка никаких следов остатков каких-либо сырцовых или других жилых сооружений не обнаружено, также не найдено и подъемного материала. Исключением была бусина из бело-молочного камня, поднятая внутри цитадели (Кызласов, 1979, с. 146–147).

На этом городище в 1960 г. Л. Р. Кызласовым было заложено несколько раскопов, позволивших проследить конструктивные особенности ворот и привратной башни городища, стен цитадели. Внутри цитадели им были выявлены остатки здания, крытого черепицей без отпечатков ткани с внутренней стороны и стоявшего, возможно, на сваях (Кызласов, 1979, с. 150–152). Стены цитадели с внутренней стороны были сложены из сырцового кирпича размерами 42 × 21 × 10 см; 42 × 22 × 10 см; 43 × 23 × 10; 44 × 23(22) × 10 см. С наружной стороны стена имела заметный наклон во внутреннюю сторону, постепенно сужаясь кверху. Ее сохранившаяся высота – 2,12 м от уровня древнего горизонта. Судя по данным Л. Р. Кызласова, ширина стены цитадели колебалась от 4,61 до 4,85 м в нижней части и от 3,48 до 3,94 м – в верхней части. Эти наблюдения были сделаны на участке шириной в 2 м и можно предполагать, что по каким-то причинам размеры стены цитадели были неравномерные (Кызласов, 1979, с. 152–153). Привратная башня и стены городища были сооружены способом заливки глинистого раствора в деревянную опалубку. Основание башни было полукруглым, ее сохранившаяся высота составляла 3,5 м. По мнению Л. Р. Кызласова, ее первоначальная высота могла достигать 7 м, а стены городища – 6 м (Кызласов, 1979, с. 155).

IV Шагонарское городище

Городище было расположено в 500 м к югу-юго-западу от III Шагонарского городища, вверх по руслу Чааты. Оно подквадратной в плане формы, размерами в среднем 80 × 80 м, т. е. около 0,64 га. Высота валов от внутренней поверхности достигает 2 м. Это городище – самое малое из всей группы шагонарских памятников.

Оно отличается от остальных отсутствием башен, но у него, как у I и III городищ, имеются ворота в северной и восточной стенках. Длина стен по верху вала: западная – 80 м, северная – 79,5 м, восточная – 83,5 м и южная – 76 м. Проемы северных и восточных ворот – соответственно 5 и 9 м. Подъемный материал не обнаружен (Кызласов, 1979, с. 147).

Городище Бажын-Алак

Это городище имеет наибольшую площадь размерами 538 × 375 м, т. е. около 18,2 га. Оно расположено в Дзун-Хемчикском районе в пойме Чадаана, правом притоке Хемчика. У этого городища наблюдаются мощные сырцовые стены без башен высотой до 2,5 м, широкие рвы и двое ворот в противоположных северо-западной и юго-восточной стенах. Юго-западная стена сильно размыта и прорезана старицей реки, основное русло которой теперь проходит к северо-востоку от городища. Длина стен по верху вала: северо-западная – 378,7 м, северо-восточная – 538 м, юго-восточная – 372 м, и юго-западная – 531 м. Ширина проемов северо-западных и юго-восточных ворот – соответственно 12 и около 27 м. В некоторых местах по северо-восточной стене выступают остатки сырцовой кладки.

Бажын-Алакское городище – единственное из всех известных (если не считать III Шагонарское) городищ, где сохранились видимые остатки ряда строений. В его северо-западной части расположены шесть пар длинных земляных валов, объединенных в три параллельные группы, с продольными углублениями посередине каждого вала. Пробные траншеи, прорезавшие один из валов, выявили остатки каких-то длинных строений, разделенных частоколами из деревянных столбов на отсеки. Возможно, в них размещался некогда гарнизон крепости. Кроме косточек животных и каменного груза из гальки, ничего не найдено.

В центре городища, между растущими лиственницами и кустами караганы, расположена группа небольших холмов и впадин. Здесь были выявлены остатки дома на фундаменте из плитняка, с очагом на глинобитном полу и фрагменты стенок серого сосуда, сделанного на кругу. Найдены кости мелкого рогатого скота и марала. Кроме того, на городище подняты: обломок куранта зерно-

терки, кусок оселка и игральный астрагал барана со стертой поверхностью.

Вся остальная площадь городища, подвергавшаяся в недавнее время распашке с проведением оросительных канав, плоская, без видимых следов культурного слоя (Кызласов, 1979, с. 147–148).

Экспедицией МГУ под руководством Л. Р. Кызласова были обследованы несколько уйгурских городищ на правом берегу Хемчика.

Городище в урочище Чон-Терек

Городище находится в самых верховьях Хемчика, там, где река выходит из ущелья, в урочище Чон-Терек. Оно расположено в 500 м от правого берега Хемчика и представляет собой четырехугольник размерами 170 × 164 (155) м. Земляные валы шириной до 12 м усыпаны галькой. Внутри городища находилось плоское пространство (Кызласов, 1979, с. 157).

Городище к юго-западу от пос. Тээли

Городище находилось в 0,5 км к юго-западу от пос. Тээли. Оно имело квадратную в плане форму размерами 270 × 270 м. Валы городища, состоявшие из земли, щебня и гальки, достигали ширины 10 м, с оплывшими башнями по углам. Стороны квадратного городища ориентированы на юг-юго-восток, запад-юго-запад, север-северо-запад и восток-северо-восток. Трое ворот, просматривающиеся как разрыв вала, прослеживаются с юга-юго-восточной, севера-северо-западной и востока-северо-восточной сторон (Кызласов, 1979, с. 157).

Городище Эльдиг-Кежиг

Ниже по Хемчику, у северо-восточного конца семикилометровой стены, в пойме Барлыка (правом притоке Хемчика), заметны оплывшие остатки большого прямоугольного городища Эльдиг-Кежиг размерами 500 × 250 м. Городище ориентировано сторонами по странам света. В северной стороне сохранились ворота и 2 «калиточки», а восточная стена совершенно смыта водами Барлыка, и на ее месте расположено старое сухое русло. Вокруг городища проходит густая сеть древних арыков, кое-где обновленных туvinцами (Кызласов, 1979, с. 157).

Городище Малгаш-Бажын

В 1977 г. было открыто городище на левом берегу Хемчика, на заболоченной р. Эдегей, в 2 км к северо-западу от Ак-Довуракского рудника. Крепость расположена на невысоком плато к северо-востоку от невысокой сопки и называется Малгаш-Бажын. Она имеет квадратную в плане форму размерами 250 × 250 м. Валы, шириной 17–29 м по низу, до 3-х м по верху, высотой 1,3–2,8 м, усыпаны галькой, из чего можно заключить, что стены сделаны обычным для уйгуров приемом – из «галькобетона», т. е. глинобитные с галькой. Снаружи стены окружают рвы шириной от 10 до 20 м. Башни расплылись. В каждой стене ворота. Ширина западных ворот – 10 м, восточных – 11, южных – 7 и северных – 8 м. Против ворот есть выездные перемычки во рвах шириной от 10 до 15 м. Внутренняя поверхность совершенно ровная и, кажется, без культурного слоя. Два небольших шурфа ничего не выявили. Гарнизон уйгуров жил здесь, вероятно, в юртах (Кызласов, 1979, с. 157–158).

Городище Балгаш-Бажын

Городище находится на левом берегу Хемчика, посередине пос. Бора-Тайга на правом берегу р. Ак-Суг. Южная и частично восточная его стены уничтожены в древности ныне высохшей протокой реки. Сохранились северная стена длиной 315 м и высотой 2,5 м и западная длиной 300 м. Остался отрезок восточной стены длиной 110 м. Посредине северной стены находились ворота. Видны размытые остатки башен. Стены городища сделаны из глиняной массы с небольшой примесью гальки, заливавшейся в дощатую опалубку слоями толщиной 15–20 см. Поэтому массив стены очень крепок. Внутренняя поверхность крепости ровная, без следов строений или ям (Кызласов, 1979, с. 158).

Рассмотренные археологические материалы показывают, что в эпоху уйгурского каганата на территории Центральной Азии происходили процессы появления городов. Изучены они, главным образом, в долине Орхона и на территории Тувы. Почти все изучавшиеся городища имели мощные оборонительные сооружения, свидетельствующие о постоянной военной опасности, угрожавшей на-

селению городов и жителям прилегавшей округи. Развалины стен Орду Балыка, столицы уйгурского каганата даже в современном состоянии достигают высоты 10–12 м.

Уйгурские городища в Туве являлись, по мнению исследователей, крепостями, сооруженными для охраны северных границ каганата от все более набравших силу кыргызов. Все городища имеют четырехугольную форму, которую составляли стены, сложенные из сырцовых кирпичей или сооруженные из глинобиты. На ряде городищ прослеживаются угловые, привратные и фронтальные башни. На III Шагонарском городище, внутри, была возведена цитадель со стенами, сложенными из сырцового длинномерного кирпича. Из сырцового кирпича были сооружены стены городища Бажын-Алак. По наблюдениям Л. Р. Кызласова, размеры кирпичей характерны для сырцовых сооружений восточной и центральной частей Средней Азии (Кызласов, 1979, с. 146). Как известно, в Среднюю Азию в эпоху тюркских каганатов попадает большое количество населения из центральноазиатских регионов. После распада тюркских каганатов на некогда подвластной им территории возникают крупные кочевые объединения тюркшей, кимаков, кипчаков, карлуков. К таким же образованиям можно отнести и уйгурский каганат. Возможно, у бывших подданных тюрков оставались какие-то узы, связывавшие население Средней и Центральной Азии, в результате которых при сооружении уйгурских крепостей в Туве использовались кирпичи, выполненные по среднеазиатской технологии.

Население городищ составляли военные гарнизоны и обеспечивающие их потребности ремесленники, земледельцы и торговцы (Кызласов, 1969, с. 59–63).

Енисейские кыргызы, уничтожившие уйгурский каганат, по всей видимости, не имели планов захватывать его территорию и не создавали здесь городов и поселений. Хотя сведения о существовании на Орхоне кыргызских городов имеются в источниках. Данных о существовании политических объединений на территории центральноазиатских степей вплоть до киданьского нашествия пока нет. Не известны и памятники оседлости после уйгурского и кыргызского великодержавия.

Городища киданей

Появление киданей в Центральной Азии связывают с образованием ими государства и началом широкой экспансии против соседних государств и народов. Источники упоминают о существовании у киданей традиций возведения оседлых поселений в догосударственный период (Ивлиев, 1983, с. 129). Однако подлинный расцвет киданьское градостроительство переживает в эпоху империи Ляо. Города киданей существовали как в местах их исконного обитания, в бассейне р. Шара-мурэн, так и во вновь покоренных землях Северного Китая, а в Центральной Азии вплоть до Восточного Туркестана, где возникло государство Западное Ляо. Нас, исходя из нашей задачи, главным образом, интересуют города, расположенные на территории Центральной Азии. Поэтому мы рассмотрим городища, выявленные археологами на территории ряда монгольских аймаков. В то же время, изучая памятники киданей, не следует забывать о собственно киданьских строительных и градостроительных традициях, полученных при завоевании ряда северных провинций Китая.

Барс хот I

Городище Барс хот I (Дунчен) находится на левом берегу р. Керулена в Восточном аймаке МНР. Форма городища в плане прямоугольная, ориентирована с севера на юг. Длина валов – 1600 × 1810 м, общая длина – 6800 м, высота – 1,5–2 м, ширина – 4 м. На городище находятся две пагоды, одна внутри городища, другая за его пределами. В юго-западной части городища имеются развалины каменных стен на земляном цоколе. Внутри остатки четырех зданий. Вдоль этих стен находятся следы более 10 квадратных сооружений (5 × 5 м), а севернее обнаружена печь для обжига извести. Вероятно, на городище был крупный храмовый комплекс (Пэрлээ, 1961, с. 62–66).

Зуун хэрэм

Городище Зуун хэрэм (Пибэйхэчэн) находится у слияния Керулена с Мурэн, в сомоне Мурэн, Хэнтэйского аймака, МНР. Городище имеет прямоугольную в плане форму и ориентировано с севера на юг. Длина северной стороны – 510 м, южной – 420 м, во-

сточной – 507 м, западной – 502 м, общая длина 1939 м. Высота валов – 1,5–2 м, ширина – 4–6 м, перед валами выкопан ров. Имеются трое ворот: с западной, южной, восточной сторон. По данным Х. Пэрлээ, на восточном валу есть еще одни ворота и двое ворот – на северном. Однако, судя по приводимому Х. Пэрлээ плану, указанные им ворота скорее всего являются поздними разрывами вала, аналогичными тем, что есть в западной части южного вала. Восточные и южные ворота защищены Г-образными валами. Имеются 24 фронтальные башни, 6 – на западном валу, 5 – на северном, 8 – на восточном и 5 – на южном. Есть угловые башни на валах. В центре городища имеется пагода.

Планировка городища следующая – улицы, идущие от южных и восточных ворот, делят город на четыре части: военно-административную, ремесленную, жилую. Южная часть городища застроена гораздо больше, чем северная. Городские постройки возводились на цоколях высотой 1–1,5 м. Жилища обогревались канами. Имеется много ремесленных мастерских, многочисленны следы земледелия (Пэрлээ, 1961, с. 57–61).

Городище Баруун хэрэм

Городище Баруун хэрэм находится на возвышенности, в 2 км западнее от городища Зуун хэрэм. Городище имеет в плане прямоугольную форму и ориентировано с севера на юг. Длина северной стороны – 825 м, южной – 826 м, восточной – 862 м, западной – 803 м, общая длина – 3316 м. Высота валов – 1,5–3 м, ширина – 7–12 м, перед валом выкопан ров. Имеются семь ворот, с западной и северной сторон просматриваются по одному воротному проему, с южной стороны – двое ворот, с восточной – трое. Всего на валах городища просматриваются 35 фронтальных башен: 8 – на западном валу, 11 – северном, 9 – восточном и 7 – южном. Имеются и угловые башни. По имеющимся остаткам строений трудно судить о наличии пагоды и других сооружений внутри городища.

Планировка городища следующая – с запада на восток город разделен двумя стенами. Северо-восточная часть отделена особой стеной. На загороженных пространствах есть следы оград с остатками домов. Аналогичные укрепленные усадьбы имеются в южной и юго-восточной частях городища. В западной и северо-западной

частях городища отсутствуют остатки строений, и это место напоминает пустырь.

По мнению Х. Пэрлээ, городища Зуун хэрэм и Баруун хэрэм образуют единый комплекс, это «как бы один город с двумя укрепленными районами», причем Баруун хэрэм – «своеобразная хозяйственная база Зуун хэрэма» (Пэрлээ, 1961, с. 61–62).

Городище Талын улааны балгас

Городище Талын улааны балгас находится на восточном склоне горы Шивээт (Талын), в сомоне Дашинчилэн, Булганском аймаке, МНР.

Имеет в плане прямоугольную форму, ориентировано с севера на юг, размеры городища – 330 × 370 м, общая длина – около 1400 м. Нельзя определенно указать, что нет рвов. Имеются четверо ворот, с каждой стороны. Южные ворота имеют П-образный защитный вал.

Имеются 40 фронтальных башни, 10 – на западном валу, 10 – северном, 10 – восточном и 10 – южном. Есть угловые башни на валах. Определенно отметить наличие пагоды невозможно.

Планировка: город делился на четыре части двумя широкими улицами. Город был сильно застроен – всюду остатки зданий. Датировка Ляо, XI–XII вв. (Пэрлээ, 1961, с. 67).

Городище Дэрсэн хэрэм

Городище Дэрсэн хэрэм находится рядом с городищем Талын улааны балгас. В пределах валов очень мало следов зданий.

Х. Пэрлээ полагает, что это хозяйственная или военная база Талын улааны балгаса. Датировка Ляо, XI–XII вв. (Пэрлээ, 1961, с. 67–68).

Городище Угзугчийн хэрэм

Городище находится на южном склоне г. Дайчин, в сомоне Батширээт, Хэнтэйского аймака, МНР. Оно расположено в верхней части распадка. Верхушка пади перегорожена стеной, сложенной из хорошо подогнанных необработанных камней и продолжающейся по обоим бортам распадка. Стена в современном состоянии имеет высоту в наиболее хорошо сохранившихся местах до 3-х м и неко-

торый наклон во внутрь городища. Основу конструкции стены составляет внешний панцирь, сложенный из одного ряда камней. Внутри каменного панциря набрасывали в беспорядке камни средних и небольших размеров. Пока непонятно, имелся ли каменный панцирь с внутренней стороны. Въезд или ворота городища имеют по обеим сторонам развалы из камней, являющихся или остатками каких-то привратных сооружений, или появившихся сравнительно недавно во время строительства дороги через городище. Внутри городища, при визуальном осмотре, остатков каких-либо сооружений не обнаружено. При осмотре городища собрана киданьская керамика. Памятник датируется эпохой Ляо, в хронологических рамках XI–XII вв. (Полевые наблюдения С. В. Данилова, 1999).

*Городище Харбухын их шороон хэрэм
(Хадасангийн балгас)*

Городище находится на р. Харбухын-гол, в 12 км на запад от центра сомона Дашинчилэн, Булганского аймака, МНР. Имеет в плане квадратную форму, ориентировано с севера на юг. Длина северной стороны – 596 м, южной – 556 м, восточной – 556 м, западной – 547 м, общая длина – 2255 м. Рва нет. Имеются четверо ворот, с каждой стороны. Все ворота содержат П-образный защитный вал. Есть 27 фронтальных башен, 7 – на западном валу, 7 – северном, 7 – восточном и 6 – южном. Угловые башни на валах. Определенно отметить наличие пагоды невозможно.

Планировка: с запада на восток проходила центральная улица, вдоль нее располагалась основная часть зданий. Некоторые дома были обнесены небольшими стенами. На пустырях, возможно, были сады, так как туда подведены каналы.

В окрестностях городища имеются следы обширной оросительной системы. В западной части есть остатки поздних каменных строений. Датировка городища – эпоха Ляо, X–XII вв. (Пэрлээ, 1961, с. 66–67).

*Городище Чинтолгойн балгас
(Хатун хот, Чжэньчжоу)*

Городище находится в сомоне Дашинчилэн, Булганском аймаке Монголии. Имеет в плане прямоугольную форму, ориенти-

ровано с юго-востока на северо-запад. Длина северо-западной стороны – 595 м, юго-восточной – 605 м, северо-восточной – 1093 м, юго-западной – 1103 м, общая длина – 3396 м. Рва нет. Имеются пять ворот: с северо-восточной – 2, юго-западной – 2, юго-восточной – 1. Все ворота содержат П-образный защитный вал. Есть 28 фронтальных башен: на северо-западном валу – 6, юго-восточном – 5, северо-восточном – 10, юго-западном – 7. Расположены они нерегулярно, есть угловые башни на валах. Имеются на городище пагоды.

Планировка: город разбит улицами на кварталы. Северная часть городища отгорожена валом, имеющим ворота, защищенным с юго-востока.

На городище обнаружена черепица с киданьскими надписями. Х. Пэрлээ полагает, что это остатки киданьского Чжэньчжоу (Хатун хот), основанного в 994 г. Датировка Ляо, X–XII вв. (Пэрлээ, 1961, с. 56–57).

Городище Эмгэнтий хэрэм

Городище находится на левом берегу р. Харбухын-гол, на север от горы Талын-улаан сомона Дашинчилэн, Булганского аймака, МНР. Имеет в плане прямоугольную форму. Общая длина сторон – 1500 м. Рва нет. В трех стенах – по одним воротам, в одной, возможно, в южной – 2. Есть угловые башни на валах.

Следов зданий почти нет. Валы из земли и камня. Встречена киданьская керамика X–XI вв. (Пэрлээ, 1961, с. 68).

На территории центральноазиатских степей выявлено около десяти киданьских городищ. Все они имели укрепления, сохранившиеся до наших дней в виде валов высотой до 2-х м и шириной до 12 м. Укрепления городища Углугчийн хэрэм, сложенные из необработанных камней и сохранившиеся на высоту до 3-х м, свидетельствуют о применении в киданьское время разнообразной технологии строительства крепостных сооружений. При возведении стен городищ, киданьскими архитекторами применялись различные строительные приемы для более действенной обороны. Ими возводились угловые и фронтальные башни, позволявшие держать под обстрелом почти все обороняемые участки стен. Ворота как наиболее уязвимая линия обороны были защищены П-образным

валом. Конструкция самих стен, которые сохранились в виде валов, представляла собой стену, сложенную из глины, перемежавшуюся со слоями земли. На своей основной территории кидани строили стены из сырцового кирпича (Ивлиев, 1983, с. 121–124).

Важным элементом обороны были пагоды, предназначенные для наблюдения за действиями неприятеля и лучшего руководства и организации обороны. Их высота в современном состоянии достигает пяти-семи этажей. Пагоды изготовлялись из обожженного кирпича и внутри представляли собой сводчатое помещение. Эти памятники – яркое свидетельство высокого уровня архитектуры и строительного дела в империи киданей.

Внутри городищ наблюдались попытки организации внутреннего пространства по примеру столичных киданьских городов. Прямоугольные в большинстве городища подразделялись валами или улицами на прямоугольные кварталы, в которых исследователи видят военно-административные, ремесленные и жилые части города (Пэрлээ, 1974, с. 273). Раскопками выявлены мастерские по производству гончарных, кузнечных изделий, строительных материалов. Находятся разнообразные сельскохозяйственные орудия. Вокруг городищ встречаются следы пашен и ирригационных сооружений, свидетельствующих об активном занятии жителей городищ земледелием (Ивлиев, 1983, с. 128). По всей видимости, земледелие было введено киданями с целью получения дополнительных источников продовольствия для военного и гражданского населения городищ. Хотя, возможно, какая-то часть земледельческой продукции шла на обмен с местным населением. О характере взаимоотношений киданей с кочевым населением центральноазиатских степей, представлявших, очевидно, конгломерат монголо- и тюркоязычных народов достаточно надежных источников мы не имеем.

Поселения и города монгольской империи

Следующей эпохой, во время которой в центральноазиатских степях происходило строительство стационарных поселений и городов, была эпоха монгольской империи, созданная Чингисханом и его преемниками. В это время граничившие с Центральной Азией страны, такие, как созданная чжурчженями империя Цзинь и тангутское государство Си Ся, строили в пограничных зонах горо-

да. Чжурчжени с целью предохранения своих западных границ от вторжений кочевых монгольских племен построили ряд крепостей. Однако остатков этих крепостей пока не обнаружено. Тангутский город Хара Хото, найденный в песках экспедицией известного исследователя Центральной Азии П. К. Козлова, хотя и расположен на территории исследуемого нами региона, но входил в состав государства, относящегося к другой географической зоне. Экономический и социальный уровень организации тангутско-кочевых племен позволил им создать политическую систему, которую многие исследователи определяют как государство, чья территория в большей части тяготеет к тибетскому нагорью. Поэтому в данной работе этот памятник не рассматривается.

О городах, существовавших в эпоху монгольского государства XIII–XIV вв., имеются известия в источниках, написанных европейскими, мусульманскими путешественниками. Плано Карпини, Гильом Рубрук, Марко Поло, Ибн Баттута и другие авторы оставили описания городов, расположенных по всей территории монгольской империи. В их путевых заметках содержатся самые разнообразные наблюдения за жизнью городов Ближнего Востока, Ирана, Средней Азии, Восточного Туркестана, Китая, возрождавшихся после длительной депрессии, вызванной монгольским нашествием. На территории евразийских степей, ставших в это время зоной активной политической деятельности, происходят процессы становления торговли, ремесла: степные регионы становятся сосредоточением политической и экономической жизни. Концентрация политической и экономической активности происходила во вновь возникавших городах. Наиболее известны в истории города, появившиеся в евразийских степях – это города улуса Джучи, более известного в истории как созданное ханом Бату государство Золотая Орда, и города, появившиеся на территории Монголии, в улусе великого хана Угэдэя.

Одним из первых в Центральной Азии, ставшим известным науке, городом была описанная Рубруком столица монгольской империи Каракорум. История изучения и поисков места расположения достаточно полно была описана С. В. Киселевым, производившим раскопки на территории города (Древнемонгольские города, 1965, с. 126–134). Археологическое изучение городов и посе-

лений эпохи монгольской империи, проведенные на территории Монголии, Тувы, Забайкалья, показало, что они имели довольно широкое распространение на территории Центральной Азии. Одним из хорошо изученных памятников этого времени является столица монгольского государства Каракорум, с которого мы начинаем описание монгольских городов.

Каракорум

Остатки древней столицы монголов расположены на правом берегу Орхона, у подножия северных и восточных склонов Хангайских гор. Развалины Каракорума находятся у ворот одного из старейших буддийских монастырей Монголии Эрдэни Цзу. По описаниям, сделанным С. В. Киселевым, остатки города представляли собой в плане неправильный четырехугольник, несколько суженный к югу, ограниченный невысокими валами и еле заметным рвом. По всей территории отмечалось множество всхолмлений, группирующихся, главным образом, вдоль двух главных улиц, тянувшихся с юга на север и с запада на восток.

Раскопки, проведенные под руководством С. В. Киселева на отдельных участках города, показали многообразие городских застроек. На его территории находились дворцовые постройки, принадлежавшие, по мнению С. В. Киселева, великому хану Угэдэю. Были раскопаны дома, принадлежавшие торговцу и кузнецу, и караульное помещение около южных ворот города.

Одним из наиболее примечательных памятников Каракорума был дворец, возведенный преемником Чингисхана, его третьим сыном Угэдэем. Мы приводим результаты раскопок, проведенных под руководством С. В. Киселева.

Дворец Угэдэя находился на земляной платформе из чередующихся прослоев серой глины (толщиной 10–20 см) и слоев желтой супеси с богатым включением гальки. По всей видимости, платформа сооружалась из смоченного материала и плотно утрамбовывалась (Древнемонгольские города, 1965, с. 152).

В верхней части платформы были открыты 17 массивных гранитных блоков, врытых на уровне пола правильными рядами и, очевидно, служивших опорами для массивных деревянных колонн основной конструкции здания, которые поддерживали его гигант-

ское перекрытие. Размеры блоков колеблются от 1,5 до 1 м по всем граням; 16 из них четырехгранны, и только один цилиндричен (его диаметр – 1,45 м, высота – 1,2 м) (Древнемонгольские города, 1965, с. 156). Если принять во внимание все найденные блоки, их расположение, а также рывины, которые отмечают по краям вершины холма места, откуда были вынуты такие же монолиты, можно сделать вывод об их числе и расположении: в ряду с севера на юг их было девять, а рядов таких с востока на запад – восемь. Таким образом, дворец был семинефным и опирался на 72 столба. Из этих столбов 30 были включены в линию стен, а 42 столба поддерживали перекрытие над внутренним пространством, размеры которого 55 × 45 м, т. е. площадь была не менее 2475 кв. м (Древнемонгольские города, 1965, с. 157).

От внутреннего убранства дворца сохранились лишь остатки пола, выстланного квадратными кирпичами (34 × 34 × 4 см). На отдельном участке уцелели плитки, покрытые сверху зеленой поливой. Встречались кирпичи пола, лежавшие на первоначальных местах, но оказавшиеся неполивными. Кроме этих небольших частей пола с уцелевшими плитками, удалось открыть участки с отпечатками плиток, снятых, вероятно, после запустения дворца (Древнемонгольские города, 1965, с. 157).

К северу от главного дворцового здания находилось другое, несколько меньших размеров, здание, вытянутое с запада на восток. Оба они в настоящее время соединены перемышкой, на месте которой некогда была, очевидно, галерея с покатыми сходами или лестницами. Подобные переходы между павильонами – характерная особенность планировки центральных сооружений больших дворцов (Древнемонгольские города, 1965, с. 160). Это остатки дворцового здания, иного по сравнению с главным, но конструктивно сходного с ним. Протяженность его с севера на юг – всего 10 м, а с запада на восток – 20 м. По линии стен обнаружены остатки врытых через 2,5 м столбов, на которых и покоилась конструкция. Промежутки между столбами были забраны стенками из сырцового кирпича, в нижнем ярусе поставленного на боковое ребро. С фасадной, южной, стороны была открытая терраса. Поддерживавшие ее кровлю деревянные колонны опирались на круглые гранитные базы, из которых одна найдена в юго-западной части зда-

ния во вторичном положении. В здании был деревянный пол, открытый на всей площади внутреннего помещения. Он состоял из колотых, хорошо затесанных снаружи горбылей, уложенных с севера на юг на поперечные брусья, лежавшие в 2-х м друг от друга. Ширина горбылей – 35–40 см, длина – 6 м. Длина их, как кажется, и определяет глубину внутреннего помещения. Если к этим 6 м прибавить около 1 м на толщину обеих стен – северной и южной, окажется, что расположенная с южной стороны павильона терраса достигала приблизительно 3-х м ширины.

Деревянный пол здания позволяет предполагать, что оно служило для жилья. Возможно, это было жилое помещение, в котором находились хан и его близкие во время дворцовых празднеств и приемов (Древнемонгольские города, 1965, с. 161, 163).

К востоку от главного дворца на искусственной платформе той же конструкции, что и платформы, открытые под центральным и северным павильонами, располагалось еще одно здание. Очевидно, это было одно из тех зданий, которые Рубрук определил как помещения для хранения утвари и запасов (Киселев, 1965, с. 163).

Многочисленные материальные остатки жизнедеятельности населения города, оставленные за его более, чем 300-летнюю историю, и погребенные в культурном слое, достигавшем 5–7 м, позволили восстановить, реконструировать занятия его жителей. Основу экономической жизни, по данным раскопок Каракорума, составляли торговля, ремесло, земледелие. В то же время в городе проживало большое число представителей монгольской знати, чиновников, священников различных вероисповеданий.

Город на р. Хирхира

Остатки города на р. Хирхира в Восточном Забайкалье находились «на низком мысу, некогда омывавшемся с востока рекой Хирхирой, а с юга – протоками речки Урулюнгуй». Протяженность городских развалин составляла с запада на восток 1500 м. В 350 м от края пойменной террасы располагалась укрепленная цитадель размерами 100 × 110 м. Укрепления представляли расползшиеся ныне валы высотой до 2,5 м и шириной до 15 м с входами с южной и юго-западной стороны. Перед валами цитадели наблюдался ров. Внутри цитадели располагались остатки строений, одно из кото-

рых являлось зданием дворцового типа, крытого черепичной крышей (Древнемонгольские города, 1965, с. 24). Вокруг цитадели находились жилища богатых и знатных, зажиточных и менее обеспеченных горожан, отличавшиеся между собой размерами, планировкой и, по-видимому, строительно-архитектурными особенностями. Дома богатых обитателей Хирхирина стояли обособленно и представляли собой укрепленные усадьбы. Жилища горожан образовывали кварталы, внутри которых просматривались переулки (Древнемонгольские города, 1965, с. 28).

В 1957 г. С. В. Киселевым были проведены раскопки центрального здания цитадели и отдельных зданий на городище. В результате раскопок центрального здания были выявлены остатки выложенного кирпичами пола, топки и подпольные каналы для обогрева зданий. Вход во дворец – это отлогий пандус, вымощенный кирпичом, который приводил на террасу, также вымощенную кирпичом (Древнемонгольские города, 1965, с. 29–31). Раскопки вала рва цитадели показали, что ров имел отлогие стенки и, вероятно, практически не имел оборонительных функций. Вал в древности имел отвесные стены и был облицован глиной (Древнемонгольские города, 1965, с. 45). Раскопаны также остатки двух зданий с глинобитными стенами и внутренними перегородками из сырцового кирпича (Древнемонгольские города, 1965, с. 46–48).

Городище Ден-Терек

Городище Ден-Терек расположено в Туве. Первым из археологов, посетивших городище в 1915 г., был, по-видимому, А. В. Адрианов. В 1926 г. на памятнике побывал С. А. Теплоухов. В 1947 г. на Ден-Тереке произвели работы сотрудники Саяно-Алтайской археологической экспедиции ИИМК АН СССР под руководством С. В. Киселева (Древнемонгольские города, 1965, с. 63–65). В 1956–1957 гг. крупномасштабные раскопки на городище были проведены Л. Р. Кызласовым. Мы приводим описание городища из опубликованных им результатов исследований (Древнемонгольские города, 1965, с. 59–119).

Городище Ден-Терек расположено на трех древних островах р. Элегест (главное русло которой находится в 100–200 м к северу и северо-востоку от них), со всех сторон окруженных многочислен-

ными протоками. В целом городище достигает в длину 1200 м, общая площадь города составляла около 30 га. По всей этой площади расположены остатки древних зданий в виде плоских, иногда еле заметных бугров округлых, удлиненно-овальных или подчетырехугольных очертаний. Всего на городище Л. Р. Кызласовым обнаружено 120 зданий, но в действительности их было больше, так как при раскопках в пространствах между холмиками всегда встречаются остатки деревянных фанз, которые при разрушении не могли образовать возвышения (Древнемонгольские города, 1965, с. 62–66).

В 1956–1957 гг. на городище было раскопано восемь объектов. Два из них оказались крупными зданиями, сооруженными на глиняных платформах. Размеры первого (объект № 4 по Кызласову) – в среднем 14 × 13 м, т. е. площадью около 182 кв. м. Здание было почти квадратным в плане, с несколько неравными по длине стенами. С юга обнаружен вход с порталным крыльцом, некогда выложенным сплошным кирпичным полом, который переходил в пол внутреннего помещения. С внутренней стороны краев платформы установлены специально изготовленные каменные базы разных форм. По каждой стене таких баз было четыре, т. е. всего двенадцать.

Кроме того, в центре помещения, ближе к западной стене, были установлены на таких же опорах еще четыре базы. Базы служили опорами деревянных столбов или колонн, которые крепили стены и несли на себе конструкции перекрытия. Основой здания был просторный квадратный зал площадью около 117 кв. м (10,3 × 11,4 м), посередине которого (и ближе к задней стене) возвышались четыре колонны на каменных базах, имевших сбоку специальные гнезда, чего нет у других баз. Возможно, здесь было ограниченное центральными базами (3,6 × 4,8 = 17,28 кв. м) пространство, где был устроен помост.

Крыша здания сплошь была покрыта обожженной черепицей и многочисленными скульптурными и рельефными терракотовыми украшениями, весом в совокупности в несколько тонн. Расположение находок свидетельствует о том, что крыша была четырехскатной и, судя по большому количеству повторяющихся скульптур, двухъярусной (Древнемонгольские города, 1965, с. 82–96).

Второе сооружение (объект № 7 по Л. Р. Кызласову) было остатками большого здания дворцового типа. Оказалось, что оно сохранилось лишь наполовину, так как задняя часть сооружения уже давно была смыта водами Ден-Терека.

Здание вытянуто более, чем на 39 м (крайний западный край не сохранился), и передним фасадом было обращено на север-северо-запад. Туда же обращен и вход, расположенный строго по центру фасада.

Основу здания составляли три больших зала, соединенных между собой проходами, но по обе стороны от них были еще два дополнительно пристроенных хозяйственных помещения, в которые также вели проходы из центральных залов. В здании было пять помещений, расположенных по одной оси, и все они соединялись проходами. Центральные залы составляли единый строительный комплекс. Стены были сооружены следующим образом. Первоначально на материке создавалась обширная глиняная платформа, от которой сохранился слой суглинка, на которой по определенному плану был заложен фундамент, состоявший из двух параллельных стенок из обожженных кирпичей размером 37 (36) × 17 × 6 (5) см, выложенных ложком в перевязку на глиняном растворе в 6–7 рядов, реже – в пять. Между кирпичными стенками была положена забутовка и залит глиняный раствор. Сверху забутовка была закрыта обломками или целыми кирпичами. Так был получен крепкий фундамент – основа всего здания.

На всех углах фундамента и по его концам находятся подквадратные каменные базы (с крестом и без креста, размерами от 0,38 × 0,4 м до 0,5 × 0,44 м, но чаще 0,4 × 0,4 м, при толщине 10–12 см), служившие для установки деревянных столбов конструкции стен. Базы, в свою очередь, устанавливались на опоры из каменных плиток, забутованных с глинистым раствором в небольшие ямы. На базах устраивались круглые гнезда из скрепленных раствором кирпичей и каменных плиток. Судя по размерам гнезд, диаметр опорных столбов составлял 38–40 см.

На фундаменте крепились мощные деревянные столбы (по фасаду их было десять), служившие несущими опорами крыши и основой столбовой конструкции деревянных стен (Древнемонгольские города, 1965, с. 99–109).

Первое из описанных зданий Л. Р. Кызласов считает административным местом, где размещалась канцелярия и располагались чиновники. Второе здание дворцового типа предназначалось скорее всего для проживания семьи и близких правителя этого города и относящегося к нему округа (Древнемонгольские города, 1965, с. 109).

Остальные, раскопанные на Ден-Тереке, здания были, как полагает автор раскопок, домами рядовых (Древнемонгольские города, 1965, с. 67–69) и зажиточных горожан (Древнемонгольские города, 1965, с. 71–76), ремесленников (Древнемонгольские города, 1965, с. 76–82) или же остатками какого-то производства (Древнемонгольские города, 1965, с. 96–99), легких павильонов (Древнемонгольские города, 1965, с. 109). Жилые здания города отапливались при помощи канов, сложенных из кирпича дымоходов, проходящих в нижней, внутренней, части стен здания. Перекрытием крыш служила черепица но, вероятнее всего, этим материалом пользовалась зажиточная часть населения.

Во всех известных городах Тувы XIII–XIV вв. отсутствуют укрепления. Однако их размеры и вскрытые раскопками сооружения не оставляют сомнений в том, что это были именно города, а не поселения. Отсутствие укреплений, как свидетельствуют источники, закономерно для городов, сооружавшихся монголами на завоеванных землях. По всей видимости, как отмечали исследователи, мощь монгольской армии и всего государства позволяла городам не иметь крепких укреплений, и заставляла власти больше заботиться об охране своих экономических интересов, устанавливая только охранные таможенные границы (Древнемонгольские города, 1965, с. 61).

Кондуй

Кондуйский дворец расположен в Восточном Забайкалье между реками Кондуй и Барон-Кондуй, северными притоками р. Урулюнгуи. Этот памятник вошел в науку под названием «Кондуйский городок», а история его изучения описана С. В. Киселевым (Древнемонгольские города, 1965, с. 326–328). Под его руководством в 1957–1958 гг. был раскопан дворец, являвшийся, по всей видимости, центром какого-то крупного поселения или города, рас-

полагавшегося вокруг дворца. (Здесь и далее мы приводим почти дословно данные о раскопках Кондуйского дворца, произведенные С. В. Киселевым).

В результате раскопок было выявлено, что здание дворца стояло на высокой двухметровой платформе, крестообразной в плане формы, края которой украшали двухъярусные террасы. Верхняя терраса была ограждена деревянной балюстрадой, покрытой красным лаком. Такая же балюстрада шла и по нижней террасе, возвышавшейся над уровнем двора на 1–1,3 м. На нижней террасе, выступая личинами наружу, были расставлены гранитные изваяния, изображающие головы драконов (Древнемонгольские города, 1965, с. 342).

В Кондуйском дворце лестницы, в отличие от дворца Угэдэя, куда вела одна лестница с юга, были заменены пологими, выстланными кирпичом, пандусами, огражденными балюстрадой. Каждый пандус состоял из двух маршей: один вел на нижнюю террасу, другой – на площадку верхней террасы. Пандусов обнаружено пять: южный, обращенный к главным воротам, и по два – с восточной и западной сторон дворца. С северной стороны выходов не было. С юга на верху платформы, сейчас же за верхним маршем пандуса, располагалась обширная передняя терраса шириной и глубиной до стены дворца 13 м. Крайне малое число находок черепиц на ее площади заставляет считать переднюю террасу дворца открытой (Древнемонгольские города, 1965, с. 345–346). Внутри здания, вкопанные в платформу, располагались ряды гранитных баз, служивших в свое время опорами для деревянных колонн.

Кондуйский дворец начинался аванзалом длиной (с юга на север) 16,5 м. Он был трехнефным – на некотором расстоянии от наружных стен стояли в два ряда деревянные колонны, поддерживавшие центральную часть перекрытия. Колонны толщиной около 1 м опирались на массивные гранитные блоки, в верхней части которых была высечена цилиндрическая база.

Аванзал приводил к основной части дворца, где, судя по количеству гранитных баз, было установлено 20 колонн, образовавших шесть боковых нефов, и находился центральный зал примерно в 131 кв. м. Массивные гранитные базы, врытые в толщу платформы, до сих пор поражают точностью горизонтального положения

верхней плоскости и почти полным единообразием высоты над горизонтом (колебания по нивелировке – 3–5 см) (Древнемонгольские города, 1965, с. 347).

Из центральной парадной части более узкий проходной зал (шириной 11 м и длиной 15 м) вел в северные помещения. Из проходного зала на восток и запад имелись выходы к двухмаршевым пандусам. Северная часть дворца первоначально состояла из обширного зала (длиной 16 м и шириной с севера на юг 10 м). Вероятно, и этот зал украшали колонны. Их базы были вывезены для строительства православной церкви в с. Кондуй. Северная задняя стена зала первоначально была глухой, массивной, сложенной из кирпича и бута. В толще этой стены на квадратных гранитных плитах стояли деревянные опорные столбы. Снаружи вдоль стены проходила терраса с баллюстрадой, укрепленная на всем протяжении кирпичной стенкой, отграничивавшей верхнюю террасу от нижней.

В таком своем первоначальном виде Кондуйский дворец очень близко напоминал дворец Угэдэя, также состоявший из главного корпуса, проходной галереи и заднего жилого помещения, выстланного для тепла деревянным полом (Древнемонгольские города, 1965, с. 348).

Однако с течением времени Кондуйский дворец был перестроен. С севера была досыпана новая часть платформы. При строительстве новой, северной, платформы, гораздо менее прочной, были сохранены прежние формы – устроена верхняя терраса с баллюстрадой и вымощенная кирпичом нижняя терраса, украшенная гранитными изваяниями драконовидных чудовищ (Древнемонгольские города, 1965, с. 348).

Кондуйский дворец был покрыт черепицей. Большая часть поливной черепицы отличается прекрасным зеленым цветом глазури с темными потеками, создающими впечатление выработки ее из малахита. Вместе с тем почти повсюду нашлись обломки верхних и нижних черепиц, покрытых желтой поливой, и отдельные фрагменты с красной глазурью. Эта деталь указывает на принадлежность дворца членам императорской фамилии, которые вплоть до XVIII в. одни имели право украшать кровли своих резиденций желтой и красной черепицей (Древнемонгольские города, 1965, с. 351).

Нарсатуй

Остатки сооружений располагались на северном конце с. Нарсатуй, на левом берегу речки Сутайки, на склонах безлесных холмов, сложенных из осадочных пород, примыкающих к горно-таежным хребтам, обрамляющим с севера Тугнуйскую долину. Они представляли собой две округлые в плане возвышенности, диаметром 20–25 м и высотой до 1 м над уровнем современной поверхности. Одно из них было раскопано С. В. Даниловым в 1987–1989 гг.

Это были остатки здания, крытого черепичной крышей, сооруженного на глинобитной платформе, с наполнителем в виде песка, гравия, гальки и щебня. Выяснить конструктивные особенности кровли не удалось. По всей видимости, черепичное перекрытие рухнуло не сразу, а постепенно, в течение какого-то промежутка времени. Обломки черепицы залегали беспорядочно, во всех направлениях и проследить какого-либо порядка в их расположении не удавалось. Поэтому обломки черепицы, мелкие фрагменты кирпичей убирались, и расчистка велась до уровня кирпичного пола здания, с выявлением всех архитектурных и строительных деталей.

Вся платформа по периметру была обнесена кирпичной стеной высотой в 7–8 кирпичей и достигала высоты 40–60 см. На поверхности платформы, с внутренней стороны кирпичных стенок, окружавших здание, расположены гранитные плиты, служившие подставками для деревянных колонн, поддерживающих крышу здания. Сохранность плит неодинакова, однако при более внимательном рассмотрении видно, что только часть плит носила следы тщательной обработки и им придавалась правильная форма. Часть же плит обработана небрежно, их прямоугольная форма только намечена. Лучше обработана лишь плоская верхняя поверхность, служившая непосредственно опорой для колонн. В трех местах находились гранитные плиты, установленные впритык друг к другу. Их назначение и роль в конструкции всего здания не до конца понятны. Судя по расположению плит, внутренняя площадь, перекрытая кровлей, равнялась приблизительно 16 × 19 м, т. е. более 300 кв. м.

Основным помещением здания был зал размерами 7 × 13 м общей площадью приблизительно 90 кв. м, несколько вытянутый по линии восток – запад. По углам этого зала находились упомянутые «двойные плиты». Внутри здания располагалось подквадрат-

ной в плане формы кирпичное сооружение, служившее, возможно, очагом. Однако наличие рядом большого количества глины не исключает возможности и других способов его применения, например, для обжига каких-то глиняных изделий. С восточной стороны зала, примыкая к нему, находилось меньшее по размерам помещение, также с гранитными плитами.

Внутри здания настился пол из обожженных стандартных кирпичей. Он наблюдался и в западном помещении, и на западной открытой площадке. Вероятно, пространство между наружной кирпичной стенкой и линией деревянных колонн служило в качестве террасы, проходящей по периметру всего здания. С южной стороны к этой террасе примыкала площадка, служившая, наверное, входом в здание. Наличие с западной стороны кирпичной конструкции из поставленных на ребро кирпичей, поднимавшейся вверх по склону (пандус), а также площадки, вымощенной кирпичом и выходящей за линию колонн, делает возможным предположение о существовании в здании двух входов.

Непонятен пока принцип сооружения кровли, при возведении которой применялись стоящие рядом колонны (с «двойными» гранитными плитами). Неясно также и наличие вымосток из сырцовых кирпичей, перекрывавших полы из обожженного кирпича. Предположительно, это следы ремонта или же свидетельство какой-либо перестройки здания. Косвенным подтверждением может служить восточный ряд гранитных плит, появление которых, по нашему мнению, возможно после сооружения здания, по углам которого находились «двойные плиты». В ходе раскопок встречались остатки строительных материалов: железные гвозди, алебастр, фрагменты поливной керамики, монета, изделия из кости, остатки костей животных (Данилов, 1992).

Темниковское поселение

Поселение расположено на правом берегу р. Темник, левом притоке Селенги. Оно находилось на песчаной надпойменной террасе, почти на самом берегу. Поселение открыто в 1928 г. Г. П. Сосновским. Тогда же были произведены и первые раскопки, давшие материалы, датированные автором XI–XII вв. (Сосновский, 1936, с. 306). В 1987 г. раскопки на поселении проводились С. В. Данило-

вым. Им были обнаружены остатки глазурованной посуды сунского времени и красноглиняная керамика среднеазиатского облика. Находки кирпичей свидетельствуют о наличии на территории поселения каких-то стационарных сооружений, хотя исследованиями они не выявлены (Данилов, 2002).

Городище Гуулин улсын хот в местности Цаган Дэрсийн балгас

Городище располагается к западу от сомонного центра Орхон-сомон, на правом берегу Орхона, в 2,5–3 км от реки. Оно имеет прямоугольную в плане форму и окружено валами, высота которых в современном состоянии достигает 70–80 см. Площадь городища заросла густой травой, но все же просматриваются отдельные поднятия, являющиеся, по-видимому, остатками каких-то сооружений. Внутри городища расположены два объекта, состоявшие из массивных гранитных изделий в виде желобов, составлявших правильный круг. Диаметр кругов – 8–10 м. Гранитные желоба хорошо подогнаны друг к другу, так, что внутренние выдолбленные канавки представляли единый, округлый в плане канал. На взгляд Пэрлээ, проводившего исследования этого памятника, описанные объекты являются остатками бумагоделательного производства с заимствованной у корейцев технологией. Дата существования городища определена им XIII–XIV вв. По всей видимости, на поверхности городища сохранились лишь остатки существовавшего когда-то производственного комплекса.

В южной части городища как во внутренней части, так и за его пределами находятся гранитные базы колонн, округлой в плане формы, диаметром 80–90 см, толщиной 25–30 см. В центре баз наблюдаются небольшие квадратные и округлые отверстия. На плоской части баз есть следы обработки в виде концентрических кругов.

На поверхности городища были собраны фрагменты керамики от различных сосудов: светло-бежевая поливная, украшенная орнаментом в виде полос бордового цвета; голубоватая поливная; простая обожженная керамика; венчик от крупного сосуда типа хума (Полевые записи С. В. Данилова, 2000 г.).

Аварга

В Хэнтэйском аймаке в сомоне Дэлгрхан, на юге от курорта Аварга Тосго, на правом берегу р. Аварга, на холме Рашаан есть остатки старинного городища. По изученным данным, у него не было внешней стены. Общая площадь – 4,5 кв. км. Городище в целом состоит из четырех частей. Это ремесленные мастерские, хранилище зерна, ритуальное здание – монастырь, ряд крепостей – все это составляло главную ставку.

Ремесленные мастерские, зернохранилища расположены в восточной части, каждая постройка выходит на три улицы, остальное – беспорядочные остатки строительства. Так как все сильно завалено землей, невозможно восстановить внешний вид построек. Монастырь возведен на специально утрамбованной платформе, находится чуть севернее центральной части города, окружен дополнительной крепостью. Специальные крепости, образующие внешнюю стену, расположены в западной части, построены с востока на запад в один ряд. Прослеживаются остатки 13 крепостей. В каждой крепости есть следы 3–4-х построек. Постройка дворца в юго-западной части в отличие от остальных частей имеет особенность – находится на специально приподнятой земляной платформе. На городской площади при раскопках в нескольких местах были найдены различные богатые находки. При раскопках в рядах ремесленников, торговцев были обнаружены черепки керамических ваз, лемех плуга, мелкие изделия из металла, кости и глины, бронзовая монета с надписью, шелуха зерен, остатки железа, кости животных, спрятанная в одной из крепостей стены (вала) печь для расплавки металла, несколько кусков расплавленного чугуна, сплава, весьма большой остаток металла, остатки сундука для обогрева здания, большие черепки горшков, сделанные из камня остатки точила.

При расчистке дерна на месте монастыря и дворца стали видны их основание, расположение камней для подпорки стен. Основание монастыря имеет площадь 81 кв. м. На месте дворца, на площади размером 180 кв. м, имеется свыше 40 остатков колонн, некоторым из них приданы определенные формы. На южной стороне фундамента найдена составленная из кусков шестигранная камен-

ная подпорка. Имеющаяся свободная площадь, может быть, была предназначена для каких-то торжественных случаев монастыря.

Ученые, которые исследовали этот город Аварга балгас, изучив находки раскопок, планировку города, пришли к выводу, что это было место большой ставки эпохи великого государства монголов. Есть предание в сельских местах Керулена, что это место впоследствии стало центральным местом поселения монгольских ханов. Здесь же возведен памятник, посвященный 750-летию «Сокровенного сказания монголов» (Монгол нутаг..., 1999, с. 175).

Годил балгас

Годил хурээ, или балгас, находится в Южногобийском аймаке на расстоянии полукилометра к востоку от небольшого монастыря. Название этого памятника произошло от названия маленького холма тех краев. О Годил балгасе (Годил хурээ) говорится в хронике Ван-гуна. В XVIII в. здесь была пашня маньчжурского войска. До этого было какое-то городище. Из вышеупомянутого письменного источника известно, что из Годил балгаса возили зерно военным. В местных преданиях сказано, что это город времен хана Тогоонтумура (1333–1368 гг.). Годил балгас имеет прямоугольной формы в плане крепость, с толстыми глиняными стенами, размеры крепости по северной и южной сторонам – 232–237 шагов, западные и восточные – 210–233 шага. Изнутри к стенам крепости пристроены здания, смотрящие внутрь крепости. На крепости имеются следы смотровых окон, на правой стороне – 3, южной – 2. Остатки ворот просматриваются только с восточной стороны. В настоящее время в крепости полно песка, все заросло бурьяном, и потому непонятно, сколько там было строений.

В 1913 г. четыре угловых окна, окна с двух сторон южных ворот хорошо просматривались, кроме того, были найдены многие предметы быта кочевников, черепки глиняной посуды без рисунков. К югу от Годил балгаса в местности Булгийн сэтэрхий, говорят, есть места старинных пашен. Археолог Х. Пэрлээ считает, что это следы старинных пашен маньчжурского войска, о чем подробно пишет в сборнике «Разведка старинных поселений Гобийской пустыни в Южно-Гобийском и Южно-Хангайском аймаках» (Монгол нутаг..., 1999, с. 178).

Дойтын толгойн туйр

Этот памятник находится в Арахангайском аймаке, сомоне Хотонт, в окружении пяти маленьких озер, на ровной, во все стороны просматривающейся площади, на вершине холма Дойтын толгой. В четырех углах центрального строения остались обтесанные гранитные плиты. В центре имеются следы углубления для подпорки центрального столба, где лежит несколько камней. Самое большое строение имеет размеры 45 × 60 м. На юго-западе от него есть остатки строения размером 15 × 15 м, в четырех углах которого лежат гранитные подставки для подпорки несущих столбов здания. На северо-востоке от большого строения есть еще одно с такими же размерами и прямоугольной формы.

Особенностью Дойтын толгойн туйр является то, что с правой, восточной и северной сторон он окружен не крепостью, а постройками. Подтверждением являются следы в общей сложности 17 построек, найденных в окрестностях его. Постройки с размерами в среднем 20 × 15 м, расположенные недалеко друг от друга, издали просматриваются как крепость. Совместно с находящимися посередине следами трех построек всего имеется следов 20 построек, где найдены кирпичи, остатки черепицы, похожие на найденные в Каракоруме, во дворце хана Угэдэя.

Монгольские и японские археологи считают, что может быть Дойтын толгойн туйр есть дворец Гэгэ-чаган орд Угэдэй-хана. Быт дворца, его архитектурные конструкции с какой бы стороны ни взяли указывают на то, что это ханский дворец. В некоторых письменных источниках упоминается, что в этих окрестностях был дворец Угэдэй-хана Гэгэ-чаган орд. В хронике «Тайзуг» империи Юань отмечено: «Угэдэй в лето 9-го года красной курицы (1237) перекочевал на озеро Цэцэг цагаан. В течение летних месяцев в городе насыпали платформу и построили дворец «Гэгэ-чаган орд», и поселился он на расстоянии 40 км к северу от основного дворца Хар Хорин». По Рашид-ад-дину: «Угэдэй-хан для постройки дворца на расстоянии одного дня пути от Каракорума отобрал исламских строителей».

Упоминание в письменных источниках, что Угэдэй-хан каждую весну охотился в окрестностях дворца Гэгэ-чаган орд, совпа-

дение расстояния в 40 км или однодневного пути, помимо того, конструктивные особенности строения, материалы, находки были идентичными аналогичным фактам из Каракорума, из других строений Угэдэй-хана. Известный археолог Х. Пэрлээ изучил Дойтын толгойн туйр и датировал его XIII–XIV вв. В 1996 г. японские и монгольские археологи участвовали в проекте ЮНЕСКО «Помощь в сохранении памятников древнего Каракорума», провели исследования и составили подробную карту (Монгол нутаг..., 1999, с. 179–180).

Монх хааны эрчуу хотын туйр (городище Эрчуу Мунхэ-хана)

На территории сомона Арбулак Хубсугульского аймака, в бассейне р. Дэлгэр, на северном склоне горы Алтан гадас (Полярная звезда), где расположен памятник Мунхэ-хану, правившему в XIII в., видны развалины дворцовых строений. Среди местных жителей на протяжении многих поколений бытует мнение, что раньше здесь был город. Они же рассказывают, что тут лежали два камня, один из которых называли стелой в честь руководителя национально-освободительного движения монголов Чингунжава, а второй камень – курительницей для благовоний. И, по-видимому, эти камни имеют какое-то отношение к этому древнему городу. Видна возвышенность размерами 100 × 100 м, которая, возможно, является как бы продолжением крепостной стены. В центре просматривается квадрат размерами 30 × 30 м, напоминающий остатки дворца, в траве просматриваются шесть больших каменных колонн, а также несколько гранитных колонн с муфтами коричневого цвета. В пределах крепостной стены видны остатки других строений. К северу от стены на расстоянии нескольких сотен метров виден каменный могильник. Далеко за пределами крепостной стены сохранились остатки строений.

Рядом с памятником много битого кирпича, в том числе с глазурью. При раскопках на глубине 1–2 м были найдены древесный уголь, известь, мел, свидетельствующие о том, что данное строение сгорело в результате пожара. С южной стороны развалин дворца лежит кусок гранита коричневого цвета квадратной формы с углублением посередине, который называют курительницей для

благовоний. На расстоянии 40 м к югу от развалин дворца в земле виден плоский камень синеватого цвета, который оказался стелой в честь Мунхэ-хана с надписями на монгольском и китайском языках. Похоже, что стела когда-то находилась в красивом павильоне.

При раскопках был найден бюст человека в монгольской одежде, сделанный из глазурованной керамики. Обнаружено много осколков керамики, в том числе синего цвета и с углублениями. Кроме этого, на расстоянии 8–10 км к западу от стелы Мунхэ-хана (по близости от р. Дэлгэр на северном склоне горы Эрчим в пади Загзуу) лежат развалины крупного городского поселения с крепостными стенами. Эти развалины называются «Загзуу» или «Эрчим». Мы склонны считать, что это развалины города Эрчуу, который упоминается в старой монгольской хронике времен Юаньского государства.

Городище Мунхэ-хана было обнаружено в 1953 г. экспедицией Академии наук МНР во главе с О. Намнандоржем. Исходя из исторических сведений, члены экспедиции отнесли городище к XIII в. Исторические хроники свидетельствуют, что французский путешественник Гильом Рубрук, прибывший в XIII в. в Монголию, останавливался во дворце Мунхэ-хана на некоторое время, после чего за десять дней добрался до города Каракорума. Действительно, расстояние до Каракорума можно преодолеть за десять суток при размеренной езде. Свидетельством являются монгольские, китайские и другие исторические сведения, которых достаточно много.

Исследователям удалось расшифровать часть надписи на монгольском языке: «Пусть Мунхэ-хан здравствует на протяжении десяти тысяч лет», из чего можно сделать вывод, что стела была возведена еще при жизни Мунхэ-хана. В последующем была расшифрована надпись на китайском языке и определена дата возведения стелы, – 1257 г. (Монгол нутаг..., 1999, с. 180–181).

Олон байшин

На территории сомона Их Хэт Восточно-Гобийского аймака за Бусийн чулуу (рядом с водоемом Олонгийн в северо-восточном направлении от Хэсэг байшин) находятся развалины 50 с лишним домов. Это – древнее городище без крепостной стены под названи-

ем «Олон байшин». Центральное строение – остатки сооружения длинной вертикальной формы со следами ветровой эрозии. С трех сторон просматриваются развалины существовавших некогда строений. Некоторые строения по своей конфигурации напоминают Хэсэг байшин, но отличаются отсутствием крепостной стены. Из записей исследователей следует, что фундамент строения заложен из гранита, а стены – из кирпича. Закладка такая же, как в Хэсэг байшин, т. е. чередуются горизонтальная и косая кладки кирпича. Разница только в том, что здесь больше осколков битого кирпича и фрагментов керамики, покрытых зеленой глазурью. Были найдены камни квадратной формы с углублением или отверстием посередине. По мнению исследователей, эти камни служили основанием для колонн. Отмечаются в большом количестве каменные корыта и другие изделия из камня. Обнаружены строения в форме ступы, но не найдены стелы с надписями.

Местные жители передают, что и Хэсэг байшин, и Олон байшин были заложены Тогоонтумур-ханом. Русский путешественник Тимковский, побывавший в этих местах в 1821–1822 гг., отметил в своих путевых заметках, что, по рассказам местных жителей, лет 300 тому назад на месте этого городища жил высокородный Сайн Хун тайж. Ученый-китаевед Палладий Кафаров, проезжавший через эти места в 1847 г., слышал предание о том, что в этих местах обитал зять китайского (маньчжурского) императора Хун тайж.

Из этих данных следует, что Хэсэг байшин и Олон байшин были основаны в одно и то же время, а Сайн Хун тайж является Эрдэнэ хун тайж Дагэлой (Дэгэд) узэмчинским, имя которого было выбито на стеле Хэсэг байшин. Он прибыл со своими подданными в эти места и жил здесь, но во второй половине XVII в. был захвачен маньчжурами и возвращен на свою родину. С тех пор город обезлюдел и пришел в упадок.

Заслуживает внимания тот факт, что оба эти памятника связывают с именем Тогоонтумур-хана, жившего в XIV в. И вполне можно допустить, что Тогоонтумур-хан после того, как его изгнали из Китая, мог основать этот город и жить здесь, а впоследствии на фундаменте заброшенных зданий могли быть построены другие здания (Монгол нутаг..., 1999, с. 181–182).

Сумтийн туйр

На территории сомона Дариганга Сухэ-Баторского аймака, в 12 км к югу от сомонного центра, на южной окраине песчаного бархана Молцог есть углубление, сохранившее очертание древнего водоема. С северной стороны этого высохшего водоема обнаружены древние развалины, которые получили название «Сумтийн туйр». Видны три больших возвышения с остатками древних сооружений, с северной стороны – остатки крепостного вала, полностью не сохранившегося, а на поверхности – остатки черепичного перекрытия, фрагменты керамики, красного и черно-белого кирпича в большом количестве. Раньше это городище привлекало внимание ученых, но раскопки были произведены только в 1994 г. членами экспедиции в рамках совместного монголо-корейского научного проекта «Восточная Монголия».

Самое крайнее возвышение с южной стороны оказалось местом поклонения (храмом). При раскопках были обнаружены каменный фундамент и остатки строения. В ходе раскопок выявлены фрагменты декоративного кирпича с рельефным цветочным орнаментом, а также обычный кирпич разных размеров, фрагменты тканого палантина, керамика, обработанное в форме колонны бревно, плита от пола зеленого цвета и шестигранной формы, фигурка бурхана из латуни, а также в большом количестве остатки стены с росписью на буддийские темы.

Обнаруженные строительные материалы сильно отличаются друг от друга. Складывается впечатление, что они не относятся к одному и тому же историческому периоду времени. Так, декоративный кирпич с рельефным цветочным орнаментом совершенно идентичен с находками в Хэрлэн Барс, относящемуся к X–XII вв. (государство киданей). В то же время декоративные элементы, покрытые зеленой глазурью, схожи с находками в г. Каракоруме XIII в. Радиоуглеродный анализ остатков дерева относит эти находки к XV–XVI вв.

При раскопках возвышенности продолговатой формы были определены три комнаты, сооруженные из камня, при этом передняя комната была наполнена землей красного цвета, которой нет в этих местах. Но не были обнаружены остатки каких-либо захо-

ронений. Во второй и третьей комнатах присутствуют кости животных в небольшом количестве и фрагменты черепицы в небольшом количестве. В верхних пластах земли найдена бронзовая фигурка бурхана, плохо сохранившаяся.

Конфигурация, сам вид этого сооружения сильно отличаются от памятников, ранее выявленных в нашей стране. Корейские ученые полагали, что это сооружение напоминает место захоронения и поклонения времен древнекорейского государства Когурё.

Отсюда можно заключить, что это городище связано с несколькими этапами средневековой истории, а местные жители называют это место храмом в песках Сумти или же городом бронзового государства. Возможно, в этом есть доля истины (Монгол нутаг..., 1999, с. 184).

Тахилын Усны суурин

На территории сомона Дэрэн Средне-Гобийского аймака, на расстоянии 10–13 км к западу от камней Их газрын, расположено несколько памятников, связанных с историей Монголии XIII–XIV вв. Среди них выделяется поселение ремесленников Тахилын Ус. Как считают исследователи, это поселение было основано вокруг колодца с названием Тахилын Ус, на двух берегах высохшего водоема. Размеры поселения – 1 × 1,5 км, оборонительные сооружения отсутствуют, имеются 3 или 4 застроенные улицы. Строительный материал – кирпич-сырец и дерево, фундамент каменный. В процессе шурфовочных работ были найдены каменные плиты в форме сундука для обогрева помещений, но ими пользовались не во всех строениях.

Найденные на территории поселения фрагменты керамики, глиняной посуды и монеты оказались идентичными с находками, обнаруженными при раскопках столицы Монголии XIII в. г. Каракорума. Среди этих фрагментов большую часть занимали изделия из глины и керамики, относящиеся к периоду государств Юань и Сун. Данное поселение, по-видимому, было кратковременным, толщина культурного слоя достигает 30–50 см. Посуда, утварь, монеты, изделия из железа, фрагмент телеги, фрагменты чугунных горшков позволяют исследователям отнести эти находки к XIII–XIV вв. В преданиях местных жителей говорится, что здесь проживал Чин-

гисхан. Имеются памятники, связанные с его именем. Поселение было исследовано в 1951 г. историком Х. Пэрлээ.

Есть еще один памятник, который расположен на расстоянии 300–400 м к северу от этого поселения. Это место захоронения. Зафиксировано около 120 каменных могильников. Были установлены одинарные и групповые захоронения, по-видимому, существовала практика как семейных, так и одиночных захоронений. Обнаруженные останки лежали в деревянных гробах, ничего рядом с ними найдено не было. Некоторые из скелетов были обернуты шерстяной тканью.

К югу от Тахилын Ус лежит большой чугунный котел с шестью ушками. Котел, именуемый котлом Чингисхана, окружен тремя каменными плитами, а рядом с ним находится обо. Вокруг котла видны остатки восьми строений. Местные жители рассказывают о том, что издревле на этом месте под руководством отока Уй-зэн ахай при участии нойонов и жителей Тушээтхановского и Сэ-цэнхановского аймаков проводился ежегодный обряд поклонения этому котлу и обо, который сопровождался тремя играми мужей.

К югу от этих двух поселений расположено поселение «гудящее» Дуудий Тээгийн. Размеры поселения – 1,2 км × 200 м. Две или три застроенные улицы. Слой пепла, бытового мусора очень толстый, поэтому при ходьбе слышны гудящие звуки. Пользуясь случаем, считаем необходимым подчеркнуть, что упоминаний об этих трех поселениях не встречается в материалах о Монголии (Монгол нутаг..., 1999, с. 185).

Городище Барс хот III

На территории сомона Цагаан овоо Восточного аймака, на расстоянии 15 км к востоку от городища Хэрлэн Барс киданьского периода, расположено городище Барс хот времен Тогоонтумур хана. Имеется земляная крепость квадратной формы с четырьмя входными воротами, южные ворота украшены глазурованным кирпичом и цветной глазурью. Посередине крепости видны два возвышения, а в северо-восточном углу крепости стоят три возвышенности, содержащие золу. При раскопках средней возвышенности были найдены фрагменты черепицы и цветной глазури. Отделанные глазурью фрагменты изображают дракона и были предназна-

чены для украшения углов кровли зданий. Осколков толстого кирпича выявлено мало, зато было установлено большое количество прессованной глины, из чего следует, что данное сооружение имело глиняные стены. Были также обнаружены 28 хорошо отесанных гранитных оснований для колонн. Данное здание было сооружено на утрамбованной платформе размером 29 × 12 м. Исследователи, исходя из полученных во время раскопок материалов, приходят к выводу о том, что здание было дворцом какого-то сановника.

При раскопках возвышения в северо-восточном углу крепости были определены фрагменты черепицы и кирпича синего цвета, а также фрагменты декоративной терракоты, покрытые глазурью зеленого цвета. Было ясно, что данные фрагменты являются остатками производства, которое велось на этом месте. Здесь делали керамические изделия с глазурью и без нее. Производились и кузнечные работы. Доказательством того, что изготавливались колесные втулки больших и малых размеров, являются железные шлаки, кузнечные приспособления, топор, молот, разбитые втулки, обработанные кости, берестяные трафареты (лекала). Были также обнаружены грубая фарфоровая посуда, в том числе пиалы китайского производства, и фрагменты фарфора, известного под названием «фарфор государства Юань». Найдены кости крупного рогатого скота, овец, остатки проса(?), глиняное пряслице, фрагменты чугунного котла на треножнике, известного под названием «монгольский котел», который часто встречается на развалинах Каракору-ма. На фрагменте глиняной посуды с глазурью была обнаружена плохо сохранившаяся надпись «Дотоод орд» (Внутренний дворец) китайскими иероглифами. При раскопке возвышений, содержащих золу, были установлены остатки плавильной печи, спрессованная зола, древесный уголь, свидетельствующие о том, что на этом месте находилось сооружение, связанное с ремесленным производством.

Из монгольских средневековых хроник явствует, что последний правитель государства Юань Тогоонтумур-хан после того, как его изгнали из Китая, велел построить город Барс. И действительно, местные жители информируют, что поблизости находится город Хэрлэн Барс, основанный Тогоонтумур-ханом. Вещи и предметы,

обнаруженные при раскопках этого городища, по форме и стилю исполнения напоминают находки в слое XIV в. в Каракоруме. Наблюдения за раскопками насыпи с золой дают сведения о том, что на этом месте параллельно вели кузнечное дело, производство керамики и выпускали кирпич, из чего следует, что город создавался в военное беспокойное время и просуществовал недолго. Можно предположить, что монгольская верхушка при побеге из Китая вынуждена была оставить там мелкий скот, пригнав с собой только крупный рогатый скот, о чем свидетельствуют обнаруженные кости крупного рогатого скота. Находки, действительно, подтверждают, что город, созданный при Тогоонтумур-хане, не получил дальнейшего развития и расцвета (Монгол нутаг..., 1999, с. 185–186).

Городище Халтарын балгас

В 100 км к востоку от сомонного центра Эрдэнэцагаан Сүхэ-Баторского аймака, на северной стороне песков Халтар, в ровной степи расположено древнее городище, получившее название «развалины Халтар». Здесь находится крепость в форме продолговатого четырехугольника, сложенная из земли и камня, с проходами с северной и южной сторон, где, по-видимому, были крепостные ворота. Все четыре угла крепости по высоте превосходят остальную часть, их высота достигает 2,5 м от земли. Длинные стороны крепости расположены в направлении с севера на юг, и создается впечатление падающей под углом 18 градусов крепости. Размеры крепости – 54 × 42 м.

Внутри крепости видны остатки большого четырехугольного строения, северная стена которого выше южной (высота – 3 м от земли) и имеет наклон в южную сторону. На развалинах здания разбросаны фрагменты лепных украшений с глазурью зеленого, оранжевого цветов. Они идентичны с остатками городов периода монгольской империи XIII–XIV вв. Не удалось обнаружить целых изделий; преобладает декоративная керамика зеленого цвета. С западной стороны крепости просматриваются остатки невысокого прямого вала, а с северной стороны видна гряда длиной 100 м, растительность на которой отличается ярко-зеленым цветом. По-видимому, это остатки крепостного вала, окружавшего некогда это

строение. Между прочим, местные жители из собранных декоративных элементов с глазурью заваривают настойку, которая помогает от болезни (?) (Монгол нутаг..., 1999, с. 186).

Городище Хар Хул хааны балгас

На территории сомона Эрдэнэмандал Архангайского аймака, на южном берегу р. Хануй, в 10 км к юго-западу от сомонного центра, находятся остатки древнего города. Местные жители называют эти развалины «Хар Хул хааны балгас».

Развалины города – это крепость квадратной формы, сохранившая свои очертания. С северной стороны от нее есть еще одна крепость квадратной формы. Вокруг них на достаточно большой площади сохранились развалины крупных сооружений. Расположение стен самой большой квадратной крепости почти в точности соответствует сторонам света. Длина западной стены – 380 м, восточной – 390 м, а южная и северная стены – по 350 м. Высота стен крепости составляет в среднем 3 м. С четырех сторон видны остатки каменных ворот. Ворота сделаны из чередующихся слоев гранита и песчаника серого и фиолетового цветов, скрепленных известковым раствором. С внешней стороны к воротам пристроены защитные укрепления, сделанные тем же способом, что и ворота. В цементирующем растворе обнаружены фрагменты черепицы, свидетельствующие о том, что при возведении крепости были использованы материалы существовавшего ранее строения.

В центре крепости находятся остатки трех связанных между собой строений, а с южной стороны есть развалины отдельного строения, размерами 25 × 25 м, квадратной в плане формы с ровной плоской вершиной и высотой 270 см над поверхностью земли. К югу от этого строения просматривается длинный вал, напоминающий длинную прямую дорогу, по-видимому, это остатки центральной насыпной магистрали. В юго-западной части крепости есть развалины еще одного крупного строения, а в юго-восточной части крепости едва просматриваются развалины нескольких строений. Найдены ямы, а в северной части крепости – фрагменты кирпича и каменного фундамента, свидетельствующие о существовании другого строения. В разных частях крепости имеются в большом количестве гранитные стелы и гранитные базы колонн. В ок-

рестностях центрального строения встречаются обломки гранита, напоминающие строительные материалы.

К северу от центрального строения просматриваются три соединенные между собой насыпи, передняя насыпь имеет высоту 450 см над уровнем земли, длина с запада на восток – 45 м, с севера на юг – 35 м. Сама насыпь неровная, везде видны фрагменты кирпича. Хорошо видна кладка соседней стены. Следующая насыпь: с запада на восток – 25 м, с севера на юг – 15 м, высота – 140 см; поверхность ровная, плоская. На насыпи лежат 11 гранитных опор колонн. Самая северная насыпь: с запада на восток – 25 м, с севера на юг – 20 м, высота – 240 см; поверхность ровная, в северо-восточном углу насыпи лежат девять гранитных опор колонн.

На расстоянии 200 м к северу от этой четырехугольной крепости расположена еще одна крепость квадратной формы. Размеры: западная стена крепости – длина 125 м, восточная стена – 135 м, южная стена – 115 м, высота сохранившихся стен – от 30 до 60 см от поверхности земли. В восточной стороне крепости лежит олений камень. Самая крупная насыпь внутри крепости имеет размеры 30 × 25 м, высота от поверхности земли – около 1 м. На насыпи лежат четыре гранитных опоры колонн.

Из трех насыпей на территории большой крепости была раскопана самая маленькая из них. При раскопках было обнаружено, что сооружение было возведено на платформе, выложенной из кирпича, на гранитном фундаменте выстроена толстая кирпичная стена. Кладка стены состоит из половинок кирпича, из чего явствует, что при возведении этого строения использовались материалы ранее существовавшего строения. Здесь можно найти фрагменты черепицы зеленого, коричневого, оранжевого цвета и фрагменты декоративных лепных украшений. Зафиксированы фрагменты керамики с изображением Зээбад (?), фрагменты глиняных изделий с орнаментом золотистого цвета, фрагменты искусно слепленного из глины человеческого лица, пальцев руки. В восточной части центрального строения с наружной стороны кирпичной стены определены рыбы кости в большом количестве. На большинстве кирпичей просматриваются рельефные печати и знаки, которые схожи с найденными в Каракоруме фрагментами.

В результате произведенных на развалинах города Хар Хул изысканий, было выяснено, что город на этом месте неоднократно возрождался на протяжении нескольких исторических эпох, при этом дата основания города остается неопределенной. Но доподлинно известно, что в XIII в. во времена расцвета города Каракорума здесь было произведено единовременное крупное строительство, затем в XVII в. город был возрожден еще раз и здесь проживали люди (Монгол нутаг..., 1999, с. 192–193).

Хубилайн цэргийн хот (военный городок Хубилая)

Развалины древнего города Хугшин тээлийн балгас, связанного с войсками Хубилай-хана, находятся на территории сомона Хайрхан дулаан Убур-Хангайского аймака в местности Хугшин Тээл. В 1926 г. русский ученый П. К. Козлов дал краткое описание развалин этого древнего города. Он сфотографировал памятник с надписью на китайском языке и опубликовал перевод надписи на русском языке. П. К. Козлов определил, что город связан с историческим периодом второй половины XIII в., когда Хубилай и Аригбох вели борьбу за монгольский престол. Надпись гласит, что «Чан Вэй, тысячник правой ханской гвардии, отправился верхом на коне на юг в апреле 15 года по чжи-юаньскому календарю. В октябре месяце прибыл в эту местность, возвел стены и основал военную крепость. Сановники и военачальники, посовещавшись, дали этому военному городку название «военный городок отважных воинов», по их распоряжению, было вырыто искусственное озеро с южной стороны крепости». Об этом также существует надпись.

Ученые Х. Пэрлээ, Ц. Хандсурэн и японский ученый Хориё специально занимались надписью, обнаруженной на развалинах города, основанного в 1275 г., и сделали публикацию.

Военный город Хубилая включает в себя: расположенную на левом склоне горы Хугшин Тээл крупную крепость, состоящую из трех самостоятельных частей, и развалины сооружения так называемой часовни богини Тара, находящейся на южном склоне Белой горки в устье пади Их мод горы Хан Хугшин Тээл. Как определил Х. Пэрлээ, здание часовни выдержано в китайском стиле и, по-видимому, часовня предназначалась для совершения обряда поклонения войсками Хубилая.

При обзоре в направлении с севера на юг первая часть городской крепости – это так называемая часовня богини Тара, возведенная из обычного камня; вторая часть – крепость, установленная на выступе с южной стороны пади Их мод и по кромке выступа. Третья крепость возведена южнее вдоль пади Бага мод (Малый лес). Каменная крепость была построена снаружи, а водный ров был вырыт с внутренней стороны. По мнению Х. Пэрлээ, трудно понять, как в таком отдаленном месте можно было вырыть водный канал, но вполне можно допустить, что это мог быть сухой и глубокий ров.

Три крепости в составе военного городка Хубилая возведены на высоком месте, откуда хороший обзор окрестностей. Крепости следуют одна за другой, что свидетельствует об их соответствии оборонительной тактике. Надпись на китайском языке на стеле, возведенной рядом с городком, повествует о том, что крепость называлась военным городком отважных воинов. Вероятно, раньше здесь было много строений, казарм, сама крепость выглядела суровой и неприступной, но в настоящее время на территории городка остались лишь едва заметные развалины многих зданий тех времен. Отсюда следует, что здания, укрытия, походные юрты возводились спешно, когда надвигалась опасность. На сегодняшний день, нет сведений о том, когда обезлюдел военный городок Хубилая. Развалины городка еще не описаны историками древности (Монгол нутаг..., 1999, с. 193–194).

Городище Хурээт дов

Древняя крепость Хурээт дов, расположенная на берегу р. Баруун Байдраг на территории сомона Баяндэлгэр Центрального аймака, была впервые обследована ученым Х. Пэрлээ. Площадь крепости – 410 × 420 м, высота – от 1,5–2 м, толщина стен – 4–5 м. В четырех углах крепости расположены смотровые башни размером 8 × 8 м. Было выявлено, что ворота были установлены со всех четырех сторон. Крепость возведена из толстого кирпича серого цвета, стены выложены тонкой красной керамикой с традиционным орнаментом хунну и материалом серого цвета. Другие предметы не обнаружены. Исходя из того, что в результате археологических раскопок и изысканий не были найдены предметы хозяйственного

и военного назначения, на взгляд ученого Х. Пэрлээ, это было место поклонения и отправления обрядов (Монгол нутаг..., 1999, с. 194).

Городище Хэсэг байшин

Городище, расположенное с южной стороны высокой скалистой горы на территории сомона Их Хэт Восточно-Гобийского аймака – памятник раннемонгольского зодчества, носит название Хэсэг байшин. Это историческое место в 1847 г. посетил русский ученый Палладий Кафаров, а в 1923 г. по командировке Ученого комитета Монголии работали В. А. Казакевич и великий писатель Д. Нацагдорж. Им удалось скопировать со стелы надпись на монгольском языке и составить схему обзора. Центральное строение этого памятника включает в себя сложенную из камня крепость четырехугольной формы. Как было указано В. А. Казакевичем, кирпич не был обнаружен. Каменная кладка стены горизонтальная и косая. Центральное сооружение окружено с трех сторон другими строениями, среди которых несколько буддийских ступ. Есть также каменные строения в форме полукруга и круга. К югу от центрального сооружения на месте фундамента стелы была установлена полужасыпанная землей каменная черепаша, которую исследователи выкопали и обнаружили рядом с ней 11 фрагментов стелы с надписью на монгольском языке.

По рассказам местных жителей, есть предание о том, что Хэсэг байшин был возведен последним монгольским правителем Китая Тогоонтумур-ханом. Исследование надписи на стеле позволяет сделать вывод, что она была возведена узэмчинами и авга, перекочевавшими сюда примерно в 1630 г. под покровительство Сэцэн-хана Шолой-Халхасского. Надпись на стеле гласит, что крепость Алтан цогт была сооружена предводителем Чоом, а подрядчиками были Чадай Хиа и плотник Чабай (Монгол нутаг..., 1999, с. 195).

Цантын эртний хотын туйр

Расположенное на левом берегу р. Орхон, в 2–3 км к югу от сомонного центра Орхон Дархан уул аймака, древневосточное городище носит название «Цантын туйр». Возможно, город был снаружи окружен водным рвом и имел земляную крепость в форме

продолговатого четырехугольника. Густая растительность, покрывающая городище, не дает возможности достоверно определить форму и размеры крепости. Крепость четко просматривается с востока и юга, южная часть правой стены видна неплохо, северная сторона крепости постепенно сливается с поверхностью земли. Интересно, что внутри крепости, в ее южной части, на земле выложены два круга из отшлифованного камня. На территории нашей страны на развалинах древних городищ не было обнаружено таких кругов. Один каменный круг сохранился в первозданном виде и состоит из 13 каменных отшлифованных плит с желобами по центру, а с южной стороны круга оставлен просвет наподобие дверей. Размеры каменных плит: длина – 10–165 см, ширина и высота – 50–60 см. По центру выточен широкий желоб. Конфигурация внешнего круга нарушена, некоторые из камней вырваны с места. Всего их 12. Говорят, что один из камней был вывезен в сомонный центр в качестве экспоната для кабинета краеведения, но неизвестно, где этот камень сейчас.

Точно такие же круги из камня были описаны ученым Сайшалом из Внутренней Монголии в его книге «Чингис хааны товчоон» (Биография Чингисхана). По его словам, эти круги являются жерновами, которыми пользовались монгольские земледельцы. В любом случае такие вещи попадают среди предметов быта древних монголов. Известный археолог Х. Пэрлээ об этом городе пишет: «По преданию местных жителей, эти круги использовались человеком из латунного (?) государства для измельчения дерева в производстве бумаги». Если сопоставить это устное предание с исторической реальностью, древнее «латунное» (?) государство (Корея) имело глубокие традиции в производстве бумаги, где впервые в мире были изготовлены металлические печатные матрицы. Немец Гуттенберг известен тем, что он является автором первой в мире металлической матрицы. А в действительности же, металлическая матрица была изготовлена в Корее за десять с лишним лет до открытия Гуттенберга. История констатирует, что в изготовлении металлической матрицы принимал активное участие и оказывал финансовое содействие монгольский сановник Бэбуха.

Есть все основания полагать, что вышеназванный круг из камня с желобом по центру, действительно, представлял приспособле-

ние для измельчения дерева и камыша в желобе в производстве бумаги. Как считают корейские ученые, произрастающий здесь камыш (осока?) имеет все качества, годные для производства бумаги. На территории городища были обнаружены отшлифованные камни, напоминающие мельничные жернова, а на поверхности земли найдены фрагменты керамической посуды, покрытой глазурью черного, зеленого, серого, голубого цветов, кости мелких и крупных домашних животных. Все эти факты свидетельствуют, что данное городище было одним из центров стационарного проживания древних монголов (Монгол нутаг..., 1999, с. 195–196).

Цогтын цагаан байшин

Развалины города, основанного при Цогт хун тайжи Халхаском, находятся на территории сомона Дашинчилэн современного Булганского аймака. Рядом с развалинами города возвышается каменная стела с надписями на монгольском и тибетском языках. Надпись гласит: «...В год железной коровы (1601 г.) 15 дня месяца кукушки на южном склоне горы Халдудын зурхэн на западной стороне прекрасной долины реки Тола начато строительство с возведения часовни и на протяжении 17 лет велось строительство шести часовен, которое было завершено в начале лета в месяц кукушки года огненной змеи (1617 г.)». Комплекс в форме храма сооружен на вершине небольшой сопки, украшен китайской керамикой. Вокруг комплекса – развалины других сооружений, что свидетельствует о том, что в городке проживало много жителей.

Цогтын цагаан байшин был возведен на фундаменте ранее существовавшего строения, нижняя часть стен выложена из камня, затем идет часть из кирпича. Размеры крепости: юго-западная сторона – 119 футов, юго-восточная – 208 футов, северо-восточная – 109 футов, с северо-запада – 203 фута. Строительные объекты, относящиеся к Цагаан байшину, украшены керамикой с декоративным цветочным орнаментом, покрытым разноцветной глазурью. Цогтын цагаан байшин был обследован Д. А. Клеменцем и др. в 1889 и 1895 гг. Тогда же было сделано научное описание комплекса. В 1894 г. Георг Хут опубликовал немецкий перевод с монгольской и тибетской надписей на стеле. Русский ученый Д. Д. Букинич производил разведочные раскопки в 1933–1934 гг. Его научный от-

чет хранится в Институте истории Академии наук Монголии (Монгол нутаг..., 1999, с. 197–198).

Чингисийн хэрмэн зам (Дорога Чингисхана)

В разных местностях Монголии сохранилось много памятников с такими названиями: «Вал Чингисхана», «Дорога Чингиса», «Стена Чингиса». Один из таких памятников – земляная стена, которая берет начало на западной стороне старого сомонного центра Баян-Адарга Хэнтэйского аймака в направлении перевала Хурэй, доходит до урочища Нарийн, мимо горы Сайхат с ее северной стороны на запад, идет по распадку мимо оз. Сайнцагаан с его северной стороны, по территориям сомона Норовлин вдоль Высокой сопки, сомона Баяндун Восточного аймака, мимо колодца Хэрмин, по территории сомонов Цагаан овоо, Сэргэлэн, Гурван загал и до границы с КНР. Дорога прерывается в некоторых местах. Длина дороги (стены?) – 500–600 км. С южной стороны стены встречается много насыпных крепостей квадратной формы 40 × 50 м, по всей вероятности, предназначенных для размещения охраны и караула. Приводятся названия крепостей: «Дэрвелжин буудал» (Станция на перекрестке), «Улзын Ондэр довын энгрийн хэрэм» (Крепость на склоне высокой сопки Улз), «Могойн атагим хэрэм» (Крепость в пади Могой), «Огооморийн хэрэм», «Дэлгэрэхийн тал», «Баян булгийн хэрэм».

Как утверждают местные жители, расстояние между этими станциями можно покрыть за полдня и за день. Расстояние между некоторыми из них составляет 8–12 км. В маленьких крепостях не обнаружены следы пребывания человека, нет ни мусора, ни других остатков. Зато в некоторых из них найдены фрагменты керамической посуды. Местные люди рассказывают, что вдоль этого пути много таких крепостей и бытует мнение, что до крепости квадратной формы можно добраться за сутки, а до крепости треугольной формы – за полдня. Такие длинные стены (крепостные стены с маленькими крепостями вдоль пути следования) встречаются и в южной части Монголии. На территории сомонов Номгон, Хурмэн, Баяндалай, Ноён Южно-Гобийского аймака есть длинный земляной вал под названием «Вал Чингисхана».

Ученые, исследовавшие валы и стены Чингисхана, считают, что они, возможно, были возведены для того, чтобы отгородиться от чужих аймаков. Доктор Х. Пэрлээ замечает, что, как отмечено в параграфе 281 «Сокровенного сказания монголов», в 1228–1241 гг. Угэдэй-хан, чтобы не допустить проникновения дзеренов (степных антилоп) на территорию своих братьев, велел возвести высокую стену. Это деяние самим же Угэдэем было квалифицировано как несправедливое.

В «Сокровенном сказании» написание стены выглядит следующим образом: «Хуруа или Йурха». Китайские исследователи относят стену к периоду Золотого государства зурчитов, а японские исследователи связывают возникновение стены с периодом государства Ляо. Но этот вал до сих пор не исследован детально, с точки зрения периодизации. Приводим одну легенду, связанную с «крепостной дорогой», по которой дорога была проложена по велению Чингисхана. В те времена невестка не должна была показываться свекру. Случилось так, что Чингисхану пришлось выехать в дальнюю дорогу в сопровождении своей невестки. И для того чтобы невестка не показывалась на глаза Чингисхану, был насыпан высокий вал посередине дороги при участии многих тысяч людей. С обеих сторон дороги шествовали Чингисхан и его невестка, не видя друг друга (Монгол нутаг..., 1999, с. 199).

Шаазан толгойн туйр

На территории сомона Баруун Баян-Улаан Убур-Хангайского аймака, к северу от р. Хун хэрээ, к югу от Шаазан Толгой (Фарфоровой сопки), находится один памятник. Здесь было расположено несколько городов, каждый со своей маленькой крепостью, но в настоящее время городище почти не просматривается. Эти развалины были впервые описаны в 1957 г. археологом Х. Пэрлээ в ходе экспедиционных работ. Им же начертана карта городища. Можно обнаружить осколки и фрагменты керамической посуды и утвари в большом количестве. И, видимо, поэтому местные жители назвали сопку «фарфоровой».

В ходе изыскательских работ, проведенных в 1960-е гг., на городище Шаазан толгойн туйр, были обнаружены несколько больших каменных ступ, пестики, а также три или четыре жернова руч-

ной мельницы. Среди фрагментов фарфора чаще всего попадают осколки синего, розового цвета, которые известны как фарфор государства Юань. И поэтому исследователи склонны считать, что здесь находился городок ремесленников государства Юань XIII–XIV вв. Фарфор государства Юань в большом количестве извлекается из развалин Каракорума, многих городов, поселений, городищ юаньского периода. Изделия из него отличаются необычностью форм (Монгол нутаг..., 1999, с. 200).

Шаазан хот

На территории сомона Сайхан овоо Средне-Гобийского аймака, в бассейне р. Онгийи (в 2 км к западу от р. Харгана), расположено древнее городище, известное под названием «Шаазан хот». Вероятно, это название связано с обилием фрагментов фарфоровой посуды в этом месте. Ширина городища – 350 м, длина – около 1100 м. Центральная улица одна. По обеим сторонам улицы были построены небольшие насыпные крепости (усадьбы), связанные между собой. Высота крепостного вала в настоящее время достигает 2,5 м, а остатки строений представляют возвышения на земле. Этот памятник истории был описан в 1957 г. Х. Пэрлээ, приехавшим сюда по командировке Комитета наук. Из обнаруженной на территории городища глиняной и фарфоровой посуды, утвари большую часть составляют фрагменты фарфоровой посуды качественного обжига, красочной расцветки и своеобразной формы. Этот вид известен как юаньский фарфор.

Зафиксированы 2 монеты с китайскими иероглифами, одна из них относится к 1064–1066 гг., а вторая – к 1078–1085 гг. Местные жители рассказывают, что помимо фрагментов фарфора было найдено так много монет с иероглифами, что их нанизывали на веревку. Можно заключить, что данный город, действительно, является памятником городского поселения периода государства Юань (1270–1368 гг.) и, возможно, здесь проживали железных дел мастера, гончары и др. (Монгол нутаг..., 1999, с. 200).

Рассмотренные данные по городам эпохи монгольской империи свидетельствуют о формировании на территории центрально-азиатских степей в позднем средневековье своеобразной городской

культуры. Материалы из раскопок доказывают существование многообразия городских застроек. На территории обследованных городов находились дворцовые постройки, принадлежавшие чингисидам – представителям правящей династии, степной аристократии, выдвинувшейся в ходе войн Темуджина в борьбе за власть над монгольскими племенами. Аристократия второй волны, появившаяся в процессе завоевательных походов Чингисхана против соседних стран и за боевые заслуги получившая земельные наделы и различные привилегии, в основном, оседала в завоеванных землях. Однако часть из них отстраивала дворцы в коренных землях, на территории Центральной Азии. Эти дворцовые сооружения знати и окружавшие их административные здания служили своеобразным магнитом: вокруг них оседали ремесленники, земледельцы, различные промысловики, торговцы. Одной из особенностей монгольских городов было отсутствие мощных укреплений. Даже в столице государства Каракоруме городские стены носили чисто формальный характер и выполняли полицейские и таможенные функции.

При исследовании городов методами археологии основное внимание уделялось наиболее заметным объектам, на которых, как показывает практика археологических раскопок, имеется большое количество информативных материалов. Такими объектами обычно оказываются дворцовые постройки, дома знати, фортификационные сооружения. Обращалось внимание и на менее значительные объекты. Раскопками С. В. Киселева в Каракоруме были выявлены дома, принадлежавшие торговцу и кузнецу, караульное помещение около южных ворот города (Древнемонгольские города, 1965, с. 173–182). Л. Р. Кызласов на городище Ден-Терек раскопал жилища бедных и зажиточных горожан (Древнемонгольские города, 1965, с. 59–119).

Наличие довольно значительного количества материалов, полученных в результате раскопок зданий монгольского государства, дает возможность анализа архитектурно-строительных традиций, появившихся в это время.

Первым этапом возведения всех изученных зданий, как видно из раскопок, было сооружение насыпи или насыпной платформы из щебенки, смешанной с глиной. Всему сооружению придавалась прямоугольная в плане форма. По периметру платформы соору-

жалась кирпичная стенка, предохранявшая ее от расползания. Затем поверхность платформы, по-видимому, выравнивалась и утрамбовывалась. Целями ее сооружения могли быть нивелировка поверхности, предохранение здания от попадания туда грунтовых вод, талой и дождевой воды, а также подчеркивание социального статуса владельца здания. После возведения и доработки платформы на ней устанавливались гранитные плиты, служившие опорами для столбов-колонн, поддерживавших кровлю. Последовательность дальнейших строительных операций: сооружение пола, стен, деревянных балок, стропил и перекрытий крыши, установка черепичного настила, для нас не совсем ясна, так как мы не располагаем сведениями о технологии строительства в этот период.

В исследованных памятниках платформы были зафиксированы в Каракоруме, при раскопках дворца Угэдэя в Монголии (Древнемонгольские города, 1965, с. 152, рис. 91), Кондуйском дворце (Древнемонгольские города, 1965, с. 330), дворце в Хирхире (Древнемонгольские города, 1965, с. 28, рис. 4), Восточном Забайкалье, административном здании и дворце на городище Ден-Терек, Туве (Древнемонгольские города, 1965, с. 83, 104), в здании в Нарсатуе, Бурятии. Они отличались различной высотой и формой в плане, зависевшими от социального статуса и финансовых возможностей владельца, а также от воплощавших его заказ архитекторов и строителей.

Связующими звеньями между нижней частью зданий и кровлей являлись опорные столбы-колонны, следы от которых встречаются при археологических раскопках, в основном, в виде опор, вытесанных из разных пород камня, главным образом, гранита и базальта. Практически на всех памятниках, исследованных в Монголии, Туве, Забайкалье, при раскопках сколько-нибудь значительных сооружений находились такие изделия. По всей видимости, их размеры, форма и тщательность отделки зависели от размеров зданий и колонн, профессионального мастерства строителей и, по-видимому, материального достатка их владельцев. Изучение их расположения служит основой для суждения о планировке здания, наличии или отсутствии многоярусной кровли. Массивность гранитных опор свидетельствует о мощных колоннах, подпиравших многоярусную, весившую в отдельных случаях несколько тонн, кровлю.

В Каракоруме, во дворце Угэдэя, опорами колонн служили «огромные гранитные камни почти правильной кубической формы... В северной части дворца, где колонны были тоньше, базы иного вида. На верхней грани гранитного куба высечено округлое возвышение диаметром до 0,8 метра, выступавшее вверх примерно на 5 см» (Древнемонгольские города, 1965, с. 317). Такие же массивные опоры с размерами граней около 1 м применялись для строительства Кондуйского дворца (Древнемонгольские города, 1965, с. 347, рис. 172, 182, 183). Причем на выступающей цилиндрической поверхности были высечены или процарапаны круги, разделенные пополам, для лучшей центровки при установке массивной колонны (Древнемонгольские города, 1965, рис. 183). Сходного типа опоры или базы колонн находились при раскопках расположенного в Туве городища Ден-Терек. Здесь выявлены каменные базы с высеченными цилиндрами (Древнемонгольские города, 1965, рис. 49, 69), а также округлые дисковидные и квадратные базы (Древнемонгольские города, 1965, рис. 48, 63, 69).

Во время исследования здания в Нарсатуе нами были отмечены в большинстве своем квадратные гранитные опоры для колонн. Более тщательной отделке подвергались верхняя, выступающая наружу, поверхность и боковые стороны. Нижняя часть гранитных плит оставалась необработанной. Степень тщательности обработки плит была неодинакова. Более тщательно отделялись парные двойные плиты, находившиеся по углам (?) здания, а также плиты, расположенные вдоль южной, фасадной, стороны здания. Хотя и здесь имелась плита со следами пиления, но ее обработка до конца не была завершена.

Рассматривая гранитные базы колонн, можно подчеркнуть, что, в основном, они изготавливались двух видов, что отметил в свое время Л. Р. Кызласов при раскопках Ден-Терека (Древнемонгольские города, 1965, с. 88). В первую очередь, это квадратной в плане формы каменные плиты, на верхней плоскости которых высекались округлые возвышенности, выступавшие вверх на 5 см. Размеры таких плит были различными и достигали полутора метров по одной грани. Такие изделия встречались во дворце Угэдэя, Кондуйском дворце, при раскопках зданий № 4 и № 7 в Ден-Тереке. Эти сооружения, как указывает Л. Р. Кызласов, резко выделялись среди рас-

копанных рядовых жилищ и служили для высокопоставленных лиц (Древнемонгольские города, 1965, с. 109). Однако размеры зданий Ден-Терека уступали дворцовым сооружениям Каракорума и Кондую, отсюда и более скромные габариты каменных баз, предназначенных для менее массивных кровельных перекрытий.

Вторым видом гранитных опор были подквадратной или квадратной в плане формы, размеры которых не превышали 50–60 см. Поверхность их иссекалась для лучшей сцепки деревянного основания колонн с плоскостью опоры. Они устанавливались в зданиях меньшего размера, нежели упомянутые дворцы с многоярусной черепичной крышей, и их колонны несли соответственно меньшую нагрузку. Такие плиты встречались в административном здании в Ден-Тереке (Древнемонгольские города, 1965, с. 88, рис. 48), здании в Нарсатуге. Кроме того, наличие каменных плит отмечалось на многочисленных памятниках монгольского времени, исследованных на территории Центральной Азии. Однако в большинстве случаев исследователями подтверждалось лишь их присутствие на памятнике, без фиксации более подробных данных.

При обследовании гранитных плит здания в Нарсатуге осталась непонятной роль «двойных» плит. Они обнаружены при раскопках в трех местах: в юго-западном и северо-западном углах здания и с южной стороны здания. Получается, что «двойные плиты» располагались не по углам всего здания, а по углам квадратного зала, являвшегося основной частью всего сооружения. План здания в Нарсатуге в целом имеет вид прямоугольника, вытянутого по линии С-Ю со входом с южной стороны. Однако, учитывая наличие «двойных» плит, можно предположить, что первоначально здание имело подквадратную форму, а зафиксированная нами прямоугольная основа достигалась за счет пристроенного к квадратному залу помещения с восточной стороны.

Такая планировка была характерна для дворца Угэдэя в Каракоруме, реконструкция которого была проделана Л. К. Минертом на основе обмерных чертежей, выполненных автором раскопок С. В. Киселевым (Минерт, 1985, с. 188). Обосновывая свое видение эволюции жилых и общественных построек монголов XIII в. от юрты, Л. К. Минерт пишет: «Перед нами не прямоугольный в плане, расположенный поперек главной планировочной оси китайс-

кий вал (дзянь), а центрическое сооружение – огромная юрта, шатер для приемов. В отличие от уже имевшихся «золотых», «пурпурных» и прочих шатров этот возведен более основательно и поэтому недвижим». Эту идею о центрическом развитии архитектурного пространства, находившей отражение в круглых в плане жилищах (юрты), с появлением новых строительных материалов (кирпичи) сменили квадратные в плане здания и дворцы (Минерт, 1985, с. 192–193).

Крестообразная планировка Кондуйского дворца была получена, по наблюдениям С. В. Киселева, за счет пристройки с северной стороны дополнительного зала. До перестройки здание имело один главный зал размерами 12,5 × 10,5 м и расположенный перед ним аванзал (Древнемонгольские города, 1965, с. 347). Возможно, что и здесь основу здания составлял близкий по форме в плане квадрату главный зал.

Важным элементом архитектуры зданий являлись террасы, или опоясывающие галереи, располагавшиеся на краю платформы. Они были зафиксированы при раскопках дворца Угэдэя (Древнемонгольские города, 1965, с. 153), дворца в Кондуге (Древнемонгольские города, 1965, с. 330–321, 342). Причем в последнем террасы были двухъярусные.

При раскопках в Нарсатуге четко выраженной террасы не обнаружено. Однако наблюдения за платформой, вернее, за ее краями, позволили сделать некоторые выводы. Кирпичная стенка, опоясывающая платформу, сравнительно хорошо прослеживается с южной стороны. Расстояние от этой стенки, тянувшейся вдоль южной стороны здания, до линии гранитных плит – баз колонн – составляло 0,5–0,6 м. Этот промежуток служил, по-видимому, террасой-галереей. В южной части здания терраса смыкалась с входом, оформленным в виде пандуса. С западной стороны здания террасы выходили на вымощенную кирпичом открытую площадку. По всей видимости, в Нарсатуге терраса выполняла чисто декоративную функцию и не предназначалась для нахождения на ней людей. Для этой цели использовалась площадка с западной стороны здания.

В процессе раскопок на территории Центральной Азии памятников монгольского времени обнаружено множество самых различных находок. Одними из наиболее массовых видов археологи-

ческого материала, встречаемого при раскопках монгольских городов, были многочисленные черепица и кирпичи, находимые как в виде фрагментов, так и целиком. В сравнительно меньшем количестве встречались остатки лепных украшений.

Черепица при раскопках была обычная, из обожженной глины, и поливная. Обычная черепица представлена разнообразными видами, каждый из которых соответствует предназначению при строительных работах по перекрытию зданий. Подавляющее большинство черепиц было серого цвета с отпечатками ткани на вогнутой стороне. Эта деталь характеризует технологию изготовления черепицы на шаблоне (возможно, изготовленном из дерева), обернутом грубой, типа мешковины, тканью. Наиболее сложны в изготовлении и покрыты орнаментом нижние концевые черепицы, располагавшиеся по краю кровли. Это широкая (17–18 см) черепица с отгибом на нижнем конце. Плоскость этого отгиба украшалась орнаментом. Общим для них является наличие на орнаментальном поле бороздок, параллельных округлым краям. На этих бороздках, еще по сырой глине, наносились различными штампами те или иные виды орнамента.

При раскопках дворцов встречались нижние концевые черепицы, украшенные преимущественно зеленой и желтой поливой. Во дворце Угэдэя на отгибе такой черепицы изображен дракон. Причем дракон покрыт золотисто-желтой поливой, а сама черепица была ярко-зеленой. Так же были украшены и отгибы нижней черепицы Кондуйского дворца (Древнемонгольские города, 1965, с. 319–320, 352, рис. 166, табл. XXXI, рис. 1).

Верхние черепицы, перекрывавшие швы между уложенными рядом нижними черепицами, имели вид полуцилиндров диаметром 12–12,5 см. Концевые верхние черепицы имели на конце глиняный диск, украшенный орнаментом. Основное предназначение этого диска вместе с украшенными отгибами нижними черепицами было создавать единое орнаментальное поле по краю черепичной крыши. В дворцовых сооружениях применялись верхние концевые черепицы, украшенные поливой, однако их находки единичны (Древнемонгольские города, 1965, с. 318, рис. 168). При сооружении кровли дворца Угэдэя и Кондуйского дворца использовались черепи-

цы с красной поливой, что являлось прерогативой членов императорской семьи (Древнемонгольские города, 1965, с. 320, 351).

При раскопках в Хирхире верхних концевых черепиц с дисками было встречено гораздо меньше, чем отливов (Древнемонгольские города, 1965, с. 352). Обследование черепицы в Нарсатуе показало полное отсутствие концевых дисков, хотя нижние концевые, украшенные орнаментом, черепицы встречались постоянно. Находились и верхние полуцилиндрические черепицы, но без дисков.

Впервые на Дальнем Востоке черепица начала использоваться в китайской архитектуре. В результате исследований известного археолога С. В. Киселева, рассмотревшего имевшиеся в его распоряжении остатки черепицы, начиная с эпохи Чжоу (XIII в. до н. э.), были намечены основные этапы, произошедшие в изготовлении этого вида строительного материала. За основу классификации были взяты керамические диски, которыми заканчивались верхние концевые черепицы и отогнутые книзу, так называемые отливы, служившие завершением нижних концевых черепиц. Основное внимание С. В. Киселев обратил на орнаментацию, расположенную на дисках и отливах, и установил для каждой эпохи характерные черты. Нет сомнений, что за пределами исследования С. В. Киселева осталось множество материала, ему недоступного. Но он сознательно сузил рамки своей работы, поставив подзаголовок: «В связи с изучением древних городов Монголии, Сибири и Дальнего Востока», дав тем самым возможность последующим исследователям этих регионов пользоваться разработанной им методикой.

Нижние концевые неполивные черепицы из средневековых монгольских городов имели в целом единообразную орнаментацию. Сравнивая орнаментальные мотивы на этих черепицах с аналогичными материалами с сопредельных территорий из Тувы как одно-временных, так и более ранних, обращает на себя внимание сходство с чжурчженьскими черепицами.

Исследованиями Э. В. Шавкунова выявлено, что по крайней мере на Дальнем Востоке отогнутость нижней части черепицы появляется в чжурчженьскую эпоху. В предшествующее время, при государстве Бохай, черепичное полотно было ровным, без отгиба, а орнаментом покрывался обращенный наружу срез кровли (Шавкунов, 1960, с. 183, 190, 191). Всего Э. В. Шавкуновым было выде-

лено пять видов орнаментации на чжурчженьских черепицах которая покрывала отгиб.

Нас интересует второй и отчасти третий виды выделенного Э. В. Шавкуновым орнамента. Общим для них является наличие на орнаментальном поле бороздок, параллельных округлым краям. На этих бороздках, еще по сырой глине, наносились различными штампами те или иные виды орнамента. Завершая свое исследование, Э. В. Шавкунов уточняет о том, что «есть все основания полагать, что некоторые виды орнаментации черепиц использовались в ранний период истории чжурчженей, т. е. к раннему или позднему следует отнести их, пока еще трудно сказать что-либо определенное» (Шавкунов, 1960, с. 191).

Рассматривая орнаментальные мотивы и сам характер орнамента на нижних концевых черепицах кровельного перекрытия зданий монгольского периода, обнаруживается несомненное сходство с общим направлением орнамента чжурчженей, что определил в свое время С. В. Киселев. Описывая нижние черепицы Каракорума, он поясняет: «Всеми своими особенностями эта черепица совпадает с найденной в древнемонгольских городах XIII вв., в ... городе на р. Хирхира (на юге Читинской области) и городе Ден-Терек на р. Элегест (Тувинской АССР). Так же, как про эту черепицу и про нижнюю черепицу из городских кварталов Каракорума, можно сказать, что всего ближе ей черепица цзиньских городов и крепостей» (Древнемонгольские города, 1965, с. 318).

С. В. Киселев поставил в один ряд нижние черепицы чжурчженьских и монгольских городов XIII в. Их основные признаки, по которым он определил сходство, С. В. Киселев сформулировал так: «На торцовой стороне его обычно нанесен продольный желобок, на котором штампом отгиснуты углубления. Нижний край отлива гофрирован защипами или вдавлениями гусеничного штампа» (Древнемонгольские города, 1965, с. 318).

Рассматривая подробнее отгибы нижних черепиц Хирхиры и Нарсатуя, можно отметить их большое сходство с дальневосточными образцами. Говоря о тувинских черепицах, мы видим, что, к сожалению, в опубликованных работах о тувинских городах не представлены все виды нижней черепицы, особенно украшенной продольными валиками. Единственная опубликованная нижняя че-

репица из Ден-Терека представляет «капельник, украшенный отгисками вертикального зигзагообразного штампа или рядами уголков» (Древнемонгольские города, 1965, с. 90, рис. 52; Кызласов, 1969, с. 148, рис. 57, 3). Такая орнаментация была несвойственна дальневосточным, забайкальским и монгольским черепицам, хотя С. В. Киселев, анализируя особенности строительных материалов Каракорума, привлекал черепицу из Ден-Терека в качестве аналога. Орнаментация отгибов нижних черепиц дворца Хирхинского городища, по наблюдениям С. В. Киселева, носит следующий характер: «Нижний край отгиба обычно гофрирован защипами или косыми вдавлениями палочки, а плоскость украшена чаще всего несколькими параллельными бороздками и валиками. Часто валики косыми нарезками превращены в имитацию шнура. Иногда между бороздками встречаются вдавления – отпечаток узла либо круглого штампа с точкой внутри или зубчатого штампа. В некоторых случаях наносились только косые нарезки» (Древнемонгольские города, 1965, с. 39, рис. 12, 13) и тут же добавляет: «Эти отливы ближе всего черепицам, найденным Э. В. Шавкуновым на Николаевском и Красноярском городищах, относящихся к XI–XIII вв.» (Древнемонгольские города, 1965, с. 41).

Анализируя орнамент нарсатуйской черепицы, нетрудно заметить, что и здесь прослеживаются те же орнаментальные мотивы. Сравнивая черепицы Нарсатуя и Хирхиры с чжурчженьскими, можно отметить, что отличия незначительные и выражаются в использовании различных штампов, наличии или отсутствии защипов, разном количестве параллельных валиков. В целом можно заключить, что черепица монгольских городов входит в общий круг подобных изделий Дальнего Востока и, по всей видимости, Северного Китая.

Другим массовым строительным материалом, встречавшимся при раскопках монгольских городов, были кирпичи. На всех памятниках обнаружены кирпичи прямоугольной и квадратной форм. И лишь однажды была найдена керамическая плита, равная по размерам двум квадратным кирпичам. Прямоугольные кирпичи использовались при выкладке пола, сооружении стен. Квадратные кирпичи и керамическая плита применялись только для вымостки пола. Все обожженные кирпичи, в основном, были различных от-

тенков серого цвета. Изредка встречались и красноватые кирпичи, но их локальное местонахождение вместе с обломками черепицы также с красноватым оттенком может указывать на вторичный обжиг в результате воздействия сильного пламени горевшего и уже разрушенного здания. Сравнивая кирпичи из раскопок в Монголии, Туве, Забайкалье, можно констатировать большое сходство во внешней характеристике этого вида строительного материала. По-видимому, единой была технология изготовления кирпичей, в результате которой после обжига они имели, главным образом, серый цвет (Древнемонгольские города, 1965, с. 316, 346, 347).

Существовали и определенные стандарты в размерах кирпичей, хотя наблюдаются отклонения, связанные, вероятно, с общим архитектурным решением конкретного объекта. В целом длина обычных прямоугольных кирпичей колеблется в пределах от 29 до 34 см (Древнемонгольские города, 1965, с. 29, 67, 73, 109, 316, 346).

Меньшей амплитудой характеризуется ширина кирпичей: от 14 до 17 см. Толщина равняется 4,5–6 см (Древнемонгольские города, 1965, с. 29, 67, 73, 74, 109, 316, 346). Ясно, что по длине кирпичей стандарт колебался в пределах 5 см, ширине – 3 см, толщине – 1,5 см. Кроме этого, Л. Р. Кызласовым при исследовании объектов № 4 и № 7 городища Ден-Терек в Туве были выделены длинномерные кирпичи размерами 36 см × 17 см × 5,5 см, применявшиеся при кладке стен (Древнемонгольские города, 1965, с. 83, 104, 109).

Для вымостки пола зданий использовались квадратные кирпичи, размеры которых колебались в пределах 28 см × 29 см; 30 см × 30 см; 36 см × 36 см (Древнемонгольские города, 1965, с. 29, 316, 347). Встречались и кирпичи подквадратных форм: 34 см × 31 см; 36 см × 35 см; 36 см × 32 см (Древнемонгольские города, 1965, с. 69, 83).

Из представленного материала следует, что хотя размеры кирпичей и несколько различны, в целом наблюдается определенная стандартизация, которая зависела, на наш взгляд, не только от существования центральных учреждений, ведавших строительством, но и от формирования определенных архитектурных принципов, стандартов, где были взаимосвязаны проекты зданий и унификация строительных материалов. Существенные нарушения размеров строительных материалов могли повлечь за собой отход от первоначального замысла архитектора, что вызывало дополнительные затраты и увеличение времени строительства, не говоря уже о мас-

се более мелких проблем, возникающих при любых строительных работах с нарушением технологической дисциплины.

Рассмотренные материалы по городам монгольского времени, расположенных на территории Центральной Азии, показывают, что в XIII в. на территории коренного обитания монголов формировалась собственная городская культура, отличная от существовавших в других частях империи. Расцвет ее пришелся на время правления трех великих ханов: Угэдэя, Гуюка и Мунхэ, т. е. на 1228–1259 гг. После переноса столицы Хубилаем в Китай и образования империи Юань городская жизнь на территории Монголии, хотя и не исчезает, но уже не испытывает того подъема, как в начальный период истории монгольской империи.

Особенности поселенческих комплексов Центральной Азии (III в. до н. э. – XIV в. н. э.)

Рассмотренные нами поселения и городища с хуннского до монгольского времени дают наглядное представление о существовании в степях Центральной Азии многочисленных археологических памятников с характерными строительными и архитектурными особенностями. В то же время они свидетельствуют о том, что в каждую эпоху существовали свои традиции зодчества, выразившиеся в использовании определенных строительных материалов, применении различных строительных технологий, архитектурных подходов и решений.

Для выделения характерных черт в строительных традициях каждой конкретной эпохи необходимо выявить общие принципы строительства жилищ, зданий, возведения городов, существовавшие в разное время у населения Центральной Азии.

Основные компоненты строительного комплекса центрально-азиатского региона можно разделить на несколько групп. В первую группу мы включаем оборонительные сооружения, куда входят оборонительные рвы, насыпные валы, стены из глинобетона, из необработанных камней, из сырцового и обожженного кирпича. К этому же комплексу относятся башни, расположенные в стенах, на углах и у ворот оборонительных сооружений. Сюда же можно отнести и сами ворота.

Следующей группой строительного комплекса являются жилые комплексы, к которым мы относим полуземлянки, наземные жилища, административные, дворцовые и храмовые здания, возведенные на платформах. Включающие в группу жилищ дворцов и храмов, конечно, несколько условно, поскольку они были предназначены не для проживания, а для выполнения иных функций. К третьей группе можно отнести хозяйственные постройки, остатки мастерских. Рассмотрим эти группы по отдельности.

Оборонительные сооружения встречались при исследовании хуннских, уйгурских, киданьских и монгольских городищ. Обычно исследователи при описании укреплений, опоясывающих периметр городищ, называют их валами. Однако раскопки, проведенные на ряде объектов, показывают, что под это определение попадают стены городищ, сооруженные из глинобетона, сырцового кирпича, расплывшиеся под воздействием времени. Валы, насыпные сооружения, сделанные, в основном, из грунта, вынутаго при выкапывании рва, прослеживались на Иволгинском городище и городище Баян Ундэр, датируемых хуннским временем. По всей видимости, первоначальная форма валов была несколько иной. Судя по наблюдениям разрезов валов, они в момент сооружения были выше и уже. Для прочности они обкладывались камнями. Укрепления хунну, по крайней мере на исследованных городищах, предназначались для защиты от нападений противника, не имеющего навыков штурма крепостей. К сожалению, остаются пока неизвестными конструкции оборонительных сооружений на больших городищах хуннского времени, расположенных на территории Монголии.

Стены, сложенные из сырцового кирпича, наблюдаются на уйгурских городищах. Они были прослежены на цитадели III Шагонарского городища, в Туве. Л. Р. Кызласов в результате проведенных им исследований стен и башни этого памятника высказывает предположение о первоначальной высоте стен 6 м, а башни – 7 м. При глубине рва в 3 м крепость была почти неприступна для штурма отрядами кочевников (Кызласов, 1979, с. 155).

Башни прослеживаются на многих уйгурских крепостях, располагавшихся на территории Тувы. Они были расположены по углам и на стенах. Башня III Шагонарского городища была сложена

из хорошо утрамбованной глины и была достаточно прочной. Вероятно, уйгурские крепости, расположенные в Туве, были сильно укреплены с расчетом на нападение хорошо вооруженного противника, какими были воины кыргызского каганата. В столице уйгурского каганата Орду Балыке стены цитадели были возведены из кирпича и даже в современном состоянии местами достигают 12 м.

На киданьских городищах, расположенных на территории Центральной Азии, прослеживаются укрепления, опоясывающие их территорию. В коренных землях киданей и на территории оккупированного ими Северного Китая стены городов сооружали из сырцового кирпича или из глины, переслаивавшейся с землей (Ивлиев, 1983, с. 121–124). У нас нет пока сведений о характере укреплений киданьских городищ, находящихся на территории Монголии. Но, судя по высоте сохранившихся, достигавших 2-х и более м валов, это были остатки именно стен. Многочисленные угловые, фронтальные, привратные башни, Г-образные и П-образные укрепления ворот склоняют к мысли о существовании на городище именно стен, конструктивные особенности которых пока не известны. В одном городище, в Углогчийн хэрэме, зафиксирована стена, сложенная из хорошо подобранных необработанных камней. На этом памятнике перед стеной отсутствовал ров, хотя в большинстве киданьских городищ отмечалось его наличие.

В свое время С. В. Киселев выделил сходство в отдельных элементах градостроительной культуры уйгуров и киданей: выбор месторасположения города вблизи рек, в поймах и на островах, прямоугольная в плане форма и наличие башен, устройство цитадели. Имеющиеся сведения о хорошо налаженных связях между уйгурами и киданями в области торговли, возможно, имели продолжение и в сфере градостроительства, что подтверждает выводы известного археолога (Ивлиев, 1983, с. 129–130).

На большинстве городищ монгольского времени отсутствовали внешние укрепления. На тех памятниках, где отмечено существование валов, расположенных по периметру городища, их высота была незначительна. С. В. Киселев, характеризуя оборонительные укрепления Каракорума, писал о невысоких валах и еле заметном рве, ограничивавшем городскую территорию. Вал, исследованный ученым, представлял собой обмазанный глиной плетневый па-

лисад и имел скорее не фортификационное, а полицейское и таможенное значение (Древнемонгольские города, 1965, с. 126, 134). В монгольское время в центральном азиатских городах уже нет мощных стен и высоких башен. Они появляются позже, в послеимперское время, когда монгольские князья начинают все более обособливаться, что приводило к самоизоляции отдельных владений и росту военной напряженности.

В хуннское и монгольское время фортификационные сооружения не имели решающего значения в обороне городского населения и сосредоточенных там ценностей. Возможно, как отмечал С. В. Киселев, мы имеем дело с ситуацией, когда мощь армии делала ненужными городские стены. Однако дело, очевидно, было не только в сильной армии. Как нам известно, у хунну имелись постоянные враги, только ждавшие случая, чтобы вырваться из зависимого состояния. Это удалось сделать сяньбийцам в союзе с ханьским Китаем. Еще раньше ухуани, воспользовавшись временными трудностями хунну, раскопали могилу шаньюя, что наносило удар по престижу центральной власти. Есть сведения о походах китайских полководцев в глубь хуннских земель. Так что хунну даже на своей территории отнюдь не чувствовали себя в полной безопасности. В монгольской империи после конфликтной ситуации, произошедшей после смерти великого хана Мунхэ и связанной с провозглашением двух его преемников Аригбоха и Хубилая, Каракорум подвергался постоянной опасности. Гражданская война между наследниками престола, продолжавшаяся довольно длительное время, как будто бы должна была способствовать укреплению столицы. Однако этого по каким-то причинам не произошло.

В уйгурском каганате и киданьской империи большое внимание уделялось строительству крепостных сооружений. Глубокие рвы, мощные стены из сырцового и обожженного кирпича, применение, наряду с угловыми, фронтальных башен, укрепления ворот, наличие на территории городищ пагод, выполнявших роль башен-донжонов, – все это говорит об особом отношении правящих кругов каганата и империи к строительству фортификационных сооружений. По всей вероятности, существовала реальная военная угроза, которая требовала принятия предупреждающих мер. Хотя, как показали дальнейшие события, мощные крепостные стены не

спасли уйгуров от кыргызского разгрома, а киданей – от губительного вторжения чжурчженей.

Особое место в ряду фортификационных сооружений стоят так называемые валы Чингисхана. Эти сооружения, имеющие протяженность сотни километров, не имеют на сегодняшний день достаточно обоснованной хронологической привязки. Их относят ко времени киданьского государства Ляо, чжурчженского Цзинь и монгольского государства, созданного Чингисханом. Вдоль северного вала прослежены остатки небольших городищ, изучение которых пролило бы свет как на конструктивные особенности, так и на время сооружения и исторические условия их существования.

Внутренняя территория городищ хунну, уйгуров, киданей, монголов застраивалась различными постройками. Первыми полностью раскопанными с научной целью сооружениями были, наверное, раскопки углубленных в землю жилищ на Иволгинском городище, произведенные в 1928 г. Г. П. Сосновским. Эти раскопки, подкрепленные позднейшими исследованиями А. П. Окладникова, В. П. Шиловой, А. В. Давыдовой, привели к устоявшемуся мнению о полуземлянках как о типичных хуннских жилищах. Однако исследования, произведенные в Монголии в конце 40-х, начале 50-х гг. XX в. С. В. Киселевым и Х. Пэрлээ, выявили укрепленные городища хунну с остатками крупных построек и поколебали прежние представления. Учитывая результаты раскопок абаканского здания, можно констатировать, что у хунну имелись навыки строительства довольно крупных сооружений. Но без достаточного обоснования, без широкомасштабных археологических раскопок невозможно было сделать каких-либо выводов о монументальной архитектуре хунну, хотя раскопки наземных зданий выявили у хунну существование довольно развитой техники возведения подобных сооружений, разнообразие применяемых строительных приемов и строительных материалов. На хуннских городищах Гуа дов, Хурэ-эт дов определены остатки земляных платформ, на которых сооружались здания, крытые черепицей. Отдельные из этих платформ достигали довольно крупных размеров и могли служить основанием для зданий дворцового типа (Пэрлээ, 1961; Шавкунов, 1973, с. 506–507).

Не найдены пока остатки сооружений внутри подавляющего большинства уйгурских крепостей, расположенных в Туве. Лишь

на городище Бажын-Алак обнаружены вытянутые остатки каких-то строений, разделенных на части деревянным частоколом. Внутри III Шагонарского городища находилась цитадель, в которой при раскопках обнаружены обломки черепиц и остатки деревянных столбов, вкопанных в землю. По предположению Л. Р. Кызласова, это остатки здания, сооруженного на сваях из-за близости грунтовых вод. Это городище, как и большинство остальных тувинских памятников, было расположено вблизи водоемов для повышения обороноспособности. По мнению ученого, уйгурские городища Тувы были отстроены перед кыргызским вторжением и на них не успела развернуться полноценная хозяйственная деятельность. Возможно, это обстоятельство послужило причиной отсутствия на городищах жилых, хозяйственных и иных построек (Кызласов, 1969, с. 63, рис. 12; он же, 1979, с. 148, 152).

На уйгурских памятниках, расположенных в центральной части каганата, наблюдается совершенно иная картина. Орду Балык, крупный город, был почти сплошь застроен кварталами ремесленников и торговцев. В черте города располагалась цитадель, внутри которой был возведен дворец. К сожалению, мы не располагаем материалами раскопок, которые проводились в столичных городах каганата и ничего не можем сказать об архитектуре и строительных особенностях зданий в уйгурских городах.

При исследовании внутренней территории киданьских городищ были зафиксированы остатки различных строений. На отдельных городищах отмечено наличие внутренней планировки, разделявшей его на отдельные кварталы. На городище Барс хот зафиксирована земляная платформа с находящимися на ней развалинами каменных стен, внутри которых прослеживаются остатки четырех зданий. Вдоль этих стен находятся следы более 10 квадратных сооружений размерами 5 × 5 м, а севернее обнаружена печь для обжига извести. Здесь же находятся две пагоды, одна – внутри городища, другая – за его пределами. На других киданьских городищах отмечено существование городских кварталов с различными постройками, в том числе огороженные усадьбы с арыками. При отоплении помещений применялись каны.

Более подробные сведения имеются о сооружениях, возводимых в эпоху монгольской империи. Проведенные раскопки предос-

тавили в распоряжение исследователей данные о дворцах членов императорской фамилии и дворцах монгольской знати, административных зданиях, жилищах зажиточных и бедных горожан. Дворцы и крупные здания возводились на платформах, сооруженных из земли, глины и других подручных материалов. Платформы укреплялись кирпичными стенками, строящимися по периметру и создававшими внешний контур всего здания. На крупных дворцовых сооружениях возводились обводные одно- и двухъярусные террасы. Крыши зданий, крытые черепицей, поддерживались деревянными колоннами, устанавливаемыми на гранитных опорах. Крыши украшались терракотовыми фигурами фантастических существ, игравших в целом функции оберегов.

Дворец Угэдэя и дворец в Кондуге имели большое сходство в архитектурном решении многих конструктивных деталей, а в строительных материалах, применяемых на обоих зданиях, наблюдается почти полное тождество. Не менее четко проявляется сходство в архитектуре зданий меньших размеров, построенных в отделенных от центра районах. К ним мы относим здания № 4 и № 7 в Ден-Тереке и здание в Нарсатуе. То же, что и во дворцах, архитектурное решение основных компонентов, выразившееся в наличии платформ, возможно, опоясывающих террас, гранитных опор для колонн. Идентичность строительных материалов свидетельствует о возникшей унификации в строительном деле позволяет предположить существование ведомства, занимавшегося вопросами строительства.

Мы видим, что начиная с последней трети I тыс. до н. э. в традиционной культуре центральноазиатских кочевых народов формируются новые элементы культуры, которые можно определить как изменения, происходящие в сфере материальной культуры. В степях появляются не привычные взгляду кочевника, окруженные рвами и возвышающимися стенами поселения, резко отличающиеся от кочевого стойбища. (Какое отражение получило появление градостроительства в духовной культуре кочевников, еще предстоит разобраться этнографам и культурологам). Население этих поселений занималось не совсем обычным для кочевника делом: производством различных ремесленных изделий, распашкой земли и разведением сельскохозяйственных культур, торговлей, административно-управленческой деятельностью.

Закономерно возникает вопрос о происхождении этого необычного для центральноазиатских степей феномена. Причины социально-политического и историко-культурного характера будут рассмотрены нами ниже. Здесь же мы хотели наметить происхождение архитектурно-строительных традиций. По всей видимости, их корни следует искать на прилегающих к центральноазиатскому региону территориях, где с древности происходит становление производящих форм хозяйства с преобладанием земледелия и традициями оседлого образа жизни. В неолитической культуре яншао VI–IV тыс. до н. э. издавна существовали традиции оседлого домостроительства. Поселения неолитических земледельцев были укреплены валами и рвами. Стационарные поселки земледельцев имелись и на территории Дунбэя (Северо-Восточный Китай). И, возможно, именно отсюда проникали в степи традиции и навыки строительства оседлых поселений. Свидетельством такого проникновения на территорию Центральной Азии являются поселения тамцаг-булакской культуры в Восточной Монголии, датируемой эпохой неолита. На поселениях отмечались стационарные полужемляночные жилища. Но тамцаг-булакская культура, имевшая, как считается, происхождение из Дунбэя, не получила дальнейшего развития на территории Монголии.

Знакомство скотоводческих народов Центральной Азии с культурой земледельческого Китая началось еще в иньскую и чжоускую эпоху или во время существования в степях карасукской культуры, культуры керексуров и плиточных могил. Для этого времени мы имеем сведения только о военных контактах между населением Китая и Степью. После войн между обеими сторонами происходили переговоры, в результате которых кочевники выплачивали китайцам своеобразную дань в виде белых волков и белых оленей, являвшихся, по-видимому, тотемными животными. Или, наоборот, центральноазиатские племена вторгались на территорию Древнего Китая и располагались на его землях на довольно продолжительное время (Таскин, 1968, с. 12–16). Более конкретные формы контактов, существовавших между этими двумя, столь непохожими, мирами, для нас остаются пока неизвестными.

Встречающиеся в плиточных могилах украшения из бирюзы и некоторые другие привозные вещи свидетельствуют о существова-

нии между плиточниками и Китаем взаимоотношений, возможно, в виде торгового обмена. Этот обмен, судя по археологическим данным, особенно усиливается в хуннскую эпоху. В хуннских памятниках встречаются разнообразные предметы, произведенные в Китае: шелковые ткани, лаковая посуда, палочки для еды, изделия из бронзы. Для этого времени имеется и достаточное количество письменных источников, подтверждающих разнообразные виды связей, существовавших между державой хунну и империей Хань. Именно в это время в хуннской среде начинают появляться стационарные оседлые поселения. Просматривающееся в архитектурных и строительных традициях влияние восточных и южных соседей показывает, что хунну использовали в своей строительной практике опыт народов, достигших в области строительства значительных достижений.

Рассматривая хуннские материалы, можно увидеть дунбэйские параллели, т. е. связи с Северо-Восточным Китаем. Это углубленные в землю жилища с отоплением канами, каркасно-столбовая конструкция полужемлянок и наземных жилищ, со вкопанными столбами, опирающимися на каменные плитки, применение «глинобитной» технологии. Отдельные архитектурные элементы, такие, как каркасно-столбовая конструкция и использование глинобита, имели широкое распространение у народов Восточной Азии.

В применении черепичного перекрытия крыш и опорах в виде деревянных столбов, опирающихся на гранитные базы, строительстве платформ видны уже архитектурные традиции, проникавшие в степи из Китая. О том, какими путями проникали в степи архитектурные представления Срединной империи, пока можно только предполагать. Единственным известным нам упоминанием об отправке специалистов-художников и, по-видимому, строителей, архитекторов являются сведения танских хроник, где говорится о направлении танским императором художников для работы на поминальном сооружении Кюль-тегина – брата тюркского кагана Бильге (Бичурин, 1950, с. 337). Возможно, хунну и другие кочевые народы Центральной Азии привлекали мастеров, имевших опыт строительства монументальных сооружений.

Уйгуры, имевшие тесные контакты с империей Тан, особенно после участия уйгурских войск в подавлении восстания Ань лу

шания, использовали опыт танских мастеров. В применении в фортификационных сооружениях фронтальных, угловых и привратных башен просматривается влияние архитектурных традиций Тан. Однако при строительстве стен цитадели III Шагонарского городища употреблялись сырцовые кирпичи, выполненные по среднеазиатским стандартам. Дворцовые сооружения Орду Балыка по своим архитектурным особенностям пока трудно сопоставить с какими-либо имеющимися материалами.

Кидани, граничившие с Бохаем и сунским Китаем, использовали в своей строительной деятельности богатый опыт населения покоренных стран. Включив в состав своей империи территорию этих государств, кидани начали сооружение столичных городов, применяя различные строительные технологии, вернее, привлекая мастеров из разных мест и разных строительных направлений.

Монголы, начавшие строительство городов в своих коренных землях, в своих архитектурных замыслах использовали опыт цзиньской империи, вобравшей, в свою очередь, строительные традиции бохацев, киданей, чжурчженей и сунского Китая.

Здания хуннского времени в Гуа доу и других хуннских городах, уйгурский дворец в Орду Балыке, дворец Угэдэя и дворец в Кондуге – свидетельство проникновения в степь традиций монументальной архитектуры, подлинное изучение которой только начинается.

Исследования древних дворцов, проведенные архитекторами В. Н. Ткачевым, Л. К. Минертом, Б. Даажавом, показали, что это не было слепое копирование заимствованных образов, а перенесение на родную почву внешних архитектурных форм с сохранением своего содержания (Минерт, 1985, с. 184–209). С. В. Киселев, Л. К. Минерт, В. Н. Ткачев, Б. Даажав усматривали в архитектуре монгольского времени несомненное влияние степных традиций. Квадратная форма основы дворцовых сооружений представлялась в виде реплики округлых кошмовых юрт и шатров, но сооруженных с использованием уже другого материала, кирпича и принявших вследствие этого другую, квадратную форму.

Выявление всех архитектурных деталей на городищах и городах Центральной Азии и, особенно, на объектах монументальной архитектуры должно выявить и выявить черты, характерные для кочевой архитектурной традиции.

ГЛАВА 4

Закономерности становления оседлой «городской» жизни в кочевых обществах Центральной Азии

Происходившие на территории Центральной Азии исторические процессы были тесно связаны с природно-климатической средой, в которой протекала хозяйственно-экономическая жизнь древнего населения региона. Бытовавшие здесь с эпохи каменного века способы хозяйства целиком зависели от колебания температурного режима, уровня выпадения осадков в различные времена года, количества солнечной радиации, что влияло на существование населения. Результатом его адаптации к континентальному климату явилась выработка форм хозяйства, максимально приспособленных к возвышенным плоскогорьям Центральной Азии. Такой формой хозяйства становится скотоводство, постепенно приобретавшее все большую подвижность. Все виды материальной и духовной деятельности населения были приспособлены к кочевому образу жизни. Вырабатывались и совершенствовались способы выпаса скота, устанавливались маршруты сезонных кочевек, велась стихийная селекционная работа. Войлочные жилища, одежда, пища и способы ее консервации для длительного хранения – все это было максимально приспособлено для существования населения в условиях аридного климата Центральной Азии.

В это же время в среде древних скотоводов происходили процессы имущественной дифференциации населения, шло постоянное усложнение социального строя общества. Эти процессы, начавшись, видимо, в эпоху энеолита, когда только формировались особенности скотоводческого хозяйства, получают интенсивное развитие с переходом к кочевому способу хозяйства, когда происходит накопление богатства, основным мерилом которого являлся скот, вернее, его количество. В этот же период заметные изменения начинает претерпевать и социальная структура общества кочевников, более подробное рассмотрение которой мы сделаем ниже.

Многие особенности процесса социальной перестройки общества нашли отражение в погребальном обряде изученных археологами курганов, оставленных древними, ранними и поздними кочев-

никами. Раскопки этих памятников показывают глубоко зашедшую имущественную и социальную дифференциацию кочевых обществ. Социальная стратификация выделяет несколько уровней – от самых высших слоев населения со сложными погребальными сооружениями, требующими больших трудозатрат, богатым сопровождающим инвентарем, многочисленными и разнообразными жертвоприношениями животных. Существовали средние слои населения, к которым относились более или менее зажиточные члены рода, представлявшие, по-видимому, в случае войны разного уровня командный состав. Рядовые члены рода составляли основной контингент войска кочевников.

По всей видимости, социальное развитие общества уже в древности приводило к возникновению союзов племен, главы которых в мирное время контролировали распределение пастбищ и маршрутов кочевков, разрешали различные спорные вопросы, а в периоды войн осуществляли планирование крупных военных вторжений, предусматривавших стратегическую и тактическую разведку, выбор наиболее удобных маршрутов для движения войск, конечных пунктов походов. По крайней мере, масштабы вторжений в Китай, осуществлявшихся кочевниками начиная с XII в. до н. э., предполагают существование у центральноазиатских племен довольно хорошо поставленной военной организации (Таскин, 1968, с. 7, 8, 11, 12, 14, 15). Очевидно, эти походы можно сопоставить с киммерийскими и скифскими вторжениями в Переднюю Азию. Как бы то ни было, существование мощных племенных союзов кочевых племен со сложной социальной структурой подтверждается как археологическими данными, так и письменными источниками и зафиксировано по всему поясу евразийских степей.

В регионе Центральной Азии такие союзы племен существовали, вероятно, с эпохи бронзы, с карасукского времени. Археологические памятники этого времени представлены керексурами, плиточными могилами, оленными камнями, жертвенно-ритуальными комплексами, наскальными рисунками. Поселений со стационарными жилищами, укрепленных городищ, созданных племенами скотоводов и датирующихся эпохой бронзы и раннего железа, на территории Центральной Азии пока не обнаружено. Не найдены и памятники оседлости, относящиеся к более позднему времени, ко вре-

мени поздней бронзы и раннего железа или так называемой скифской эпохе.

Археологические исследования показывают, что оседлые поселения, укрепленные городища и города появляются в исследуемом нами регионе начиная с хуннского времени, т. е. с последней трети I тыс. до н. э. К настоящему времени выявлены памятники оседлости хуннской эпохи и уйгурского каганата, киданьские и тангутские города, монгольские города эпохи империи, созданной Чингисханом, более поздние монгольские города послеимперского времени. Предварительно определены остатки города жуаньского времени. Нет пока археологических свидетельств о городах сяньби и тюрков.

Таким образом, археологами зафиксирован факт существования у целого ряда центральноазиатских кочевых народов стационарных поселений и городов.

Однако до сих пор нет точного, подкрепленного фактами, ответа на вопрос, почему оседлые поселения и города, появившись в хуннскую эпоху, получили дальнейшее распространение в кочевых обществах Центральной Азии? С. В. Киселев, впервые широко поставивший проблему городов Центральной Азии, отметил, что она нуждается во всестороннем исследовании. Он писал: «Исследование городов и городищ – это одна из основных задач изучения истории Центральной Азии» (Киселев, 1957, с. 101). Этому выдвинутому ученому просто не хватило времени для разработки такой важной проблемы. Тем не менее созданная под его руководством книга «Древнемонгольские города» внесла фундаментальный вклад в изучение проблем городской культуры Центральной Азии. В. Л. Егоров, занимавшийся проблемами городов монгольской империи, приходит к выводу, что основной причиной образования городов было появление государственности (Егоров, 1969, с. 48).

Рассматривая это явление на более широком историческом фоне, можно констатировать, что с появлением оседлого и тем более городского населения в обществе центральноазиатских кочевников возникает еще большее количество социальных групп (военные, ремесленники, земледельцы, чиновники, торговцы, аристократия), не характерных для кочевников более раннего времени. Происходит значительное усложнение общественной структуры, и

мы вправе говорить о формировании особой формы организации общества, цель которой посредством вновь возникающих институтов придать различным направлениям (экономическим, политическим, социальным, мировоззренческим) деятельности общества определенную упорядоченность.

Мы можем присоединиться к концепции В. Л. Егорова о становлении в обществе центральноазиатских кочевников новых политических, экономических, социальных отношений в форме государства. Причем это положение распространяется на большинство крупных объединений, возникавших в степях Центральной Азии. Такого же предположения придерживались большинство исследователей, занимавшихся изучением кочевых обществ. Однако некоторый разнобой во мнениях возникает при выборе терминов: империя, государство, держава, государственное образование, но суть вопроса заключается, на наш взгляд, не в терминологии, а в том, что кочевые общества в своем социальном, политическом развитии достигают высокого уровня социальной и политической организации, который и служит предметом дискуссии.

Изменения, происходящие в обществе центральноазиатских кочевников, приходится на самое начало эпохи, когда из Центральной Азии происходит отток тюркских и монгольских народов, в течение последующих веков занявших почти все евразийское степное пространство. Ираноязычные кочевники, создавшие, по выражению некоторых исследователей, скифо-сибирское культурное пространство (Мартынов, Алексеев, 1986), а до этого древнеямную, афанасьевскую и срубно-андроновскую культурные общности, и доминировавшие в течение десятков веков, были оттеснены на окраины евразийских степей. Возникшие в хуннскую эпоху стационарные оседлые поселения, укрепленные городища и города становятся своеобразными историко-культурными реперами, обозначающими новую эпоху в истории центральноазиатского и евразийского кочевничества, его эволюционный переход к более сложным политическим системам.

Возникшие в разное время в различных исторических условиях, созданные различными в этническом плане центральноазиатскими народами памятники оседлости, появившиеся в кочевой среде, требуют выяснения причин, приведших к их созданию. Пока

можно говорить только о том, что социальное и экономическое развитие кочевых обществ приводило к формированию политических систем, в рамках которых происходили процессы седентаризации и появление стационарных поселений. Однако в каждом отдельном случае превалировали вполне определенные конкретные причины, приводившие к их образованию, хотя случалось и так, что в кочевых обществах с развитой политической системой не возникало четко выраженных оседлых поселений. Исследование подлинных причин формирования оседлых поселений у кочевников Центральной Азии из-за неполноты источников – задача трудновыполнимая, при решении которой зачастую приходится оперировать косвенными данными, а порой и чисто гипотетическими соображениями. Тем не менее существование феномена появления в кочевых обществах стационарных поселений является общепризнанным фактом. Попытке его разъяснения и выявлению закономерностей в формировании посвящена эта глава.

Хунну

Первые стационарные поселения в Центральной Азии появляются в хуннскую эпоху. Исследования, проведенные специалистами-кочевниковедами, показывают, что все исторически известные кочевые народы проходили путь от рода до создания племен и племенных союзов. По всей видимости, к такого же типа племенным союзам относились и хунну времен шаньюя Тоуманя и до него.

Китайская историография уводит происхождение хунну в глубь веков, связывая с легендарным царством Ся. Китайский историк Сыма Цянь в своем знаменитом труде «Ши Цзи», в главе о хунну, писал, что в течение более тысячи лет, предшествовавших созданию империи, хунну «временами усиливались, временами слабели, распадалась и делилась» (Таскин, 1968, с. 39). Им же приведены и первые достоверные сведения о хунну. Судя по этим данным, хозяйство и быт хунну были типично кочевыми. Разводимые ими виды домашнего скота не отличались от используемых монгольскими аратами в недавнем прошлом и по сегодняшний день: лошади, крупный рогатый скот, овцы. Кроме этих видов, у хунну имелись верблюды, ослы, мулы (Таскин, 1968, с. 34).

Анализируя сообщения китайских хроник о походах войск империи Хань против хунну, захвате ими пленных и скота, можно установить, что в благополучные для кочевников годы на одного человека приходилось 19 голов домашних животных (Н. Эгами, цит. по: Коновалов, 1976, с. 209). Это соотношение совпадает с данными начала века по Монголии. Если предположить, что средний размер семьи у кочевников пять человек, то на одну семью приходилось около 100 голов скота. Однако в неблагоприятные годы, когда случались сильные морозы, джуг, засуха и вызванные ими бескормица и падеж скота, количество домашних животных существенно уменьшалось. По всей видимости, хозяйственные характеристики хуннского общества существенно не отличались от экономики более ранних кочевников центральноазиатских степей, оставивших плиточные могилы и керексуры. Таким же, в сущности, было и хозяйство более поздних кочевых народов, проживавших на территории Центральной Азии.

Относительно социальной структуры и политического устройства хуннского общества в ранний период его истории имеются очень туманные сведения, однако известно, что к III в. до н. э. у хунну имелись правители, сосредотачивавшие в своих руках всю полноту власти. Хунну на ранних этапах своей истории представляли конфедерацию племен и племенных союзов.

С именем первого известного нам шаньюя Тоуманя, правившего хуннами в конце III в. до н. э., были связаны события, в результате которых хунну были вытеснены циньскими войсками из Ордоса. Усилилось и давление со стороны соседних кочевых племен дунху и юэчжей, воспользовавшихся тяжелым положением хунну. В эти критические для хунну времена к власти приходит сын Тоуманя Модэ, совершивший переворот, убивший отца и уничтоживший его сподвижников.

Первыми действиями нового шаньюя были шаги по укреплению военной организации хунну. Все войско было поделено на корпуса, насчитывавшие около 10000 всадников, которые делились на более мелкие подразделения – численностью в 1000, 100, 10 воинов. В этом мероприятии просматривается попытка создания армии, действовавшей на постоянной основе. Все армии мира имеют структуру, когда небольшие по численности подразделения входят в бо-

лее крупные, а те, в свою очередь, в еще более крупные. Центурии, манипулы и легионы – в римской армии. Взводы, роты, батальоны, полки, дивизии, корпуса, армии, фронты и округа – в европейских и русской армии. Число примеров легко умножить. Такая упорядоченная структура военной организации отличает ее от народного ополчения и варварских орд, где структура войска была аморфна и зачастую организована по родоплеменному признаку. Еще одним подтверждением высокой организации хуннских войск служат сведения о существовании крупных войсковых подразделений, в которых воины сидели на одномастных конях (Таскин, 1968, с. 41).

Источники содержат данные о методах устрашения, применяемых Модэ при создании подчиненной суровой дисциплине армии (Таскин, 1968, с. 39, прим. 92, с. 132–133). В эпоху расцвета державы она насчитывала несколько сотен тысяч конных воинов (Таскин, 1968, с. 39). Управление такой многочисленной армией требовало опытного командного состава, обладавшего незаурядным тактическим и стратегическим мышлением. Основой армии были отряды конных лучников. Хуннский лук имел длину до полутора метров и сложную конструкцию, при которой деревянная основа лука была усилена костяными и роговыми накладками. Массивные трехперые железные наконечники стрел, находимые при раскопках хуннских памятников, в сочетании с тугими луками свидетельствуют о дальноточности хуннского оружия, способного даже на большом расстоянии наносить страшные раны. По всей видимости, реформа в армии привела и к нововведениям в вооружении, так как более ранние кочевники не имели сложносоставных луков и пользовались преимущественно стрелами, наконечники которых изготавливались из бронзы. Пока очень мало данных об оружии ближнего боя, так оно почти не встречается при раскопках хуннских памятников (Худяков, 1986, с. 26–48). Из известных находок холодного оружия имеется палаш, найденный при раскопках хуннского могильника в Черемуховой пади (Коновалов, Зайцев, 1998, с. 56–58).

Хуннские полководцы предпочитали обычную для кочевников маневренную войну, используя большую подвижность своей конницы, изматывающей менее поворотливого противника, повергающего его в панику неожиданными рейдами, контратаками и обходами. Излюбленными тактическими приемами хунну были лож-

ное отступление и фланговый охват увлеченного преследованием противника (Худяков, 1986, с. 49–52). Создание мощной военной организации было одним из решающих факторов выхода хунну на широкую историческую арену и образования ими мировой империи.

Из представленного видно, что первостепенная задача, стоявшая перед шаньюем Модэ, по созданию боеспособной, преданной своему правителю армии, судя по молниеносным победам, одержанным хуннами над дунху и юэчжей, была выполнена. Опыт создания военной организации был, по-видимому, в дальнейшем применен хунну и при организации системы управления государством, во многом повторившей армейскую структуру. Благодаря созданию четко организованной и дисциплинированной армии численностью в несколько сот тысяч лучников шаньюй Модэ не только разгромил своих соседей дунху на востоке и юэчжей на западе, но и вернул утраченный ранее Ордос. «При Модэ, – писал Сыма Цянь, – сюнну (хунну) небывало усилились, покорили всех северных варваров, а на юге образовали государство, равное по силе Срединному государству» (Таскин, 1968, с. 39). Территория, перешедшая под их контроль, протянулась от Ордоса на юге до Байкала и Минусинской котловины на севере, от Хингана на востоке до Восточного Туркестана на западе.

Однако создание боеспособной армии не могло решить всех проблем, возникавших в хуннском обществе. Придя к власти, шаньюй Модэ столкнулся с проблемами, решение которых в рамках старой, кочевой общественной, организации было чрезвычайно затруднительно. Громадная территория, оказавшаяся под властью хунну, требовала действенной системы управления. Новых форм организации общества требовала и сложившаяся ситуация в области экономики.

Источники сообщают о довольно сложной иерархии, существовавшей в правящих кругах хуннского общества. Упоминаются 24 титула, носители которых имели в подчинении крупные воинские формирования, численностью до 10000 воинов, и одновременно являлись правителями отдельных областей. Внутри своих подразделений они назначали тысячников, сотников, десятников. В то же время существовали специальные чиновники: левый и правый гу-

дохоу, помогавшие шаньюю в управлении (Таскин, 1968, с. 40). Не ясен, правда, круг их обязанностей, но сам факт появления института чиновничества может говорить о многом – появлении професионалов в области управления, сфере внешней и внутренней политики.

Кроме этих должностных лиц, в источниках упоминаются и другие, которых по исполняемым функциям также можно приравнять к чиновникам. Затрудняясь в определении титулов хуннских должностных лиц, китайские историографы подыскивали эквивалентные названия среди чинов императорского двора и вставляли их в свои исторические очерки о хунну. Они видели в хуннском обществе придворных, осуществлявших функции чиновников (Таскин, 1968, с. 56; он же, 1973, с. 16). Упоминаются в источниках советники и военачальники, ханьцы по происхождению, разными путями попадавшие к хунну. Евнух Чжунхан юэ, имевший опыт придворной жизни, был советником у Лаошан-шаньюя (Таскин, 1968, с. 45–47). Полководец Ли Лин стал наместником шаньюя Цзюйдихоу в Хягасе (Таскин, 1968, с. 61). В источниках отмечены и другие выходцы из Хань, служившие у хунну. Их знания и опыт (зачастую это были образованные люди) проживания в цивилизованном государстве, передаваемые кочевникам, во многом могли влиять на внутреннюю и внешнюю политику правящих кругов хуннского общества (Таскин, 1968, с. 42, 45–47; он же, 1973, с. 17). Известен случай, когда хуннский князек Чжао Синь перешел на сторону Хань, принимал участие в боевых действиях против хунну, затем снова попал к ним в плен и стал советником шаньюя (Таскин, 1968, с. 53).

Для решения вопросов, имевших общегосударственное значение, трижды в год устраивались собрания хуннской знати. Источники сообщают: «В первой луне каждого года все начальники съезжаются на малое собрание в ставку шаньюя и приносят жертвы. В 5 луне съезжаются на большое собрание в Лунчэне, где приносят жертвы предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам. Осенью, когда лошади откормлены, съезжаются на большое собрание в Дайлине, где подсчитывают и проверяют количество людей и домашнего скота» (Таскин, 1968, с. 40).

Налицо бытование довольно стройной и продуманной системы организации общества, в которой существовали управление тер-

риторией при посредстве назначаемых наместников, ближайших родственников шаньюя, коллегиальное обсуждение различных проблем, возникавших во внутренней и внешней политике, наличие или формирование общегосударственной идеологической системы. Имелись и специальные места, в которых традиционно проводились собрания хуннской знати. Возможно, эти съезды происходили вблизи ставки шаньюя, а Лунчэн и Дайлин могли быть названиями городов. Поиски места их расположения и изучение могли бы многое прояснить в истории хунну.

Особое значение имели большие собрания в Лунчэне и Дайлине. Если на съезды при ставке шаньюя прибывали, в основном, представители знати, то в Лунчэне и Дайлине собирались представители всех слоев хуннского общества, владельцы скота, наиболее многочисленная и влиятельная часть населения. Эти собрания играли большую роль в осознании хуннами себя единым народом, для осознания общехуннского единства. По всей видимости, на таких собраниях формировались и общегосударственные культы, способствовавшие единению народа.

Экономической основой хуннского общества являлось кочевое скотоводство. За сотни лет его существования до тонкостей были отработаны способы выпаса скота, методы его воспроизводства и интуитивная селекция. Продукция, получаемая в процессе хозяйственной деятельности, целиком шла на нужды населения, удовлетворяя его потребности в пище, одежде, жилищах и др. Различные промыслы и домашнее ремесло дополняли хозяйственный комплекс хуннского общества, который, видимо, существенно не отличался от хозяйства более ранних кочевников Центральной Азии. Однако ограниченность ресурсов скотоводческого способа производства, не имеющего возможностей полностью обеспечить потребности населения целым рядом товаров, вынуждала кочевников искать иные пути пополнения своих потребностей.

Традиционными путями восполнения нехватки товаров у кочевников были: установление торговых отношений с оседлым земледельческим населением, организация набегов, введение даннических отношений, завоевание территорий земледельческих государств. Большое значение, как один из способов получения прибавочного продукта, приобретает война, всегда служившая у кочевников од-

ним из основных способов приобретения материальных ценностей. Дань, получаемая с зависимых кочевых племен (известно, что ухуани платили хуннам дань холстами и скотом), взималась только под постоянной угрозой военной расправы. Данники, почувствовавшие ослабление своего сюзерена, моментально прекращали выплату дани и стремились переломить ситуацию в свою пользу.

События, произошедшие после прихода к власти Модэ, в силу которых значительно увеличилась территория, находившаяся под властью хунну, реформы в политической системе и, в первую очередь, в сфере административного управления, во многом повторявшей армейскую структуру, повлекли за собой изменения и в хозяйственно-экономическом комплексе хуннского общества. Растущие потребности правящей верхушки, необходимость снаряжения армии, обеспечение населения продуктами земледелия и ремесла, а также значительное количество ханьского населения, попавшего в хуннские земли, вызвали необходимость перестройки в структуре хозяйства.

Хотя экономической основой хуннского общества было, как и прежде, скотоводство, но его доля в общем объеме экономики несколько снизилась по сравнению с хозяйством более раннего населения центральноазиатских степей. Это происходило за счет появившегося земледелия, различных ремесел и промыслов. Большую роль приобретает торговля. По крайней мере археология показывает значительное увеличение изделий иноземного, в основном, китайского производства в раскопанных памятниках хунну по сравнению с более ранними плиточными могилами или одновременными с ними памятниками Саяно-Алтая, где впрочем лучше прослеживаются связи с иранским миром. Конкретные формы торговли не совсем ясны. Упоминаются пограничные рынки, на которые хунну поставляли большое количество скота и продуктов скотоводства, обмениваемые на какие-то товары (Таскин, 1968, с. 50, 51). Неясно, существовала ли у хунну прослойка населения, профессионально занимавшаяся торговлей.

От китайских императоров шаньюй получал большое количество подарков, являвшихся, по всей видимости, замаскированной данью, скрытой платой за мир. Шелковые ткани, дорогие одежды, вина, предметы роскоши, сосредотачиваясь в руках шаньюев, дела-

ли их положение в обществе, особенно в среде аристократии, еще более значимым, независимым в экономическом отношении.

С появлением у хунну мощной военной организации одним из основных источников получения прибавочного продукта становятся соседние народы, в том числе империя Хань, и народы так называемого Западного края. Война становится одним из основных элементов внешней политики, проводимой хуннскими шаньюями. Многочисленные отряды хуннских воинов вторгались в пределы ханьских владений, грабя и угоняя в плен окрестное население. Источники свидетельствуют, что хунну, производя набеги на территорию Китая, разрушали селения и города, захватывали пленных и различного рода материальные ценности, но не пытались производить территориальные захваты, кроме отвоевания Ордоса, которые в силу существовавшего тогда паритета сил были нецелесообразны. Источники предоставляют сведения об изменениях, произошедших в хунно-китайских взаимоотношениях после прихода к власти шаньюя Модэ, значительного усиления хунну и создания ими по сути государства. После ряда неудачных попыток нанести своим северным соседям военное поражение Хань была вынуждена признать хунну равным себе государством. Это выразилось в постоянной переписке между правителями двух держав и заключении между ними так называемых договоров, основанных на родстве, заключаемых между хуннским шаньюем и ханьским императором. В содержании этих договоров, почти повторявшихся из года в год, говорилось об ассортименте и количестве подарков, отправляемых императором, об открытии торговых, пограничных рынков. Кроме этого, император отдавал в жены шаньюю свою дочь. И хотя императорская «дочь» была фиктивной, т. е. удочеренной простолюдинкой, сам факт отдачи кочевому правителю дочери говорит о переломе в отношениях между Китаем и кочевниками в пользу последних, наступившем в хуннскую эпоху (Таскин, 1968).

Однако постоянно увеличивавшиеся потребности государства в продовольственной и промышленной продукции, по-видимому, не покрывались ввозимыми и экспропрированными товарами из Китая. Выходом из сложившейся ситуации могло быть налаживание собственного производства, необходимой ремесленной и сельскохозяйственной продукции.

Размещение населения, занятого в этих отраслях хозяйства, уже не могло происходить в кочевых стойбищах. Для этих целей строились стационарные оседлые, зачастую укрепленные, поселения, население которых занималось земледелием, производством ремесленной продукции и, возможно, проводило торгово-обменные операции.

Кроме выполнения хозяйственных функций, поселения исполняли роль центров административного управления территорией, значительно увеличившейся после завоевательных походов хуннских шаньюев. Как известно, вся территория хуннского государства подразделялась на ряд крупных административных единиц (уделов), делившихся, в свою очередь, на более мелкие. Почти на всех археологически изученных городищах наблюдаются здания, выделявшиеся своими размерами, некоторыми особенностями архитектуры. Такие здания, раскопанные близ Абакана, на Иволгинском городище, на городище Баян Ундэр, позволяют видеть в них жилища людей, отличающихся по своему социальному положению от остального населения. Не исследованные пока остатки монументальных сооружений на городищах Гуа дов, Хурээт дов и ряде других, вероятно, являются зданиями и дворцами высших слоев хуннской знати. По всей видимости, укрепленные городища с отдельными зданиями строились правителями округов и уделов, о титулах и рангах которых мы можем пока только догадываться, но упоминание о которых имеется в источниках. Относительно абаканского здания уже высказывались предположения о принадлежности его Ли Лину, пленному ханьскому полководцу, за которого хуннский шаньюй Цзюйдихоу выдал замуж свою дочь и отдал ему во владение Хягас (Левашова, Евтюхова, 1946, с. 72–80; Евтюхова, 1947, с. 79–84; Таскин, 1968, с. 61).

Для целенаправленного создания целой системы стационарных поселений, городищ и городов требовались определенные конкретные условия – наличие людей, обладавших знаниями и умением выбирать места для поселения, возведения фортификационных сооружений, строительства различного типа жилых зданий. В самой хуннской среде, где основным занятием населения были скотоводство, охота, различные промыслы и домашние ремесла, а также постоянное участие мужского населения в набегах как в ближних,

так и дальних, на первых порах, вероятней всего, не было мастеров, способных заниматься строительством оседлых поселений. Первыми строителями могли быть захваченные в плен или наемные строители из стран, где уже существовали традиции возведения различных стационарных зданий и фортификационных сооружений. Сведения источников о постоянном угоне в плен жителей Хань, большим числе перебежчиков к хунну, где условия жизни были гораздо свободнее, чем у населения в задавленной многочисленными налогами империи, возможно, помогут ответить на вопрос, кто были строители и обитатели поселений.

Уровень технических возможностей хуннских мастеров, строителей, плотников, столяров, организаторов строительных работ наглядно демонстрируют результаты раскопок погребений хунну, в особенности курганов знати. При изучении курганов Ноин Улы были обнаружены сложные внутримогильные конструкции, состоявшие из нескольких сооруженных из дерева камер с полом, стенами, потолком, деревянными колоннами-подпорками, наличием капителей. Разнообразные приемы обработки деревянных изделий свидетельствуют о незаурядном уровне мастерства строителей, производивших работы на погребальных сооружениях (Руденко, 1960). Следует отметить, что и сами работы при сооружении больших курганов носили самый разнообразный характер. Земляные работы при рытье сложной конфигурации глубокого котлована. Заготовка камня и строительство разнообразных каменных конструкций внутри громадной погребальной ямы (Коновалов, 1976, с. 153–154). Все это требовало опытных и знающих свое дело организаторов работ и их исполнителей, и, учитывая большое количество курганов, таких бригад было достаточное количество. Вполне вероятно участие таких строительных коллективов в возведении оседлых поселений, при строительстве которых производились самые разнообразные работы, начиная от рытья рвов и землянок и кончая отделочными работами в наземных зданиях.

Количество выявленных городищ, наличие на наиболее крупных из них монументальных сооружений, применение таких строительных материалов, как черепица из обожженной глины, кирпичей, показывают, что их появление было не случайным, не стихийным явлением, а результатом определенной политики, проводимой правящей верхушкой хунну.

Появление в хуннском обществе оседлых поселений и городов было тесно связано с начавшимися в конце III в. до н. э. процессами, развивавшимися в хуннском обществе и приведшими к созданию новых, отличных от прежних, общественных отношений. Изменения происходили почти во всех областях экономики, внешней и внутренней политики, социальном строе общества. Не вдаваясь во все детали процессов, протекавших в хуннском обществе, отметим, что появление оседлых поселений было вызвано, во-первых, необходимостью административного управления территорией, значительно увеличившейся после завоевательных походов хуннских шаньюев, во-вторых, возросшим спросом на продукты земледелия и ремесленные изделия, в-третьих, значительно расширившимися торговыми отношениями как внутри хуннского государства, так и с соседними государствами, в первую очередь, с империей Хань. Немаловажное значение имело появление харизматического вождя-реформатора, одаренного от природы талантом организатора, являвшегося лидером во всех проводимых делах. Они смело внедряли в своих владениях различные новшества, способные повлиять на улучшение ситуации в обществе. Такими вождями были широко известные в истории Модэ, Таньшихуай, Чингисхан, Тамерлан и многие другие, зачастую не упоминаемые на страницах истории.

По всей видимости, у хунну предпринимались попытки введения единых для всего народа религиозных, культовых центров. Существование особых мест, где проводились жертвоприношения Небу, Солнцу, Луне и где помимо этого происходил ежегодный подсчет скота, т. е. собирались его владельцы и решались вопросы государственного значения, показывает, что шаньюем и интеллектуальной элитой общества предпринимались разнообразные меры для осознания хуннами себя единым народом. Лунчэн и Дайлин, отмеченные источниками как места таких всенародных сборов, являлись едиными культовыми центрами и их роль в создании общехуннского единства была поистине неоценимой. О существовании храмов у хунну пока ничего не известно, но археологические исследования наиболее крупных городищ с остатками монументальных сооружений, возможно, прояснят вопрос.

Создание сети оседлых поселений укрепило экономику хунну, создав возможность для производства продукции, в целом не характерной для кочевого общества. Появляются условия для внутреннего товарообмена, между кочевым и оседлым населением, что также способствовало развитию экономики. Сосредоточение в городах административного управления укрепило центральную власть. И хотя сепаратистские стремления отдельных политических деятелей нарушали единство общества, все же верховная власть шаньюя признавалась вплоть до крушения хуннского государства в 91 г.

Рассматривая изменения, происходившие в хуннском обществе, нельзя не заметить, что этот сложный процесс сходен с процессами, развивавшимися в обществах с формирующимися государственными структурами. А государство, на наш взгляд, – сложная самоорганизующаяся общественная система, складывающаяся под воздействием самых разнообразных факторов. Причем в регионах с различными природно-климатическими условиями и неодинаковой обеспеченностью природными ресурсами, разными хозяйственными традициями и экономическими системами преобладание получают те факторы, выбор и исследование которых не поддается строгому анализу.

С разгромом северных хунну не прекратилась политическая история этого народа. Южные хунну, представлявшие своеобразное буферное образование между кочевниками и Китаем, в последнюю имперскую эпоху создали на территории Северного Китая три династии. Опыт создания государственности был использован кочевниками хунну в новых условиях в пределах земледельческого государства (Таскин, 1984).

Сяньби

Преемниками хунну в господстве над племенами Центральной Азии были принимавшие активное участие в их поражении сяньбийские племена.

Сяньби, судя по сведениям китайских источников, являлись одним из ответвлений народа дунху, разбитого хунну в самом начале правления шаньюя Модэ. Территорией их первоначального расселения были, по-видимому, верховья Амура. В дальнейшем сянь-

бийцы в источниках, относящихся к концу IV–V вв., упоминаются к югу от Амура, в бассейне р. Шара-мурэн, в непосредственной близости от северных границ Китая. Источники этого времени сообщают о непрерывных вторжениях сяньбийцев, довольно часто выступавших совместно с хуннскими отрядами (Таскин, 1984, с. 71–75). После распада и гибели государства северных хунну сяньби заняли его земли и, возможно, вынудили население принять имя народа-победителя. В правление верховного вождя Таньшихуая (около 136–181 гг.) сяньбийцы овладели «всеми землями, бывшими под державой хунну. От востока к западу на 14000 ли, со всеми горами, реками и соляными озерами» (Таскин, 1984, с. 75). Владения Таньшихуая простирались от полуострова Ляодун до города Дуньхуана – важного пункта Великого шелкового пути. Вероятно, сяньби в это время контролировали и Забайкалье, где проживали остатки хуннского населения. Судя по всему, сяньбийцы имели сильное войско, но данных о его структуре мы не имеем. Сохранились только свидетельства очевидцев, «что они были более сильными воинами, чем хунну».

Огромная территория, оказавшаяся под властью сяньби, и большое количество проживавшего здесь населения требовали создания действенной системы управления. При Таньшихуае все земли, подвластные сяньби, были разделены на три части: восточную, среднюю и западную. Внутри эти части подразделялись на кочевья, которыми управляли поставленные Таньшихуае старейшины. Характеризуя отношения сяньбийцев с Китаем, можно отметить, что Таньшихуай в отличие от хуннских шаньюев отвергал попытки установления дипломатических и иных связей с Китаем. На предложения китайской стороны о заключении мира, основанного на родстве, сяньбийский вождь отвечал отказом и продолжал политику постоянных военных вторжений на территорию Китая (Таскин, 1984, с. 76). Возможно, пример хуннской державы, вошедшей в близкие отношения с могущественным южным соседом и потерявшей в результате этого независимость, в какой-то мере предостерегал Таньшихуая от сближения с Китаем.

Однако, несмотря на проведенные реформы в области управления, ему и его наследникам, в отличие от хуннских шаньюев, не удалось решить всех проблем, возникавших при переходе от пле-

менной организации общества к созданию государственности. Основным источником получения прибавочного продукта, необходимого для пополнения государственной казны и несения государственных расходов, служили непрерывные вторжения в Китай, обеспечивавшие крайне нестабильные доходы. В поисках путей выхода из кризисной ситуации Таньшихуай использовал самые различные средства. Так, источники сообщают: «Численность сяньбийцев увеличивалась с каждым днем, скотоводство и охота уже не могли удовлетворить их потребностей в пище, поэтому Таньшихуай выехал осмотреть свои земли. Он увидел реку Ухоуцзинь, тянувшуюся на несколько сотен ли. Там, где были заводи, встречалось много рыбы, но ловить сяньбийцы не умели. Услышав, что жители владения Вожэнь искусны в ловле рыбы сетями, Таньшихуай напал на востоке на это владение, захватил более 1000 семей и переселил их на берега Ухоуцзинь, приказав ловить рыбу, чтобы восполнить недостаток в пище» (Таскин, 1984, с. 80). Но такие меры были не в силах обеспечить нормальное существование и развитие общества. Без стабильной экономической базы, без дипломатических и торговых контактов с экономически развитыми государствами, в первую очередь, с Китаем, существование каких-либо государственных структур было практически невозможно. Вследствие этого конфедерация сяньбийских племен, державшаяся только на силе и авторитете Таньшихуая, оказалась непрочной и вскоре после его смерти в конце II в. распалась.

Археологические памятники, оставленные сяньби, встречаются в северных районах Китая, но сведения о них носят пока предварительный характер. Почти ничего пока неизвестно об оседлых поселениях сяньби и тем более – городах. По всей видимости, основой хозяйства у них было кочевое скотоводство, дополняемое различными промыслами и добычей от военных походов, преимущественно в Китай. Историческое значение сяньбийского объединения, на наш взгляд, в том, что им была заложена основа для выхода монголоязычных народов на широкую историческую арену. Правящая династия империи Северная Вэй, или как ее еще называют «Тоба Вэй», имела сяньбийское происхождение. История этого государства и других династий, созданных кочевниками в III–IV вв. на территории Северного Китая, имеет свою особую историю и в рамках нашей работы не рассматривается.

На территории Центральной Азии после хуннского и сяньбийского великодержавия насчитывалось множество кочевых объединений, постоянно враждовавших между собой в борьбе за существование и власть над степями. Одно из таких объединений, известное в истории как жужане, после прихода к власти харизматического вождя по имени Шелунь постепенно заняло в центральноазиатских степях лидирующее положение.

Жужане

Жужаньский каганат, существовавший на территории Центральной Азии в V – середине VI вв., был мощным военно-политическим образованием, фактическим правопреемником хуннского и сяньбийского государств, хотя между ними существовал довольно большой временной разрыв – почти в 200 лет. В течение этого времени в центральноазиатских степях происходили жестокие междоусобные войны, в результате которых усилились племена, известные в истории как жуань-жуани, или жужане. Первый каган жужаней Шелунь, принявший этот титул в 402 г., провел ряд реформ, направленных на усиление военной и экономической мощи государства. Войска жужаней были организованы по десятичному принципу, и в них были введены строгие дисциплинарные меры за трусость, проявленную в бою, и поощрения за храбрость. Территория, подвластная каганату, делилась на два крыла, во главе которых стояли селифа, назначавшие в своих владениях тысячников, сотников, десятников.

Внешняя политика каганата определялась, в основном, взаимоотношениями с Китаем. Они у жужаней были довольно сложными. Правящая династия Вэй, имевшая сяньбийское происхождение, вела с жужанями частые войны. Инициаторами войн, как обычно, выступали кочевники, вторгавшиеся в пределы Китая с целью грабежа и захвата пленных. В то же время жужане вели активную торговлю с Китаем, вывозя рис, просо, ткани, лаковые изделия и другие товары. Стремление создать собственную экономическую базу прослеживается в завоевании жужанями Алтая и превращении населявших его тюрок в производителей железа и железных изделий для нужд жужаньского каганата (Таскин, 1984, с. 267–290, 398–417).

Источники упоминают существование у жужаней города: «В эру правления Тянь Цзянь (501–519) жуйжуйцы разбили динлинов, вернули свои прежние земли, впервые построили город, обнесенный внешними и внутренними стенами, и назвали его Мумочен» (Таскин, 1984, с. 290).

Монгольские археологи отождествили этот город с остатками городища в местности Унгету. Проведенные здесь раскопки выявили массу строительных материалов: обожженные кирпичи и глиняные лепные украшения. Были найдены различные кованые железные изделия, каменные изваяния, свидетельствующие о довольно высоком уровне материального развития общества. Однако на основании материалов из раскопок этого памятника трудно выявить архитектурно-строительные особенности городища, неясны основные занятия его жителей и социальный состав населения.

В V в. в жужаньском каганате усиливаются внутренние распри. Воспользовавшись этим, поднимают восстания подчиненные жужаням народы. Особенно широкий размах приняли выступления алтайских тюрков. В 552 г. они нанесли поражение жужаням, а в 555 г. при посредстве династии Вэй окончательно пало жужаньское владычество над Центральной Азией.

Тюрки

Племена алтайских тюрков – тюкю, возглавившие движение против жужаньского каганата и разгромившие его, создали в Центральной Азии новое политическое образование – тюркский каганат. Судя по интенсивности и масштабам завоеваний, предпринятых тюрками в период с 552 по 80-е гг., они имели сильную и чрезвычайно мобильную армию, благодаря которой границы каганата расширились, занимая территорию от Прикаспия на западе до Кореи на востоке и от Алтая на севере до Великой Китайской стены на юге.

Тюрки впервые в Центральной Азии, по крайней мере, по данным археологии, начали использовать тяжеловооруженную, панцирную конницу. В вооружении тюрков появились сабли, очевидно, с этим связано применение жесткого седла и железных стремян. Появление тактики ведения боя в конном строю с применением копий и сабель, по сравнению с прежней тактикой рассыпного строя с

использованием лука и стрел, являлось значительным военным достижением. Однако по-прежнему большое значение в сражениях сохраняет и легковооруженная конница, вооруженная луками. Войско тюрков было организовано по десятичной системе и подразделялось на два крыла. Его численность достигала нескольких сот тысяч воинов. Каган – правитель тюркского государства, являлся одновременно верховным главнокомандующим. Его ближайшие родственники возглавляли войска отдельных областей. Меньшими по составу воинскими подразделениями командовали представители знати титулатура, которые упоминаются в источниках (Худяков, 1986, с. 158–160, 166–168).

Огромная территория, оказавшаяся под властью тюрков, уже не могла управляться средствами прежней общественной организации. Необходимо было создание иной системы управления. Разделение всей территории на два крыла и наличие большого количества титулов, упоминаемых в источниках, подразумевают выделение знати, командовавшей воинскими отрядами и управлявшей отдельными уделами. В источниках записано: «Каждый имеет свой участок земли». Л. Р. Кызласов предполагает, что под «каждым» подразумеваются вожди и представители высшей знати, имевшие право на землю (Кызласов, 1969, с. 53). Покоренные земли управлялись наместниками – тутуками, получавшими указания из ставки кагана. Значительно увеличилось количество аристократии, занимавшей различные должности в военно-административной иерархии государства.

Основой экономики тюркских каганатов по-прежнему оставалось кочевое скотоводство. Наряду с ним у населения каганата появляются и признаки земледелия. Имеются остатки оросительных систем, относимых к тюркскому времени. Часть их применялась для орошения пашен. В земледелии использовались железные сошники. Высокого уровня достигает ремесло, особенно металлургия, кузнечное и ювелирное дело. Широкое развитие получила торговля со странами Средней Азии, Китаем, Ираном, Византией. Однако, несмотря на относительно высокий уровень развития экономики, на территории каганата, в его коренных землях, не обнаружено пока остатков оседлых поселений и городов. Все сведения о существовании у тюрков оседлых поселений базируются на данных пись-

менных источников. Монгольский археолог Х. Пэрлээ упоминает о дворцах тюркских ханов в алтайских горах и развалинах дворца хана Бильге на р. Орхон, называет города Хэйшачен (Кара-Кум в Гоби), Тогу, Магы (Пэрлээ, 1974, с. 271). Есть сведения, что тюрки привлекали согдийцев для строительства оседлых поселений на территории Центральной Азии (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 30).

Л. Р. Кызласов отмечает существование у тюркского населения Тувы отдельных групп, ведущих оседлый и полуоседлый образ жизни. Их основным занятием было земледелие. Приводит он и существовавшие в тюркском языке слова «хлебный», «посев, пашня». Представлены Л. Р. Кызласовым и термины из тюркского языка, обозначающие город («балык»), горожанин («балыкдакы»), здание («барк»), свидетельствующие о знакомстве тюрков с оседлостью (Кызласов, 1969, с. 46, 47). Однако археологических памятников, свидетельствующих о существовании стационарных, оседлых поселений, пока не обнаружено. Возможно, сыграли определенную роль воззрения части тюркской аристократии, которую ясно выразил советник Бильге-кагана Тоньюкук: «Тем, что мы всегда могли оказывать сопротивление, мы обязаны как раз тому, что кочуем в поисках травы и воды, не имеем постоянного жительства и живем охотой. Все наши люди опытни в военном искусстве. Если мы сильны, мы снаряжаем наших воинов в набеги, если становимся слабыми, бежим в горы и леса и прячемся там. Когда мы построим замки, чтобы жить в них, и изменим наши старые привычки, тогда в один прекрасный день мы будем побеждены. К тому же ученые в буддийских и даосийских храмах проповедуют людям только добро и покорность. Эта дорога не ведет к войне и завоеванию власти. Поэтому нам не следует строить» (Бичурин, 1950, с. 274).

Известны остатки поминальных комплексов выдающихся деятелей тюркского каганата Тоньюкука, Кюль-тегина, Бильге-кагана. При их строительстве использовались кирпичи, черепица, тесаный камень. И хотя источники сообщают, что в большинстве случаев строителями поминальных комплексов были китайские мастера, несомненно, что и в среде тюрков были люди, владевшие строительным ремеслом (Войтов, 1985, с. 129–130).

Вошедшие в состав тюркского государства области Восточного Туркестана и Средней Азии с большим количеством городов поставляли необходимые для кочевого общества разнообразные ремесленные изделия и различную сельскохозяйственную продукцию. Велась оживленная торговля с империей Тан. На границе открывались специальные рынки, обнесенные забором и рвом. Основным товаром со стороны тюрков был скот, преимущественно лошади и продукты скотоводства (Кызласов, 1969, с. 48). Несомненно, часть столь необходимой кочевникам ремесленной продукции и продуктов питания поступала именно оттуда.

После распада тюркских каганатов на его землях возникло несколько крупных политических объединений. Нас прежде всего интересуют те из них, которые располагались на территории Центральной Азии, главным образом, уйгурский каганат. Однако прежде, чем мы обратимся к его истории, хотелось бы упомянуть каганаты и объединения, созданные тюркоязычными племенами и расположенные к западу от центральноазиатского региона. Одним из таких объединений был кимакский каганат. Городища кимаков археологически изучены в Центральном Казахстане. Они были укреплены массивными стенами из сырцового кирпича, дерна и камышовых связок. Перед стенами выкапывались рвы, наполненные водой. Внутри городищ, по всей видимости, находились обычные для кочевников разборные жилища. Упоминаемые в письменных источниках поселения и города кимаков на Иртыше пока не обнаружены (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 43).

Городища кипчаков, входивших в состав кимакского каганата, были найдены в Центральном Казахстане. Городища были укреплены валами и рвами. Внутри городищ прослеживаются остатки стационарных глинобитных жилищ с печами из сырцового кирпича. Основными занятиями жителей городищ были земледелие и ремесло. Помимо кипчаков и другого тюркского населения, в них проживали согдийцы, иранские купцы (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 193). Продвинувшись на запад в XI в., кипчаки, известные в русских летописях как половцы, вели преимущественно кочевой образ жизни. В то же время в их обществе происходили не до конца понятные социальные и экономические процессы, при-

водившие к оседанию части населения (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 221).

Тюркоязычные племена хазаров в VIII–IX вв. и болгаров в X–XII вв. создали в Поволжье объединения, население которых строило большие города с развитой экономической инфраструктурой, включавшей земледелие, ремесло, торговлю (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981).

В эпоху тюркских каганатов возникает ряд мощных политических объединений, экономическое и социальное развитие которых позволяет отнести некоторые из них к государственным образованиям. Во время существования I и II тюркских каганатов на их исконной территории пока не выделены археологические памятники, свидетельствующие бы об оседлости населения, хотя навыки строительства стационарных зданий имелись у мастеров того времени, что проявилось при строительстве поминальных комплексов знати. Возможно, включение в состав каганата ряда областей Восточного Туркестана и Средней Азии с городами и развитой хозяйственной инфраструктурой повлияло на степень оседлости тюрков в Центральной Азии и строительство ими стационарных поселений. Большая часть необходимой для кочевого общества продукции поступала из завоеванных областей.

В каганатах, появившихся после распада первых тюркских государственных образований, на территории Центральной и Средней Азии, казахских степей, Северном Кавказе и Поволжье возникают оседлые поселения, укрепленные городища и города.

В Центральной Азии объединение государственного типа было создано уйгурами, племенами телеского происхождения, постоянно стремившимися вырваться и в конце концов вырвавшимся из-под власти тюркских каганатов.

Уйгуры

Уйгурский каганат, возникший на развалинах II тюркского каганата, просуществовал более ста лет (745–840 гг.), сыграв большую роль в развитии культуры в Центральной Азии. В борьбе с тюрками уйгуры создали сильную военную организацию. Их войско представляло, в основном, отряды конных лучников, разделенных по десятичному принципу. Завоевательная политика, расши-

рившая границы каганата, способствовала созданию системы управления государством во главе с каганом. Титулатура военачальников, упоминаемая в источниках, насчитывает довольно большое количество. По всей видимости, длительное нахождение под властью тюрков не могло не сказаться на социальной организации уйгуров. Структура административного управления громадной территорией, простиравшейся от Саян до Гоби и от Алтая до верховий Амура, во многом напоминала сложившуюся у тюрков. Вся территория, весь народ делились на два крыла. Властные функции на местах исполняли тутуки, беги и ряд других титулованных лиц. Эти же представители знати являлись одновременно начальниками военных отрядов.

Отношения с империей Тан, бывшие, как и у всех кочевых племен, напряженными, изменились после того, как уйгурские войска приняли участие в подавлении восстания Ань-лу-шаня, бушевавшего на территории империи в течение ряда лет. Хотя экономическое состояние Танской империи после восстания было существенно подорвано, тем не менее правящая династия, удержавшаяся у власти, в знак благодарности выплачивала верхушке уйгурского каганата дань, замаскированную как всегда под подарки (Кызласов, 1969, с. 57).

Значительные изменения произошли в экономическом строе общества. Кочевое скотоводство, служившее основой хозяйственной системы, дополняется земледелием, различными видами ремесел, торговлей. Началось строительство оседлых поселений и городов, в которых сосредотачивались административные учреждения и разворачивалась хозяйственная жизнь. Столичные города уйгуров, самый известный из которых Орду Балык, расположенный на Орхоне, служили крупными культурными центрами и сосредоточением караванной торговли. Здесь располагались кварталы ремесленников и торговцев. В столичных городах проживали проповедники новой для обитателей степей религии – манихейства. Уйгуры имели торговые связи со многими сопредельными регионами – Китаем, Средней Азией, Дальним Востоком. Потребности в ведении постоянных записей хозяйственного и административного характера способствовали развитию письменности, впервые появившейся несколько ранее у населения тюркских каганатов.

Однако наряду с мирными хозяйственно-административными направлениями деятельности существовала постоянная напряженность между уйгурами и енисейскими кыргызами (древними хакасами), приводившая к частым военным столкновениям обеих сторон, причем большей частью победы одерживали уйгуры. И та, и другая стороны предпринимали меры против внезапного нападения противника. Уйгуры выстроили ряд крепостей на северной границе своих владений (Кызласов, 1969, с. 59–63; он же, 1979, с. 145–158). Кыргызы перекрыли каменной стеной в самом узком месте ущелье, по которому проходило русло Енисея (Кызласов, 1991, с. 85).

Основной функцией городов, расположенных в северной части каганата, на территории современной Тувы, исследователи считают оборону северных границ от енисейских кыргызов. По мнению Л. Р. Кызласова, отсутствие строений на территории большинства тувинских городищ является свидетельством их постройки перед кыргызским вторжением, помешавшим развернуться полноценной хозяйственной, административной и иной деятельности. Только на городище Бажын-Алак найдены остатки строений, а на III Шагонарском городище имеются остатки цитадели. По всей видимости, городища выполняли функции военных поселений, население которых пользовалось разборными жилищами. Развернуться в многофункциональные городские поселения им помешало кыргызское вторжение.

Войны между враждующими сторонами закончились жестоким поражением уйгуров. Кыргызы, нанеся неожиданный удар, полностью разгромили владения уйгуров на Орхоне. Уйгуры откочевывали, даже бежали, на юг к границам Китая, на восток – к шивей, на запад – в незатронутые кыргызским вторжением земли каганата. Хотя военные столкновения между уйгурами и кыргызами продолжались, судьба уйгурского каганата на территории Центральной Азии была решена. Как политическое образование он прекратил свое существование. Впоследствии уйгуры создали в пределах Турфанского оазиса новое политическое объединение, хозяйственной основой которого было оазисное земледелие. Кыргызы, разгромив уйгуров, не заняли их территорию, а остались в пределах своего государства. Однако, по сведениям источников, какие-то города кыргызов существовали на Орхоне.

В течение довольно длительного времени, с 840 г. до киданьского вторжения в X в., в центральноазиатских степях не возникало крупных политических объединений. В этот период, возможно, происходит проникновение в регион монголоязычных племен. По крайней мере, известно, что когда кидани вторглись в пределы Центральной Азии, они встретили племена шивей, переселившиеся сюда из верховьев Амура.

Кидани

Появление киданей в Центральной Азии связывают с образованием ими государства и началом широкой экспансии против соседних государств и народов.

Кидани, кочевавшие на территории Дунбэя, еще до создания государственности имели оседлые укрепленные поселения, население которых занималось земледелием и различными ремеслами. Во главе киданьского общества, подразделенного на несколько племен, стоял верховный хан, периодически выбираемый из числа племенных вождей. Постепенно власть переходит в руки рода Елюй, представитель которого Абаоцзи становится единоличным правителем и основателем правящей династии. Военная организация киданей становится основой общественных отношений. Многочисленная, хорошо вооруженная армия отличалась высокой боеспособностью. В результате военных походов киданьские войска завоевали земли, расположенные к северу, югу и западу от мест их исконного проживания. Границы государства простирались до Семиречья на западе и Кореи на востоке, от Байкала на севере, до Китая на юге. Причем ряд северных провинций Китая вошел в состав киданьской империи Ляо. Военное вторжение киданей в Центральную Азию привело к включению большей части ее территории в состав киданьского государства. Его пределы на западных границах достигали Восточного Туркестана и Средней Азии, где было создано государство Западное Ляо. В ходе завоеваний было захвачено значительное число городов Бохая и Северного Китая.

Уже в ходе завоевательных походов начинается процесс создания государственности, где наряду с формированием структур административного управления, налаживания экономики, приобре-

тавшей комплексный характер, происходило становление городов и городской культуры. Кидани строили города по всей территории созданного ими государства, в том числе и на завоеванных территориях Центральной Азии (Ивлиев, 1983, с. 120–133). Города служили местом сосредоточения администрации и воинских контингентов, ведавших сбором дани и исполнением различных повинностей местным населением. На территории коренного проживания киданей и в Северном Китае, куда переселилась часть населения, в большом количестве появляются города, являвшиеся местом концентрации экономической жизни государства, местом сосредоточения властных структур. Особенно выделялись столичные города, в которых располагался императорский двор.

В настоящее время известны сведения о более чем 50 киданьских городах, находившихся на территории Маньчжурии, Северного Китая, Монголии (Ивлиев, 1983, с. 120). На территории Монголии выявлено около 10 киданьских городищ. Еще не в достаточной мере известно о политике, проводимой киданями в завоеванных центральноазиатских землях. Однако создание киданьских городов на территории современной Монголии свидетельствует о довольно большом количестве проживавшего здесь населения. Строительство городов было вызвано необходимостью укрепления и защиты северо-западных границ империи.

По мнению Х. Пэрлээ, часть городищ служила в качестве военных лагерей, и, по всей видимости, это были военные гарнизоны, наблюдавшие за местными кочевыми племенами. Возможно, кидани пытались колонизовать завоеванную территорию, богатую прекрасными пастбищами, которую можно было превратить в сырьевую животноводческую базу империи. Население империи нуждалось в продуктах скотоводства, а армия – в большом количестве лошадей, которые в виде дани взимались с покоренного населения. Строительство опорных пунктов на завоеванной территории позволяло контролировать количество дани и держать в узде местное население.

Вероятно, в это или во времена созданной чжурчженями империи Цзинь были возведены фортификационные сооружения, известные под названием «валы Чингисхана».

Чжурчжени

Чжурчжени, создавшие империю Цзинь, вели до выхода на мировую историческую арену преимущественно оседлый образ жизни, хотя китайские источники характеризуют их как кочевников, и имели традиции строительства оседлых укрепленных поселений. Сокрушив империю Ляо, войска чжурчженей вторглись в пределы Китая, завоевали ряд северных провинций империи Сун и создали государство, вошедшее в историю под названием «империя Цзинь». Цзинь в своей внешней политике не предпринимало явных попыток широкомасштабного вторжения в пределы Центральной Азии и не пыталось возводить на ее территории поселений, факторий, не говоря уже о городах. Однако в пограничной зоне чжурчженями строились крепости для защиты от внезапных вторжений. Но нас интересует вопрос о городской культуре чжурчженей в связи с тем, что это государство одним из первых попало под удар монголов, которые впоследствии подверглись влиянию синкретичной культуры цзиньского государства во многих сферах, в том числе и в области градостроительства, из которого монголы многое позаимствовали после завоевания империи Цзинь.

Монголы

Бурные события, происходившие в начале I тыс. в центральноазиатских степях, привели к созданию в XIII в. монгольского государства. Это событие имело далеко идущие последствия, отразившиеся на судьбах многих народов Азии и Европы. Процесс прихода к власти представителя знатного рода борджигинов, потомка Хабул-хана и сына известного в монгольских степях Есугей-багатура, Темуджина, принявшего впоследствии имя Чингисхана, хорошо освещен источниками и проанализирован в научной литературе. Библиография вопроса, к которой мы отсылаем читателя, наиболее полно представлена в сборнике статей «Татаро-монголы в Азии и Европе», выдержавшего два издания и не утратившего своей научной ценности (Татаро-монголы в Азии и Европе, 1977).

Что касается темы нашего исследования, то мы продолжаем анализ причин, приводивших к появлению в кочевых обществах стационарных оседлых поселений и городов, в частности, в монгольском обществе.

Укрепив свою власть и создав хорошо организованную, отличавшуюся железной дисциплиной и высокой боеспособностью армию, Чингисхан – основатель монгольского государства, все свои силы и энергию употребил на организацию военных походов и завоевание соседних стран. Его усилиями и усилиями его сподвижников и потомков была создана огромная империя, превосходившая в XIII–XIV вв. все государства средневековья.

Монгольская армия, создававшаяся Чингисханом, была организована по десятичному принципу. Кроме этого, все войско подразделялось на левое, правое крыло и центр. В состав армии включались крупные и мелкие подразделения, вспомогательные и союзные отряды. Вооружение и снаряжение воинов подвергались строгой регламентации. Воин, не имевший какого-либо предмета амуниции или вооружения, нес суровое наказание. Армия, созданная Чингисханом, отличалась высокой боеспособностью. Кочевники истари славились как закаленные, бесстрашные воины, теперь же объединенные волей одного из выдающихся полководцев в мировой истории, строго организованные, они превращались в грозную неодолимую силу.

Создав сильную армию, Чингисхан провел ряд преобразований, из которых, пожалуй, самым выдающимся было создание Ясы, кодекса степных уложений, созданного на основе обычного права монголов и явившегося первой, письменно зафиксированной конституцией степных центральноазиатских народов. Полностью не сохранившаяся, она нашла отражение в более поздних, письменно зафиксированных, законах империи Юань, Халха джирум, ойратских законах.

В «Сокровенном сказании» повествуется о наделении Чингисханом своих сподвижников-тысячников земельными наделами с подвластным им населением. Здесь просматривается проведение административной реформы, при которой власть на местах отдавалась наместникам-тысячникам при контроле верховной власти. Монголия была разделена не по родовым и племенным территориям, а, по указу Чингисхана, по наделам. Была создана гвардия, подчинявшаяся лично Чингисхану. Были четко расписаны обязанности придворной челяди, телохранителей, военачальников и их под-

разделений на случай военных действий (Сокровенное сказание, 1990, с. 100–118).

Создание мощной военной организации требовало реального применения ее потенциала и неизбежно привело Монголию и ее вождя встать на путь внешней военной экспансии. История монгольских завоеваний достаточно хорошо описана в сочинениях различных жанров – от рассказов очевидцев, летописей, хроник до научных исторических исследований. Мы же, придерживаясь избранной темы, только очертим канву исторических событий и постараемся выяснить причины становления в эту эпоху городов в центральноазиатском регионе.

После грандиозных по масштабам и ужасающих по последствиям завоевательных походов Чингисхана и его сподвижников, а затем преемников начинается постепенная стабилизация экономических отношений, происходит упорядочивание в области государственного устройства. В состав монгольской империи вошли страны, расположенные в различных природных зонах, с разным уровнем экономического развития, отличными друг от друга финансово-налоговыми системами, административно-бюрократическими аппаратами, не говоря уже о пестром этническом составе и культурном разнообразии населения.

Монгольские завоевания сопровождались жесточайшим террором по отношению к населению завоеванных стран, парализуя всякую волю к сопротивлению, что являлось частью стратегии и тактики ведения военных действий монгольских войск. Полностью оказалась разрушенной экономическая основа покоренных государств, утрачены прежние торговые связи, нарушились функции городов, превратившихся большей частью в небольшие поселки. Уже в первых походах против крупных государств монголы начали применять тактические приемы, использовавшихся ими впоследствии при завоевании других стран.

Если самые первые походы против государства тангутов Си Ся еще напоминают обычные вторжения кочевников на территорию оседлых земледельцев с целью грабежа и захвата пленных, то поход 1209 г., возглавленный Чингисханом уже в качестве главы всех монголов, ставил целью подчинить себе государство Си Ся. После ряда поражений тангуты признали свою зависимость от

монголов (Кычанов, 1977, с. 47–50). В этих войнах монгольские военачальники и сам Чингисхан не применяли тактику тотального уничтожения населения и разрушения городов. Только в 1225–1227 гг. после длительных войн с Цзинь и разгрома государства хорезмшахов монгольские войска вторглись в пределы Си Ся, все разрушая на своем пути. Смерть Чингисхана, последовавшая в 1227 г., усугубила судьбу тангутского государства. Оно было полностью уничтожено (Кычанов, 1977, с. 54–57).

Завоевание империи Цзинь, продолжавшееся с 1211 по 1234 гг., сопровождалось становившейся привычной для монгольских войск тактикой разрушения городов и селений, уничтожением местного населения (Мелихов, 1977, с. 65). Экономика страны была разрушена, население разорено. Однако Н. Ц. Мункуев, разбирая стратегию ведения военных действий монголов при завоевании Цзинь, указывает, что «стратегия Чингисхана, заключавшаяся в уничтожении городов и поселений противника при малейшем сопротивлении с его стороны, в Китае в отличие от Средней Азии не всегда применялась последовательно, хотя в целом методы ведения войны завоевателями существенно не отличались от тех, которые применялись ими в других странах» (Мункуев, 1965, с. 65).

Среднеазиатский поход Чингисхана (1219–1224 гг.) против государств хорезмшахов отличался невиданной до того жестокостью (Петрушевский, 1977, с. 131–133). Здесь особенно отчетливо проявилось стремление правящих кругов монгольского государства превратить разрушение городов, массовые убийства мирных жителей и угон большей части трудоспособного населения в один из основных стратегических приемов для подавления всякого стремления к сопротивлению. Самыми тяжелыми последствиями завоевания Средней Азии, Афганистана, части Ирана были резкое сокращение населения, разрушение и упадок экономики (Петрушевский, 1977, с. 131; Пикулин, 1977, с. 147–149). И хотя последующие походы монголов против стран Закавказья и Ближнего Востока, Руси и стран Восточной Европы, Кореи и Южно-Сунского государства сопровождались многочисленными разрушениями и убийством десятков и сотен тысяч мирных жителей, покорение государства хорезмшахов было наиболее кровавой и жестокой страницей в истории монгольских завоеваний.

Исследователи, изучавшие историю создания монгольской империи, задаются иногда вопросом, с какого времени у Чингисхана и его окружения возникла идея о мировом господстве. Однозначно ответить на такой вопрос, без новых источников, довольно затруднительно. Но можно наметить в общих чертах основные события, послужившие вехами в эволюции взглядов великого хана, его ближайших советников и приближенных. По всей видимости, осознание монголами мощи своей армии начало приходить после ряда побед над тангутскими и цзиньскими войсками и захвата части территории этих государств. После завоевания Средней Азии монголы окончательно уверовали в свое военное превосходство над армиями других стран. Именно в это время был сформирован и отправлен на запад монгольский корпус под командованием лучших полководцев Чингисхана Субудэя и Джэбэ. Как отмечают все исследователи, их основной задачей была глубокая рекогносцировка для выяснения размеров территории, численности населения, военной мощи, богатства стран потенциальных противников монгольских войск. Как показали события последующих десятилетий, сведения, полученные в результате этого похода, были использованы монголами при подготовке и проведении завоевательных походов против Волжской Болгарии, половецких ханств, Руси, государств Закавказья и стран Восточной Европы.

Уже во время первых завоевательных походов среди правящих кругов монгольского общества возникали вопросы о дальнейшей судьбе завоеванных стран и участи проживавшего в них населения. И. П. Петрушевский, исследуя экономические последствия монгольских завоеваний, упоминает о появлении двух партий, возникших у монголов по вопросу о дальнейших направлениях существования монгольского государства. И одним из основных обсуждавшихся вопросов был о дальнейшей судьбе покоренных стран. Представители одной партии предлагали уничтожить все население в завоеванных землях, разрушить города, а освободившуюся территорию превратить в пастбища для скота. Другая партия предлагала сохранить все население завоеванных стран, возродить земледелие, ремесленное производство, промыслы, восстановить торговлю и, обложив налогами все виды деятельности, создать источник для постоянного и стабильного обогащения правящей верхушки (Петрушевский, 1977, с. 239–240).

Победило мнение второй партии, и после долгих лет кровопролитных завоевательных войн наступает постепенная стабилизация экономической, политической жизни, наблюдается некоторый подъем культуры.

Рост экономики был связан со стремлением крестьянства и ремесленников, искавших средства к существованию, возвращаться к своим занятиям, прерванным войной. Возрождается торговля, имевшая решающее значение для восстановления городов и сосредотачивавшаяся в руках купечества, часть которого обслуживала правящие круги завоевателей и выражала их интересы. Источники сообщают, что во всех частях государства в Золотой Орде, Юань, государстве ильханов, Каракоруме встречалось большое количество торговцев различных вероисповеданий и национальностей (Марко Поло, 1997).

Несомненно, экономический фактор был одним из основных, повлекшим за собой возрождение разрушенных военными действиями городов Северного Китая, Средней Азии, Ирана, Закавказья, Руси. Причем экономические и политические причины вызвали появление и рост городов в степных регионах там, где до монгольского завоевания не было развитой городской культуры, например в южнорусских, казахских и монгольских степях.

Управление завоеванными территориями осуществлялось, согласно указаниям Чингисхана, разделив их между своими сыновьями на четыре улуса. Однако в ходе завоевательных походов большое количество военачальников различных рангов получали в награду за заслуги земельные наделы вместе с населением. Новые хозяева, не знакомые с системой сбора фиксированных налогов, переносили на своих подданных методы эксплуатации, характерные для кочевников в завоевательном походе, т. е. путем простого грабежа и вымогательства, лишая жизни неподчинявшихся. У крестьян, ремесленников, горожан, купцов изымались материальные ценности. Начиналась политика жестокой эксплуатации населения наделов с целью получения как можно большего дохода. Причем никаких размеров взимаемых с населения поборов не было. И по существу шел грабеж населения, интенсивность которого целиком зависела от воли владельца надела. Естественно, что такой путь приводил к тому, что население покидало свои родные места и пус-

калось в бега или вставало на путь грабежей и разбоя, создавая крайне нестабильную ситуацию в обществе.

Кроме того, известно, что Чингисхан после провозглашения его всемонгольским ханом наделил уделами свою мать, сыновей и братьев, а своих сподвижников назначил тысячниками, также наделив их земельными наделами (Сокровенное сказание монголов, 1990, с. 100–101, 120). Ближайших из них: «Боорчу, Мухали и Наяа он назначил нойонами-темниками и поставил их соответственно во главе правого, левого крыла и центра» (Сандаг, 1977, с. 35).

Чингисхан за время своего правления несколько раз проводил реформирование административно-политической системы. Сначала после прихода к власти в рамках Монголии, затем во время походов против империи Цзинь и государства хорезм-шахов, где он наделял уделами наиболее отличившихся военачальников, и перед своей смертью, когда великий хан выделил улусы своим четырем сыновьям уже в пределах созданной им империи.

Смерть Чингисхана, назначившего своим преемником своего третьего сына Угэдэя, могла только усугубить общую ситуацию в государстве, приведя к сепаратистским тенденциям среди новоявленных владельцев уделов. Конечно, авторитет Чингисхана был чрезвычайно высок как среди простого населения, так и среди знати и правящих кругов монгольского государства. Его последняя воля и его заветы должны были выполняться и выполнялись беспрекословно. Однако в чисто экономическом плане не было юридического оформления законов, по которым владельцы наделов, наместники великого хана, полузависимые правители из числа местной знати, получившие земли по его указам, должны были отчислять какую-то часть от своих доходов. Существовавший при Чингисхане порядок, когда определенная часть захваченной добычи должна была поступать в пользу великого хана, действовал в условиях военного времени.

После смерти Чингисхана хозяева наделов не спешили расставаться со своими доходами, что привело к существенному сокращению поступлений в казну великого хана. По крайней мере в «Надгробной надписи на могиле Елюй чу цая» говорится о том, что после среднеазиатского похода казна была пуста (Мункуев, 1965, с. 27, 34–35, 73). Такая ситуация была крайне невыгодна центральному

правительству, и по указу Угэдэя был проведен ряд реформ, направленный на усиление экономического положения центра.

Источники сообщают нам имена инициаторов и проводников реформ. Наиболее известный среди них Елюй чу цай, внедривший экономические и административные реформы на территории бывшей империи Цзинь. На землях государства хорезм-шахов в Средней Азии проводником реформ выступал представитель местного купечества Махмуд Ялавач (Мункуев, 1965, с. 35). По всей видимости, к этому же кругу лиц можно отнести и Рашид-ад-дина, создателя известного «Сборника летописей», бывшего великим визирем Газан-хана во время экономических реформ, происходивших в улусе хулагуидов.

Наиболее подробно освещен источниками ход реформ, проводимых Елюй чу цаем на территории Китая. Убедив Угэдэя в необходимости преобразований, Елюй чу цай получил в 1230 г. от него право на проведение, в порядке эксперимента, налогообложения на землю, торговлю и монопольных государственных налогов на вино, уксус, соль, железо, продукты гор и водоемов (Мункуев, 1965, с. 36). Уже в 1231 г., через год после начала деятельности по сбору налогов, Елюй чу цай мог представить императору результаты новой экономической политики. Перед Угэдэем были выставлены серебро, шелковые ткани, книги учета зерна из хлебных амбаров. «...500 тысяч лян серебра ежегодного дохода поступало в казну только от государственных монопольных налогов» (Мункуев, 1965, с. 42, 74–75). В Северном Китае были созданы налоговые управления, к работе в аппарате которых привлекались, главным образом, конфуцианцы, т. е. образованные люди. Не вдаваясь во все подробности действий Елюй чу цая и его сподвижников, можно отметить, что одним из наиболее важных последствий реформ было наполнение казны великого хана и центрального правительства.

Централизованное налогообложение проводилось на всей территории монгольской империи, но, по-видимому, в каждом регионе существовали свои экономические особенности, связанные с хозяйственными, культурными, политическими традициями, складывавшимися в течение длительного времени, а налоговая политика проводилась, в основном, людьми, знающими особенности своих стран. На территории Северного Китая налоги взимались подвор-

но, а в Средней Азии – с каждого совершеннолетнего (Мункуев, 1965, с. 35). На территории Руси также собирались налоги в пользу великого хана, помимо налогов в пользу Золотой Орды и местных князей. Появляется институт баскакчества, функции которого не до конца ясны. Возможно, в их обязанности входил и контроль за сбором налогов (Черепнин, 1977, с. 198–200).

Экономические реформы, проводимые во время правления Угэдэя, были направлены на обложение налогами населения завоеванных стран. Налоги на население собственно Монголии были более мягкими, и в натуральной форме, в виде повинностей. Указ Угэдэя детализирует виды налогообложения, касавшиеся кочевого населения империи. В пользу государственной продовольственной повинности – одного двухгодовалого барана со стада, по одной овце – с каждой сотни на содержание неимущих и бедных. Кочевое население должно было содержать ямы – почтовые станции, расположенные на наиболее важных путях. В указе говорилось о наказаниях нарушителей указа (Сокровенное сказание монголов, 1990, с. 144–146).

После смерти Чингисхана, в годы правления Угэдэя, были проведены реформы в области экономики. Угэдэю удалось переломить настроения той части монгольской аристократии, которая ратовала за истребление населения завоеванных стран и превращение их территорий в пастбища. Созданная налоговая система позволила ему сосредоточить большую часть доходов, приносимых эксплуатацией населения завоеванных стран, в руках центрального правительства. Причем в центральную казну поступали отчисления как из уделов монгольских военачальников, полученных ими в ходе завоевательных походов, так и из улусов других чингисидов.

Проведение экономических реформ, постоянный контроль за их исполнением, административное управление как собственным улусом, так и всей империей потребовали создания многочисленного аппарата чиновников (Мункуев, 1965, с. 11–12; Думан, 1977, с. 336). Уже Чингисхан привлек для ведения канцелярских дел уйгура Тататунга, заведовавшего канцелярией найманского хана. В дальнейшем был образован Главный секретариат, осуществлявший руководство деятельностью имперских министерств и ведомств и курировавший работу управленческих структур в улусах чингиси-

дов (Думан, 1977, с. 336). К работе в этих ведомствах привлекались образованные люди различных национальностей и вероисповеданий.

Верховная власть в империи осуществлялась курултаем, принимавшим важнейшие политические решения. Так, на курултае 1235 г. было принято решение о походе на запад, в котором приняли участие внуки Чингисхана сын Джучи Бату, сыновья Угэдэя Гуюк, сын Чагатай Бури, сын Толуя Мунхе. Курултай 1251 г. принял решение о завершении завоевания Ирана и других стран Западной Азии. Для формирования армии каждый из четырех улусов должен был выделить по два воина из каждого десятка. Общее командование войсками осуществлял сын Толуя Хулагу (Петрушевский, 1977, с. 231). Однако в дальнейшем, с обособлением улусов чингисидов, роль общемонгольского курултая значительно снизилась, и в источниках их проведение как значимое событие в жизни империи уже не отмечается.

Сосредоточив всю экономическую и, следовательно, политическую, власть в своих руках, Угэдэй предотвратил возможные (хотя и нереальные) сепаратистские тенденции, которые могли бы возникнуть после смерти великого хана в среде представителей монгольской знати – владельцев уделов.

Одним из последствий реформ, проведенных Угэдэем, было установление на территории империи относительного порядка. Началось возвращение населения к мирной жизни. Заинтересованные в увеличении числа налогоплательщиков правящие круги монгольской империи поощряют развитие торговли и рост городов. Постепенно возрождается земледелие. Между отдельными частями империи существует хорошо налаженное почтовое сообщение, в функции которого входило обеспечение всем необходимым людей, передвигавшихся по государственным делам. Плано Карпини, Рубрук, братья Поло, Ибн Баттута и многие другие, совершавшие путешествия по империи в XIII–XIV вв., передвигались по внутренним путям сообщения от яма до яма, от города до города, не испытывая особых затруднений.

Интенсивное строительство городов в степных регионах Центральной Азии и Золотой Орде было возможно только при относительно высоком уровне экономического состояния общества. Та-

кого уровня монгольское государство могло достигнуть после проведения административных и экономических преобразований, позволивших сосредоточить правящим кругам в своих руках громадное количество сокровищ и материальных ценностей, а также людских ресурсов. По всей видимости, управление громадной по территории и чрезвычайно сложной по экономическому, этническому, социальному составу империи требовало большого количества чиновников различного ранга, управленцев, сконцентрированных, в основном, при ставке великого хана, чингисидов – владельцев улусов, владельцев различного уровня уделов. Возникает настоятельная необходимость в стационарных пунктах, из которых осуществлялось бы управление империей. Такие поселения начинают появляться уже со времени вступления Чингисхана на трон монгольского хана. Однако финансовые возможности и вероятность привлечения многочисленных людских ресурсов для превращения поселений в города появляются с проведением в начале 30-х гг. XIII в. Угэдэем реформ в области экономики и установлением контроля над угнанным в плен населением из завоеванных стран. Особенно это касалось степных регионов, где еще не было традиций городской жизни.

История столицы монгольской империи Каракорума начинается, очевидно, с 1220 г., когда Чингисханом была основана столица на Орхоне. Полемика по поводу времени основания Каракорума хорошо освещена С. В. Киселевым (Древнемонгольские города, 1965, с. 132–133). После проведенных им раскопок появились доказательства того, что, действительно, Каракорум был заложен раньше 1235 г., считавшегося датой основания города Угэдэем (Древнемонгольские города, 1965, с. 132–133). Скорее всего в силу традиционного почитания родителей Угэдэй начал строительство столицы монгольской империи на месте, определенном его отцом, основателем монгольского государства.

Источники свидетельствуют, что в 1235 г. великий хан обвел город стеной и построил дворец Вань-ань-гун (Древнемонгольские города, 1965, с. 132). Для придания городу должного столице виду был издан «указ, чтобы каждый из братьев, сыновей и прочих царевичей, состоящих при нем, построил в окрестностях дворца по прекрасному дому. Все повиновались приказу. Когда те здания были

окончены и стали прилегать одно к другому, то их оказалось великое множество» (Древнемонгольские города, 1965, с. 136). Позже во время правления великого хана Мунхэ в 1256 г. в Каракоруме была построена пятиэтажная ступа, дважды перестраивавшаяся в 1311 и 1346 гг. (Древнемонгольские города, 1965, с. 130). Широкомасштабные раскопки, проведенные на развалинах Каракорума советско-монгольской экспедицией под руководством С. В. Киселева, выявили существование кварталов, населенных купцами и ремесленниками, что полностью подтвердило наблюдения Вильгельма де Рубрика, побывавшего здесь в 1253 г.

После отстраивания столицы империи города стали появляться по всей территории центральноазиатских степей. Их остатки встречаются в Монголии, Забайкалье, Туве. И везде они демонстрируют удивительную общность в архитектурно-строительном решении, унификации строительного материала, позволяющего считать, что строительство городов было взято под контроль государством. По крайней мере должно было существовать специальное ведомство, обеспечивавшее надзор за соблюдением определенных правил строительства и стандартами строительных материалов.

Анализируя материалы монгольского времени по городам, видно, что в состав монгольской империи входили страны с развитой городской культурой, которые после разгрома, причиненного монгольским вторжением, постепенно начинают восстанавливать прежнее положение. В то же время города появляются в степных зонах, в коренном улусе и на территории южнорусских степей в пределах Золотой Орды. Основной причиной их появления были политические и экономические причины. Это, во-первых, создание монголами сложной политико-административной системы, позволяющей говорить о появлении государства, и, во-вторых, укрепление экономического положения. Однако комплекс причин образования городов в реальной жизни был гораздо разнообразнее, чем это можно представить по имеющимся в настоящее время источникам.

Некоторые закономерности становления городов в кочевых обществах Центральной Азии

Рассмотренные нами сведения показывают, что в древности на территории Центральной Азии существовал целый ряд кочевых

обществ, в которых происходили процессы строительства стационарных населенных пунктов и оседание части населения. Причем это явление фиксируется в различных по хронологии и этническим характеристикам обществах древних и средневековых кочевников. Нетрудно заметить, что в подавляющем большинстве случаев появление оседлости и возникновение городов связаны с кочевыми объединениями, в которых происходили сложные социально-политические и экономические процессы, приводившие родовые и племенные организации кочевников к созданию особой формы организации общества – государственности. Одним из основных признаков формирования государственности в древневосточных, античных, средневековых европейских обществах, неизменно, считается появление городов.

Коротко говоря о причинах возникновения государственности, можно заметить, что это самый сложный процесс, вернее, ряд процессов, проходивших в сферах экономики, политики, мировоззрения, области социальной организации, хотя в реальной жизни все перечисленные процессы не существуют и тем более не развиваются по отдельности, а образуют единый, сплетенный в одно целое, неразрывный процесс развития общества. И в нашем исследовании мы можем рассматривать только отдельные части процесса эволюции обществ кочевников, выявленные в ходе работы над источниками. Появление новых форм организации общества оказывало свое влияние практически на все стороны жизнедеятельности, изменяя некоторые его функции и способствуя появлению в кочевой среде такого феномена, как города. В то же время мы отдаем себе отчет в том, что многие факторы, влиявшие как на развитие общества, так и на становление городов, остались за рамками нашего исследования ввиду их неуловимости.

Хотя чрезвычайно сложно разделить общественные процессы на составные части, до того тесно и неразрывно переплетены все его составляющие, все же мы попробуем связать отдельные из них с появлением оседлости в кочевых обществах. Далее мы рассмотрим, как каждое фиксируемое источниками и рассмотренное нами явление, входящее в слагаемые развития кочевого общества, влияло на появление оседлости и становление стационарных поселков и городов.

Военная организация

Первыми преобразованиями в общественной структуре кочевого социума, находящегося в процессе социально-политической реструктуризации, было создание военной организации. Источники подчеркивают это, постоянно упоминая о военной силе кочевников. Одними из самых, пожалуй, бросающихся в глаза и постоянно повторяющихся в источниках сведений о военной организации кочевников было подразделение войска по десятичному принципу. Очевидно, такой принцип появлялся на самом первоначальном этапе создания ополчений, основанных по родоплеменному принципу. Каждая семья выставляла определенное количество воинов, которые входили в более крупное военное подразделение.

Наиболее подробно такие ополчения описаны у монголов. Во главе их стояли Хабул-хан, Амбьякнь-хан, проводившие военные действия против Цинь. Во главе подобного ополчения стоял Есугей, отец Темуджина, будущего Чингисхана. Военные подразделения, основанные на родовом принципе, возглавляли Джамуха, Чингисхан и другие военачальники, упоминаемые в «Сокровенном сказании» вожди керентов, меркитов, найманов, татар. Такие же ополчения создавали все центральноазиатские кочевники во время своих вторжений в Китай. Источники упоминают о таких вторжениях с эпохи Шан-Инъ до монголов позднего средневековья. В состав таких ополчений входили не только родичи, составлявшие костяк, но и представители других родов, выступавшие в роли нукеров по отношению к предводителям. В отдельных случаях нукеры-инородцы выполняли роль телохранителей и помощников своих сюзеренов.

Появление десятичной системы являлось развитием военной организации центральноазиатских кочевников и было связано с эволюцией социальной организации в целом. Трудно сказать, существовала ли десятичная система в древности в карасукскую и скифскую эпохи, однако можно отметить ее отсутствие у европейских скифов. По крайней мере в источниках нет упоминаний о делении войска скифов на отдельные подразделения.

У хунну система подразделения войска по десятичному принципу существовала, возможно, до прихода к власти Модэ. Косвен-

ным свидетельством этого служат сведения о том, что после бегства Модэ из юэчжэйского плена его отец шаньюй Тоумань выделил ему отряд в десять тысяч воинов (Таскин, 1968, с. 38). Как происходило становление десятичной системы в военной организации степняков, пока можно только догадываться, но думается, что это связано с зарождением десятичного счета в математике вообще, где основой был отсчет на пальцах.

Подразделение войска по десятичному принципу есть у хунну, жужаней, тюрков, уйгуров, киданей, монголов. Причем в источниках эти сведения сопряжены с известиями о делении территории кочевого объединения на два или три крыла. Внутри этих крыльев и происходило подразделение на тумены, тысячи, сотни, десятки. О введении десятичной системы в армии, путем ее реорганизации, у жужаней и монголов связано с именами их вождей Шелуня и Чингисхана (Таскин, 1984, с. 269; Сокровенное сказание, 1990, с. 100–101, 111–112). У тюрков и уйгуров только отмечается существование такой системы.

Войска кочевников отличались высокой боеспособностью и дисциплиной, что достигалось системой наказаний и поощрений. У хунну за опоздание к месту сбора воинского отряда наказывалось смертной казнью (Таскин, 1968, с. 39). Такое же наказание за подобное нарушение предусматривалось и в монгольской армии. За проявленную в боях смелость у хунну воину полагалась награда (Таскин, 1968, с. 41). Примером воинской дисциплины может послужить рассказ, приведенный Сыма Цянем, о приходе к власти шаньюя Модэ, когда подчиненные ему воины по его приказу стреляли последовательно в коня отца Модэ Тоуманя, его жену, а потом и в самого Тоуманя (Таскин, 1968, с. 38).

Ведение боевых действий в принципе было единым у вооруженных луками конных воинов. Их тактика заключалась в обстреле противника с дальней дистанции с целью нанести как можно больший урон лошадям и живой силе, деморализовать и обратить в бегство. Ложное отступление применялось для расстройств неприятельских рядов и дальнейшего окружения. Однако с появлением организованного войска в боевых действиях начали участвовать отряды тяжеловооруженных всадников. Их роль заключалась в нанесении лобового удара и дальнейшей рукопашной схватке с

противником. Существование латной конницы отмечалось у хунну, тюрков, киданей, монголов (Худяков, 1986, с. 206–226).

Формирование постоянного войска в кочевых объединениях центральноазиатских кочевников вносило изменения в социальную структуру общества и приводило к появлению профессиональных военных и военной аристократии. Кроме подразделений, непосредственно участвовавших в боевых действиях, создавались различные вспомогательные отряды, применявшиеся для устройства полевых лагерей, проведения осадных действий, т. е. появлялась определенная специализация, предшествовавшая созданию родов войск. О выработке боевых навыков у воинов в источниках содержатся сведения, относящиеся к различным народам. Указано, что у хунну дети с малых лет приучаются к верховой езде и стрельбе из лука. По достижении зрелого возраста поступают в латную конницу (Таскин, 1968, с. 34). Одним из самых известных способов тактической подготовки воинов служили облавные охоты, на которые привлекались большие массы людей, которые по сути отрабатывали тактику взаимодействия больших воинских контингентов на пересеченной местности, когда большая часть охотников была скрыта от руководителей охоты. Как происходила индивидуальная подготовка воинов, для нас пока остается неясным. Никаких специально разработанных инструкций или правил на этот счет нами не выявлено.

Численность войск у кочевников достигала с учетом включения в армию различных категорий зависимого и завоеванного населения сотен тысяч человек. Обслуживание такого количества войск требовало создания базы для изготовления оружия и снаряжения, которого у каждого воина должно было быть строго определенное количество. То же самое касалось и запасов продовольствия. Образование многочисленного постоянного войска вызывало потребность в стационарных поселениях с развитым ремесленным производством. Для обеспечения воинов и ремесленников продовольствием необходимо было постоянное производство сельскохозяйственной, в том числе сельскохозяйственной продукции. Это требовало создания базы, располагавшейся в стационарных поселениях, с населением, занимающимся земледелием. Такие поселения начали появляться с хуннского времени.

Иволгинское городище демонстрирует сочетание ремесленного и земледельческого населения, работавшего на нужды кочевой части населения, большей частью состоявшей из воинов (Давыдова, 1995, с. 59–61). Поселение в Дуренах свидетельствует о существовании у хунну крупных сельскохозяйственных центров, обеспечивавших продовольствием население, занятое в других непродовольственных сферах (Давыдова, 1978). Уйгурский Орду Балык с его многочисленным населением также работал на нужды армии, подпитывая ее мощь вооружением, снаряжением и продовольствием. Ремесленное население Каракорума, по данным археологии и свидетельствам очевидцев, обслуживало армию и государство. Сельское население, проживавшее как в самом городе, так и его предместьях, производило продукцию для потребления управленческого аппарата, горожан и армии (Древнемонгольские города, 1965). В киданьских городках, являвшихся, по всей видимости, опорными военными пунктами киданей на территории Центральной Азии, зафиксированы следы занятия ремеслом. К ним прилегал сельскохозяйственные округа, обеспечивавшие продовольствием разношерстное население городков.

Кочевые империи, занимавшие громадные завоеванные территории, включавшие области с городами, использовали их экономический потенциал для пополнения вооружения, а сырья – для его производства, живую силу при вспомогательных работах при ведении военных действий. Военная организация кочевников, претерпевшая изменения вместе со всем кочевым обществом, способствовала развитию оседлости и возникновению городов.

Территориальные и административные преобразования

Почти одновременно с созданием военной организации в набирающем силы кочевом объединении проходило формирование территориально-административного подразделения его территории. Хунну, сяньби, жуэнь, уйгуры, монголы подразделяли свои владения на три большие части: левое и правое крыло, центр. У тюрков и уйгуров существовала дуальная система деления своих владений. Причем не всегда ясно, включались ли сюда все завоеванные земли, или выделенные территории касались только территории проживания коренного населения. Сыма Цянь, обрисовывая мес-

торасположение хуннских крыльев и центра, привязывает их к ханьским провинциям и округам (Таскин, 1968, с. 40). Возникает вопрос, как управлялись земли, расположенные к северу, в частности, Забайкалье, Южная Сибирь, Северная Монголия, и так называемые земли Западного края (современный Синьцзянь-Уйгурский автономный район Китая). Возможно, здесь существовало такое деление территории, как у восточных монголов XVII – начала XX вв., когда из-за перекочевков населения с юга на север и обратно владения ханов были вытянуты в меридиональном направлении (История Монгольской Народной Республики, 1983, карта на с. 588).

Известно, что отдельные ойратские племена откочевывали далеко от места их первоначальной дислокации. Тем не менее они подчинялись своим родоначальникам, жившим на значительном удалении. Вполне вероятно, что процесс административного подразделения не был чем-то застывшим, а находился в постоянном изменении в зависимости от ситуации. Чингисхан несколько раз проводил реорганизацию управления территорией монгольского государства в зависимости от территориальных захватов. В первый раз, придя к власти в Монголии, он разделил ее территорию между своими сподвижниками-тысячниками и выделил командующих центром, правым и левым крылом, причем определил долю и своей матери. Во время завоевательных походов против империи Цзинь, государства хорезм-шахов он наделял наиболее отличившихся военачальников земельными наделами. Ко времени формирования империи ее территория была разделена между сыновьями Чингисхана, зарекомендовавшими себя в походах умелыми полководцами, могущими управлять большими владениями. В то же время, несомненно, старая система деления на крылья и центр не могла обеспечить уже полноценного управления. Со временем наблюдаются все большая автономия отдельных территорий и распад на ряд независимых государств. Такие же процессы, как и монгольское государство, пережила империя тюрков, распавшаяся в конце концов на несколько отдельных каганатов.

Организация территориально-административной системы вызвала потребность в существовании центров, из которых осуществлялось бы управление как централизованное, так окружное и местное. В принципе такие центры могли размещаться и при пере-

движных ставках правителей, но со временем из-за роста числа управленцев, чиновников, свиты, домочадцев правителя возникла необходимость в создании стационарного пункта для размещения всего задействованного в управлении персонала. Наличие канцелярии, куда стекались самые разнообразные сведения, требовало точно определенного места для доставки информации гонцами и курьерами из различных районов империи. Кроме административного управления, при ставках владельцев различного уровня сосредотачивались управление войсками, а также руководство хозяйственной жизнью и, следовательно, запасы провианта, склады с разнообразной продукцией, казна. Все это требовало образования стационарных пунктов, в которых сосредотачивалось управление разных уровней, от центрального до провинциального и уездного масштабов. Вокруг таких поселков начинали стихийно формироваться своеобразные посадки с ремесленным, торговым, земледельческим населением, хотя принципы и схемы, по которым возникали поселки и города, могли варьировать в самых различных сочетаниях.

Изменения в области экономики

Экономическое положение кочевого населения Центральной Азии на протяжении сотен лет в целом оставалось неизменным, учитывая, что основой его хозяйства продолжало оставаться скотоводство. Основное богатство кочевника – скот – при благоприятных природно-климатических условиях умножался, создавая прибавочный продукт. Прибавочным продуктом являлись различного вида продукция и сырье, получаемое в процессе ведения хозяйства. Молоко, мясо, шерсть, кожа в процессе переработки становились источником благосостояния скотовода. При умелом ведении хозяйства скот и получаемая продукция значительно приумножались и становились богатством. Охота, домашнее ремесло, различные промыслы, дополняя структуру хозяйства, поддерживали уровень потребностей населения. Меновая и транзитная торговля с соседними и более отдаленными народами в какой-то мере компенсировала некоторую однобокость скотоводческого способа производства поступлением ремесленных и других товаров.

Скотоводческое хозяйство Центральной Азии в принципе не нуждалось в стационарных поселениях. Полностью адаптированное к условиям резкоконтинентального климата центральноазиатских плоскогорий и межгорных долин, оно было приспособлено к круглогодичному кочеванию и не требовало длительных стационарных стоянок. Хотя из-за потери скота или по иным причинам отдельные семьи избирали иные средства к существованию – охоту или какие-либо промыслы: добычу соли, металлургию, требовавшие определенной оседлости. С появлением мощных племенных союзов и тем более государственности в экономике кочевых обществ происходят изменения, сущность и масштабы которых уловить из-за скудости источниковой базы достаточно затруднительно. В хозяйстве кочевых народов Центральной Азии, переживавших процесс становления государственности, прослеживаются некоторые изменения. Начинают развиваться отдельные отрасли, отсутствовавшие ранее или существовавшие в зачаточном существовании.

По всей вероятности, одним из основных способов получения прибавочного продукта становится война. Появление мощной военной организации приводит к активной внешней политике, проводимой военными средствами. Источники сообщают о массовых вторжениях на территорию Китая, Средней и Западной Азии, Восточной Европы, предпринимаемых кочевыми народами, вышедшими из Центральной Азии. Захваченная в походах добыча, угон пленных, в основном, ремесленников, территориальные захваты существенно влияли на экономическое положение населения Центральной Азии. Однако расширение территории и расселение кочевников на завоеванных землях не снимали главных экономических проблем в коренных землях, вызванных односторонностью скотоводческого способа производства. Поэтому начинается развитие торговли, ремесла, земледелия.

Археологические материалы из различных памятников кочевого населения наглядно подтверждают это. Наиболее значимые подтверждения появления и формирования новых отраслей хозяйства находятся при раскопках поселений и городищ, относящихся к различным эпохам и появившихся в кочевых обществах в период становления государственности. При раскопках Иволгинского городища хунну были найдены следы земледелия. Были обнаруже-

ны чугунные сошники, железный наконечник лопаты, серпы, роговые мотыги, зернотерки из камня. Определены зерна проса, ячменя, пшеницы. Находки сошников отмечались на городище Дурены на Чикое. Все эти находки в совокупности с данными письменных источников позволяют говорить о создании хуннами собственного производства зерновых культур (Давыдова, 1995, с. 43–46). На городище были выявлены остатки металлургического и гончарного производства. Железоплавильный горн с остатками криц свидетельствует о собственном производстве железа, изделия, из которого пользовался широким спросом у хунну. Изготовление керамической посуды производилось на городище и обеспечивало потребность в ней не только его обитателей, но и кочевую часть населения (Давыдова, 1995, с. 50–52).

Уйгурский Орду Балык демонстрирует сочетание ремесленного, земледельческого и торгового населения. При его раскопках были обнаружены остатки ремесленного производства. Вокруг города располагались усадьбы, в которых выращивались продукты земледелия. Во дворах усадеб часто встречались ступы или жернова для размала зерна (Киселев, 1957, с. 93–95).

При исследовании столицы монгольской империи Каракорума были найдены остатки различных ремесленных производств: металлургического, керамического, косторезного, ткацкого. Вокруг города находилась большая сельскохозяйственная округа, продукция которой реализовывалась на рынках Каракорума, сведения о которых содержатся в труде Рубрука (Древнемонгольские города, 1965, с. 173–316; Рубрук, 1997, с. 161). Из записей Рубрука видно, что в Каракоруме велась оживленная торговля, в которой принимали участие купцы из разных стран (Рубрук, 1997, с. 161). Подтверждением существования развитой торговли в Каракоруме служат находки значительного количества монет, найденных на сравнительно небольшой раскопанной части города (Древнемонгольские города, 1965, с. 183–187).

Из приведенных примеров видно, что в структуре хозяйства кочевых обществ, находящихся в процессе становления новых форм общественных отношений, определяемых нами как переход к государственности, происходят существенные изменения. Появляются не характерные для кочевого образа жизни способы получения

пищи, в частности, пашенное земледелие и переработка полученной продукции. Получают развитие ремесла, направленные на удовлетворение нужд как армии, так и рядового населения. Количество занятых в этих отраслях производства определить довольно затруднительно, однако сведения о числе угоняемых в плен ремесленников позволяют предполагать существование целенаправленной деятельности на развитие ремесленного производства. Имеющиеся в нашем распоряжении данные подтверждают только наличие торговых отношений кочевников с Китаем путем открытия пограничных рынков у хунну, тюрков, уйгуров или широкой внутригосударственной торговли у монголов. Пока неизвестно, в какой конкретной форме складывались торговые отношения в среде простых скотоводов-кочевников. Учреждение государственного аппарата создало предпосылки для образования налогового ведомства, упоминаемого у хунну и хорошо прослеживаемого у монголов. Между кочевниками и завоеванным населением устанавливается особый тип экономических взаимоотношений.

Можно констатировать, что процессы, происходившие в экономике кочевников, сопровождались развитием отраслей хозяйства, не характерных для кочевого образа жизни. Размещение населения, занятого в этих отраслях, неизбежно приводило к появлению стационарных оседлых поселений, отдельные из которых при стечении благоприятных факторов становились городами. Появление в кочевой культуре такого феномена, как города, само по себе является свидетельством значительных преобразований в области экономики.

Изменения в социальном строе

Основой социального устройства кочевого общества являлась парная семья. Возникнув еще в каменном веке как институт ведения хозяйственной деятельности, семья в эпоху становления производящих форм хозяйства уже была сложившимся и устоявшимся элементом социальной структуры населения Центральной Азии.

Относительно социального устройства общества ранних скотоводов Центральной Азии можно только предполагать, исходя из общих представлений об эволюции семейно-родственных отношений всего человечества. У населения региона эпохи энеолита, брон-

зы и раннего железа уже имелась парная семья и сложилась социальная структура на основе кровнородственных отношений. Конкретные формы семейно-брачных отношений, система родства, родоплеменная структура населения этой эпохи остаются пока неизвестными.

Более определенные сведения о социальном строе центральноазиатских кочевников появляются с хуннского времени, когда материалы китайских источников о своих воинственных северных соседях начинают приобретать более подробный характер.

Косвенными свидетельствами наличия семьи у хунну служат сведения «Ши Цзи», полученные Сыма Цянем от неизвестного информатора: «После смерти отца берут в жены мачех, после смерти старшего или младшего брата женятся на их женах» (Таскин, 1968, с. 35). Обычно эти данные используют для подтверждения наличия у хунну левирата, но их можно истолковать как свидетельство существования у хунну моногамной семьи. В тексте источника содержатся и отдельные фразы населения этой эпохи, которые свидетельствуют о существовании семьи у хунну, например, «у виновного в краже конфискуется семья» (Таскин, 1968, с. 40). Неоднократно повторяется в источнике титул жены шаньюя – яньчжи, причем яньчжи иногда выступает советником хуннского правителя, т. е. в хуннской семье женщина занимала довольно высокое положение (Таскин, 1968, с. 41). По отдельным, содержащимся в тексте источников, фразам можно установить существование у хунну полигамии (Таскин, 1968). Отмечается, что между отдельными родами существовали постоянные брачные отношения, т. е. представители одного рода брали жен только из другого рода (Таскин, 1968).

Парные семьи существовали и у других центральноазиатских народов. В памятнике тюркскому принцу Кюль-тегину были помещены портреты его самого и его жены.

В «Сокровенном сказании монголов» повествуется, что Бортэ-Чино – предок Чингисхана, имел супругу Гоа-марал (Сокровенное сказание, 1990, с. 12). Потомок Бортэ-Чино – Добун-Мерген – женился на Алан-гоа, дочери Хорилартай-Мергена (Сокровенное сказание, 1990, с. 13). Бодончар – родоначальник поколения борджигин – взял в жены Аданхан-Урянхачжина из племени чжарчжиут (Сокровенное сказание, 1990, с. 16). Есугей – отец Чингисхана, имел

жену Оелун из племени олхонут, отбив ее у Эке Чиледу из племени меркит (Сокровенное сказание, 1990, с. 18–19). Чингисхан создал семью, женившись на Борте, дочери хонхирадского Дай-сечена, предварительно просватанной за него (Сокровенное сказание, 1990, с. 20–21, 31).

Следующей за семьей таксономической единицей в социальной структуре является род. Это группа семей, связанных родственными узами и имевших реального, а не мифического родоначальника. Род и родовая организация общества являются универсальными, и они зафиксированы у всего человечества на всех этапах его истории, независимо от типов хозяйства. Их существование отмечено у охотников-собирателей, земледельцев, у кочевников-скотоводов. Родственные, клановые отношения прослеживаются через всю историю человечества, вплоть до современности.

У хунну упоминаются четыре правящих рода – лань, хуань, сюйбу и позднее появившийся род люаньди (Таскин, 1968, с. 40, прим. 4 на с. 118). По всей видимости, все хуннское общество было подразделено на ряд крупных и мелких родов, из которых китайские хронисты выделяют наиболее знатные и могущественные. Сведений о рядовых хуннских родах в источниках почти не содержится. Косвенным свидетельством существования родов разного уровня служат могильники хунну, одни из которых насчитывают сотни могил, включающих большие курганы, в которых захоронены выдающиеся представители рода, другие – десятки могил, встречаются могильники, имеющие всего несколько погребений. В истории народов, населявших Центральную Азию в послехуннское время, упоминаются только правящие роды. У тюрков – ашина, у уйгуров – иолгэ, яглакар, у киданей – елюй, борджигин – у монголов. У киданей и монголов, наряду с правящими родами, отмечаются и другие, в борьбе за власть с которыми вышли роды елюй и борджигин.

Наиболее подробно становление родовой структуры отражено у монголов. Б. Я. Владимирцов, подводя итоги исследования древнего монгольского рода, пишет: «...Монгольский род обок являлся типичным союзом кровных родственников, основанном на агнатном принципе и экзогамии, союзом патриархальным, с некоторыми чертами переживания былых когнатных отношений, с

индивидуальным ведением хозяйства, но с общностью пастбищных территорий...» (Владимирцов, 1934, с. 58). Хотя мы не знаем всех деталей общественного устройства центральноазиатских кочевников, но, вероятно, низшие семейно-родовые звенья социальной организации кочевников Центральной Азии значительно не отличались друг от друга, несмотря на их хронологические и, возможно, этнические отличия.

Говоря о появлении следующего за родом таксономического подразделения, определяемого как племя, заметим, что об изменениях в социальной структуре, отражавших процесс становления племени, в источниках по истории центральноазиатских кочевников содержится немного сведений. Наиболее полно этот процесс отражен в «Сокровенном сказании монголов».

Б. Я. Владимирцов, исследуя общественный строй монголов, выделяет следующие таксономические единицы: обок, соответствующий роду и обозначаемый им как «союз кровных родственников», ирген и улус, переводимые им как племя, подплемя, государство, удел (Владимирцов, 1934, с. 59). В то же время Б. Я. Владимирцов подчеркивает: «В некоторых случаях трудно провести строгое различие между родом «обок», который сам являлся величиной сложной, ...состоящей из разнокровных элементов..., и племенем «ирген», в свою очередь, состоявшим из нескольких родов» (Владимирцов, 1934, с. 79). Анализируя разнообразные источники, он отмечает, что «у древних монголов роды находились в постоянном движении и представляли собой величины очень непостоянные, благодаря непрерывным образованиям различных родовых объединений» (Владимирцов, 1934, с. 59). Далее он уточняет: «Роды разветвлялись добровольно, части родов отделялись, так сказать по собственному желанию; в другом случае роды рассеивались и расходились, подчиняясь насилию, не добровольно» (Владимирцов, 1934, с. 63). У древних монголов нет четкой границы между родом и племенем, а в различиях между обок и ирген, зачастую непонятных современному исследователю, по всей вероятности, прекрасно разбирались сами монголы. Однако Б. Я. Владимирцов хорошо определяет ирген у керитов и татаров – крупных объединениях средневековых кочевников (Владимирцов, 1934, с. 79).

К таким же подразделениям относились, по-видимому, найманы и меркиты. У хунну, как можно понять из письменных источников, процесс создания племен проходил до прихода к власти Модэ, с именем которого связывают создание хуннами империи. Н. Н. Крадин, рассмотревший сведения «Ши Цзи» о приходе Модэ к власти, пришел к выводу, что здесь в виде легенды отражены реальные события, происходившие в хуннском обществе (Крадин, 2001, с. 47–55). По всей видимости, процесс создания хуннами союза племен происходил в период, не освещенный письменными источниками, но подтверждаемый археологическими находками. (Полемику по этому вопросу см.: Коновалов, 2000, с. 52–62).

Помимо хунну, в источниках упоминаются одновременные им крупные племенные объединения дунху, юэчжей, примерно равные хунну по силам, с которыми у них происходили постоянные столкновения. Относительно встречаемых в источниках племен лоуфань и байян, живших к югу от хунну, а также хуньюев, цюйше, динлинов, гэгуней, синьли, располагавшихся к северу, трудно судить о степени их социального развития. В этих названиях можно видеть то, что у монголов обозначалось как ирген – племя, подплемя. После подчинения всех названных племен и завоевания их земель хунну переходят в следующую фазу социального развития, определяемую как кочевая империя.

У тюрков мы встречаем множество названий, за которыми, возможно, скрываются названия объединений родов (сеоков), переводимые русскоязычными переводчиками как племена: тюкю, теле, байегу, сеяньто, уйгуры, курыкане и др.

Б. Я. Владимирцов описывает одну из главных черт, характеризующую племя. Единство племени выявлялось в племенном совете курултай, в котором участвовали предводители родов и представители высшего класса древнемонгольского общества, хотя «подобные советы были известны и у отдельных родов» и также назывались «курултай» (Владимирцов, 1934, с. 79). «Могучие роды, богачи, начинают привлекать к себе силой или предоставлением различных благ членов других владетельных родов или целые ветви, образуя уже целые объединения» (Владимирцов, 1934, с. 74). Роды объединялись перед лицом общей опасности, угрожавшей самому существованию людей, причем неважно, была ли это экологичес-

кая катастрофа или военная угроза. Консолидация происходила и во время набегов на соседей и походов на более отдаленные территории, т. е. причины объединения родов были самыми разнообразными.

Сложный процесс перерастания племенной организации в более сложную связывается с появлением вождя, наделенного как талантами военачальника, политического деятеля, так и человеческими качествами, притягательными для всех слоев населения. В полной мере этим требованиям отвечали предводители хунну, сяньби, жужаней, тюрков, уйгуров, киданей, монголов. За всю историю Центральной Азии было немало рвавшихся к власти амбициозных предводителей родов и племен, но только удачное стечение многих обстоятельств позволяло отдельным вождям реализовать свои способности и возможности, распространить власть над сотнями тысяч людей. Наблюдая за деятельностью Темуджина, описанной в «Сокровенном сказании», можно представить, как шел сложный и противоречивый процесс объединения родов и племен вокруг будущего Чингисхана. Вся его деятельность могла прекратиться в любой момент и закончиться смертью. По сути все вожди кочевых империй для достижения власти преодолевали самые разнообразные трудности и, прилагая невероятные усилия, объединяли свой народ для создания новых общностей, известных в истории как кочевые империи.

Наиболее значимыми мероприятиями, проводимыми хуннскими шаньюями, жужаньскими и тюркскими каганами, монгольскими ханами после кровопролитной борьбы за власть, были создание мощной военной организации, проведение административно-управленческих реформ, вызывавших изменения в экономическом и социальном устройстве общества, приводивших к дальнейшему усложнению социальной структуры общества. Появление профессиональных военных, администраторов, чиновников, ремесленников, земледельцев, торговцев вызвало увеличение количества социальных слоев населения Центральной Азии.

По роду своей деятельности большинство из перечисленных категорий населения нуждались в стационарных «рабочих местах», не связанных с кочевым образом жизни. Ремесленники, земледельцы, торговцы, появившиеся в кочевой среде, составляли определен-

ную часть населения. Хотя, судя по источникам, основная часть этой категории населения относилась к иному, по этническому признаку, населению, все же можно говорить о появлении новой социальной прослойки. Трудно сейчас определить, в какой мере все эти меры повлияли на создание оседлых стационарных поселений и городов, однако, на наш взгляд, социальный фактор следует учитывать при рассмотрении причин формирования городской культуры в Центральной Азии.

Роль личности

Немаловажное значение в создании государственности имел и личностный фактор. Усиление кочевых народов было связано с появлением у них выдающихся по своим личным качествам предводителей: Модэ – у хунну, Таньшихуа – у сяньби, Шелуня – у жужаней, Бумын-кагана – у тюрков, Абаоцзи – у киданей, Чингисхана – у монголов, которые консолидировали вокруг себя все силы общества. Каждый из них, будучи наделен природным умом, определял внутреннюю и внешнюю политику созданного государства, причем большинство решений принималось на специальных советах коллегиально.

Рассмотрим действия этих правителей поочередно. Модэ пришел к власти путем государственного переворота, убив своего отца и его ближайших сторонников. Первыми действиями нового шаньюя на политической арене были реорганизация армии и разгром войск дунху и юэчжей, потенциальных противников в борьбе за власть над Центральной Азией. Расширение территории, подвластной хунну, выход на новый уровень международных отношений приводят к формированию новых направлений в экономике, внешней и внутренней политике, в результате которой происходило строительство оседлых поселений и городов.

Таньшихуа приходит к власти в довольно раннем возрасте благодаря своей смелости, физической силе и уму. За эти качества он становится старейшиной своего кочевья, а затем – во главе всех западных и восточных сяньбийских кочевий. Возглавив объединенную армию, Таньшихуа предпринимает активные военные действия против пограничных областей Хань, но не сближается с ханьскими императорами, как это делали хуннские шаньюи. Им прово-

дится административная реформа, подразделившая всю подвластную территорию на три части, с определенным числом кочевий в каждой из них (Таскин, 1984, с. 75–76). Но в основу своей политики, в первую очередь, экономической, Таньшихуа положил постоянные вторжения на территорию Китая с целью получения прибавочного продукта. Ввиду этого строительство городов не получило у сяньбийцев должного распространения.

Жужаньский властитель Шелунь, принявший титул кагана, одним из первых мероприятий по организации общественных отношений предпринял реформы в армии. Те же источники констатируют: «...Шелунь установил по примеру Срединного государства законы, ввел правила построения воинов и стал угрозой для наших границ». В результате его внешней политики территория государства жужаней значительно расширилась (Таскин, 1984, с. 269, 408) и была поделена на два крыла: западное и восточное, во главе которых стояли наместники. Частые войны с Тоба Вэй свидетельствуют о стремлении жужаней восполнить свои потребности в земледельческой и ремесленной продукции за счет набегов и вторжений на территорию Северного Китая. В то же время жужане проводили и торговые операции, ввозя из Тоба Вэй ряд товаров. По данным источников, жужане построили, по крайней мере, один город Мумочен.

Племена алтайских тюрков, возглавивших движение против жужанского каганата и разгромивших его, создали в Центральной Азии новое политическое образование – тюркский каганат, во главе которого встал каган Бумын. Судя по интенсивности и масштабам завоеваний, предпринятых тюрками в период с 552 по 80-е гг., они имели сильную и чрезвычайно мобильную армию, благодаря которой границы каганата расширились, занимая территорию от Прикаспия на западе до Кореи на востоке и от Алтая на севере до Великой Китайской стены на юге. Покоренные земли управлялись наместниками, получавшими указания из ставки кагана. Значительно увеличилось количество аристократии, занимавшей различные должности в военно-административной иерархии государства. Имеются остатки оросительных систем, относимых к тюркскому времени. Часть их применялась для орошения пашен. В земледелии использовались железные сошники. Высокого уровня достигло ре-

мелло, особенно металлургия, кузнечное и ювелирное дело. Широкое развитие получила торговля со странами Средней Азии, Китаем, Ираном, Византией. Несмотря на относительно высокий уровень развития экономики, на территории каганата в его коренных землях не обнаружено остатков оседлых поселений и городов. Известны только остатки поминальных комплексов выдающихся деятелей тюркского государства, хотя в состав тюркского государства вошли области с большим количеством городов, расположенных в западной части каганата. Возможно, частично оттуда поступала так необходимая для кочевого общества продукция, производимая в среднеазиатских городах.

Уйгурский каганат, возникший на развалинах государства тюрков, просуществовал более ста лет, сыграв существенную роль в развитии культуры в Центральной Азии. Завоевательная политика, расширившая границы каганата, способствовала созданию системы управления государством во главе с каганом. Властные функции на местах исполняли тутуки и беги. Значительные изменения произошли в экономическом строе общества. Кочевое скотоводство, служившее основой хозяйственной системы, дополняется земледелием, различными видами ремесел, торговлей. Началось строительство оседлых поселений и городов, в которых сосредотачивались административные учреждения и разворачивалась хозяйственная жизнь. Столичные города уйгуров, расположенные на Орхоне, были крупными культурными центрами и являлись сосредоточением караванной торговли.

У киданей власть постепенно переходит в руки рода Елюй, представитель которого Абаоцзи становится вскоре единоличным правителем и основателем правящей династии Ляо. Во главе сильного войска он раздвинул границы своего государства до Семиречья на западе и Кореи на востоке, от Байкала на севере до Китая на юге. Причем ряд северных провинций Китая вошел в состав киданьской империи. В ходе завоеваний было захвачено значительное число городов Северного Китая и Бохая. Однако кидани и сами строили города, в том числе и на завоеванных территориях Центральной Азии (Ивлиев, 1983, с. 120–133). Города служили местом сосредоточения администрации и воинских контингентов, ведавших сбором дани и исполнением различных повинностей местным населением.

Монгольское общество XII–XIII вв. прошло сложный путь общественного развития, предшествовавший созданию государства. Чингисхан, пришедший к власти после длительной вооруженной борьбы, возглавил большинство монгольских племен. Первыми действиями Чингисхана после прихода к власти было проведение военно-административных и законодательных реформ. Последовавшие за этим шаги в области внешней политики ничем существенно не отличались от политики предшествовавших кочевых государств – монгольское государство вступило на путь завоевательных войн. Чингисхан и его потомки создали империю, равной которой не знала средневековая история. После прекращения кровопролитных войн началась стабилизация экономики, возрождались ремесло и торговля, отстраивались разрушенные города. В Центральной Азии на коренной территории проживания монголов возникают поселки и города. В Каракоруме – столице монгольской империи – отстраиваются императорские дворцы, дворцы знати. Город становится крупным торговым и ремесленным центром, в его округе произрастают и возделываются различные сельскохозяйственные культуры.

В действиях каждого правителя кочевого сообщества, прошедшего путь к государственности, наблюдаются определенные закономерности: создание сильной военной организации; вступление на путь внешней экспансии; проведение территориально-административных реформ и преобразований в области управления; оказание влияния на экономическое состояние общества, особенно в области земледелия, ремесла, торговли.

Все преобразования, проводимые выдающимися вождями, отражались на социальной структуре кочевого общества, приводя ее к усложнению. Однако не во всех случаях в кочевых империях появлялись стационарные поселения и города. Возможно, что здесь дело не только в слабой археологической изученности центрально-азиатского региона, а в каких-то непонятных пока причинах социально-экономического характера или же в политике, проводимой отдельными предводителями, т. е. причинах чисто субъективных.

В результате изучения археологических материалов и сведений письменных источников нами прослежено, что появление городов было тесно связано с политическими, экономическими и социальными процессами, проходившими в обществах кочевников Центральной Азии. В периоды установления в степях политических образо-

ваний, созданных хунну, сяньби, жужанями, тюрками, уйгурами, киданями, монголами, наступает внутренняя стабилизация общества, прекращаются набеги и междоусобные военные действия. С введением административного контроля над территорией государства устанавливаются определенные маршруты кочевков, равномерно распределяются пастбища, т. е. наступает ситуация, удовлетворяющая подавляющее число мирного кочевого населения. Элита общества использует создавшуюся обстановку для упрочения власти и накопления богатств. Внутренне кочевое общество, включая почти все слои населения, было заинтересовано в создании сильной централизованной власти, хотя ряд объективных и субъективных причин приводил к тому, что вместо мирной жизни кочевые государства становились на путь завоевательных войн.

Из изложенного видно, что вожди и аристократия, исходя из своих собственных интересов, которые в целом совпадали с интересами общества, проводили политику, результатом которой были определенная стабилизация экономических отношений, развитие политической системы.

Сложившиеся стереотипы о центральноазиатских кочевниках заключаются в том, что на протяжении веков в степях происходил постоянный процесс кочевания населения и только на относительно короткое время устанавливалась сильная власть, объединявшая степняков для ведения кровавых войн. Однако, изучая государства, возникавшие на просторах Центральной Азии, мы видим, что время их существования, начиная с приходом к власти хуннского шаньюя Модэ (209 г. до н. э.) и заканчивая падением династии Юань (1368 г.), суммарно достигает около 1577 лет. На время существования хуннского государства приходится около 300 лет. Сяньби господствовали в Центральной Азии примерно 90 лет. Владычество жужаней продолжалось около 150 лет. Время существования тюркских каганатов, включая периоды разделения и временного прекращения каганской власти, продолжалось около 190 лет. Уйгурский каганат просуществовал 90 лет. Созданная киданями империя Ляо правила 220 лет. Монгольская империя, созданная Чингисханом, если считать временем ее падения гибель династии Юань, существовала около 160 лет. На время, когда в центральноазиатских степях властвовали крупные политические объединения, приходится приблизительно 1200 лет. Таким образом, годы, когда в степях от-

существовали мощные политические объединения, насчитывают примерно (1577–1200=377) около 400 лет. Конечно, эти цифры весьма условны, но в то же время дают общую картину распределения в центральноазиатских степях периодов бытования так называемых «кочевых империй» и периодов «междоцарствия». Большая часть истории кочевников приходится на периоды с централизованной властью. Конечно, в эпохи кочевых империй были периоды подъема и упадка, когда судьба государства была, казалось, предопределена. Однако, пока существовало легитимное правление правящего рода, государство продолжало жить.

В промежутки, между существованием государственных объединений, происходили междоусобные и межплеменные войны, создавалась крайне нестабильная обстановка для мирного населения. Такая борьба описана в источниках. Наиболее подробно жестокая борьба за власть над степными племенами отражена на страницах «Сокровенного сказания». Политические убийства, предательство ближайших друзей, бескорыстная дружба – все эти реалии, встречающиеся в истории человечества, присутствуют в кочевых обществах. И общая канва такого противостояния, отраженная в «Сокровенном сказании», была присуща всем «смутным» периодам истории центральноазиатских степей. Наличие крупных племенных союзов, таких, как кереиты, найманы, меркиты, тайджиуты, татары, находившихся в постоянном противостоянии и при удобном случае производивших набеги друг на друга, отражало суть эпохи догосударственного периода истории монголов. Такие мощные объединения, как Хамаг Монгол Улс, имели дипломатические и союзнические контакты с чжурчженской империей Цзинь, вступая с ней и в вооруженные конфликты (Мункуев, 1977, с. 379–383).

Такая же ситуация наблюдалась до создания хуннского государства. В это время в степях существовала постоянная напряженность, население жило в постоянном ожидании набега. Это прослеживается в сведениях источников о содержании будущего шаньюя Модэ у юэчжей в качестве заложника. Став шаньюем, Модэ разгромил войска дунху и юэчжей, ликвидировав тем самым своих потенциальных противников за господство над Центральной Азией (Таскин, 1968, с. 38–39). История становления жужаньского каганата также изобилует сведениями о военных действиях между различными кочевьями, родами и племенами (Таскин, 1984, с. 268–269).

Тюрки, свергнув жуаньское господство, подчинили себе все центральноазиатские племена и расширили границы своих владений от Кавказа до Кореи, от Байкала до Гоби. Однако покоренные ими племена не смирились и неоднократно поднимали восстания, одно из которых увенчалось успехом: уйгуры разгромили войско тюрков и создали свое государство уйгурский каганат. И внутри государств продолжалась вражда между отдельными родами и племенами, вылившаяся в открытые военные столкновения. В отдельных случаях в результате таких столкновений менялась политическая ситуация в Центральной Азии, что видно на примере образования жуаньского и уйгурского каганатов.

После разгрома уйгурского каганата их северными соседями енисейскими кыргызами в степях вновь возникает ситуация «междоусобицы». Хотя сведений об этом периоде почти нет, все же можно предположить, что в это время начались набеги монголоязычных племен, не всегда мирные. Вторжение киданей на некоторое время могло стабилизировать обстановку, хотя наличие укрепленных городищ свидетельствует о том, что кидани не чувствовали себя в безопасности.

Разгром киданьской империи Ляо чжурчженями привел к дестабилизации обстановки в степи, что хорошо отражено, в «Сокровенном сказании», и только Чингисхан, создатель монгольского государства, сумел подчинить своей власти все племена и стабилизировать отношения среди кочевников. После падения династии Юань в Монголии существовал целый ряд владений главы, которые лишь номинально признавали власть всемонгольского хана. Создавались мощные политические образования типа Джунгарского ханства. Между ними шли постоянные междоусобные войны, раздиравшие страну на части и прекратившиеся с включением Монголии в состав маньчжурской империи Цин.

Такая обстановка, возникавшая при отсутствии централизованной власти, вынуждала простых кочевников в целях безопасности объединяться вокруг сильных предводителей, борьба между которыми приводила к ликвидации более слабых объединений и созданию племенных союзов, отдельные из которых перерастали в государства. В настоящей работе нет необходимости останавливаться на всех перипетиях этих войн, поэтому только подчеркнем, что сама обстановка в периоды гражданских войн в степях не располагала к

стабилизации политической и экономической жизни и тем более не способствовала строительству стационарных поселений и городов.

При изучении проблемы формирования городов в центральноазиатском регионе просматриваются определенные закономерности. Отмечается тенденция кочевых перенаселения во время отсутствия сильной политической власти, выражавшаяся в грабеже и угоне скота у менее защищенных слоев населения, вытеснении их на более худшие пастбища, т. е. в степях в это время действует «право сильного». Продолжающиеся междоусобные, гражданские войны в конце концов приводили к победе более сильной и лучше организованной группы во главе с талантливым лидером и хорошо подобранной, сплоченной командой исполнителей его воли. Внедряемые ими реформы в военно-административной области, усиление внешнеполитического фактора, выражавшегося в активной завоевательной политике, приводили к значительным изменениям в экономической и социальной структурах общества. Появляются новые социальные группы населения, по роду деятельности связанные с войной, административным управлением, земледелием, ремеслом, торговлей. Происходят изменения в хозяйственной структуре кочевого общества.

Одним из наиболее значительных последствий политико-экономических преобразований в кочевых обществах было появление оседлых поселений и городов. Их руинированные остатки, относящиеся к различным эпохам, прослеживаются по всей территории Центральной Азии и свидетельствуют о распространении городской культуры, признаке роста культурного уровня общества, хотя произошедшие изменения коснулись незначительной части населения, только непосредственно проживавшего в городах и предместьях. Подлинные масштабы процессов урбанизации, происходивших в степях, их влияние на кочевое население остаются еще не до конца раскрытыми. Многие из процесса формирования и становления городской культуры, ее влияния на эволюцию кочевых обществ предстоит еще изучить. Задача, стоящая сейчас перед исследователями, заключается в проведении раскопок поселений различных эпох на современном уровне и предоставлении науке новых, еще не известных, материалов, могущих раскрыть полную картину жизни центральноазиатских городов.

Заключение

В ходе проведенного исследования имевшихся в нашем распоряжении сведений и материалов о городах Центральной Азии было выяснено, что Центральная Азия входила в круг регионов, на территории которых проходили процессы урбанизации. Было установлено, что появление городов тесно связано с процессами, проходившими в области социального, политического и экономического развития обществ центральноазиатских кочевников. Хотя до настоящего времени вопрос о характере общественных отношений у древнего и средневекового населения Центральной Азии является одним из наиболее дискуссионных, все же можно говорить о возникновении отдельных институтов, позволяющих констатировать появление государственности.

В современной историографии Центральной Азии принято считать, что первым народом, перешагнувшим порог государственности, были хунну (Киселев, 1951, с. 326; Руденко, 1960, с. 4; Плетнева, 1958, с. 189–190; она же, 1982, с. 131–132 и др.; Хазанов, 1975, с. 259; Давыдова, 1995, с. 5). В трудах этих ученых при характеристике хунну отмечается, что они создали государственное образование, называемое исследователями по-разному: держава, империя, государство. Причем никакой особенной аргументации в пользу существования государства у хунну не приводилось. Возможно, что содержащиеся в посланиях ханьских императоров хуннским шаньюям заверения о том, что Хань и Хунну, равные по силе государства (Таскин, 1968, с. 39, 48), воспринимались как аксиома. В то же время существует точка зрения, выдвинутая Н. Н. Крадиным, о наличии в хуннском обществе суперсложного вождества (Крадин, 2001, с. 241). Однако независимо от формального подхода к социальной характеристике общества хунну, ни у кого из исследователей не вызывает сомнений тот факт, что в нем в конце III в. до н. э. возникает новая, отличавшаяся от существовавшей ранее, форма организации общества.

Созданная во время правления шаньюя Модэ административная система управления огромной, возникшей в результате завоевательных походов, территорией, наличие всегда готовой к боевым действиям армии, упоминаемая в источниках попытка создания

системы налогообложения, аппарат чиновников – все это говорит о качественно ином подходе правящих кругов к организации всего общества в целом.

Возрастающие расходы на содержание государственных структур и увеличивающиеся потребности населения в ремесленной и земледельческой продукции уже не могли обеспечиваться притоком материальных ценностей, добытых военным путем. Кочевые общества были вынуждены создавать свою собственную экономическую базу, призванную обеспечивать сбалансированное потребление обществом продуктов земледелия и ремесла. Все больше начинает возрастать роль торговли, которой кочевники придавали большое значение.

Сравнительно сложная военно-административная система, отмечаемая в целом ряде кочевых обществ, наличие многоотраслевой экономики вызывали потребность в сосредоточении этих структур не в кочевых ставках, а в стационарных оседлых пунктах, часть из которых в силу различных обстоятельств перерастала в города.

Подобные в принципе, но нетождественные социально-экономические и политические процессы, проходили в государственных образованиях, созданных сяньби, жузянями, тюрками, уйгурами, киданями, монголами. Эти народы прошли сложный путь становления новых общественных отношений, приведший их к созданию государственности.

Можно констатировать, что на территории Центральной Азии существовал целый ряд кочевых обществ, в которых протекали сложные процессы социального, политического и экономического развития. Последствием этих процессов было появление особых форм организации общества, анализ которых позволяет говорить о появлении у кочевников институтов государственности. На каждом историческом этапе эти процессы проходили по-разному, в зависимости от самых различных объективных и субъективных причин. Но в то же время имелись и общие закономерности, пока только намечаемые в ходе изучения истории и развития кочевых обществ Центральной Азии. По всей видимости, создание государственности – это естественный процесс развития общества, который затронул и кочевников Центральной Азии, подтвердив тем самым всеобщность законов общественного развития.

Мы, исходя из имеющихся в нашем распоряжении материалов, можем выделить несколько этапов в развитии социально-политического и экономического положения кочевых обществ Центральной Азии.

Первый этап характеризуется появлением на территории региона населения с навыками ведения производящего скотоводческого хозяйства. Это происходит в эпоху энеолита во время существования афанасьевской культуры, памятники которой прослеживаются на территории Западной и Центральной Монголии. Ареал распространения этой культуры, датирующейся III тыс. до н. э., довольно широк и включает Южную Сибирь, Западную и Центральную Монголию. Памятники афанасьевской культуры отмечаются на территории Синьцзянь-Уйгурского автономного округа Китая (Худяков, Комиссаров, 2002, с. 33). В это время население разводило уже основные породы скота. Уровень социальной организации населения этого времени соответствовал родоплеменным отношениям. Хотя уже в это время могли существовать и племенные союзы.

Второй этап, выделяемый нами, относится к эпохе бронзы и раннего железа. Этот этап, начинающийся, по нашему мнению, со II тыс. до н. э., можно охарактеризовать как время адаптации населения к природным условиям Центральной Азии, выработки оптимальных способов ведения хозяйства, максимально приспособленной к континентальному климату одежды, жилищ, способов приготовления пищи и консервации мясной и молочной продукции. Именно тогда, по-видимому, происходит становление подвижных форм скотоводства, совершается переход к кочевому образу жизни.

Имущественная и социальная дифференциация, происходившая в обществе, нашла отражение в разнообразии погребальной обрядности. От поражающих воображение богатством погребального инвентаря, трудоемких и сложных по конструкции погребальных сооружений знати до скромных могил рядового населения. В это же время зарождаются мощные объединения, включавшие родовые и племенные образования, связанные родственными и генеалогическими узами. Начинаются военные столкновения степняков с иньским и чжоуским Китаем. Иногда военная экспансия степного населения в пределы Китая приобретала масштабы подлинного бедствия и грозила последнему потерей национальной независимости (Таскин, 1968, с. 15).

Третий этап, начинающийся с последней трети I тыс. до н. э., характеризуется дальнейшим развитием социальных отношений в кочевых обществах, усложнением социальной структуры, направленной милитаризацией общества, активной внешней политикой и завоеванием значительных территорий. Этот этап протяженностью почти в два тысячелетия подразделяется на ряд периодов, определяющихся по этнической принадлежности доминирующего социума, создавшего в степях Центральной Азии объединения государственного типа. Хунну и сяньби, жуэнь и тюрки, уйгуры и кидани, монголы – этносы, в недрах которых происходили сложные социально-политические процессы, приводившие к глубоким изменениям в их собственных судьбах, отразившиеся на политическом, экономическом, культурном, этническом облике центральноазиатских народов, оказавшие влияние на ход мирового исторического процесса. На этом этапе кочевники Центральной Азии играли активную роль в истории Евразии. В более раннее время, которое в истории Центральной Азии мы обозначаем первым и вторым этапами, на евразийском континенте ведущая роль в степях принадлежала, по всей видимости, индоевропейским и индоиранским народам.

На вопрос, были ли генетические связи между культурами древних скотоводов Центральной Азии, между населением афанасьевской культуры и племенами – носителями карасукской культуры, трудно ответить. Отсутствие полноценных археологических материалов не позволяет пока с достаточной определенностью выявить историко-культурные связи между ранними эпохами. Что касается третьего этапа, то здесь, с появлением письменных источников, мы имеем информацию, хотя и недостаточную, но все же в ряде случаев позволяющую сделать определенные выводы об уровне социально-политического и культурного развития кочевых обществ и связи отдельных исторических периодов.

Как мы попытались показать, в истории Центральной Азии были периоды, когда в степях возникали мощные политические объединения, распространявшие свое господство далеко за пределы региона. В промежутках между существованием у кочевников государственности были периоды, когда на просторах центральноазиатских степей боролось за власть множество племен и племенных союзов, возглавляемых амбициозными вождями. Особенно это

проявилось в периоды между существованием государств сяньби и жужаней, уйгуров и киданей, киданей и монголов. Как в истории других государств древности и средневековья Евразии, в истории центральноазиатских кочевых народов были периоды междуцарствия.

Выявленные нами закономерности в появлении городов в исследуемом регионе позволяют связать формирование городской культуры с общим ходом социального развития кочевых обществ Центральной Азии. Очевидно, в эпоху энеолита и бронзы складывались экономические предпосылки для развития социального и политического уровня общества. Постепенно расширяются и осваиваются новые пастбищные территории, формируются системы хозяйства, адаптированные к природно-климатическим условиям региона. Усиливается имущественное и социальное расслоение населения степей. Однако уровень развития общества в целом и недостаточная интегрированность его в мировые цивилизационные процессы не позволяли внедрению в среду древних центральноазиатских кочевников процессов урбанизации.

Начиная с хуннского времени в степях начинают формироваться политические образования, основные черты которых во многом совпадают. Сюда можно отнести милитаризованность общества, активную внешнюю политику, проводимую преимущественно военными средствами. Причем в сферу влияния кочевых государств попадали страны с различными общественными системами, разным уровнем и типом экономики, разнообразным административно-организационным устройством территории.

Появлению в центральноазиатских степях обществ со сложной социально-политической структурой, с городской культурой предшествовали сотни лет развития, во время которых происходило стихийное «отлаживание» системы социальных взаимоотношений и форм политической организации кочевого социума. Исследование истории этого растянутого на тысячелетия процесса во всем его многообразии является задачей ученых, занимающихся изучением различных аспектов истории и культуры Центральной Азии.

Л и т е р а т у р а

Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. – М., 1984.

Амоголонов А. А., Филиппова И. В., Данилов С. В. Оборонительные сооружения хунну // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2000. – С. 277–281.

Барадийн Б. Жизнь в Тангутском монастыре Лавран. – Улан-Батор, 1999.

Бичурин Н. Я. (о. Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. 1. – М.; Л., 1950.

Бродянский Д. Л. Кроуновско-хуннские параллели // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск, 1985.

Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М., 1980.

Войтов В. Е. Хроника археологического изучения памятников Хушотцайдам в Монголии (1889–1958) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск, 1985. – С. 114–136.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л., 1934.

Волков В. В. Курганы афанасьевского типа в Монголии. – М., 1981.

Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975. – С. 23–48.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. – М., 1980.

Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. – М., 1981.

Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л., 1980.

Даажав Б. Закономерности формообразования гэра (юрты) в монгольском зодчестве: канд. дис. – М., 1981.

Давыдова А. В. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну // Краткие сообщения института археологии, № 154. – М., 1978. – С. 55–59.

Давыдова А. В. Об общественном строе хунну // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975.

Давыдова А. В. Новые данные о поселении хунну в Дуренах // Археологические открытия. – М., 1980.

Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. – Т. 1. Иволгинский могильник. – СПб., 1995.

Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. – Т. 2. Иволгинское городище. – СПб., 1996.

Данилов С. В. Средневековые поселения Западного Забайкалья // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. – Новосибирск, 1992. – С. 137–145.

Данилов С. В., Жаворонкова Т. В. Городище Баян Ундэр – новый памятник хунну в Забайкалье // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ, 1995. – С. 26–36.

Данилов С. В. Раскопки здания на хуннском городище Баян Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток, 1998. – С. 111–114.

Данилов С. В. Темниковское поселение и некоторые вопросы этногенеза бурят // Мир Центральной Азии. – Т. 1. Археология, этнология / Мат-лы международной научной конференции. – Улан-Удэ, 2002. – С. 21–25.

Данилов С. В. К проблеме городов хунну // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее и будущее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен» / Тез. докл. – Ч. 1. – Улан-Удэ, 1996.

Данилов С. В. Ильмовая падь – некрополь хунну // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ, 1999.

Дорж. Неолит Восточной Монголии. – Улан-Батор, 1971.

Древнемонгольские города. – М., 1965.

Древние цивилизации. – Л., 1989.

Думан Л. И. Некоторые проблемы социально-экономической политики монгольских ханов в Китае в XIII–XIV вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1977. – С. 335–376.

Евтюхова Л. А., Левашова В. П. Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. – 1946. – Вып. XII. – С. 72–84.

Евтюхова Л. А. Развалины дворца в «земле Хягас» // КСИИМК. – 1947. – Вып. XXI. – С. 79–85.

Егоров В. Л. Причины возникновения городов у монголов XII–XIV вв. // История СССР. – 1969. – № 4. – С. 39–49.

Е Лунли. История государства киданей (Цидань го чжи) / Перевод, введение и комментарий В. С. Таскина. – М., 1979.

Жуковская Н. Л. Пища кочевников Центральной Азии (к вопросу об экологических основах формирования модели питания) // СЭ. – 1979. № 5. – С. 64–75.

Зданович Г. Б., Зданович Д. Г. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к

древности) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Ч. 5. Культуры древних народов Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. – Челябинск, 1995.

Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. – М., 1988.

Ивлиев А. Л. Городища киданей // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. – Владивосток, 1983. – С. 120–133.

История Монгольской Народной Республики. – М., 1983.

История Тувы. – Т. 1. – Новосибирск, 2001.

История Горного Алтая. – Т. 1. – Горно-Алтайск, 2002.

Карпини П. История Монгалов. – М.: Мысль, 1997.

Киселев С. В. Монголия в древности // Известия АН СССР, серия истории и философии. – 1947. – Т. 4. – № 4.

Киселев С. В. Древняя история южной Сибири. – М., 1951.

Киселев С. В. Древние города Монголии // СА. – 1957. – № 2.

Киселев С. В. Древние города Забайкалья // СА. – 1958. – № 4.

Киселев С. В. Город монгольского Исункэ // СА. – 1961. – № 4.

Козлов П. К. Русский путешественник в Центральной Азии / Избранные труды. – М., 1963.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1976.

Коновалов П. Б. О происхождении и ранней истории хунну // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее и будущее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен» / Тез. докл. – Ч. 1. – Улан-Удэ, 1996.

Коновалов П. Б., Зайцев А. Хуннский меч из коллекции музея археологии Бурятского научного центра СО РАН // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока / Тез. докл. XXXVIII региональной археолого-этнографической студенческой конференции, посвященной 90-летию академика А. П. Окладникова. – Улан-Удэ, 1998. – С. 56–58.

Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2000.

Крадин Н. Н. Город в системе кочевых империй // Научная конференция «Город на традиционном Востоке». – М., 1988.

Крадин Н. Н. Кочевые общества. – Владивосток, 1992.

Крадин Н. Н. Империя хунну. – М., 2001.

Кызласов Л. Р. Средневековые города Тувы // СА. – 1959. – № 3.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. – М., 1969.

Кызласов Л. Р. Древняя Тува. – М., 1979.

Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. – М., 1984.

Кызласов Л. Р. О понятии «город» в древности и средневековье // Вестник МГУ, серия 8, история. – 1991. – № 4. – С. 43–48.

Кычанов Е. И. Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1977. – С. 46–61.

Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. – М., 1992.

Ларичев В. Е. О происхождении плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник. – Улан-Удэ, 1959. – С. 63–73.

Лбова Л. В., Хамзина Е. А. Древности Бурятии. Карта археологических памятников. – Улан-Удэ, 1999.

Майдар Д., Пюрвеев Д. Б. От кочевой до мобильной архитектуры. – М., 1980.

Майдар Д. Архитектура и строительство Монголии. – М., 1971.

Малаякин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. – Новосибирск, 1974.

Марков Г. Е. Кочевники Азии. – М., 1976.

Мартынов А. И., Алексеев В. П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. – Кемерово, 1986.

Мелаарт Д. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. – М., 1982.

Мелихов Г. В. Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1977. – С. 62–84.

Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. – М., 1974.

Мерперт Н. Я. О племенных союзах древнейших скотоводов Восточной Европы // Проблемы советской археологии. – М., 1978.

Минерт Л. К. Древнейшие памятники монгольского монументального зодчества // Древние культуры Монголии. – Новосибирск, 1985. – С. 184–209.

Мирошников Л. А. Центральная Азия: к вопросу о географических границах историко-культурного региона // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. – М., 1987. – С. 54–58.

Монгол нутаг дахь туух соёлын дурсгал. – Улаанбаатар, 1999.

Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй чу цая. – М., 1965.

Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1977. – С. 377–408.

Народы мира, этнографические очерки. Народы Восточной Азии. – М.; Л., 1965.

Окладников А. П., Деревянко А. П. Тамцаг Булак – неолитическая культура Восточной Монголии // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. – Вып. 5. – Улан-Удэ, 1970.

Окладников А. П. Древнее Забайкалье. Культурно-исторический очерк // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск, 1975. – Ч. 2: Забайкалье.

Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Кроуновская культура // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1984.

Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1977. – С. 107–139.

Пикулин М. Г. Чингисхан в Афганистане // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1977. – С. 140–149.

Плетнева С. А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) // МИА. – 1958. – № 62.

Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. – М., 1982.

Позднеев А. М. Города Северной Монголии. – Спб., 1880.

Поло М. Книга Марко Поло. – М.: Мысль, 1997.

Попов В. В. Отчет о деятельности Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова с 1 октября 1926 по 1 января 1928 // Бурятияведение. – 1928. – № 4 (8). – С. 150–159.

Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений Монголии // СА. – 1957. – № 3. – С. 43–53.

Пэрлээ Х. Киданьские города и поселения на территории МНР (X в. – начало XII в.) // Монгольский археологический сборник. – М., 1962.

Пэрлээ Х. К вопросу о древней оседлости в Монгольской Народной Республике // Бронзовый и ранний железный век Сибири. – Новосибирск, 1974. – С. 272–274.

Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт, дундад үеийн хот суурины товчоон. – Улаанбаатар, 1961.

Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. – М.: Мысль, 1997.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л., 1953.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л., 1960.

Румянцев А. М. Первобытный способ производства. – М., 1987.

Сокровенное сказание монголов. – Улан-Удэ, 1990.

Сосновский Г. П. Нижне-Иволгинское городище // ПИДО. – 1934. – № 7–8. – С. 155–156.

Сосновский Г. П. Итоги работ Бурят-Монгольского археологического отряда Академии наук СССР // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. – М.; Л., 1936. – С. 320.

Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981.

Талько-Грынцевич Ю. Д. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. – М., 1898. – Т. 1. – Вып. 2.

Талько-Грынцевич Ю. Д. Население древних могил и кладбищ забайкальских. – Верхнеудинск, 1928.

Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. – М., 1968.

Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. – Вып. 2. – М., 1973.

Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. – М., 1984.

Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1977.

Ткачев В. Н. К реконструкции дворца Угэдэ в Каракоруме // Известия вузов. Строительство и архитектура. – 1984. – № 8.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966.

Хазанов А. М. Социальная история скифов. – М., 1975.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986.

Худяков Ю. С., Комиссаров С. А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. – Новосибирск, 2002.

Цыбиков Г. Буддист-паломник у святынь Тибета. – Новосибирск, 1981.

Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ, 1998.

Цыбиктаров А. Д. Бурятия в древности и средневековье. – Улан-Удэ, 1999.

Шавкунов Э. В. К вопросу о датировке средневековых памятников Приморья // Тр. БКНИИ СО РАН. – Вып. 3. – Улан-Удэ, 1960. – С. 174–193.

Шавкунов Э. В. Обследование гуинских городищ в Монголии // Археологические открытия 1972 г. – М., 1973. – С. 506–507.

Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. – М., 1980.

Щепетильников Н. М. Архитектура Монголии. – М., 1981.

Энеолит СССР. – М., 1982.

Ядринцев Н. М. Предварительный отчет о поездке с археологической и этнографической целью в Северную Монголию и вершины Орхона // Изв. ВСОРГО. – 1889. – Т. 20. – № 4.

Ядринцев Н. М. Путешествие на вершины Орхона, к развалинам Каракорума // Изв. РГО. – СПб., 1890. – Т. 26. – Вып. 4.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. История исследования поселений и городов Центральной Азии.....	13
Глава 2. Появление производящих форм хозяйства в Центральной Азии. Становление скотоводства и возникновение кочевничества.....	23
Глава 3. Оседлые поселения в государствах ранних и средневековых кочевников Центральной Азии (археология поселенческих и городских комплексов).....	33
Поселения и городища хунну.....	34
Городища и города уйгурского каганата.....	56
Городища киданей.....	67
Поселения и города монгольской империи.....	72
Особенности поселенческих комплексов Центральной Азии (III в. до н. э. – XIV в. н. э.).....	117
Глава 4. Закономерности становления оседлой «городской» жизни в кочевых обществах Центральной Азии.....	127
Хунну.....	131
Сяньби.....	142
Жужане.....	145
Тюрки.....	146
Уйгуры.....	150
Кидани.....	153
Чжурчжени.....	155
Монголы.....	155
Некоторые закономерности становления городов в кочевых обществах Центральной Азии.....	166
Военная организация.....	168
Территориальные и административные преобразования.....	171
Изменения в области экономики.....	173
Изменения в социальном строе.....	176
Роль личности.....	182
Заключение.....	190
Литература.....	195

СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ

УДК 94(517)

DOI 10.18097/2306-753X-2014-1-4-14

© С. В. Данилов

Города Центральной Азии эпохи Монгольской империи XIII – XIV вв.

Статья посвящена развитию древних городов на территории Монгольской империи. Приведены данные об археологических раскопках, архитектуре, экспедициях, которые помогли воссоздать картину городов Центральной Азии.

Ключевые слова: Монгольское государство, экспедиция, археологические раскопки, памятник, архитектура, Центральная Азия.

© S. Danilov

Cities of Central Asia of the Mongol Empire in XIII-XIV centuries

This article devotes on the development of cities the Central Asia in the Mongol Empire. Information was given about the archaeological excavations, architecture, expeditions that helped to recreate the picture of the Central Asia.

Key words: State of Mongolian, the expedition, archaeological site, monument, architecture, Central Asia.

Бурные события, происходившие в начале 1-го тыс. в центральноазиатских степях, привели к созданию в XIII в. монгольского государства. Это событие имело далеко идущие последствия, отразившиеся на судьбах многих народов Азии и Европы. Процесс прихода к власти представителя знатного рода борджигинов, потомка Хабул-хана и сына известного в монгольских степях Есугей-багатура Темуджина, принявшего впоследствии имя Чингис-хана, хорошо освещен источниками и проанализирован в научной литературе. Укрепив свою власть и создав хорошо организованную, отличавшуюся железной дисциплиной и высокой боеспособностью армию, Чингис-хан – основатель монгольского государства, все свои силы и энергию использовал для организации военных походов и завоевания соседних стран. Его усилиями и усилиями его сподвижников и потомков была создана огромная империя, превосходившая в XIII-XIV вв. все государства средневековья.

О городах, существовавших в эпоху монгольской империи XIII-XIV веков, имеются известия в источниках, написанных европейскими, мусульманскими путешественниками. Плано Карпини, Гильом Рубрук, Марко Поло, Ибн Батутта и другие авторы оставили описания городов, расположенных по всей территории монгольской империи. В их путевых заметках содержатся самые разнообразные наблюдения за жизнью городов Ближнего Востока, Ирана, Средней Азии, Восточного Туркестана, Китая, возрождавшихся после тяжелой депрессии, вызванной монгольским нашествием. На территории евразийских степей, ставших в это время зоной активной политической деятельности, так-

же происходили процессы становления торговли, ремесла: степные регионы становятся сосредоточением политической и экономической жизни. Концентрация политической и экономической активности происходила во вновь возникавших городах. Наиболее известными городами, появившимися в это время в евразийских степях, являются города улуса Джучи, более известного в истории как созданное ханом Бату государство Золотая Орда, и города, появившиеся на территории Монголии, в улусе великого хана Угэдэя.

Одним из первых в Центральной Азии городом, ставшим известным науке, была описанная Гильомом Рубруком столица монгольской империи Каракорум.

В начале XIX века Г.И. Спасским, а затем А.К. Кузнецовым, В. Паршиным одними из первых были отмечены развалины городища на Хирхире и «Кондуйский городок» в Восточном Забайкалье. На территории Тувы А.В. Адриановым, а затем С.А. Теплоуховым были обследованы древние городища, датированные впоследствии временем существования монгольской империи. Но все же подлинное научное открытие древних городов на территории Центральной Азии состоялось в конце XIX века, когда Монголию посетила экспедиция Восточно-Сибирского отдела РГО во главе с Н.М. Ядринцевым. Основной задачей этой экспедиции было обследование долины реки Орхон с целью выявления древних памятников. В ходе работ были открыты каменные стелы с руническими надписями эпохи тюркских каганатов, обширные могильные поля и, в том числе, развалины столицы уйгурского каганата Орду Балыка или Хара-Балгаса и столицы монгольской империи Каракорума.

История изучения и поисков места расположения Каракорума достаточно полно были описаны С.В. Киселевым, производившим раскопки на территории города [4, С. 26-134]. Археологическое изучение городов и поселений этого времени, проведенные на территории Монголии, Тувы, Забайкалья, АРВМ Китая показали, что они имели довольно широкое распространение.

Одним из наиболее хорошо изученных городов является древняя столица монгольской империи Каракорум. Ее остатки расположены на правом берегу Орхона, у подножия северных и восточных склонов Хангайских гор. Развалины Каракорума находятся у ворот одного из старейших буддийских монастырей Монголии Эрдэни Цзу. По описаниям, сделанным С.В. Киселевым, остатки города представляли собой в плане неправильный четырехугольник, несколько суженный к югу, ограниченный невысокими валами и еле заметным рвом. По всей территории отмечалось множество всхолмлений, группирующихся, главным образом, вдоль двух главных улиц, тянувшихся с юга на север и с запада на восток (Приложение, рис. 10, 2).

Раскопки, проведенные под руководством С.В. Киселева на отдельных участках города, показали многообразие городских застроек. На его территории находились дворцовые постройки, принадлежавшие, по мнению С.В. Киселева, великому хану Угэдэю. Были раскопаны дома, принадлежавшие торговцу и кузнецу и караульное помещение около южных ворот города.

Одним из наиболее примечательных памятников Каракорума был дворец, возведенный преемником Чингисхана его третьим сыном Угэдэем.

Дворец был возведен на земляной платформе, сооруженной из чередующихся прослоев серой глины (толщиной 10–20 см) и слоев желтой супеси с богатым включением гальки. По всей видимости, платформа сооружалась из смоченного материала и плотно утрамбовывалась [4, С. 152].

В верхней части платформы были открыты 17 массивных гранитных блоков, врытых на уровне пола правильными рядами и, очевидно, служивших опорами для массивных деревянных колонн основной конструкции здания, которые поддерживали его гигантское перекрытие. Размеры блоков колеблются от 1,5 до 1 метра по всем граням [4, С. 156]. В результате исследований С.В. Киселева выяснилось, что дворец был семинефным и опирался на 72 столба. Из этих столбов 30 были включены в линию стен, а 42 столба поддерживали перекрытие над внутренним пространством, размеры которого — 55х45 метра, то есть его площадь была не менее 2475 кв. м. [4, С. 157].

От внутреннего убранства дворца сохранились лишь остатки пола, выстланного квадратными кирпичами (34х34х4 см). На отдельном участке пола уцелели плитки, покрытые сверху зеленой поливой. Встречались кирпичи пола, лежавшие на первоначальных местах, но оказавшиеся неполивными. Кроме этих небольших частей пола с уцелевшими плитками, удалось открыть участки с отпечатками плиток, снятых, вероятно, после запустения дворца [4, С. 157].

Кроме главного здания в дворцовый комплекс входило еще несколько сооружений возведенных на платформах.

Архитектуру небольших зданий Каракорума характеризует «дом на перекрестке», изученный С. В. Киселевым. Здесь помещались «мастерские и лавки. Его открытые террасы выходили на обе улицы; стены были не только деревянные, но и из сырцовых кирпичей. Изнутри и снаружи дом был оштукатурен и расписан. ... Дом крыли черепицей, а коньки кровли украшали рельефными изображениями драконов с оленьими рогами. Устраивалось отопление в виде подпольных каналов-канов. Неизменным оставалось назначение помещений – они служили одновременно и мастерскими ремесленников и лавками» [4, С. 177].

Многочисленные материальные остатки жизнедеятельности населения города, оставленные за его более чем 300-летнюю историю и погребенные в культурном слое, достигавшем 5-7 метров, позволили восстановить, реконструировать занятия его жителей. Необходимо отметить уникальную ситуацию, сложившуюся при изучении Каракорума – город был описан побывавшем здесь в 1253 г. посланником французского короля Людовика Святого Гильомом Рубруком. Такое сочетание письменных источников и данных археологии, обычно не встречающееся при исследовании городов центральноазиатских кочевников, создает возможность для воссоздания более полной картины средневекового монгольского города. Основу экономической жизни, по данным археологических раскопок Каракорума, составляли развитая торговля, разнообразное ремесло, земледелие; в то же время судя по описанию Рубрука в городе проживало большое число представителей не только этих профессий, но и монгольская знать, чиновники, священники различных вероисповеданий и т.д.

Данилов С. В. Города Центральной Азии эпохи Монгольской империи XIII – XIV вв.

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

1/2014

Другой монгольский город, исследованный профессором Л.Р. Кызласовым, находился в Тыве. Он был расположен на трех древних островах р. Элегест (главное русло которой находится в 100-200 метрах к северу и северо-востоку от них), со всех сторон окруженных многочисленными протоками. В целом городище достигает в длину 1200 метров, общая площадь города составляла около 30 гектаров. По всей этой площади расположены остатки древних зданий в виде плоских, иногда еле заметных бугров округлых, удлиненно-овальных или подчетырехугольных очертаний. Всего на городище Л.Р. Кызласовым обнаружено 120 зданий, но в действительности их было больше, так как при раскопках в пространствах между холмиками всегда встречаются остатки деревянных фанз, которые при разрушении не могли образовать возвышения [4, С. 62-66]. Причем на городище находились крупные здания, определенные как административные здания и дворцовые сооружения.

В Восточном Забайкалье, между реками Кондуй и Барон-Кондуй, северными притоками реки Урулунгуй, еще в XVIII в. были выявлены остатки крупного сооружения. Этот памятник вошел в науку под названием «Кондуйский городок», а история его изучения описана С.В. Киселевым [4, С. 326-328]. Под его руководством в 1957 и 1958 гг. был раскопан дворец, являвшийся, по всей видимости, центром, какого-то крупного поселения или города, располагавшегося вокруг дворца.

В результате раскопок было выявлено, что здание дворца стояло на высокой двухметровой платформе, крестообразной в плане формы, края которой украшали двухъярусные террасы. Верхняя терраса была ограждена деревянной балюстрадой, покрытой красным лаком. Такая же балюстрада шла и по нижней террасе, возвышавшейся над уровнем двора на 1-1,3 метра. На нижней террасе, выступая личинами наружу, были расставлены гранитные изваяния, изображающие головы драконов [4, С. 342].

В Кондуйском дворце лестницы, в отличие от дворца Угэдэя, где была одна лестница с южной стороны, были заменены пологими выстланными кирпичом пандусами, огражденными балюстрадой. Каждый пандус состоял из двух маршей: один вел на нижнюю террасу, другой — на площадку верхней террасы. Пандусов обнаружено пять: южный, обращенный к главным воротам, и по два с восточной и западной сторон дворца. Следует подчеркнуть, что с северной стороны выходов не было. С юга наверху платформы, сейчас же за верхним маршем пандуса, располагалась обширная передняя терраса шириной 13 метров и глубиной до стены дворца также 13 метров. Крайне малое число находок черепиц на ее площади заставляет считать переднюю террасу дворца открытой [4, С. 345-346].

Внутри здания, располагались ряды гранитных баз, вкопанные в платформу и служивших в свое время опорами для деревянных колонн.

В таком своем первоначальном виде Кондуйский дворец очень близко напоминал дворец Угэдэя, также состоявший из главного корпуса, проходной галереи и заднего жилого помещения, выстланного для тепла деревянным полом [4, С. 348].

В Бурятии близ села Нарсатуй были раскопаны остатки здания крытого черепичной крышей, опиравшейся на деревянные столбы-колонны с гранитными плитами-опорами. Ими была околесована часть здания размером 7 на 13 м. По всей видимости, именно эта часть была перекрыта черепичной крышей. Внутри здания настилался пол из обожженных кирпичей. С внешней стороны здание было обнесено кирпичной стенкой, высота которой, судя по сохранившимся участкам и по развалу кирпичей, могла достигать 40-60 см. Возможно, что площадь между этой стенкой и линией деревянных колонн служила в качестве террасы. С южной стороны к этой террасе примыкала площадка, служившая, возможно, входом в здание. Однако, наличие с западной стороны здания кирпичной конструкции, поднимавшейся вверх по склону, а также площадки, вымощенной кирпичом, выходящей за линию колонн, делает возможным предположение, о наличии в здании двух входов - с юга и запада. Внутри здания находилось подквадратной в плане формы кирпичное сооружение, служившее возможно очагом [1].

Мы привели краткие сведения о немногих археологически изученных городах, дворцах, отдельных зданиях эпохи монгольской империи, свидетельствующие о формировании на территории центральноазиатских степей в позднем средневековье своеобразной городской культуры. Следует заметить, что в последние годы возобновились исследования городов монгольского времени. Раскопки Каракорума были продолжены японскими и, впоследствии, германскими исследователями. Японскими и монгольскими археологами продолжают изучение монгольского города Аварга. Исследование города Хирхир в Восточном Забайкалье, проводившееся экспедицией под руководством безвременно ушедшего из жизни А.Р. Артемьева, было продолжено Н.Н. Крадиным, Е.В. Ковычевым, открывшим новое поселение монгольского времени Алестуй.

Результаты и материалы раскопок показывают многообразие городских застроек. На территории обследованных городов находились дворцовые постройки, принадлежавшие чингизидам – представителям правящей династии, степной аристократии, выдвинувшейся в ходе войн Темуджина в борьбе за власть над монгольскими племенами. Аристократия второй волны, появившаяся в процессе завоевательных походов Чингис-хана против соседних стран и за боевые заслуги получившая земельные наделы и различные привилегии, в основном оседала в завоеванных землях. Однако часть ее отстраняла дворцы в коренных землях, на территории Центральной Азии. Эти дворцовые сооружения знати и окружавшие их административные здания служили своеобразным магнитом: вокруг них оседали ремесленники, земледельцы, различные промысловики, торговцы. Одной из особенностей монгольских городов было отсутствие мощных укреплений. Даже в столице государства Каракоруме городские стены носили чисто формальный характер и выполняли в основном полицейские и таможенные функции. Как считает большинство исследователей мощь монгольской армии позволяла горожанам чувствовать себя в безопасности, довольствуясь невысокими стенами для ограждения от случайных вылазок деклассированных элементов, существовавших в любом обществе.

Данилов С. В. Города Центральной Азии эпохи Монгольской империи XIII – XIV вв.

При исследовании городов методами археологии основное внимание уделялось наиболее заметным объектам, на которых, как показывает практика археологических раскопок, имеется большее количество информативных материалов. Такими объектами обычно оказываются дворцовые постройки, дома знати, фортификационные сооружения. Обращалось внимание и на менее значительные объекты. Так раскопками С.В. Киселева в Каракоруме были выявлены дома, принадлежавшие торговцу и кузнецу, караульное помещение около южных ворот города [4, С. 173-182]. Л.Р. Кызласов на городище Ден Терек раскопал жилища бедных и зажиточных горожан [4, С. 59-119].

Наличие довольно значительного количества материалов, полученных в результате раскопок зданий монгольского государства, дает возможность анализа архитектурно-строительных традиций, появившихся в это время.

Первым этапом возведения всех изученных зданий, как видно из данных раскопок, было сооружение насыпи или насыпной платформы из щебенки, смешанной с глиной. Все сооружению придавалась прямоугольная в плане форма. По периметру платформы сооружалась кирпичная стенка, предохранявшая ее от расползания. Затем поверхность платформы, по-видимому, выравнивалась и утрамбовывалась. Целями ее сооружения могли быть нивелировка поверхности, предохранение здания от попадания туда грунтовых вод, талой и дождевой воды, а также подчеркивание социального статуса владельца здания. После возведения и доработки платформы на ней устанавливались гранитные плиты, служившие опорами для столбов-колонн, поддерживавших кровлю. Последовательность дальнейших строительных операций: сооружение пола, стен, деревянных балок, стропил и перекрытий крыши, установка черепичного настила и т.д. для нас не совсем ясна т.к. мы не располагаем сведениями о технологии строительства в этот период.

В исследованных памятниках платформы были зафиксированы в Каракоруме, при раскопках дворца Угэдэя в Монголии [4, С. 152, рис. 91], в Кондуйском дворце [4, С. 330], во дворце в Хирхире [4, С. 28, рис. 4] в Восточном Забайкалье, в административном здании и дворце, на городище Ден-Терек, в Туве [4, С. 83, 104], в здании в Нарсатуе, в Бурятии. Они отличались различной высотой и формой в плане, зависевшие от социального статуса и финансовых возможностей владельца, а также от воплощавших его заказ архитекторов и строителей.

Связующим звеном между нижней частью зданий и кровлей являлись опорные столбы-колонны, следы от которых встречаются при археологических раскопках, в основном, в виде опор, вытесанных из разных пород камня, в основном из гранита. Практически на всех памятниках, исследованных в Монголии, Туве, Забайкалье, при раскопках сколько-нибудь значительных сооружений находились такие изделия. По всей видимости, их размеры, форма и тщательность отделки, зависели от размеров зданий и колонн, от профессионального мастерства строителей и, по-видимому, от материального достатка их владельцев. Изучение их расположения служит основой для суждения о планировке здания, наличии или отсутствии многоярусной кровли. Массив-

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

1/2014

ность гранитных опор свидетельствует о мощных колоннах, подпиравших многоярусную, весившую, в отдельных случаях, несколько тонн кровлю.

Например, в Каракоруме во дворце Угэдэя опорами колонн служили «огромные гранитные камни почти правильной кубической формы... В северной части дворца, где колонны были тоньше, базы иного вида. На верхней грани гранитного куба высечено округлое возвышение диаметром до 0,8 метра, выступавшее вверх примерно на 5 см» [4, С. 317]. Такие же массивные опоры с размерами граней около 1 метра применялись для строительства Кондуйского дворца [4, С. 347, рис. 172, 182, 183].

Сходного типа опоры или базы колонн находились при раскопках расположенного в Туве городища Ден-Терек. Здесь отмечены каменные базы с высеченными цилиндрами [4, рис. 49, 69], а также округлые дисковидные и квадратные базы [4, рис. 48, 63, 69]. Такие же базы с высеченными цилиндрами были обнаружены на городище Хасара в бассейне реки Аргуни.

Важным элементом архитектуры зданий являлись террасы или опоясывающие галереи, располагавшиеся на краю платформы. Они были зафиксированы при раскопках дворца Угэдэя [4, С. 153], дворца в Кондуйе [4, С. 330-321, 342]. Причем в последнем террасы были двухъярусные.

При раскопках в Нарсатуе четко выраженной террасы не обнаружено. Однако наблюдения за платформой, вернее за ее краями позволили сделать некоторые выводы. Кирпичная стенка, опоясывающая платформу, сравнительно хорошо прослеживается с южной стороны. По всей видимости, в Нарсатуе терраса выполняла чисто декоративную функцию и не предназначалась для нахождения на ней людей. Для этой цели использовалась площадка с западной стороны здания.

В процессе раскопок на территории Центральной Азии памятников монгольского времени встречалось множество самых различных находок. Одним из наиболее массовых видов археологического материала, встречаемого при раскопках монгольских городов, были многочисленные черепица и кирпичи находимые, как в виде фрагментов, так и целиком. В сравнительно меньшем количестве встречались остатки лепных украшений.

Черепица при раскопках встречалась обычная из обожженной глины и поливная. Обычная черепица встречается разнообразных видов, каждый из которых соответствует их назначению при строительных работах по перекрытию зданий. Подавляющее большинство черепиц было серого цвета с отпечатками ткани на вогнутой стороне. Это деталь характеризует технологию изготовления черепицы на шаблоне (возможно изготовленном из дерева) обернутом грубой, типа мешковины, тканью. Наиболее сложны в изготовлении и покрыты орнаментом были нижние концевые черепицы, располагавшиеся по краю кровли. Это широкая 17-18 см. черепица с отгибом на нижнем конце. Плоскость этого отгиба украшалась орнаментом. Общим для них является наличие на орнаментальном поле бороздок, параллельных округлым краям. На этих бороздках, еще по сырой глине, наносились различными штампами те или иные виды орнамента.

При раскопках дворцов встречались нижние концевые черепицы, украшенные преимущественно зеленой и желтой поливой. Во дворце Угэдэя на от-

гибе такой черепицы изображен дракон. Причем дракон покрыт золотисто-желтой поливой, а сама черепица ярко зеленой. Так же были украшены и отгибы нижней черепицы Кондуйского дворца [4, С. 319-320, 352, рис. 166, табл. XXXI, рис. 1].

При сооружении кровли дворца Угэдэя и Кондуйского дворца встречались черепицы с красной поливой, что являлось прерогативой членов императорской семьи [4, С. 320, 351].

Нижние концевые неполивные черепицы из средневековых монгольских городов имели в целом единообразную орнаментацию. Сравнивая орнаментальные мотивы на этих черепицах с аналогичными материалами с сопредельных территорий из Тувы, как одновременных, так и более ранних обращает на себя внимание сходство с чжурчженьскими черепицами. С.В. Киселев описывая нижние черепицы Каракорума отмечает «Всеми своими особенностями эта черепица совпадает с найденной в древнемонгольских городах XIII вв., в... городе на р. Хирхира (на юге Читинской области) и городе Ден-Терек на р. Элегест (Тувинской АССР). Так же как про эту черепицу, и про нижнюю черепицу из городских кварталов Кара-Корума можно сказать, что всего ближе ей черепица цзиньских городов и крепостей» [4, С. 318].

Другим массовым строительным материалом, встречавшимся при раскопках монгольских городов, были кирпичи. На всех памятниках встречались кирпичи прямоугольной и квадратной форм. И лишь однажды была найдена керамическая плита равная по размерам двум квадратным кирпичам. Прямоугольные кирпичи использовались при выкладке пола, сооружении стен, квадратные кирпичи и керамическая плита применялись только для вымостки пола. Все обожженные кирпичи в основном были различных оттенков серого цвета. Изредка встречались и красноватые кирпичи, но их локальное местонахождение вместе с обломками черепицы также с красноватым оттенком может указывать на вторичный обжиг в результате воздействия сильного пламени горевшего на, по-видимому, уже разрушенном здании. Сравнивая кирпичи из раскопок в Монголии, Туве, Забайкалье можно отметить большое сходство во внешней характеристике этого вида строительного материала. По-видимому, единой была технология изготовления кирпичей, в результате которой после обжига они имели в основном серый цвет [4, С. 316, 346, 347].

Размеры кирпичей несколько различны, однако в целом наблюдается определенная стандартизация, которая зависела на наш взгляд не только от существования каких-то центральных учреждений, ведавших строительством, но и в какой-то мере от формирования определенных архитектурных принципов, стандартов, где были взаимосвязаны проекты зданий и унификация строительных материалов, применявшиеся при их возведении. Существенные нарушения размеров применявшихся строительных материалов могли повлечь за собой отход от первоначального замысла архитектора и следовательно дополнительной затраты и увеличения времени строительства, не говоря уже о массе более мелких проблем, возникающих при любых строительных работах с нарушением технологической дисциплины.

Отмечаемая по всей территории распространения памятников монгольского зодчества стандартизация строительных материалов объясняется, по всей видимости, существованием определенных канонов в возведении зданий и дворцовых сооружений и даже возможным существованием специального ведомства, занимавшегося вопросами строительства. Большое сходство, прослеживающееся в элементах архитектуры, строительных материалах монгольских городов с империей Цзинь свидетельствует о заимствовании монголами ряда компонентов строительного комплекса или привлечение для работ цзиньских мастеров.

После грандиозных по масштабам и ужасающих по последствиям завоевательных походов Чингис-хана и его сподвижников, а затем преемников начинается постепенная стабилизация экономических отношений, происходит упорядочивание в области государственного устройства. Хотя здесь следует отметить, что в состав монгольской империи вошли страны расположенные в различных природных зонах, с разным уровнем экономического развития, отличными друг от друга финансово-налоговыми системами, разными уровнями развития административно-бюрократического аппарата, не говоря уже о пестром этническом составе и культурном разнообразии населения. Упорядочивание в масштабах империи такого многообразного экономического, политического, социального клубка проблем требовало от центральных властей незаурядных решений. Примером принятия таких непростых решений была отмечаемая исследователями борьба мнений о судьбах последующего устройства общества.

Уже во время первых завоевательных походов среди правящих кругов монгольского общества возникали вопросы о дальнейшей судьбе завоеванных стран и об участии проживавшего в них населения. И.П. Петрушевский, исследуя экономические последствия монгольских завоеваний, упоминает о появлении двух партий, возникших у монголов по вопросу о дальнейших направлениях существования монгольского государства. И одним из основных обсуждавшихся вопросов был вопрос о дальнейшей судьбе покоренных стран. Представители одной партии предлагали уничтожить все население в завоеванных землях, разрушить города, а освободившуюся территорию превратить в пастбища для скота. Другая партия предлагала сохранить все население завоеванных стран, возродить земледелие, ремесленное производство, промыслы, восстановить торговлю и, обложив налогами все виды деятельности, создать источник для постоянного и стабильного обогащения правящей верхушки [13, С. 239-240].

Победило мнение второй партии и после долгих лет кровопролитных завоевательных войн наступает постепенная стабилизация экономической, политической жизни, наблюдается некоторый подъем культуры.

Рост экономики был связан со стремлением крестьянства и ремесленников, искавших средства к существованию, вернуться к своим занятиям, прерванным войной. Возрождается торговля, имевшая решающее значение для восстановления городов и сосредотачивавшаяся в руках купечества, часть которого обслуживала правящие круги завоевателей и выражала их интересы. Источники сообщают, что во всех частях государства в Золотой Орде, в Юань,

Данилов С. В. Города Центральной Азии эпохи Монгольской империи XIII – XIV вв.

государстве ильханов, в Каракоруме встречалось большое количество торговцев различных вероисповеданий и национальностей [15, 1997].

Несомненно, что экономический фактор был одним из основных, повлекших за собой возрождение разрушенных военными действиями городов Северного Китая, Средней Азии, Ирана, Закавказья, Руси. Причем экономические и политические причины вызвали появление и рост городов в степных регионах, там, где до монгольского завоевания не было развитой городской культуры, например в южнорусских, казахских и монгольских степях.

Рассмотренные материалы по городам монгольского времени, расположенных на территории Центральной Азии, показывают, что в XIII веке на территории коренного обитания монголов формировалась собственная городская культура отличная от существовавших в других частях империи. Расцвет ее пришелся на время правления трех великих ханов Угэдэя, Гуюка и Мункэ, то есть на 1228-1259 годы. После переноса столицы Хубилаем в Китай и образования империи Юань городская жизнь на территории Монголии хотя и не исчезает, но уже не испытывает того подъема как в начальный период истории монгольской империи.

Литература

1. Данилов С.В. Средневековые поселения Западного Забайкалья // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. - Новосибирск, 1992. - С. 137-145.
2. Данилов С.В. Средневековое здание в Нарсатуе и некоторые проблемы истории монгольского государства 13-14 вв. // Традиционная культура народов байкальского региона: возрождение и развитие. - Улан-Удэ, 1999. - С. 33-34.
3. Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. - Улан-Удэ, 2004.
4. Древнемонгольские города. - М., 1965.
5. Егоров В.Л. Причины возникновения городов у монголов XII-XIV вв. // История СССР. - М., 1969, № 4. - С. 39-49.
6. Ибрагимов Н. Ибн Батута его путешествия по Средней Азии. - М., 1988.
7. Киселев С.В. Древние города Монголии // Советская археология. - М., 1957, № 2. - С. 91-101.
8. Киселев С.В. Древние города Забайкалья // Советская археология - М., 1958, № 4. - С.107-119.
9. Киселев С.В. Город монгольского Исункэ // Советская археология, 1961, № 4.
10. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. - М., 1969.
11. Кызласов Л.Р. Древняя Тува. - М., 1979.
12. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. - М., 1984.
13. Петрушевский И.П. Иран и Азербайджан под властью хулагуидов (1256-1353) // Татаро-монголы в Азии и Европе. - М., 1977. - С. 228-259.

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

1/2014

14. Петрушевский И.П. Поход монгольского войска в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. - М., 1977. - С. 107-139.

15. Поло М. Книга Марко Поло. - М.: Мысль, 1997.

16. Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений Монголии // Советская археология. - М., 1957, № 3. - С. 43-53.

17. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. - М.: Мысль, 1997.

Данилов Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ.

Danilov Sergey - Doctor of Historical Sciences, professor, Head of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude.

С.В. Данилов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия)

ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДОВ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Начало изучения древней истории Центральной Азии тесно связано с именами участников первых сибирских академических экспедиций XVIII в. – Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, проложивших первые научные тропы в исследовании северных областей центральноазиатского региона и давших первые научные описания древностей Южной Сибири и Забайкалья. Последующие выдающиеся исследователи и путешественники, деятели Русского Географического Общества и Российской академии наук Н.М. Пржевальский, П.К. Козлов, А.В. Адрианов, Н.Я. Ядринцев, Г.Н. Потанин, Д.А. Клеменц, В.В. Радлов, С.Ф. Ольденбург, Б.Я. Владимирцев, Б. Барзидий, Г. Цыбиков, Ц. Жамцаранов многие другие, порой полузабытые и забытые исследователи, оставшиеся пока неизвестными широким читательским кругам, проложили маршруты своих научных изысканий через Монголию, Восточный Туркестан, Алашань, Саяно-Алтай, Тянь-Шань, Кузунур, Тибет и открыли новые горизонты для исследований истории и культуры Центральной Азии.

За годы исследований Центральной Азии было открыто и изучено большое количество различных археологических памятников широкого хронологического диапазона: керексуры, плиточные могилы, оловянные камни, петроглифы широкого хронологического диапазона, разнообразные курганы хуннского, торского и монгольского времени, культовые сооружения и святилища и т.д. Среди многочисленного и разнообразного археологического наследия, оставленного древним и средневековым населением, одним из слабостуденных видов археологических памятников являются стационарные оседлые поселения и городища, начиная появляться в эпоху поздней древности, в хуннское время, хотя ряд источников и археологических данных свидетельствует о возможном более раннем их появлении.

Исследование древних городищ Центральной Азии, начавшееся с открытия Н.М. Ядринцевым в 1889 году гранитных стел с древнетюркскими письменами и остатков столицы Уйгурского каганата города Хара Балгас (или *Орду Балгас*) в развалинах столицы монгольской империи Каракорума, расположенных в долине Орхона, дало толчок к подлинно научному изучению древностей региона, в том числе и древних городов. В дальнейшем на территории Центральной Азии, в частности, в Монголии, Забайкалье, Туве было выявлено значительное количество оседлых стационарных укрепленных городищ, часть которых, судя по имеющимся сведениям письменных источников, выполняла функции городов. Их обследование и описание проводилось почти всеми исследователями, занимавшимися изучением истории и культуры определенных географических регионов. Хотя подлинное значение этих памятников оседлости, имевшее для населения каждой исторической эпохи некие свои, не всегда понятные современному исследователю особенности, долгое время остается не совсем ясным.

Наиболее существенное значение для выявления хронологии и предназначения городищ, оставленных кочевниками, имели исследования 50-70-х годов XX века, когда в результате изысканий член-корреспондента Академии наук СССР С.В. Киселева и член-корреспондента Академии наук Монголии Х. Пэрлэ было выявлено значительное количество остатков древних городищ, располагавшихся на территории центральной и восточной Монголии, Тувы (исследования проводились Л.Р. Кызыласовым); западного и восточного Забайкалья (исследования проводились Г.П. Сосновским, С.В. Киселевым, А.П. Оксидниковым и А.В. Давыдовой), то есть наметились основные ареалы распространения городской культуры центральноазиатских кочевников, в основном привязанные к бассейнам рек Селенги, Орхона, Толы, Керулена, Овона, Аргуня, Енисея. В 1980-2000 годы исследования древних городов были продолжены археологами разных стран: монгольскими (Баир Д., Очир А., Эрдэнболд Л., Эвсгур А., Эрдэнбат У.), японскими (Шираиши Н., Уэки), германскими (Пуль Э., Хюттель Г.); российскими (Данилов С.В., Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Артемов А.Р., Васютин С.А., Никитин Ю.Г.). Однако до сих пор в изучении оседлой культуры древних и средневековых кочевников остается много неизвестного. Нет, например, пока полной ясности в закономерности географического расположения кочевых городов. Не до конца понятны особенности фортификации городищ. Одним из препятствий к целостному восприятию картины распространения городов кочевников является отсутствие детальных данных о памятниках, расположенных на территории Автономного района Внутренняя Монголия и Саванца уйгурского автономного района Китая. И самым, конечно, главным

препятствием для создания полноценной источниковой базы по городской культуре кочевников по-прежнему остается крайне незначительное количество памятников, раскопанных на высоком методическом уровне.

Хотя сведений о памятниках оседлости Центральной Азии имеется достаточное количество, в настоящее время все же отсутствует достаточно надежная картографическая база данных, для создания которой много сил приложил монгольский ученый Х. Пэрлэ, объединивший все аймаки Монголии и составивший карту распространения памятников и списки всех известных на тот период городищ. Однако собранный им внушительный корпус данных по древним городам уже не отвечает современным требованиям. Там нет точных географических координат памятников, не просматривается территориальное соотношение как однокультурных памятников, так и памятников, относящихся к разным историческим периодам, что объясняется различием в методических подходах и недостаточной технической оснащенностью археологических исследований прошлых лет.

Для пополнения эмпирического материала о городах кочевников, формирования унифицированной базы данных, выявления точных географических координат всех известных памятников и создания на этой основе постоянно пополняемой электронной карты древних городов Монголии, Забайкалья, Тувы Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН) и Институтом по изучению кочевых цивилизаций ЮНЕСКО (МИКЦ) в 2010 году была создана международная экспедиция, целью которой являлись сбор и подготовка материалов для создания карты распространения древних и средневековых городов Центральной Азии. Такая карта с подробными описаниями всех выявленных древних городов и поселений будет способствовать лучшему пониманию их расположения относительно географических объектов (горные системы, реки, степи, пустыни и т.д.), сочетания с другими типами (могильники, петроглифы, святилища и т.д.) археологических памятников. В то же время исследование городской культуры кочевых обществ позволит выявить общие закономерности внутреннего развития населения евразийских степей, их взаимоотношения с оседлым населением аграрных цивилизаций Евразии.

В ходе работ экспедиции проводились полевые исследования на территории Республики Бурятия (пять административных районов: Иволгинский, Селенгинский, Джидинский, Кяхтинский, Мухоморский); Забайкальского края (Борзинский район); Республики Тыва (семь административных районов: Кызылский, Тандинский, Улус-Хемский, Дуун-Хемчикский, Барун-Хемчикский, Бай-Тайгинский, Оюкский).

В Монголии исследования проводились на территории следующих аймаков: Увсунурского, Кобдоского, Завханского, Хубсугульского, Арахангайского, Увсунгайского, Булганского, Центрального, Хэнтийского, Дорноговьского, Сүхбаатарского, Восточногубийского, Среднегубийского, Южногубийского. Здесь следует отметить, что указаны аймаки, в которых были обследованы памятники; если учитывать посещение аймаков, где памятники отсутствовали, то экспедиция побывала во всех районах Монголии, кроме Баян-Улгийского аймака, пройдя в общей сложности по территории России и Монголии около 23 тысяч километров.

На всех памятниках производились фотосъемка, видеофиксация, съемка глазомерных планов, описание. Производилась фиксация объектов с помощью приборов глобального позиционирования в системе WGS-84. Данные работы проводились с помощью прибора GarminGPS 62s; в дальнейшем при компьютерной прорисовке данных Garmin проводилась корректировка и сверка с графическим планом, выполненным другой группой исследователей на миллиметровой бумаге, при этом замеры проводились с помощью стеномерной рулетки и лазерного дальномера. Выработанная методика была апробирована в 2010 году и совершенствовалась в ходе работ экспедиции 2011–2013 годов. Также в процессе работ отработывалась методика проведения описания памятников. Описание проводилось по следующей схеме – описание окружающего ландшафта с учетом геоморфологических особенностей, описание внешних укреплений: вал, ров, ворота, угловые башни, фронтальные башни, способ сооружения стен, остатки вострогов внутри городищ, описание подземного материала.

За три года работ (2010–2012 гг.) экспедицией были обследованы 96 городищ и поселений, в том числе: 7 поселений и городищ на территории Республики Бурятия; 3 поселения и городища на территории Забайкальского края; 14 городищ на территории Тувы; 73 городища и поселения в Монголии. В ходе обследования идентифицировались памятники хуннского, уйгурского, киданьского, монгольского времени. Причем на подавляющем большинстве городищ и поселений идентификация была произведена нашими предшественниками одним из основных и пока самым надежным на наш взгляд методом: сопоставление предметного комплекса из городищ с материалами из датированных погребальных комплексов. Так была определена хуннская принадлежность Иволгинского городища (Г.П. Сосновский). Уточнено уйгурское происхождение городища Хара Балгас (Орду Балгас) (С.В. Киселев, Х. Пэрлэ) и киданьская принадлежность городища Чин толгой (С.В. Киселев, Х. Пэрлэ). Выявлена монгольская идентификация Карахерума (Н.М. Ядринцев, С.В. Киселев, Х. Пэрлэ). Особенности планировки городищ, фортификационных сооружений, разнообразные сооружения на внутренней площади городищ, подземный материал, обнаруженный на упомянутых памятниках, позволили выявить специфику их внешнего облика и внутреннего содержания и в дальнейшем позволили определить хронологическую привязанность и историческую принадлежность подобных памятников в других районах региона.

В то же время в ходе работ экспедиции были встречены городища, время существования которых определить было затруднительно. На этих памятниках отсутствовал подземный материал, а конструктивные особенности (валы, задернованные платформы или остатки зданий и т.д.) не давали возможности однозначного определения даты существования памятника. По всей видимости, наши предшественники также сталкивались с подобными затруднениями и иногда проводили определение времени существования отдельных памятников в большей степени интуитивно. Зачастую и нам приходилось пользоваться этим принципом, так как времени и официального разрешения на закладку шурфов у нас не было. В связи с указанными обстоятельствами точное количество памятников различных хронологических этапов будет уточняться в процессе дальнейшей работы.

В ходе работ выяснилось, что в распространении памятников имелись некоторые локальные особенности. Так, на территории Бурятии встречались памятники хуннского и монгольского времени; городища уйгуров и киданей не было выявлено. В Туве были встречены городища уйгурского и монгольского времени, отдельные памятники предположительно можно отнести к маньчжурскому времени; не были отмечены памятники хунну и киданей. На территории Забайкальского края имелись памятники монгольского времени и остатки киданьских крепостей, протянувшихся вдоль вала Чингисхана; памятников хунну и уйгуров не обнаружено. На территории Монголии в целом также выявилась неравномерность в распространении памятников по хронологическим признакам. В Западной Монголии сравнительно мало выявленных памятников оседлости, встречаются остатки городов маньчжурского времени. В Восточной Монголии встречаются памятники киданей и монгольского времени, не встречены памятники уйгуров, а отдельные городища, относимые к хуннской эпохе, нуждаются в дополнительном изучении. В то же время здесь был выявлен ряд памятников, историко-культурную принадлежность которых без раскопок определить затруднительно. Это памятники Сумгийн тура, Довджо, Олон булаг дожджо, Олон байшин, Башинтын дэрс и некоторые другие. По ряду признаков эти памятники можно отнести к более позднему времени, возможно, к послемонгольскому периоду истории Монголии. Однако окончательные выводы можно сделать после обстоятельной археологической изученности.

Ряд городищ, расположенных вдоль вала Чингисхана в Южнообьинском аймаке, несмотря на их безинвентарность, определены как оборонительная линия, выстроенная тангутами против северных кочевников. Такая точка зрения, высказанная А.А. Ковалевым, вполне резонанна и имеет право на существование, хотя нуждается в дальнейшем подкреплении фактическими материалами. Кстати, можно добавить, что северный вал Чингисхана, проходящий по территории Монголии, России и Китая, после исследований экспедиции под руководством Н.Н. Крадина представляется возможным отнести к эпохе киданей.

Наиболее насыщенными памятниками были бассейны рек Толы, Керулена, Онона, Орхона. Здесь встречались городища хунну, уйгуров, киданей, монголов. То есть Центральная Монголия становится, по данным обследования, местом сосредоточения всех известных науке памятников оседлости кочевых народов древности и средневековья Центральной Азии. Хотя детальное обследование долин вышеперечисленных рек, бесспорно, выявит особенности распространения памятников и в этом районе.

Наблюдающиеся некоторые особенности в рассредоточении древних и средневековых городищ по территории Центральной Азии могут свидетельствовать о неких сложных социально-политических процессах, протекавших в кочевой среде. Например, отсутствие хуннских городищ в Туве и Западной Монголии при наличии хуннского предметного комплекса и элементов хуннского погребального обряда может свидетельствовать о неполном освоении хунну этой территории. Однако дальше на севере, за Восточными Саянами, близ Абакана раскопаны остатки здания, явно относящегося к эпохе хунну. Данное обстоятельство показывает недостаточность наших знаний и представлений о сложных исторических процессах, протекавших в регионе в древности. В то же время такое расположение городищ может косвенно свидетельствовать о существовании своеобразных центров, вокруг которых происходили объединительные процессы кочевых племен и шло формирование политических институтов.

Таким образом, обследования, проведенные экспедицией, показали, что для более глубокого осмысления проблемы городов, существовавших в кочевых обществах, необходимо проведение комплексных исследований:

- всестороннее рассмотрение историко-культурной ситуации в конкретных кочевых обществах, в которых проходили процессы формирования оседлых стационарных поселений;
- определение функциональной принадлежности городищ путем археологических раскопок для раскрытия обстоятельств перехода кочевых обществ к частичной оседлости;
- выяснение социального состава и структуры конкретных кочевых обществ и установления, какая именно его часть принимала активное участие в процессах седентаризации.

Следует заметить, что проведенные исследования пока не противоречат точке зрения о появлении традиций возведения оседлых, стационарных, укрепленных поселений в процессе формирования мощных объединений кочевников со многими признаками институтов государственности (Данилов С.В., 2004). Дальнейшие исследования становления государственности в кочевых обществах позволят детализировать все особенности сложного и неоднозначного процессов седентаризации и формирования городов и городской культуры кочевников.

Список литературы

- Данилова А.В. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе скинну // Краткие сообщения института археологии. – 1978. – №154. – С. 55-59.
- Данилова А.В. Об общественном строе хунну // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975. – С. 141-145.
- Данилова А.В. Новые данные о поселении хунну в Дурзах // Археологические открытия. – М., 1980.
- Данилова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. – СПб., 1995.
- Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2004.
- Данилов С.В., Симухин А.И., Именолов Н.В., Эрдиболат Л., Нанзатов Б.З. и др. Древние и средневековые города Центральной Азии. Предварительные результаты экспедиционного исследования // Tartaria Magna: интернет-журнал. – 2013. – № 1. – С. 72-85. URL: <http://www.tartaria-magna.ru/last-issue/>
- Киселев С.В. Монголия в древности // Известия АН СССР. Серия истории и философия. – Т. IV. – № 4. – М., 1947.
- Киселев С.В. Древняя история южной Сибири. – М., 1951.
- Киселев С.В. Древние города Монголии // Советская археология. – 1957. – № 2. – С. 91-101.
- Киселев С.В. Древние города Забайкалья // Советская археология. – 1958. – № 4. – С. 107-119.
- Киселев С.В. Город монгольского Исунко // Советская археология. – 1961. – № 4.
- Крадин Н.Н., Иленин А.Л., Эрдиболат Л., Данилов С.В. Киданьский город Чингисхана Балгас. – М.: Восточная литература, 2011. – 173 с.
- Кыласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М., 1969.
- Кыласов Л.Р. Древняя Тува. – М., 1979.
- Очир А., Эмгатур А., Эрдиболат Л. Хаар Бух балгас ба Туул голын сав дахь хотын усийн хот, суурингууд. – Улаанбаатар, 2005. – 214 с.
- Пярто Х. К истории древних городов и поселений Монголии // Советская археология. – 1957. – № 3. – С. 43-53.
- Пярто Х. Киданьские города и поселения на территории МНР (X в. начало XII в.) // Монгольский археологический сборник. – М., 1962.
- Пярто Х. К вопросу о древней оседлости в Монгольской Народной Республике // Бронзовый и ранний железный век Сибири. – Новосибирск, 1974. – С. 272-274.
- Пярто Х. Монгол ард улсын эрт, дундад усийн хот суурин товчоон. – Улаанбаатар, 1961.
- Сосновский Г.П. О поселении гушской эпохи в долине р. Чиноя // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1947. – Вып. XIV.
- Ярнинцев И.М. Путешествие на вершины Орхона, к развалинам Каренорума // Известия Русского Географического Общества. – Т. XXVI. – Вып. 4. – СПб., 1890.

Summary

The article refers to the research problems of the cities founded by ancient and medieval nomads of Central Asia. The article contains compressed data on the expedition of study nomadic cities of Central Asia in 2010-2012 in Mongolia, Buryatia, Tuva and Zabaykalye region. The author outlines the perspectives for further archaeological study of cities and cultural and historical environments in which the formation of the urban nomad culture had occurred.

С.В. Данилов⁴, Н.В. Именохоев⁵, Б.З. Нанзатов⁶, А.И. Симухин⁷

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ПРОЕКТУ:
«СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КАРТЫ ГОРОДОВ ДРЕВНИХ
КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ» (2010–2014 гг.)**

В статье представлены предварительные результаты исследования древних и средневековых городов Центральной Азии. На основе полевых исследований коллективом авторов обобщены сведения о числе и местонахождении более ста древних городищ и поселений на территории Монголии, Бурятии, Тувы и Забайкалья.

Ключевые слова: Центральная азия, кочевники, города, древность, средневековые

S.V. Danilov, N.V. Imenohoev, B.Z. Nanzatov, A.I. Simuhin

**PRELIMINARY RESULTS OF THE INTERNATIONAL RUSSIAN-
MONGOLIAN ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION ON THE
PROJECT: «ESTABLISHMENT OF ELECTRONIC MAP OF
FORTS OF ANCIENT CENTRAL ASIAN NOMADS» (2010-2014)**

The article presents preliminary results of the research on ancient and medieval forts of Central Asia. On the basis of field research the authors compiled data on the number and location of more than hundred ancient forts and settlements in Mongolia, Buryatia, Tuva and Transbaikalia.

Key words: Central Asia, nomads, forts, ancient, medieval

Одним из наиболее слабоизученных археологических памятников Центрально-Азиатского региона являются стационарные оседлые поселения и городища кочевых народов, возникновение которых относят к периоду формирования и расцвета империи Хунну (III в. до н.э. – II в. н.э.), хотя некоторые древние китайские письменные источники и современные археологические данные свидетельствуют и о более раннем их появлении. «Проблема появления ранних городов чрезвычайно сложна и до сих пор нет окончательного решения о механизме перехода обширных сельскохозяйственных поселений к городам и формированию в них своеобразной городской культуры» [Данилов, 2004, с. 7]. Формирование оседлых поселений и городищ обычно связывают с развитием экономических, социальных, политических отношений в кочевых обществах, приводивших к возникновению институтов ранней государственности. Города, как своеобраз-

⁴ ДАНИЛОВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

⁵ ИМЕНОХОВ Николай Владимирович – научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

⁶ НАНЗАТОВ Баир Зориктоевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: nanzatov@yandex.ru

⁷ СИМУХИН Александр Ильич – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: simu@yandex.ru

ные маркеры более высокого уровня развития, считаются одним из признаков перехода кочевых обществ Центральной Азии к новым общественным отношениям. Имеющиеся в настоящее время данные о поселениях и городищах, распространенных на территории Центральной Азии, позволяют выстраивать историко-культурные схемы исторических процессов протекавших в регионе с появлением производящей экономики – скотоводства [Данилов и др., 2012, с. 97].

Наиболее информативным методом научного исследования поселений и городищ являются крупномасштабные археологические раскопки, которые дают возможность создать наиболее полную характеристику памятника: его планировки, месте в географической зоне и окружающем ландшафте, особенностям фортификации, технологии строительства зданий и сооружений; по находкам предметов материальной культуры и сопровождающим некрополям – уровень материального и духовного благосостояния, социальную структуру и политическую деятельность населения в период функционирования объекта. Ряд функций поселений и городищ можно выявить только при наличии данных о природно-географических условиях их формирования и распространения, привязанности к водным артериям и торговым путям, соотношению с иными одновременно археологическими памятниками, удалению или приближению к границам распространения конкретного этнополитического образования, включенности в окружающие природно-ландшафтные обстановки. Выявление перечисленных характеристик невозможно без создания карты распространения древних поселений и городов на территории России и Монголии. Имеющиеся в настоящее время опубликованные данные о распространении городов и поселений Центрально-Азиатских кочевников не сведены в единое целое и уже не отвечают требованиям и уровню современной науки. Для восполнения недостающих данных в 2010-2014 гг. международной Российско-Монгольской археологической экспедицией в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ №10-01-00542a/G «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии» проводились полевые исследования памятников на территории Монголии, Бурятии, Забайкальского края и Тувы.

В составе экспедиции работали сотрудники Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН: д.и.н. Данилов С.В. – руководитель проекта, основные исполнители с российской стороны: Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., так же в разное время принимали участие Коновалов П.Б., Миягашев Д.А., Гомбожапов А.Д., Цыденова Н.В., Урбазев В.И., Коновалов С.В., Райцанов С.Б. С монгольской стороны участвовали представители Международного института по изучению кочевых цивилизаций Монголии проф. Аюдайн Очир – руководитель с монгольской стороны, Л. Эрдэнэболд, Н. Уртнасан. В 2011 г. в работе экспедиции на территории Тувы принимал участие сотрудник Тувинского института гуманитарных исследований Тулуш Д.К.

Основная задача выполнения проекта – выявление памятников древней городской культуры Центральной Азии, составление топографических планов объектов и географической карты расположения оседлых поселений и городов Центральной Азии.

На начальном этапе исследовательской группой решались следующие задачи:

разработка методики сбора и обработки материалов, составление списка всех известных стационарных памятников оседлости древних кочевников на указанной территории;

выяснение особенностей географического расположения городов и поселений в различные исторические эпохи;

съемка глазомерных планов оседлых поселений и городищ с применением GPS-навигаторов;

подготовка фотографий с изображением памятников в ландшафте и основных видов подъемного археологического материала;

подготовка текстов с описанием памятника и выявленных на нем археологических материалов;

поиски новых подходов к изучению письменных источников, содержащих сведения об оседлости и городской жизни в кочевых обществах и выявление в них данных о предпосылках появления городов у кочевников.

Фиксация археологических объектов проводилась с помощью приборов глобального позиционирования в системе WGS-84. Методика исследований отрабатывалась и апробировалась во время полевых работ [Данилов и др., 2012, с. 99].

Полевые работы были начаты в 2010 году на территории Бурятии и продолжены в Монголии. Всего исследовано 27 городов разных исторических периодов: в Бурятии – Иволгинское городище, Темниковское поселение, городище Баян Ундэр, поселения Дурены и Нижний Мангиртуй, Сутайская и Нарсатуйская феодалные усадьбы; в Монголии – Улан Хэрэм, Чин Тологой, Эмгэтийн Хэрэм, Хара Бух Балгас, Хара Балгас, Чилэн Балгас, Цаган Дэнджийн Балгас, Цаган Дэнджийн Балгас-II, Бэлхийн гол, Хэрмэн Дэндж, Харахорин, Цаган Сумийн Балгас, Гээг Бурдын Дорволжин, Лун, Модонгийн Туурь, Хэрлэн Зун Хэрэм, Хэрлэнун Барун Хэрэм, Хурт Дэндж, Гун Галуут, Заамар.

В 2011 году экспедиционные исследования проводились в три этапа с мая по сентябрь на территории Республики Тыва, Монголии и Забайкальского края. На первом этапе работ экспедиции полевыми исследованиями охвачены территории Кызылского, Тандинского, Улуг-Хемского, Дзун-Хемчикского, Барун-Хемчикского, Бай-Тайгинского, Овьурского районов Тывы и Убеунурского, За-вханского, Хубеутульского, Булганского, Арахангайского, Центрального аймаков Монголии.

В результате работ обследованы городища и поселения на территории Тывы: Кылыч Хову, Могой, Межегейское городище, Ден Терек, Боом, Барык, II Ша-

гонарское городище, III Шагонарское городище, IV Шагонарское городище, Баажын Алак, Малгаш бажын, Тээли, Бора Тайга, Бора Тайга-2; на территории Монголии: дворец Алтан хана, Улистай (крепость эпохи Цин), Галуутын хурээний туурь (крепость эпохи Цин, внутри храм более позднего времени), Донойн акшы суурин, Заг зугийн хэрэм, Алтан гадас уулын баруун талд (дворец Мункэ хана), Хар хул ханы балгас, Дов дэрс.

На втором этапе полевых работ 2011 года обследованы памятники расположенные в Борзинском районе Забайкальского края: городище на реке Хирхира, остатки здания Кондуйского дворца, поселение Алестуй.

На третьем этапе были обследованы памятники, находящиеся в восточной части Монголии: Цэнхэрийн голын хэрэм, Аварга, Улегчийн хэрэм, Хулстайн бурдын суурин, Овотын бага хавцал, Ханзат хотын туурь, Барс хот-1, Барс хот-2, Барс хот-3, Гуулин хот, Буир нур, Сумтийн турь, Довджо, Олон булаг довжо, Олон байшин, Гуа дов, Башинтын дэрс.

Таким образом, в полевом сезоне 2011 г. был обследован 41 памятник в том числе: три – на территории Забайкальского края, двенадцать – на территории Тывы и двадцать шесть – в Монголии. Общая длина маршрута в целом составила 13 тысяч километров. За два полевых сезона обследована территория северной части Монголии и Южно-сибирский регион. По результатам полевых исследований на территории Тывы и Западной Монголии была подготовлена статья [Данилов и др., 2011]

Экспедиционные работы в 2012 году проходили в два этапа и охватили территориально некоторые аймаки Западной, Центральной и юго-восточной Монголии. Были исследованы 26 поселений и городов: Зимняя стоянка хана Угэдэя на р. Онгин; Мазар-1; Мазар-2 (поселение имперского периода в местности Тоздор); воинские поселения периода междоусобицы – Хухшин тээли балгас – 1, 2, 3; Шазин толгой хот; Ховд балгас; Ховд (крепость маньчжурского времени); Сангын ширээтийн балгас; Бат-оргийн хэрэм; Ихэ газарын чулуу (поселение имперского периода); Эмээл толгой хэрэм; серия городищ имперского периода Хатан булаг -1, 2, 3, 4, 5 и оборонительные сооружения в окрестностях этих городищ – Барун шивээ и Зун шивээ; Баян бургийн балгас; Дэрсэн усны цайз; Хурмэн цаган овоон цайз; Шинэ усны цайз (Дайн буудал); Готил балгас; Сумхэх бурд. К завершению этого этапа работ 2011-2012 гг. была подготовлена публикация о первичных результатах [Данилов и др., 2013]

В 2013 году полевые исследования были проведены в один этап, в июне – июле, на территории Центрального, Увэр-Хангайского, Ара-Хангайского, Булганского, Орхонского, Селенгинского и Центрального аймаков.

За период работы на территории Монголии исследованы 14 городских поселений: Хурумнын узуур, Захын булгийн балгас, Улургийн дэрвэлжин, Загстай дэрвэлжин, Саган сумын- 2, городище – монастырь (Занабадар-?), Цаган дэрвэлжин, Хужиртын балгас, Хунгуин голын балгас, Байбалык (Байбулаг) – 1, 2, 3, Шувуутын хэрэм (Шувууты балгас), Тэрэлжийн дэрвэлжин, Бурхийн дэрвэлжин

газар (Ганз мод). Всего пройдено 2550 км, охвачены участки правобережья реки Орхон, долины р. Хуннуй, левобережья р. Селенга, правобережья р. Хэрлэн.

В результате, проведенных в 2010 – 2013 гг. работ экспедиции ИМБТ СО РАН и Института кочевых цивилизаций Монголии собраны описательные, графические, фото-кино материалы, определены координаты местонахождения городов и городских поселений раннего и развитого средневековья в различных экологических зонах Монголии, Тувы, Бурятии и Забайкальского края.

В завершении полевого сезона 2013 года было принято решение о продолжении работ экспедиции в 2014 году с целью исследования городских поселений в Южногобийском, Восточногобийском, Арахангайском, Булганском и Селенгинском аймаках Монголии при совместном финансировании.

В 2014 году по ряду объективных причин экспедиционные исследования не состоялись. Было принято решение о проведении коррекции собранных материалов: уточнение координат выявленных памятников, сопоставление результатов топографических планов археологических объектов, выявление неточностей в описании топографических условий, ландшафта, местоположения, названия городищ, поселений, их детализация и первая редакция подготовленного «чернового» текста «Атласа древних городов кочевников Центральной Азии».

В сжатые сроки проведены работы по уточнению названий и составлению общего списка 115-ти исследованных городов и стационарных поселений; сопоставлены исходные данные глазомерных съемок объектов исследования и выполнены вторые экземпляры топографических планов для монгольских коллег; собраны фотоматериалы за весь период работ экспедиции, выполненные сотрудниками ИМБТ СО РАН и переданы для редакционного отбора монгольской стороне; составлены электронные варианты графики исследованных памятников в количестве 61 объекта; частично проведена редакция текстового материала составленного на русском языке (общий объем – 150 стр.) и также передана для дальнейшей работы монгольским коллегам. Составлен отчет за весь период совместной работы для ознакомления и правки текстового материала: информация о местоположении памятников (географические координаты), ориентация, геометрическая форма (наличие рвов, валов, стен, угловых и фронтальных башен) и линейные размеры объектов и выявленных внешних и внутренних сооружений, предположительная технология строительства оборонительных сооружений и применяемый материал для возведения валов и стеновых конструкций, наличие культурного слоя на памятнике, датировка и история исследования.

Полевые исследования известных и изученных поселений и городов показали наличие четырех этапов своеобразной культуры градостроительства в кочевых обществах. Первый этап связан с периодом образования в Великой степи кочевой империи хунну (III в. до н.э. – II в. н.э.), второй – государства уйгуров (742–840 гг. н.э.), третий – империи Ляо (киданей) (916 – 1125 гг. н.э.), четвертый – империи Чингис-хана и его потомков (X–XIV вв.). Каждый этап формирования и развития градостроительства имел свои специфические, конструктивные чер-

ты, адаптированные к локальным природно-климатическим условиям окружающей среды в различных экологических зонах центрально – азиатского региона. В тоже время являлся своеобразным «фундаментом» для дальнейшей эволюции технологии строительства и архитектуры кочевых народов. Предварительный анализ собранных материалов свидетельствует о наличии руинированных поселений и городищ: в Западном Забайкалье (Бурятия) хуннского и монгольского времени; на южной части Восточного Забайкалья – киданьских и монгольских, периода империи, в Тыве – хуннских, уйгурских и монгольских; в Западной Монголии – монгольских и маньчжурских; в Восточной Монголии – киданьских и монгольских; в Центральной Монголии – хуннских, уйгурских, киданьских и монгольских.

В результате работ выявлен локальный район формирования всех типов памятников кочевой архитектуры, известных на территории Центральной Азии – это долины рр. Орхона и Толы, верхнего течения рр. Керулена и Онона.

Для возведения поселений и городищ древние строители выбирали ровные площади высоких береговых террас без какой-либо растительности, небольшие межгорные котловины или же широкие степные участки в непосредственной близости от рек. В регионе преобладает подквадратная и подпрямоугольная геометрическая форма городищ с явно выделенными каменными, глинобитными или земляными оборонительными сооружениями от одного рва и вала до 40-метровой мощной оборонительной полосы в четыре вала и три рва между ними (Иволгинское городище [Давыдова, 1995]). Округлые и подовальные в плане городища зафиксированы на юге Восточного Забайкалья [Кирилов, 1979, с. 69]. В период уйгурского каганата (745-840 гг.) изменилась система строительства оборонительных сооружений – предварительно возведенные высокие в среднем до 3 м и шириной до 25 м (в нижней части) валы дополняются глинобитными стенами высотой до 3-х м из плотно утрамбованной смеси мелко нарезанной соломой глины и земли. В киданьский и монгольский периоды истории Центральной Азии площади памятников градостроительства значительно увеличились, отражая изменения функций городищ как крупных административных, ремесленных и торговых центров. Все городища имели въездные ворота от одних до 4-х в оборонительной системе (проемы ворот в земляных валах фиксируются по небольшим понижениям в центре каждой стены). Центральная часть – композиционный акцент планировочного принципа любого города кочевых обществ – была занята крупными общественными и культовыми стационарными сооружениями, возведенными на высокой глиняной платформе. Вокруг них располагались жилые помещения горожан высокого социального положения и ранга. Остальное внутригородское пространство занимали наряду с небольшими стационарными сооружениями ремесленников, легкие переносные жилища рядовых жителей – земледельцев, скотоводов, типа современных юрт. Однако для каждого из Центрально-Азиатских народов – хунну, сяньби, жуэнь, тюрков, уйгуров, киданей и монголов – характерны основные элементы привычных им

типам жилищ, которые перестраивались применительно к природе окружающего ландшафта, той или иной экологической зоне диктовавшей способы ведения хозяйства, а тем самым способствовавшего формированию особого бытового уклада.

В течение длительного времени сложилась уникальная единая планировочная система застройки и структура плана поселений, «берущая начало от древнего куренного принципа – различные социальные группы населения обособляются друг от друга, храмовые и дворцовые комплексы резко выделяются из основной массы строений, но принцип круга оставался основным при застройке городов, поселений, монастырей» [Майдар, Пюрвеев, 1980, с. 40].

Обширная территория Центрально-Азиатского региона не позволяет выявить и обследовать все объекты стационарной архитектуры кочевников в столь короткие сроки, с учетом фактора ежегодного пополнения сведений о новых еще неисследованных памятниках, определить в архитектуре, самобытные и привнесенные элементы в кочевое градостроительство, интернациональные черты в планировке и структуре поселений и городищ, поэтому необходимо продолжение исследований.

Литература

- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. – Т. 1. Иволгинское городище. – СПб., 1995. – 286 с.
 Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2004. – 201 с.
 Данилов С.В., Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Очир А., Эрэнзобал Л. Средневековые города Тувы и Западной Монголии (предварительные результаты работы экспедиции «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии» 2011г.) // Культурное наследие народов Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2012. – С. 97-119.
 Данилов С.В., Очир А., Именохоев Н.В., Эрэнзобал Л., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Уртнасан Н. Древние и средневековые города Центральной Азии (Предварительные результаты экспедиционного исследования) // Tartaria Magna, 2013, №1 – с.70-86
 Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. – Иркутск, 1979. – 96 с.
 Майдар Д., Пюрвеев Д.Б. От кочевой до мобильной архитектуры. – М., 1980. – 215 с.

Исследованные в 2010-2013 гг. древние средневековые города Центральной Азии

Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»

2016. Т. 17. С. 74–93

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

УДК 903.43

Города эпохи хунну на востоке Монголии

С. В. Данилов, Н. В. Именохоев, Б. З. Нанзатов, А. И. Симухин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

А. Очир

Международный институт изучения кочевых цивилизаций ЮНЕСКО, Монголия

Л. Эрдэнэболд

Монгольский государственный университет науки и технологий, Монголия

Аннотация. Со времен эпохи хунну кочевники Центральной Азии начинают создавать города, необходимые им как места торговли, ремесленные центры, культовые объекты, фортификации для защиты от агрессии. Строительство городов у хунну связано с реформаторскими процессами, благодаря которым произошли значительные изменения в жизни кочевников. Первые города возникли примерно в конце III в. до н. э. Новые города появлялись на протяжении всего существования империи хунну. Настоящая статья посвящена исследованию хуннских городов Монголии, расположенных в восточной части страны. Исследованные объекты находятся на территории Центрального, Хэнтийского и Восточного аймаков Монголии. Приведены данные по составлению планов и карт центральноазиатских городищ.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, Центральная Азия, Монголия, хунну, города, кочевники, картирование, пространство, археология, история.

Введение

Эпоха изучения городских поселений и проблемы наличия и существования городов в кочевых обществах Центрально-Азиатского региона началась с конца XIX в., когда экспедицией Восточно-Сибирского отдела РГО под руководством Н. М. Ядринцева были открыты развалины столицы Уйгурского каганата Орду Балука (Хара-Балгаса) и столицы монгольской империи Каракорума. Более ранние по времени городища периода империи хунну попали в поле зрения исследователей в первой половине XX в. благодаря археологическим методам исследования.

Появление у хунну оседлых поселений и городов было тесно связано с начавшимися в конце III в. до н. э. реформаторскими процессами, приведшими к созданию новых общественных отношений в хуннском обществе. Изменения коснулись организации и деятельности всех государственных институтов – от административно-территориального деления и управления до строительства крупных торговых и ремесленных поселений на всей территории кочевой империи. Функциональная деятельность возникших городских поселений в соче-

тании с регламентированным развитием традиционной основы хозяйственной деятельности – скотоводством – определяется как производственная, идеологическая, культурная и организационная в общей системе государства.

К настоящему времени известны десятки хуннских городских поселений на территории Центральной Азии, Южной и Восточной Сибири (рис. 1). В данной статье представлены новые материалы поселений, расположенных в восточной части Монголии.

Рис. 1. Хуннские городища востока Монголии

Характеристика материалов

Городище Гуа дов (Гуа дов балгас). Находится в сомоне Баянжаргалант Центрального аймака Монголии. Оно расположено на ровной степной поверхности в местности Цагаал арал, на правом берегу р. Керулен, в 28 км северо-восточнее от административного центра сомона. К северо-западу от городища находится старое русло высохшей речки. К северу в 2–3 км расположена горная гряда, к югу – простирается ровная степь, покрытая травянистой растительностью и дэрсуном.

В 1952 г. археолог Х. Пэрлээ провел первые масштабные раскопки и датировал памятник более ранним временем – хуннским периодом (II в. до н. э. – I в. н. э.) [Монголын археологи, 2002, с. 99].

Территория поселения первоначально имела подквадратную форму в плане и была ограничена с четырех сторон земляным валом: с южной и северной сторон длиной в 367 м, с западной и восточной – 360 м. Ширина вала колебалась от 3,5 до 7,5 м, высота – от 0,5 до 0,7 м. На всех стенах-валах были сооружены фронтальные сторожевые башни. При осмотре городища в 2011 г. следов вала, некогда его окружавшего и различного еще во время работ Х. Пэрлээ, выявить не удалось (рис. 2).

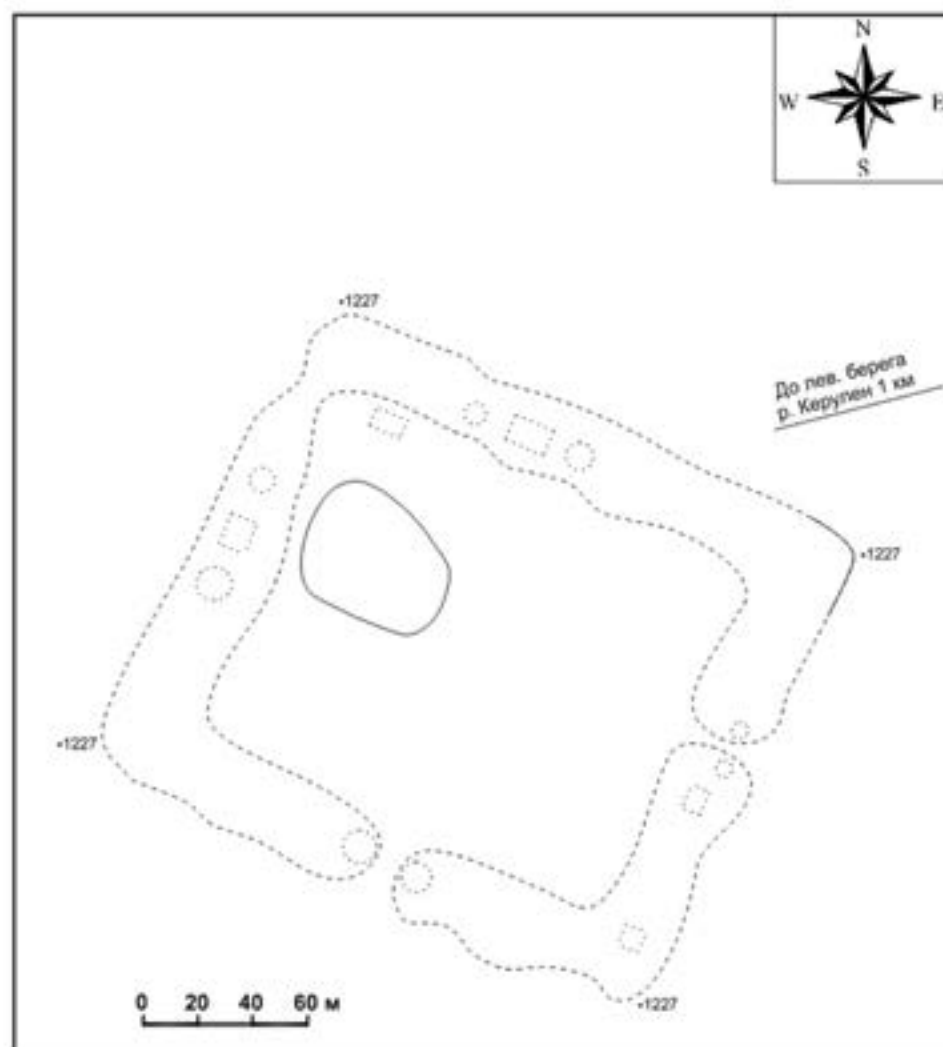

Рис. 2. План городища Гуа дов. Монголия, Центральный аймак, 2011 г.

В северном секторе площади поселения возведено центральное здание подпрямоугольной в плане формы. Восточнее от него сохранились руинированные остатки еще двух строений. Доминирующее сооружение памятника, сохранившееся в виде холма высотой от 2 до 3 м, в настоящее время имеет размеры 58×47 м и представляет собою земляную платформу в виде фундамента с глинобитными внешними стенами толщиной до 0,9 м. Платформа ориентирована углами по сторонам света.

В ходе исследования центральной части холма отмечены следы пожара, вероятно, послужившие причиной разрушения здания. На глубине 0,5–0,6 м расчищен глиняный пол, на котором сверху лежали детали деревянного фасада здания, пепел, обгоревшие кирпичи квадратной формы, фрагменты разнообразной обвалившейся кровельной черепицы с орнаментами «эвэр хээ», «тагнай хээ» и изображениями масок [Майдар, 1972, с. 62], а также каменные базы более 10 опорных колон. Эти каменные основания, установленные в теле платформы, представляли собой полукруглые или овальные гранитные глыбы размерами 0,3×0,4 м и 0,4×0,5 м, с углублениями, рассчитанными для установки лиственничных колонн диаметром 0,25–0,35 м [Пэрлээ, 2001а, с. 171].

Центральное сооружение, по всей вероятности, представляло собой огромное здание площадью 22×22 м, построенное из прессованной глины и земли. Внутри помещение было разделено стенами, образуя комнаты размерами 14×12 м. В раскопе также обнаружена разрушенная стена, сооруженная из прессованной глины, шириной 0,9 м и высотой 0,6 м, которую фиксировали четыре опорных столба на каменных базах. На стене отчетливо сохранились следы ярко-желтой краски. Слой окрашенной штукатурки составлял 0,5 см.

Стены укреплялись широкими деревянными конструкциями, а деревянная крыша здания, которая впоследствии сгорела дотла, была плотно покрыта кровельной черепицей.

Всего расчищены более 800 деталей кровельной черепицы, более 80 окрашенных кирпичей, более 200 обожженных кирпичей, фрагменты фарфоровой посуды с китайской орнаментикой и одна металлическая пуговица с китайскими иероглифами.

Кроме основного здания исследования проводились еще на 9 объектах, приуроченных к восточной, западной и северной сторонам оборонительных валов городища, а также на руинах еще двух построек, расположенных в 30 м к северо-востоку от центрального здания [Пэрлээ, 1961, с. 31–32]. Все обследованные объекты – здания, которые были обращены фасадной стороной к центральному сооружению. В результате раскопок обнаружено большое количество фрагментов глиняной черепицы, кровельных и фасадных элементов, осколков окрашенных и обожженных кирпичей. Отдельно стоящие строения представляли собой небольшие по размерам помещения (возможно, предназначенные для проведения культовых обрядов) площадью 3×5 м с черепичной крышей и четырьмя опорными столбами, установленными на каменные основания (50×60×12 см).

В настоящее время каменные плиты, происходившие, по всей видимости, из раскопа, были кем-то собраны в середине выработки и сложены в виде че-

тырехугольной конструкции, образовавшей вид традиционного обо. Почва на поверхности здания и в раскопе глинистая, что, по всей видимости, объясняется материалом платформы, соорудившейся с использованием глины. Черепица внешне схожа с черепицей, обнаруженной при раскопках здания на городище Тэрэлжийн дурвуджин. На ней имеются следы вертикального лощения в виде полос и орнамент в виде двух прочерченных по сырой глине параллельных линий и волнистой линии между ними. На Гуа дов встречены обломки широких черепичных пластин, черепицы в виде полуцилиндров, плоских облицовочных плит.

Вокруг большого здания располагались 13 скоплений черепицы с глиняными развалами беловатого цвета. Возможно, это остатки каких-то сооружений или следы раскопной деятельности Х. Пэрлээ. В 190 м к юго-востоку от площади крепости Гуа дов найдены остатки строения в виде осколков кровельной черепицы, при расчистке которой обнаружена мумия человека, прикрытая плоскими плитообразными камнями. Погребенный с согнутыми в коленях ногами и руками, вытянутыми вдоль туловища, ориентирован головой на восход солнца. Из предметов материальной культуры найден костяной наконечник стрелы со следующими размерами: длина – 6 см, толщина – 0,5 см, толщина острия – 0,2 см, толщина основания – 1 см, длина насада – 1,5 см [Данилов, 2004, с. 41].

Городище Гун Галуут (Өндөр дов). Находится к северу от полустанка Гун Галуут, в 10 км к юго-западу от г. Баганур Центрального аймака Монголии. Оно расположено на ровной степной поверхности, обнесено едва различимыми валами: северный имеет длину 434 м, восточный – 318 м, южный – 395 м, западный – 310 м. Поселение имеет трапециевидную в плане форму и ориентировано западным валом строго на север, а северным и южным – строго на восток. По всей видимости, валы были сложены из глины, перемешанной с дресвой и щебнем. Ширина валов колеблется от 2 до 4 м, высота – 0,3 м. Небольшая высота объясняется тем, что стены осыпались и просели, плохо просматривается месторасположение входных ворот (рис. 3). По площади памятника проложена железнодорожная линия шириной до 46 м. Таким образом, западная часть городища находится в охранной зоне железной дороги.

Примерно в середине городища, в 129 м от северного вала, расположена земляная платформа подквадратной формы размерами 34×34 м (замеры сделаны по ее подошве) и высотой до 1,5 м. Поверхность платформы плоская, относительно ровная, с небольшой западиной посередине; полы – покатые, разползшиеся под воздействием времени.

К северу от центрального сооружения, в 14 м от северного вала, расположена вторая, квадратно-округлая в плане, платформа размерами 18×18 м. Поверхность ее неровная, края – пологие, разползшиеся. Сверху лежат окатанные камни.

Западнее второй платформы находится третья высотой до 0,8 м, трапециевидной формы в плане и с размерами 24×24×24×28 м, которая примыкает к северному валу.

Четвертая и пятая платформы расположены у южного вала. Четвертая – подпрямоугольной формы в плане с размерами 5×18 м, пятая – овальная, имеет размеры 10×13 м.

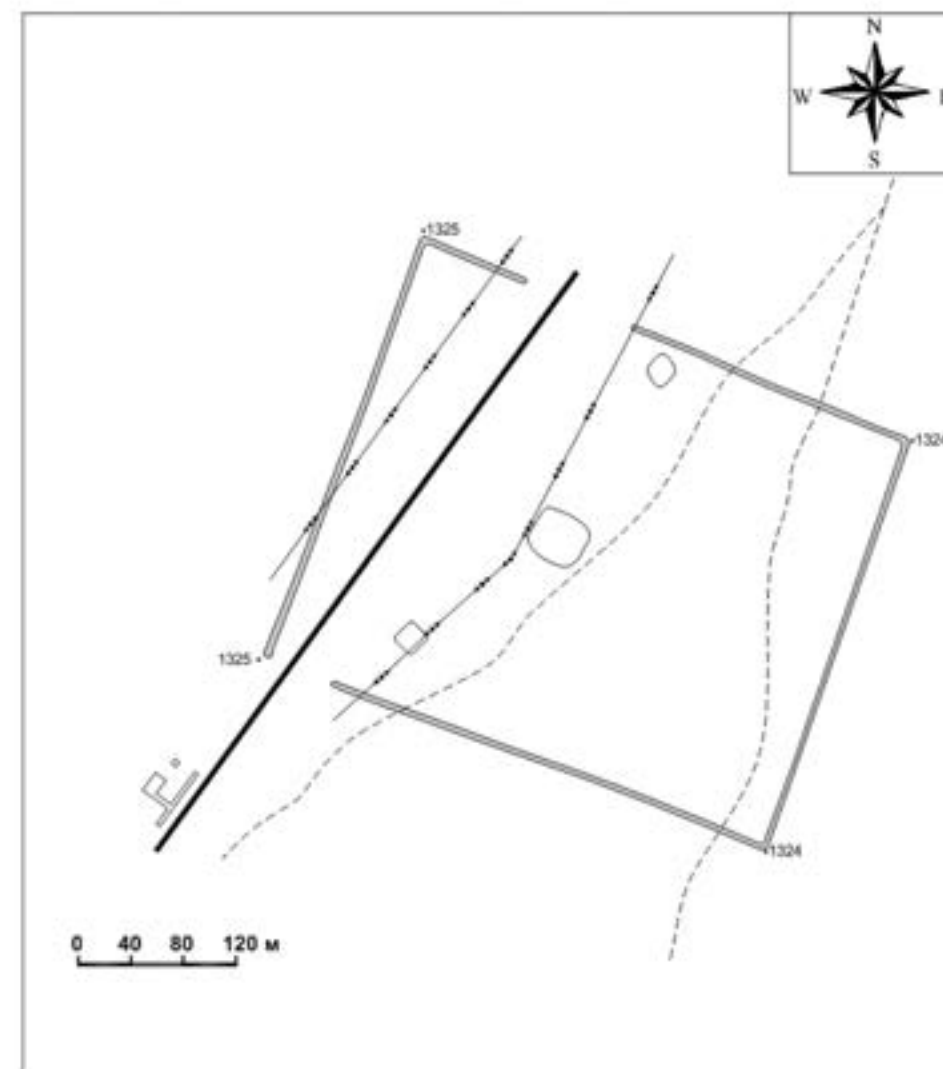

Рис. 3. План городища Гун галуут. Монголия, Центральный аймак, 2010 г.

На валах зафиксированы следы фронтальных округлых в плане башен диаметром 8–13 м: на северном и восточном – по две, западном и южном – по одной.

Никаких датированных артефактов на городище не найдено, однако некоторые косвенные признаки, в частности общая планировка поселения и внутригородских строений, позволяют отнести его к хуннскому периоду истории Монголии.

Городище Бурхийн дурвуджин. Расположено в местности Ганц мод со-мона Мунгэмюрт Центрального аймака Монголии. С севера, запада и востока поселение обступают горы, а с юга открывается широкая степь.

Городище находится на большом речном острове (на правом берегу р. Зун Бурхын гол, левом притоке р. Керулен), в северной и южной частях которого сосредоточены до двух-трех десятков монгольских хозяйств с юртами, отарами овец, стадами крупного рогатого скота и небольшими табунами лошадей (рис. 4). Центральная часть острова занята пастбищами. Севернее, в предгорьях, расположен небольшой курортный поселок из одинаковых небольших домиков с цветными крышами. Площадь городища ровная, степная, ограничена валами. Само древнее поселение полуразрушено, часть оборонительных валов исчезло (смыто рекой).

Местные жители называют руины городища Хараалчин хэрэм – Проклятая крепость. По преданию, здесь проживали шаман и шаманка, снискавшие недобрую славу среди жителей близлежащих кочевий.

Бурхийн дурвуджин изначально представляло собой поселение, ограниченное четырьмя земляными стенами-валами. По данным Х. Пэрлээ, оно имело размеры 180×180 м [Пэрлээ, 1961, с. 33]. В настоящее время частично сохранились только северная и западная стены и небольшой сегмент юго-западного угла. Северный вал длиной 34,5 м имеет ширину 6,4 м и высоту до 0,2–0,3 м. Где-то стена ниже, где-то выше. Восточная стена полностью разрушена водами горной реки Зун Бурхын гол. Не сохранилась и южная стена. Западная стена имела общую длину 162 м. Длина сохранившейся части стены – 85,5 м, сегмента юго-западного угла – 20 м.

Через площадь поселения, западную и южную стены проходят три автодороги шириной 3,6 м каждая. На сохранившейся части городища не отмечено каких-либо значимых остатков сооружений, за исключением руин двух строений в центре городища в виде оваловидных всхолмлений.

Центральное здание ориентировано по длинной оси с севера на юг и имеет вид вытянутого кургана размерами (с запада на юг, вкруговую по сторонам) 29,8–26,4–27,1–27,6 м. В 29 м к западу от юго-западного сегмента основания центрального сооружения находится небольшое здание (также в виде вытянутого кургана). Оно расположено перпендикулярно к центральному, сильно уплощено и имеет размеры 25×15,2 м.

На обоих сооружениях видны следы раскопок. Судя по чертежам и рисункам Х. Пэрлээ, на руинах было заложено три исследовательских траншеи зданий и два шурфа: один – в непосредственной близости от северо-западного угла западного вала, второй – на участке между двумя зданиями. На центральном сооружении отмечены следы двух выработок в виде двух перпендикулярно расположенных друг к другу траншей размерами 2,4×14,9 м и 3,1×7,4 м (первоначально, видимо, 2,5×15 м и 3×7,5 м). На втором здании зафиксирован Г-образный раскоп, имеющий размеры по длинной стороне 10×3,4 м, по короткой – 5,6×2,3 м (первоначально, видимо, 10×3,5 м и 5,5×2 м).

Между двумя зданиями поселения, вероятно, существовала галерея, которая соединяла оба сооружения, образуя единый комплекс. В настоящее время здесь проходит автомобильная дорога. Следов галереи и разведочного шурфа 1952 г. не зафиксировано.

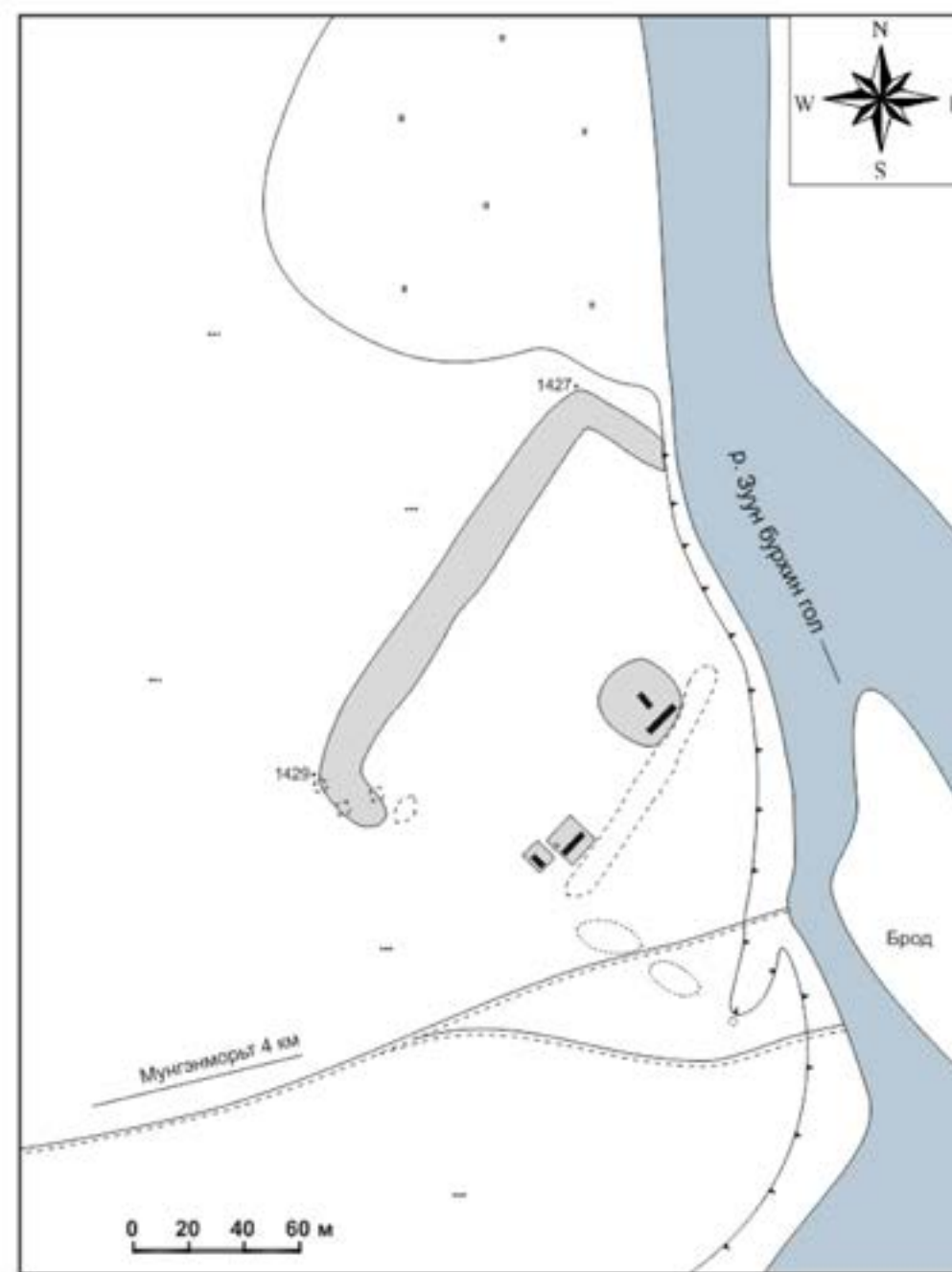

Рис. 4. План городища Бурхийн дурвуджин.
Монголия, Центральный аймак, 2013 г.

Исследования, проведенные Х. Пэрлээ в пяти местах крепости, выявили фрагменты кровельной черепицы и осколки плохо изготовленного четырехугольного кирпича. Найденные предметы в целом схожи с находками с городищ Гуа дов, Тэрэлжийн дурвуджин, относящихся к хуннскому времени [Пэрлээ, 1961, с. 33–34].

Городище Барс хот II (крепость Баруун дороогийн хэрэм). Находится в долине р. Керулен, в местности Баруун Дөрөө, сомона Цагаан-Овоо Восточного аймака Монголии, в 7 км северо-восточнее от крепости Хэрлэн Барс хот I. Памятник расположен на высокой террасе левого берега реки, постепенно переходящего в склоны гор, расположенных севернее поселения. Территорию городища пересекают три автодороги: одна проходит через северо-западный угол, вторая в северной половине – через восточную и западную стены, а третья – по южному валу (рис. 5).

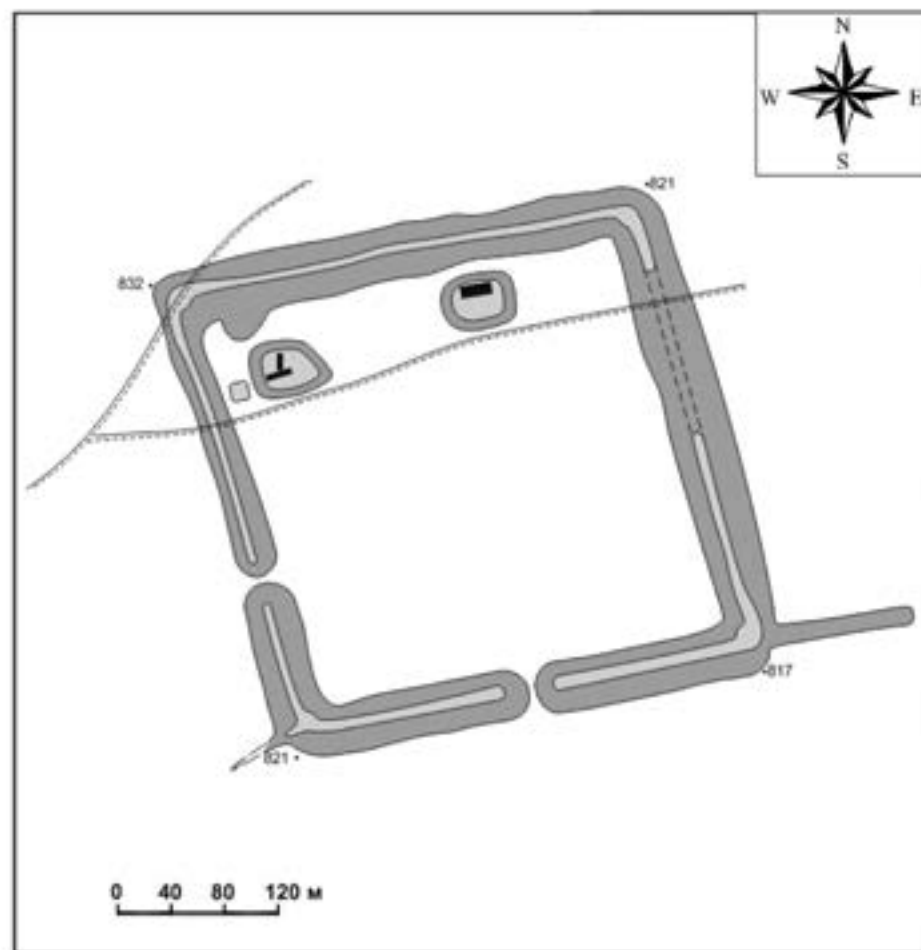

Рис. 5. План городища Барс хот II. Монголия, Восточный аймак, 2011 г.

Памятник имеет подквадратную в плане форму и со всех сторон обнесен широкими, хорошо утрамбованными валами, которые предполагают наличие в прошлом высоких стен. Размеры четырех земляных стен: северная и южная – по 345 м, западная и восточная – по 335 м. Городище ориентировано короткими валами строго на север. Ширина валов крепости в настоящее время достигает 30–35 м, высота – от 1 до 2 м. Стены, судя по их поверхностям, были сооружены из плотно сбитой глины с добавлением дресвы и щебня. Следов башен по углам городища не наблюдается.

По периметру валов наблюдаются поднятия и понижения. Вероятно, это остатки каких-то сооружений. На северном, западном и южном валах есть понижения, которые могли являться воротами, значительно измененными в процессе разрушения и трансформации стен. Внутренняя поверхность городища относительно ровная.

В северной и восточной части территории крепости имеются руины четырех сильно задернованных сооружений. У северного вала городища, ближе к восточному краю, расположена возвышенность высотой около 2 м, имеющая продолговатую, вытянутую с востока на запад форму. На ее вершине видны остатки раскопов – 3 шурфа без следов выбросов. Ближе к северо-западному углу находится вторая возвышенность с плоской поверхностью высотой более 2 м, которая имеет подквадратную форму. Здесь также имеются следы двух траншей, расположенных перпендикулярно друг другу. К юго-западу от возвышенности находится третья небольшая возвышенность с уплощенной вершиной подквадратной формы. В середине ее расположен небольшой шурф размерами 1×1 м. Четвертая возвышенность примыкает с внутренней стороны к северному валу в непосредственной близости от северо-западного угла. Подъемный материал не зафиксирован.

Часть этих сооружений была исследована Х. Пэрлээ. Обнаружены фрагменты черепицы, деревянные конструкции построек. Наиболее информативной находкой является фрагмент керамического изделия, обнаруженный на глубине 1,25 м в процессе раскопок восточного холма. Эта находка имеет аналогии с керамикой из нонинулинских курганов и свидетельствует о ее хуннском происхождении. Исследователь отмечает, что Барс хот II относится к периоду хунну, однако нет точных сведений о дате его сооружения и упадка [Пэрлээ, 1961, с. 33–34]. Остатки сооружений предполагают наличие у населения, проживавшего на городище, традиции возведения больших построек для не выясненных пока целей.

Городище Цэнхэрийн голын хэрэм (крепость Цэнхэрийн гол). Памятник расположен в Жаргалантхаан сум Хэнтийского аймака Монголии. Первые полевые исследования на объекте проведены в 1955 г. По результатам раскопок поселения Х. Пэрлээ датировал памятник хуннским периодом, к тому же мнению пришла и советский исследователь К. В. Вяткина [Пэрлээ, 1961, с. 36].

Городище находится на ровной степной поверхности. С запада, севера и юга его на значительном расстоянии окружают горные хребты. На западе, примерно в 3 км, протекает р. Цэнхэрийн гол (рис. 6).

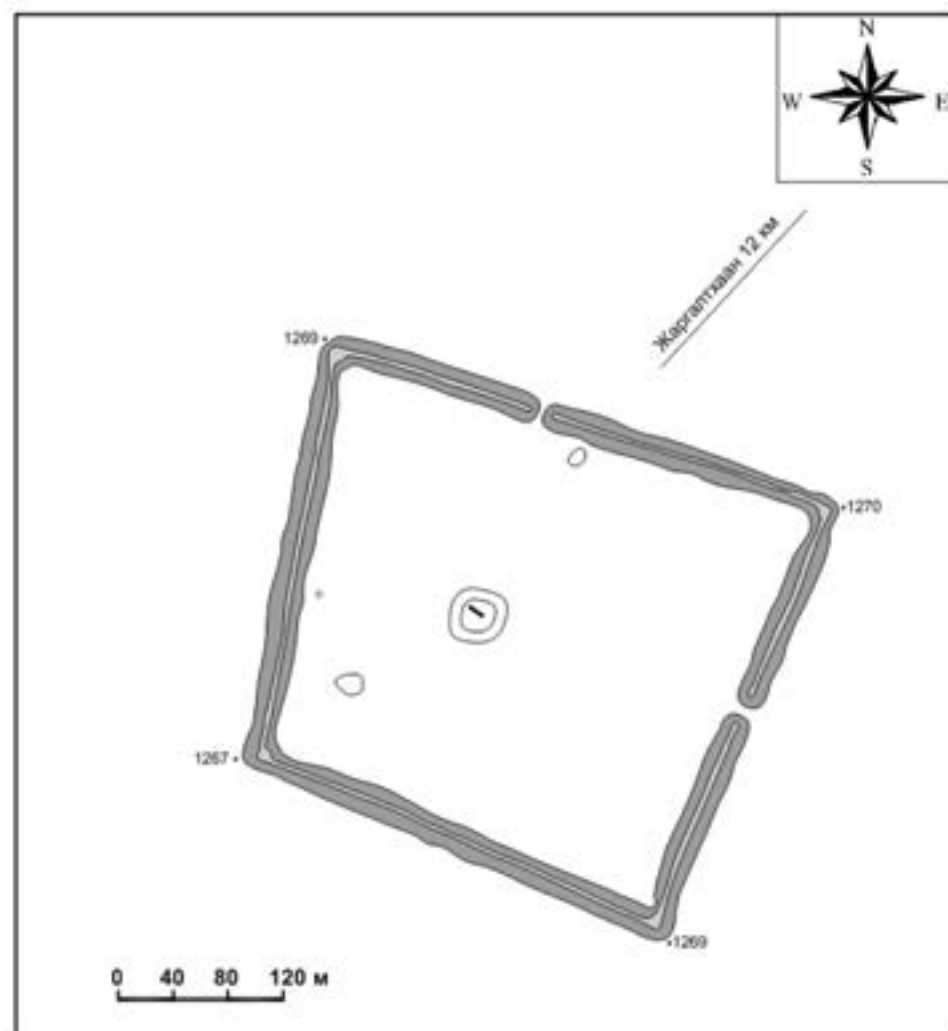

Рис. 6. План городища Цикхэрийн голын хэрэм.
Монголия, Хэнтийский аймак, 2011 г.

В плане поселение – подчетырехугольной, трапециевидной формы с разновеликими сторонами: северо-восточная протяженностью 377 м, юго-восточная – 324 м, юго-западная – 312 м, северо-западная – 303 м. Северо-восточная и юго-западная стороны практически параллельны друг другу, ориентированы по оси валов на юго-восток (азимут 120°); юго-восточная – на северо-восток (азимут 35°); северо-западная – на северо-восток (азимут 15°).

Территория ограничена валами шириной 14–15 м и высотой 0,7–0,9 м. При внимательном рассмотрении видно, что вал сооружен из мелкой и крупной дресвы и щебня. Видимых следов оборонительных рвов и угловых башен не наблюдается. Посередине трех валов, кроме юго-западного, просматривается

некоторое понижение высотного уровня оборонительных сооружений. Вероятно, в этих местах находились городские ворота длиной около 6 м.

В юго-западном секторе городища расположены две возвышенности, поросшие травой и являющиеся, по всей видимости, остатками каких-то сооружений. Одна из них, расположенная ближе к центральной части поселения, – размером 38×43 м и высотой приблизительно 2 м. Поверхность ровная, покрыта дресвой и мелким щебнем. С западной стороны возвышенности видны золотые песчаные наносы, на вершине – следы старого раскопа.

Вторая возвышенность – вытянутой формы, размерами 30×16 м и высотой до 1,5 м – расположена к юго-западу от первой. Поверхность у нее такая же ровная, с дресвой и мелким щебнем. Внутренняя поверхность покрыта тем же материалом, который прослеживается на валах и остатках зданий. Артефактов в экспонированном состоянии на городище не найдено.

Судя по общему характеру сооружений, городище могло быть возведено в эпоху хунну, однако более точные хронологические рамки можно определить только после проведения раскопок.

Городище Сантын ширээтийн балгас. Первые сведения о руинах древнего города получены в 1968 г. от представителей народности цаатан. Собранная информация позволила Х. Пэрлээ датировать его хуннским временем. Впоследствии на территории городища было обнаружено большое количество фрагментов кровельной черепицы хуннского периода, а также халцедоновое украшение с изображением птицы [Пэрлээ, 2001б, с. 128].

Городище находится в сомоне Баян Центрального аймака Монголии и расположено на ровной горизонтальной степной поверхности, покрытой дэрсунум и окруженной практически со всех сторон уплощенно-сглаженными невысокими холмами, отстоящими от памятника на несколько километров. К востоку от него находится небольшое пересыхающее озеро (рис. 7).

Городище имеет подпрямоугольную в плане форму, ориентированную по длинной оси на северо-запад (азимут 310°). Оно ограничено с четырех сторон одним валом, высотой от 1,5 до 2 м и шириной от 18 до 20 м. Угловые сочленения – от 22 м (северный угол) до 29 м (южный угол). Западный и восточный валы параллельны и ориентированы по осевой линии на северо-восток (азимут 30°). Длина валов: западный и восточный – 102 м и 103 м, северный и южный – 132 м и 133 м соответственно. Валы состоят из насыпной дресвы и мелкого щебня, перемешанных с глинистым грунтом, поверхность их (гребень) оголена от травы. Почти в центре западного вала, вероятно на месте въездных ворот, зафиксировано понижение – проход шириной около 10 м, который отмечен тремя-четырьмя чуть выступающими на поверхность земли ребрами каменных плит. Такое же плавное понижение – проход шириной 8–9 м – зафиксировано посередине противоположного, восточного, вала.

На поверхности южного вала вблизи юго-западного угла на едва заметном понижении найдены 2 плиты, лежащие плашмя в 3 м друг от друга. У юго-восточного угла на площади 1 м^2 зафиксировано скопление крупных камней (более 10 ед.). Также у этого угла к восточному валу извне примыкает выступ длиной около 4 м.

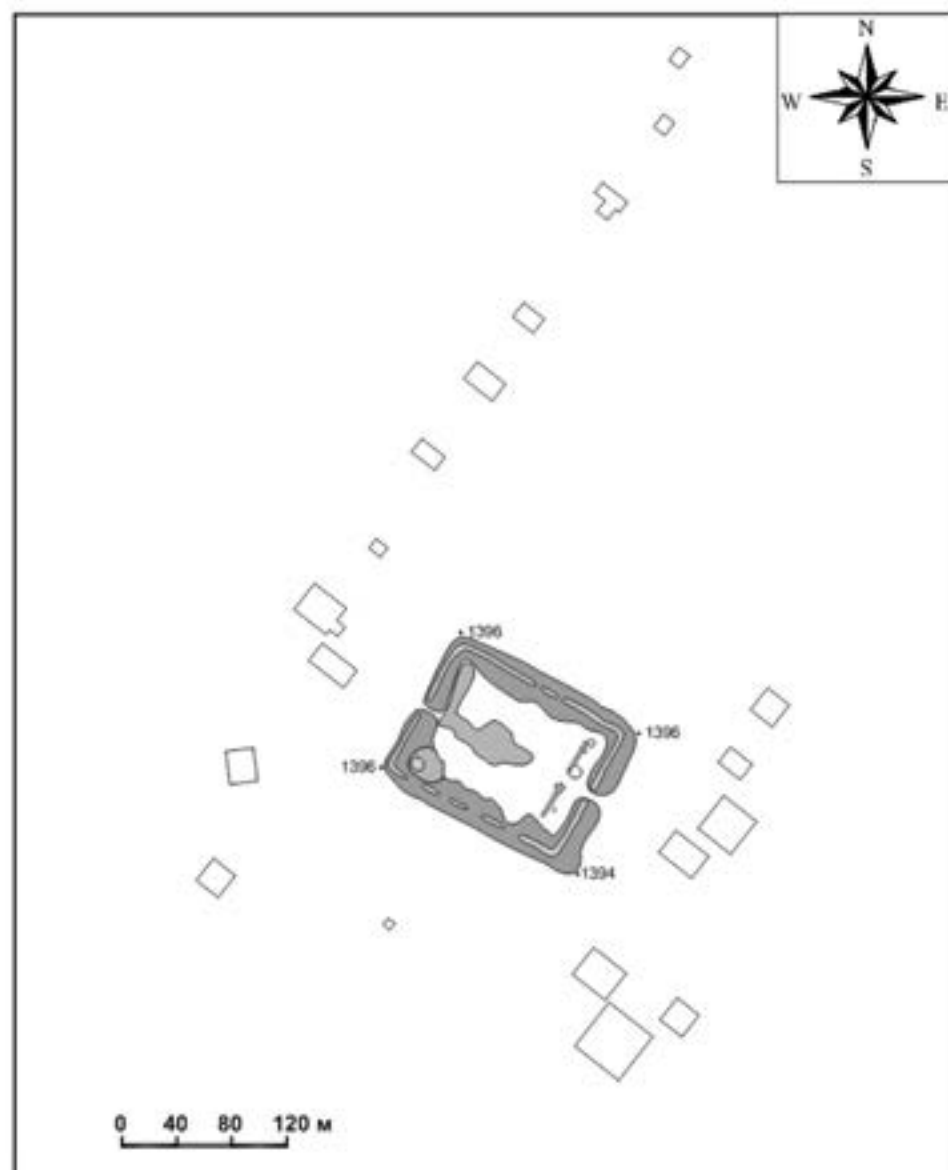

Рис. 7. План городища Сангян ширээтийн балгас.
Монголия, Центральный аймак, 2012 г.

Четких следов угловых башен нет, однако наблюдается некоторое расползание валов по углам городища. Следов внешних рвов визуально также не фиксируется.

Во внутренней части городища видны руины нескольких строений. На расстоянии 18 м от «ворот» западного вала, посередине центральной части городища, цепочкой с запада на восток расположены руинированные остатки

трех зданий в виде оплывших бугров. Два крайних – округлые, диаметром 16 м. Между ними, в центре, находится большой уплощенный бугор овально-подпрямоугольной формы с размерами 60×30 м. Крайний западный и центральный бугры соединены между собою. Восточный бугор на 4 м отстоит от центрального. У юго-западного угла следы строения представлены в виде чуть удлиненного овала протяженностью 43 м по длинной оси. Вблизи «ворот» у восточной стены отмечены остатки небольшого округлого здания диаметром 12 м.

К южному валу около юго-восточного угла, с внутренней стороны примыкает бугор диаметром до 30 м. Вероятно, это остатки какого-то высокого строения (башни?), построенного вплотную к валу. Бугор чуть выше вала. Остатки подобного строения, но меньшего размера (23–24 м), наблюдаются у северо-восточного угла северного вала.

Территория самого городища с трех сторон была окружена постройками разных размеров. Вдоль северного вала зафиксирована цепочка из восьми руинированных зданий в виде бугров, расположенных на разных расстояниях друг от друга. Вдоль восточного вала, примерно в 20 м от него, идет цепочка из семи бугров. На западной стороне – остатки одного здания. Руины сооружений, расположенных вблизи крепости, имеют размеры от 15×15 м до 35×35 м, высота их варьирует от 0,2 до 2 м. Конфигурации бугров нечеткие.

Внутри на поверхности городища не обнаружено каких-либо предметов материальной культуры. Однако в находящихся поблизости сооружениях в небольшом количестве найдены фрагменты глиняной черепицы.

Городище Тэрэлжийн дурвулжин. Расположено на остепненном участке центральной части долины левобережья р. Тэрэлж, в 1-м баге сомона Монгэрморьт Центрального аймака Монголии, в 23 км северо-восточнее административного центра в местности Дурвулжин. Площадь городища вытянута с севера на юг среди лесистого участка, переходящего в открытую местность, к которому с северной стороны примыкает гора Мөнх Аргалант, находящаяся в оконечности хребта Хэнтэй и продолжении хребта Малый Хэнтэй. С северо-западной стороны примыкает массив Борхоньт, с западной стороны – гора Зуннуран; с южной стороны на расстоянии более 10 км протекает р. Керулен (рис. 8).

Первые исследования на поселении провели в 1925 г. востоковеды Б. Я. Владимирцов и Базар Барадин в период экспедиционных работ в восточных районах Монголии. Среди местного населения бытовало устное предание о том, что в этих местах проживал Хасар, младший брат Чингисхана, и поселение принадлежало ему. На основе данной информации первооткрыватели предложили датировать памятник эпохой монгольского государства [Владимирцов, 1927, с. 42; Пэрлээ, 1961, с. 32]. В 1949 г. советский исследователь С. В. Киселев, осмотрев обнаруженные находки, переданные в национальный музей Монголии с Тэрэлжийн дурвулжин, определил, что они относятся к более раннему хронологическому периоду – хуннскому времени. В 1952 г. Х. Пэрлээ провел исследование памятника и на основании найденного материала (осколков глиняной черепицы) также уверенно датировал памятник периодом государственного образования хунну.

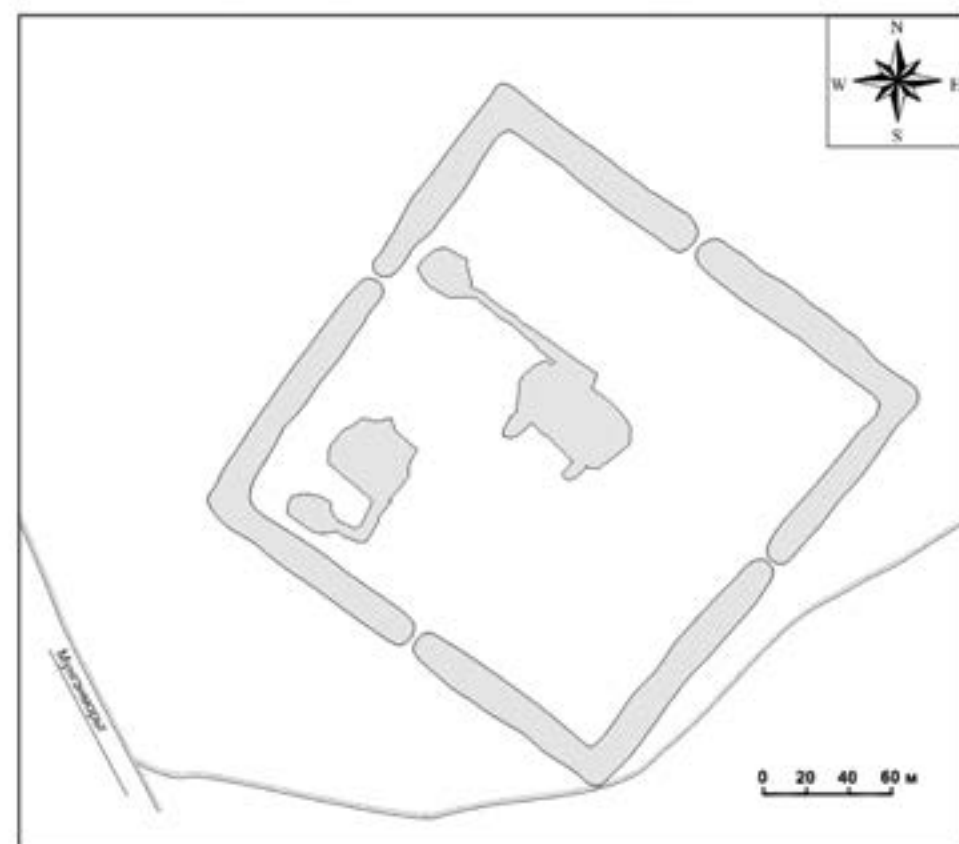

Рис. 8. План городища Тэрэлжийн дурвулжин.
Монголия, Центральный аймак, 2013 г.

Территория городища в плане подквадратная, обнесена валом из утрамбованной земли шириной до 9–10 м, высота которого колеблется от 1 до 1,5 м над современным уровнем степи. Длина юго-восточной стороны составляет 222 м, юго-западной – 214 м, северо-западной – 225 м, северо-восточной – 230 м. С каждой стороны видны 5–6-метровые въездные ворота, которые расположены почти посередине оборонительных валов.

На северо-западном вале отмечены две привратные башни, на восточном – одна. На угловых соединениях, возможно, имелись сторожевые башни шириной от 12,5 до 15 м.

С внешней стороны, вплотную к валам, с востока, юга и запада сооружены оборонительные рвы шириной до 6 м, глубиной от 0,3 до 0,7 м, которые хорошо определяются в летний период по яркой зеленоватой растительности. С северной стороны ров отстоит от вала на 10 м.

Визуально зафиксированы остатки предположительно четырех зданий в виде земляных холмов разных размеров и высотой от 1 до 2 м. Почти в центре площади поселения находится самое большое – главное здание размерами 60×32 м, высотой до 2 м, в виде вытянутого с северо-запада на юго-восток овального в плане земляного кургана. С западной стороны по его краям отмечены два земляных выступа.

К северо-западу (азимут 300°) от этого кургана расположены руины второго здания в виде холма меньших размеров 26×21 м и высотой до 1,5 м. К нему с северо-восточной стороны главного здания тянется 76-метровая земляная насыпь шириной 9 м, высотой – 0,6 м, которая соединяла оба помещения. Вероятно, это остатки крытой галереи (перехода) от одного сооружения к другому. Эти здания и галерея между ними образуют единый комплекс.

Второй комплекс расположен на расстоянии 98,5 м на северо-запад от первого. Он также состоит из двух зданий и Г-образной 22-метровой галереи между ними. Главное здание второго комплекса в плане овальной формы с размерами 36×40 м и высотой до 2,5 м. Юго-западнее от него находится второе здание овальной формы в плане и размерами 13×20 м.

На руинах (холмах) главных зданий городища сохранились следы исследовательских траншей, заложенных в 1952 г. Х. Пэрлээ.

В результате раскопок в 2007 г. российско-монгольской экспедицией были уточнены детали архитектурной планировки центрального здания, в частности, выявлена каменная отмостка, окружавшая здание, найдены многочисленные фрагменты черепицы верхней и нижней кровли, осколки немногочисленной глиняной посуды [Данилов, Симухин, Цыденова, 2011].

Обсуждение и выводы

Среди исследователей существует ряд мнений о функциях хуннских поселений. Х. Пэрлээ выделяет три вида: 1) столицу хуннского государства – главный административный центр; 2) укрепленные города китайских военачальников, перешедших на сторону хунну; 3) поселения для ведения торговли, занятия земледелием, ремеслами [Пэрлээ, 1961, с. 17–28].

З. Батсайхан выделяет также три вида городищ хунну, но основываясь, на наш взгляд, на методе географического районирования: 1) поселения для земледелия и ремесел по р. Селенге; 2) места для проведения ритуальных поклонений по р. Керулен; 3) оборонительно-военные крепости на территории Внутренней Монголии [Батсайхан, 2002, с. 46].

Ц. Торбат выделяет четыре вида городищ и поселений: 1) укрепленные военные крепости; 2) места для проведения культовых обрядов; 3) крепости для защиты границ; 4) поселения для ремесел и земледелия [Торбат, 2010, с. 28].

Несмотря на недостаточную изученность градостроительной культуры эпохи первой кочевой империи, можно констатировать наличие оседлых поселений двух типов на всей территории проживания хуннских племен: поселения без фортификационных сооружений и с системой пояса оборонительных сооружений – ров-вал. Причем, по мере удаления от центра государства к периферии, большее внимание уделяется возведению оборонительных сооружений,

что закономерно. Количество их увеличивается от одного вала, достаточно традиционного для хунну, до четырех с тремя рвами между ними (например, Иволгинское городище на территории России). По мере увеличения территории империи увеличивалось количество поселений и вместе с этим изменялись их функции. Первоначально задуманные как пограничные, военные городки с системой оборонительных сооружений по мере роста населения перерастали в административные центры с развитием ремесленных и торговых функций. В то же время в центральной части государства специально строились объекты для проведения общегосударственных религиозных обрядов. Вероятно, таким объектом было городище Тэрэлжийн дурвуджин. Объект расположен в географически неудобном месте – в устье длинного ущелья, окруженного горами, на широком, незалесенном открытом степном пространстве, обдуваемый в весеннее и осеннее время сильными ветрами.

С учетом этого фактора, для уменьшения давления на фортификационные сооружения строители развернули северо-восточный угол крепости по доминирующему направлению ветра. Эти, казалось бы, незначительные детали – явный показатель специального архитектурного решения с учетом выбора са-кральных маркеров жизненного пространства, в качестве которых выступают элементы окружающего ландшафта – горы, река, степь и др. [Содномпилова, 2002, с. 11]. А найденный строительный материал – несколько видов черепицы пространственной конструкции кровли – позволяет констатировать факт возведения монументальных сооружений специального назначения, представлявших «своеобразный симбиоз кочевой и стационарной архитектуры» [Майдар, Пюрвеев, 1980, с. 60–61]. Тот факт, что при раскопках не зафиксирован массовый археологический материал, также косвенно свидетельствует о функции поселения, которое предназначалось не для длительного проживания, а для проведения культовых обрядов.

И, наконец, еще один тип – это специализированные поселения земледельцев и ремесленников (керамистов, металлургов и др.). Этот тип формировался на территориях, пригодных для развития того или иного производства, и возникал порой стихийно на территориях, пригодных к кочевому быту основного населения хунну. Эти поселения, на наш взгляд, не имели системы фортификационных сооружений и располагались вблизи крупных рек или рудоносных районов.

Однако судить обо всем комплексе строительных и архитектурных достижений хуннского общества можно будет только после проведения полномасштабных раскопок на различных типах памятников городской культуры [Данилов, 2004, с. 56].

Список литературы

- Батсайхан З. Хүннү / З. Батсайхан // Археологи, угсаатны зүй, түүх. – Улаанбаатар, 2002. – С. 41–65.
Владимирцов Б. Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах / Б. Я. Владимирцов // Северная Монголия – II. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. – Л., 1927. – С. 1–42.

Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии / С. В. Данилов. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 201 с.

Данилов С. В. Черепица из хуннского городища Тэрэлжийн дурвуджин / С. В. Данилов, А. И. Симухин, Н. В. Цыденова // Хунигу: археология, происхождение культуры, этническая история. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С. 30–51.

Майдар Д. Строительство в МНР / Д. Майдар. – Улан-Батор : Улсын хэвлэлийн газар, 1972. – 183 с.

Майдар Д. От кочевой до мобильной архитектуры / Д. Майдар, Д. Пюрвеев. – М. : Стройиздат, 1980. – 215 с.

Монголын археологи / Д. Цэвэндорж, Д. Баяр, Я. Цэрэндагва, Ц. Очирхуяг. – Улаанбаатар : Шинжлэх Ухааны Академийн Түүхийн хүрээлэнгийн Эрдмийн Зөвлөлийн батлалснаар хэвлэв, 2002. – 98 с.

Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт дундад үеийн хот суурины товчоон / Х. Пэрлээ. – Улаанбаатар, 1961. – 157 с.

Пэрлээ Х. Хүн нарын гурван хэрмийн үлдэгдэл / Х. Пэрлээ // Эрдэм шинжилгээний огуулзлууд. – Улаанбаатар, 2001а. – С. 160–175.

Пэрлээ Х. Монголын эртний археологийн материал олдсоор байна / Х. Пэрлээ // Эрдэм шинжилгээний огуулзлууд. II боть. – Улаанбаатар, 2001б. – С. 118–133.

Содномпилова М. М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. М. Содномпилова. – Улан-Удэ, 2002. – 31 с.

Төрбат Ц. Хүннүгийн хот суурины судалгааны асуудал / Ц. Төрбат, Г. Гантогтох // Acta historica. – Улаанбаатар, 2010. – С. 28.

Forts of Xiongnu Epoch in the East of Mongolia

S. V. Danilov, N. V. Imenokhoev, B. Z. Nanzatov, A. I. Simukhin

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS

A. Ochir

International Institute for the Study of Nomadic Civilizations UNESCO, Mongolia

L. Erdenebold

Mongolian University of Science and Technology, Mongolia

Abstract. Due to various objective reasons: geographic, climatic, economic, social, political the nomads of Central Asia began to create forts, as a place of trade, handicraft centers, religious facilities, fortification for protection against the aggression of neighboring countries and tribal associations since the formation of the first state. The construction of forts in the epoch of Xiongnu is connected with the reform process that made the significant changes in the life of the nomads of Inner Asia. The first forts emerged around the end of the III century BC. New forts based throughout the whole existence of the Xiongnu Empire. However, the emergence of the early cities in the nomadic societies has no final decision about the mechanism of urban culture formation in the region. Research of the features of the space development for urban settlements would clarify one aspect of the problem. Presently, a few urban settlements known in the territory of Central Asia, South and Eastern Siberia. This article devoted to research Xiongnu forts of Mongolia, located in the East. Fortresses and settlements investigated as part of the joint Russian-Mongolian project in the territory of Central, Eastern and Khentei aimags of Mongolia. The collected data allowed reproducing the latest topog-

raphical plans of settlements (with the orientation of the terrain relative to the sides light, the presence of structures on their territory and more exact dimensions).

Keywords: Inner Asia, Central Asia, Mongolia, Xiongnu, fort, nomads, mapping, space, archaeology, history.

References

- Batsaikhan Z. *Khunnu, ugsaatny zui, tuukh [Xiongnu, ethnography, history]*. Ulaanbaatar, 2002, pp. 41–65. (in Mongol.)
- Danilov S. V. *Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentralnoi Azii [Cities in the nomadic societies of Central Asia]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2004, 201 p. (in Russ.)
- Danilov S. V., Simukhin A. I., Tsydenova N. V. Cherepitsa iz khunnskogo gorodishcha Terelzhin derevelzhin [Quadrel of Xiongnu settlement Terelzhin derevelzhin]. *Khunnu: arkheologiya, proiskhozhdenie kultury, etnicheskaya istoriya [Xiongnu: archaeology, origins of culture, ethnic history]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2011, pp. 30–51. (in Russ.)
- Maidar D. *Stroitelstvo v MNR [The construction in the MPR]*. Ulaanbaatar, Улсын хэвлэлмийн газар Publ., 1972, 183 p. (in Russ.)
- Maidar D., Pyurveev D. *От кочевой до мобильной архитектуры [From nomadic to mobile architecture]*. Moscow, Stroyizdat Publ., 1980, 215 p. (in Russ.)
- Perlee Kh. *Mongol ard ulsyn dundad uyeiin khot suuriny товчоон [Brief description on middle ages forts of Mongolian People's Republic]*. Ulaanbaatar, 1961, 157 p. (in Mongol.)
- Perlee Kh. *Mongolyn ertui archeologiiin material oldoor baina. Erdem shinjigeenii uguulluuguid. T.II. [New early material findings in Mongolian archaeology in Articles of Scientific Academy. T.II]*. Ulaanbaatar, 2001, pp. 118–133. (in Mongol.)
- Perlee Kh. *Khun naryn gurban khermiin uldets. Erdem shinjigeenii uguulluuguid [Ruins of three Xiongnu forts in Articles of Scientific Academy]*. Ulaanbaatar, 2001, pp. 160–175. (in Mongol.)
- Sodnompilova M. M. *Semantika zhilishcha v traditsionnoi kulture buryat [The semantics of the dwelling in the traditional culture of the Buryats. Cand. of histor. sci. syn. diss.]*. Ulan-Ude, 2002, 31 p. (in Russ.)
- Törbat Ts., Gantogtokh G. *Khunnugiin khot suuriny sudalgaany asuudald [Toward research of Xiongnu forts]*. *Acta historica*. Ulaanbaatar, 2010, p. 28. (in Mongol.)
- Tseveendorj D., Bayar D., Tserendagva Ya., Ochirkhuyag Ts. *Mongolyn archeologi [Mongolian Archaeology]*. Ulaanbaatar, Shiniilekh Ukhaany Akademiin Tuukhiin Khurelengiin Erdmiin Zuvluliin batlasnaar khelev Publ., 2002, 98 p. (in Mongol.)
- Vladimirtsov B. Ya. *Etnologo-lingvisticheskie issledovaniya v Urge, Urginskoy i Kenteiskoy raionakh [Ethnological and linguistic research in Urga, Urginskoy and Kenteiskoy districts]*. *Severnaya Mongoliya – II. Predvaritelnye otchety lingvisticheskoi i arkheologicheskoi ekspeditsii o rabotakh, proizvedennykh v 1925 godu [Northern Mongolia – II. Preliminary report of the linguistic and archaeological expeditions on the works produced in 1925]*. Leningrad, 1927, pp. 1–42. (in Russ.)

Данилов Сергей Владимирович

доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
670047, Россия, г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6

Danilov Sergei Vladimirovich

Doctor of Science (History)
Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies SB RAS
6, Sakhiyanova st., Ulan-Ude, Russia, 670047

Именохоев Николай Владимирович

старший научный сотрудник, отдел
истории и культуры Центральной Азии
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
670047, Россия, г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6
e-mail: yni@mail.ru

Imenokhoev Nikolai Vladimirovich

Senior Researcher, Department of History
and Culture of Central Asia
Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies SB RAS
6, Sakhiyanova st., Ulan-Ude, Russia, 670047
e-mail: yni@mail.ru

Нанзатов Баир Зориктоевич

кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник, отдел истории,
этнологии и социологии
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
670047, Россия, г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6
e-mail: nanzatov@yandex.ru

Nanzatov Bair Zoriktoevich

Candidate of Sciences (History), Senior
Researcher, Department of History,
Ethnology and Sociology
Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies SB RAS
6, Sakhiyanova st., Ulan-Ude, Russia, 670047
e-mail: nanzatov@yandex.ru

Симухин Александр Ильич

кандидат исторических наук, научный
сотрудник, отдел истории и культуры
Центральной Азии
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
670047, Россия, г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6
e-mail: symply.sima@mail.ru

Simukhin Aleksandr Il'ich

Candidate of Sciences (History), Researcher,
Department of History and Culture of Central
Asia
Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies SB RAS
6, Sakhiyanova st., Ulan-Ude, Russia, 670047
e-mail: symply.sima@mail.ru

Аюдайн Очир

доктор исторических наук, профессор
Международный институт изучения
кочевых цивилизаций ЮНЕСКО
Монголия, Улан-Батор, площадь
Сухэ-Батора, 3
e-mail: a.ochir@yahoo.com

Ayudain Ochir

Doctor of Science (History), Professor
International Institute for the Study
of Nomadic Civilizations UNESCO
3, Sukhbaatar Square, Ulaanbaatar,
Mongolia
e-mail: a.ochir@yahoo.com

Лхагвасүрэн Эрдэнэболд

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Гуманитарный институт
Монгольский государственный
университет науки и технологий
14191, Монголия, Улан-Батор, 8-й округ,
ул. Бара Тойру, 34
e-mail: nanzatov@yandex.ru

Lkhagvasuren Erdenebold

Candidate of Sciences (History),
Senior researcher, Humanitarian Institute
Mongolian University of Science
and Technology
34, Baga toiruu street, 8th khoroo,
Ulaanbaatar, Mongolia, 14191
e-mail: erdene-ethnology@yahoo.com

Данилов С.В. Раннемонгольский комплекс городищ Хатанбулаг Восточно-Гобийского аймака Монголии (по результатам полевых исследований 2012 г.) / С.В. Данилов, Н.В. Именохоев, Б.З. Нанзатов, А.И. Симухин, А. Очир, Л. Эрдэнэболд // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Матер. научн. конф. Т.2. Красноярск, СФУ. 2016. С. 35–42.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И СЕВЕРНАЯ АЗИЯ В ЭПОХУ КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЙ

УДК 903.4(517)

С. В. Данилов¹, Н. В. Именохоев¹, Б. З. Нанзатов¹, А. И. Симухин¹, А. Очир², Л. Эрдэнэболд³

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия, Улан-Удэ

²Международный институт по изучению кочевых цивилизаций, Монголия, Улан-Батор

³Монгольский государственный университет науки и технологии, Монголия, Улан-Батор

e-mail: simply.sima@mail.ru

РАННЕМОНГОЛЬСКИЙ КОМПЛЕКС ГОРОДИЩ ХАТАНБУЛАГ ВОСТОЧНО-ГОБИЙСКОГО АЙМАКА МОНГОЛИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2012 г.)

Статья посвящена исследованию археологического комплекса городищ Хатанбулаг, находящегося в Восточно-Гобийском аймаке Монголии. Результаты были получены в рамках полевого исследования 2012 г. Комплекс городищ Хатанбулаг является ярким примером городской культуры монголов, развивавшейся в метрополии. Одним из важнейших результатов исследования является составление планов городищ Центральной Азии. Исследованный комплекс датируется раннемонголь-

© Данилов С. В., Именохоев Н. В., Нанзатов Б. З., Симухин А. И., Очир А., Эрдэнэболд Л., 2016

Данилов С.В. Раннемонгольский комплекс городищ Хатанбулаг Восточно-Гобийского аймака Монголии (по результатам полевых исследований 2012 г.) / С.В. Данилов, Н.В. Именохоев, Б.З. Нанзатов, А.И. Симухин, А. Очир, Л. Эрдэнэболд // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Матер. научн. конф. Т.2. Красноярск, СФУ. 2016. С. 35–42.

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ МОНГОЛИИ, БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ И СЕВЕРНОГО КИТАЯ

ским временем и отражает особенности городов метрополии, отличных от городов монгольского времени на завоеванных территориях.

Ключевые слова: Центральная Азия, Монголия, Гоби, городище, Средневековье, планиграфия, раннемонгольское время.

Первые сведения о памятнике привел монгольский археолог Х. Пэрлээ, который ограничился лишь краткими сведениями [3, с. 147]. Описание на основе подъемного материала и устных легенд дал историк Г. Гантогтох [1, с. 46–48]. В 2012 г. в рамках совместного исследовательского проекта по составлению электронной карты древних и средневековых городов Центральной Азии комплекс городищ был исследован коллективом авторов под руководством С. В. Данилова.

Комплекс, по предварительной датировке, хронологически относится к периоду расцвета Монгольской империи, расположен на уположенных склонах предгорной равнины к югу от хребта, протянувшегося по линии восток – запад. С севера памятник ограничен невысокими холмами, постепенно переходящими в горный массив с плоскими безлесными вершинами, среди которых выделяются две доминирующие над местностью горы – Бунхан и Тахилатт. С юга открывается широкая степенная равнина. Поверхность равнины подвержена сильной ветровой эрозии, в результате которой местами возникли песчаные холмы, барханы. Уположенный склоновый участок, на котором находится исследуемые памятники, представляет собой горную степь с балками, оврагами, промоинами, возникшими в результате дождевых, талых и селевых потоков, бегущих с хребта.

Один из уникальнейших археологических памятников юга Монголии состоит из шести городищ разной конфигурации, сосредоточенных на территории между горами Барууншинээ и Зууншинээ, дистанция по вершинам которых составляет 3 км.

Хатанбулаг-1 расположен на правом берегу ручья в 450 м к юго-востоку от горы Барууншинээ (рис. 1, 1). На ровной степной поверхности, подверженной эрозии, просматриваются остатки разрушенного вала. Сохранившаяся дугообразная часть вала с южной и западной сторон поселения возвышается над современной поверхностью земли на 30–40 см и имеет длину около 140 м. Тело вала состоит из дресвы с суглинком и щебнем и едва выделяется по структуре от окружающей почвы.

На сохранившейся части стены просматриваются остатки двух слившихся из-за развала привратных башен. Одна из них имеет 4-угольную в плане форму, вторая башня такая же, но несколько больших размеров. Напротив ворот расположена серповидная насыпь, возможно, такое же укрепление, как и на следующих городищах.

Севернее и северо-восточнее дуги вала участок покрыт небольшими песчаными барханами, за которыми при натурном осмотре остатков городища обнаружено не было. Однако при анализе спутникового снимка SAS, Планета в 100 м на восток от привратного укрепления прослеживаются валы уже отдельного от дуги городища, ориентированного длинной осью с юго-запада на северо-восток, азимут составляет 49 градусов. Валы на этих сторонах также дугообразной формы, северо-западный вал и отчасти юго-западный и северо-восточный валы подвержены природному фактору разрушения, однако контуры на снимке их все же читаются. Лучше прослеживается немного выгнутый наружу юго-восточный вал с участками его размыва и небольшой полукруглой возвышенностью длинной около 15 м напротив разрыва вала – вероятно, ворота, что схоже с привратной конструкцией остальных объектов (рис. 2, 1).

Хатанбулаг-2 расположен в 310 м на восток от г. Бурууншивээ и в 80 м севернее первого городища на относительно ровной поверхности, слабо наклоненной в южную сторону, покрытой песчаными котловинами и буграми с верблюжьей колючкой (рис. 1, 1).

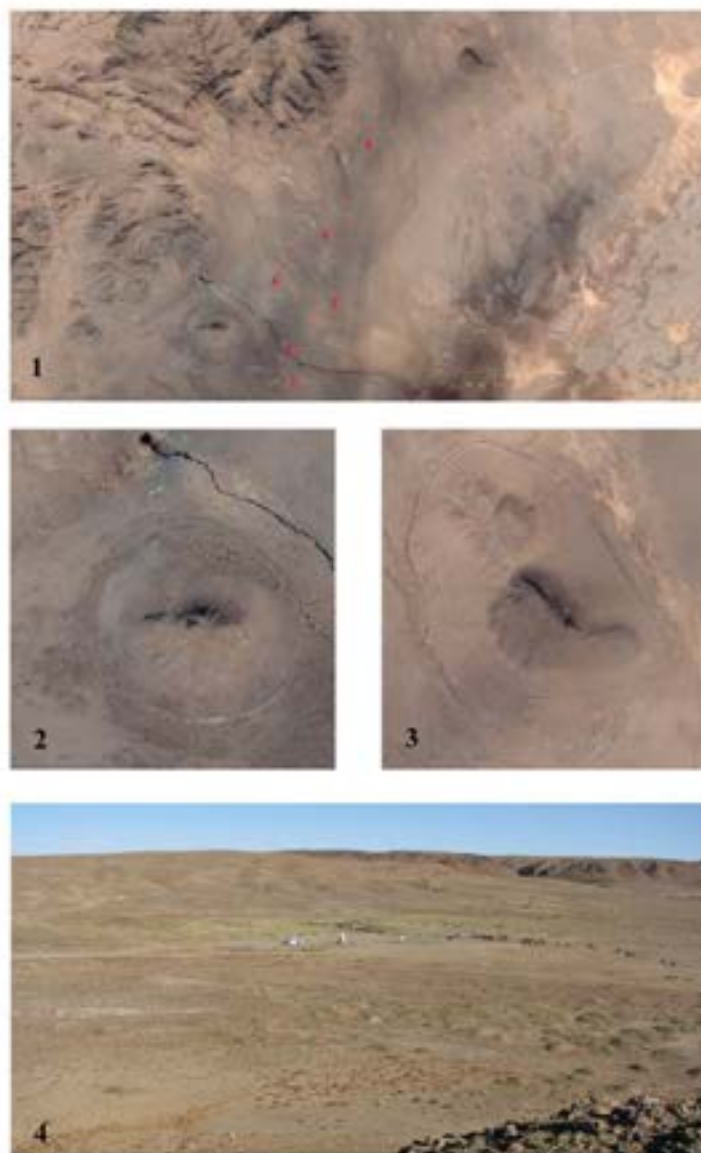

Рис. 1. Спутниковый снимок SAS. Планета комплекса городищ Хатанбулаг (1), горы Барууншивээ и источника Хатанбулаг (2); горы Зууншивээ (3). Общий вид с горы Барууншивээ на источник

Площадь поселения имеет подовальную в плане форму с прямым восточным углом и обнесена валом шириной от 10 до 12 м и высотой до 1,6 м. По длинной оси городище ориентировано по линии юго-запад – северо-восток, азимут составляет 25 градусов. Юго-западный вал наиболее выпуклой формы длиной около 170 м, северо-западный – 130 м, северо-восточный – 136 м, юго-восточный – 130 м (рис. 2, 2). Вал сложен из суглинка и мелкой дресвы. С северо-запада на юго-восток через оборонительные валы и площадь поселения протекает небольшой ручей из источника Хатанбулаг (рис. 1, 4). Внутреннее пространство поселения ровное без следов каких-либо строений. В настоящее время часть городища покрыта беловатым налетом.

В центре каждого из четырех сегментов городища наблюдается 6–7-метровое понижение оборонительного вала и скопления камней, подпрямоугольной формы в плане – остатки въездных ворот и привратных башен.

С наружной стороны перед воротами прослеживаются руинированные остатки оборонительных сооружений в виде серповидных удлиненных овалов, почти сливающихся с современной поверхностью.

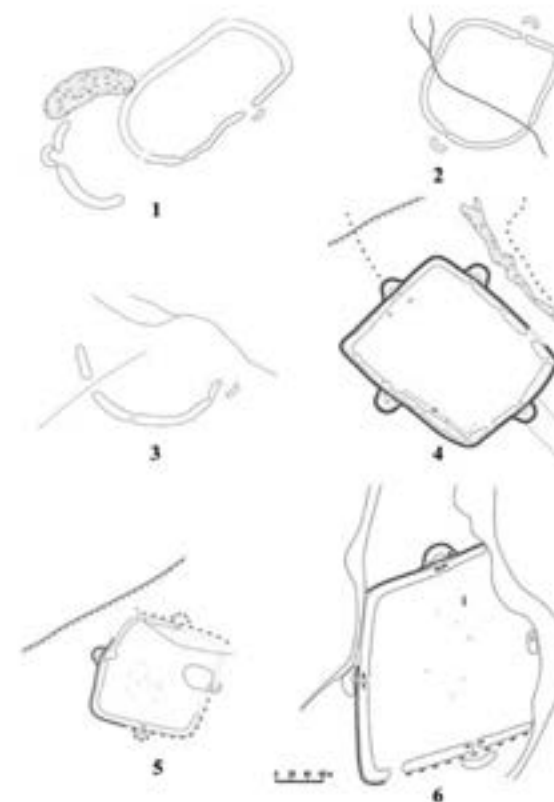

Рис. 2. Топографические планы городищ Хатанбулаг 1–6

Хатанбулаг-3 был выявлен при работе со спутниковыми снимками программы SAS.Планета (рис. 1, 1). Визуальный осмотр территории комплекса при работе экспедиции 2012 г. не дал подобных результатов. Основанием для интерпретации данных со снимка как части городища послужили близость расположения, типичная для этих памятников оставшаяся форма дугообразного вала и наличие конструкции у восточного вала, схожей с предвратными укреплениями. Объект расположен в 330 м на северо-восток от городища Хатанбулаг-2, в 500 м восточнее г. Барууншивээ и ориентирован слабофиксируемой западной стороной на север. Северная часть разрушена под действием временного водотока со склонов хребта. Лучше сохранились, можно предположить, южный дугообразный вал и оставшаяся часть восточного вала. На краю последнего наблюдается конструкция, похожая на остатки предвратного сооружения (рис. 2, 3).

Хатанбулаг-4 расположен к северо-востоку от основания горы Барууншивээ на расстоянии 280 м (рис. 1, 1). По длинной оси городище ориентировано на северо-запад, азимут по западной стене составляет 309 градусов. Площадь поселения ограничена валами и имеет подпрямоугольную в плане форму с закругленными углами. Длина вала следующая: северо-западный – 175 м, северо-восточный – 215 м, юго-восточный – 162 м, юго-западный – 215 м (рис. 2, 4).

Стены городища представляют в настоящее время развалившиеся валы. Ширина северо-западного вала 14 м, юго-восточного – до 10 м, юго-западного и юго-восточного колеблется от 7 до 9 м. Высота их различна, так как поверхность некоторых участков размыва селевыми потоками. Наиболее хорошо сохранились стены в южной, более приподнятой, части городища, здесь их высота достигает до 1,5 м. Фортификационные стеновые конструкции, вероятно, возведены глинобитным способом, одним из вариантов технологии «ханьту».

В оборонительной системе городища со всех сторон были сооружены ворота: с север-запада и юго-востока по 5 м шириной, с юго-запада и северо-востока – по 19–20 м. Ворота в поселение с двух сторон укреплялись: на северо-западной и юго-восточной сторонах 10-метровыми привратными башнями подпрямоугольной формы, на юго-западной и северо-восточной – округлыми диаметром до 4 м, от которых сохранились руины в виде развалов камней. Напротив ворот с наружной стороны на расстоянии 8 м сохранились рунированные остатки оборонительных сооружений в виде серповидных удлиненных овалов от 24 до 28 м и шириной 12–13 м. Высота примерно такая же, как и у окружающих валов.

Внутри площади поселения в 19 м от северной стены напротив ворот зафиксированы руины прямоугольного в плане здания размером 5×7 м. Здание было возведено на глинобитной платформе.

Во внутреннем южном углу в небольшой промоине рядом с валом был обнаружен подъемный материал: медные гвозди с литой полусферической шляпкой диаметром до 1 см и загнутыми концами стержней на расстоянии 0,8–1 см от шляпки; корродированные фрагменты железных пластин длиной до 2 см и шириной 0,5–0,7 см; фрагмент сероглиняного венчика с подовальным профилем крупного глазурованного сосуда.

Хатанбулаг-5 расположен на расстоянии 350 м на северо-восток от Хатанбулага-4 и в 850 м в этом же направлении от г. Барууншивээ (рис. 1, 1). Городище сооружено на

неровной, «пересеченной» поверхности. Такое место расположения предопределило степень сохранности памятника.

Из сооружений сохранились фронтальные, привратные и предвратные башни, следы въездных ворот. Городище имело подквадратную форму в плане с разноразмерными сторонами: северная имела длину 137 м, восточная – 141 м, южная – 142 м, западная – 152 м. Азимут составляет около 20 градусов (рис. 2, 5).

На северной стороне сохранились следы 10-метровых въездных ворот, с обеих сторон которых были сооружены из камня привратные башни четырехугольной формы размером 3×5 м. Высота сохранившегося развала до 1 м. Перед воротами на расстоянии 12 м серповидная насыпь – предвратная башня размером 4×17 м. От ворот в западную сторону прослеживается два ряда крупных камней, входивших когда-то в конструкцию вала (облицовка вала – опалубка). Северо-западный угол имеет закругленную форму.

Наиболее сохранившаяся южная сторона оборонительного вала имеет ширину от 4 до 5 м, состоит из щебня и крупной дресвы по своей структуре почти не отличается от окружающей почвы. Практически в центре вала 6-метровые въездные ворота, ограниченные с двух сторон привратными башнями подквадратной формы размерами 4×4 м, от которых сохранились лишь нижние камни, едва выступающие над уровнем вала. Перед воротами на расстоянии 12 м серповидная насыпь – предвратная башня с размерами 3×15 м. В западную сторону вал на небольшое расстояние полностью исчезает и его следы прослеживаются по двум рядам каменной облицовки стены. Юго-западный угол закруглен и сохранился в виде сплошной каменной кладки.

Западные 3-метровые ворота сохранились в виде двух привратных башен, имеющих размеры 6×5,5 и 7×8 м. Башни, скорее всего, имели четырехугольную форму и состояли из крупных камней.

Хатанбулаг-6 расположен на расстоянии 630 м на северо-восток от городища Хатанбулаг-5 или 770 м юго-западнее г. Зууншивээ (рис. 1, 1). Памятник дислоцирован на предгорном пологом шлейфе и является самым близким к г. Зууншивээ. С запада ограничен более глубоким сухим руслом, с восточной же стороны размыв привел к полному разрушению вала. Площадь городища ограничена 6–7-метровыми валами и расположена на неровной каменистой поверхности. Городище первоначально имело ромбовидную в плане форму, ориентировано западной стеной протяженностью 186 м на север. В настоящее время фортификационные сооружения частично разрушены. Восточный вал полностью смыт горными потоками вместе с северо-восточным и юго-восточным угловыми соединениями. Южный – сохранился не полностью, и частичные разрушения наблюдаются на пути водных потоков. Северный вал имеет длину 128 м, южный – 173 м (рис. 2, 6).

Северная стена (вал) сложена из щебня, крупной дресвы и глины. В 73 метрах от северо-западного угла сохранились 2-метровые ворота с двумя четырехугольными в плане привратными башнями, выложенными крупными камнями на довольно значительную высоту – 1,5 м (восточная башня) и 1,7 м (западная башня). Размеры самих башен в основании: 6×6 и 7×5 соответственно. Восточная часть въездных ворот (башня) чуть лучше сохранила свои очертания. Перед воротами на расстоянии 18 м сооружена предвратная серповидная башня с размерами 6×23 м. Все сооружение по периметру околонушено каменной кладкой.

От восточного вала и въездных ворот сохранилась лишь одна привратная башня размером 6×4 м, разрез которой виден в борту русла.

На южном валу, сооруженном из щебня и крупной дресвы, обнаружены въездные ворота, в виде двух развалившихся четырехугольных в плане башен. Пятиметровые ворота с двух сторон окружены башнями, сооруженными из крупных камней по периметру с заполнением из щебня и крупной дресвы. Восточная башня лучшей сохранности имеет размеры 4×7 м, западная крупнее – 5×10 м. Высота развалов башен достигает 1,5–2 м. Перед южными воротами на расстоянии 19 м возведено предвратное укрепление серповидной формы, сохранившееся в виде холма из щебня и дресвы с размерами 6×29 м.

Гора Барууншвээ расположена на западной оконечности территории памятника, ее высота по скальным выходам составляет около 35 м, по данным GPS – 1135 м. Гору с юго-востока, юга и юго-запада опоясывает насыпной из глинистой земли, дресвы, щебня, мелкого и среднего камня вал шириной до 5–6 м и высотой от 1 до 1,5 м. Следы частичной выемки грунта наблюдаются с внутренней стороны. В юго-западной части вала имеется проход – ворота, перед которыми с внешней стороны возведена предвратная башня (рис. 1, 2). На террасовидной площадке между валом и самой горой с юго-восточной, южной и юго-западной сторон склона – обилие фрагментов керамики разных видов, относящихся к Средневековью; там же найдены небольшой скребок красноватого цвета из яшмовидного кремня, нуклеус классической формы (гобийский-?) из прозрачного (белого) халцедона (?), отщепы, подработанный камень – нуклеус палеолитического типа.

Гора Зууншвээ с седловиной и скальной вершиной высотой по GPS 1140 м вытянута с юго-востока на северо-запад. Она вся обнесена валом, повторяющим округлые контуры горы общей протяженностью около 1720 м. Ширина 3 м и высота до 1,5 м, вал местами сильно разрушен, однако видно, что конструкция всего сооружения не едина, наблюдается пандирь, когда между рядами камней внутри присутствует засыпка из грунта. Перед семью воротами, расположенными на дистанции от 190 до 420 м, находятся серповидные конструкции, между последними и воротами наблюдаются каменные кладки (рис. 1, 3).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конфигурация городищ, их расположение в окружающем ландшафте, технология возведения оборонительной системы – валов, двусторонняя облицовка их камнем, строительство привратных и предвратных укреплений говорят о традиционных методах монгольского зодчества периода Монгольской империи [2].

Комплекс Хатанбулаг можно отнести к «передвижному» типу городских поселений. Косвенным подтверждением этого могут стать многочисленные находки на территории памятника металлических втулок телег разных размеров.

Полученные нами материалы свидетельствуют о развитии у монголов собственной городской культуры, отличной от существовавших в других частях империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гантогтох Г. Хатны булгын бэхлэлт суурин // Acts Historica. Tomus XI, F 6. – УБ., 2010. – С. 46–48.
2. Данилов С. В. Города Центральной Азии эпохи Монгольской империи XIII–XIV вв. // Вест. БГУ. Серия «Гуманитарные исследования Внутренней Азии». – 2014. – № 1. – С. 4–14
3. Пэрлээ Х. Монгол ардусынэрт, дундад үеийн хот сууринговчлоон. – УБ., 1961. – 157 с.

REFERENCES

1. Gantogtokh G. Khatny bulgyn bekhlelt suurin [the Fortress of the Princess fountain] // Acts Historica. Tomus XI, F 6. Ulaanbaatar., 2010. s. 46–48.
2. Danilov S. V. Goroda Tsentralnoi Azii epokhi Mongol'skoi imperii XIII–XIV vv. [Cities of Central Asia of the Mongolian empire period (13th–14th cen.)] // Vestnik BGU. Seriya Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii [The Bulletin of Buryat State University. Humanitarian Studies of Inner Asia], 2014, № 1, s. 4–14
3. Perlee Kh. Mongol ard usyn ert, dundad uyeiin khot suuriny товчоон [Ancient and middle-ages cities and settlements of the Mongolian people's republic]. Ulaanbaatar, 1961. 157 s.

S. V. Danilov¹, N. V. Imenokhoev², B. Z. Nanzatov¹, A. I. Simukhin¹, A. Ochir², L. Erdenebold³

¹Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Russia, Ulan-Ude

²International Institute for the Study of Nomadic Cultures, Mongolia, Ulaanbaatar

³Mongolian National University for Science and Technology, Mongolia, Ulaanbaatar

THE EARLY MONGOLIAN COMPLEX OF FORTRESSES QATANBULAG OF EAST GOBI (DORNOGОВI) AIMAG OF MONGOLIA (BASED ON THE RESULTS OF THE FIELD RESEARCH IN 2012)

The article considers the archaeological complex of Qatanbulag located in East-Gobi (Dornogovi) aimag of Mongolia. These data are the results of the 2012 research of Qatanbulag fortress complex, which is a prime example of the Mongol urban culture being developed in the metropole. One of the most important results of the study is a map of the fortresses in Central Asia. The studied complex is dated as early Mongolian, and reflects the features of the Mongolian empire metropole cities which differed from the other fortresses of the empire in the conquered territories.

Keywords: Central Asia, Mongolia, The Gobi, fortress, Middle Ages, plan mapping, Early Mongolian period.

УДК 904:711.424(571.52)»653»

БАЖЫН-АЛААК И МАЛГАШ-БАЖЫН: ГОРОДИЩА ДРЕВНЕУЙГУРСКОГО ПЕРИОДА НА ЗАПАДЕ ТУВЫ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2011 Г.)*

С. В. Данилов¹, Н. В. Именохоев¹, Д. А. Миягашев¹,
Б. З. Нанзатов¹, А. И. Симухин¹, Д. К. Тулуш², Л. С. Эрдэнэболд³

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

²Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Кызыл, Россия

³Монгольский государственный университет науки и технологий,
Улан-Батор, Монголия

Аннотация. Со времен эпохи хунну кочевники Центральной Азии начинают создавать города, необходимые им как места торговли, ремесленные центры, культовые объекты, фортификации. Период господства уйгуров в Центральной Азии ознаменовался новым всплеском городской культуры у кочевников. Во времена Уйгурского каганата была создана сеть фортификационных укреплений по всей Центральной Азии. Северными форпостами были города на территории современной Тувы. Уйгурская экспансия значительно повлияла на этнический состав населения Южной Сибири. В данной статье описаны два городища: Бажын-Алаак и Малгаш-Бажын, находящихся в бассейне р. Хемчик на западе Тувы.

Ключевые слова: Центральная Азия, Южная Сибирь, Тува, Уйгурский каганат, крепость, план, средневековые.

ВВЕДЕНИЕ

Центральная Азия изобилует археологическими памятниками. Среди них своей монументальной архитектурой, технологией строительства фортификационных сооружений выделяются стационарные поселения – города. На северной периферии региона наибольшую сохранность конструктивных элементов оборонительной системы имеют две крепости – Бажын-Алаак и Малгаш-Бажын, расположенные в западной части Тувы в долинах рек Чадаана и Эдегейчик, притоков р. Хемчик.

В рамках исследовательского проекта «Атлас древних и средневековых городов Центральной Азии» коллективом авторов было проведено исследование этих городищ в 2011 г.

МАТЕРИАЛЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Городище Бажын-Алаак (Дом на лесной поляне). Памятник находится на восточной окраине с. Бажын-Алаак, в 20 км к югу от г. Чадаан Дзун-Хемского района Республики Тыва и расположен в долине р. Чадаан, которая с обеих сторон – с северо-востока и юго-запада – ограничена горными массивами с острыми каменистыми вершинами. Для поселения выбрана покрытая степной растительностью ровная горизонтальная поверхность на берегу реки. Ныне памятник занимает территорию на границе леса и степи (рис. 1). Городище имеет подквадратную в плане форму с углами в 90° и длинной осью ориентировано на северо-запад. Ориента-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии»

ция продиктована особенностью рельефа местности – близостью реки. Площадь поселения в 18,2 га ограничена мощными глинобитными стенами. Длина северо-западной стены равна 379 м, северо-восточной – 538 м, юго-восточной – 372 м, юго-западной – 531 м. Максимальная высота сохранившихся стен достигает 2,5 м, ширина в основании – до 4,3 м, при уплощенной вершине высота колеблется от 0,8 до 1 м. С юго-восточной и северо-западной сторон городища просматриваются проемы въездных ворот шириной в 12 и 27 м соответственно, ограниченные с двух сторон руинами привратных башен. Северо-восточная, юго-восточная и северо-западная стены частично разрушены. В разломах выступают остатки сырцово-кладки. Юго-западная стена, расположенная на берегу реки, почти полностью размыта.

Ширина основания стен городища Бажын-Алаак позволяет предположить, что их высота первоначально составляла 4–4,5 м. Внутренняя поверхность городища неровная, испещрена небольшими всхолмлениями, рывтинами, руслами ручьев и современных оросительных канав. Через площадь поселения и сохранившиеся фортификационные сооружения «пробиты» грунтовые автодороги, пешеходные переходы. В центральной части городища обнаружено скопление небольших по размерам земляных куч и ям. Рядом расположены три площадки подовально-округлой в плане формы диаметром 8–10 м. Объекты выложены уплощенными булыжниками и речной галькой крупных и средних размеров. В северо-западной части площади поселения сохранились шесть длинных земляных насыпей (объединенных в три параллельные группы), вытянутые по линии северо-запад – юго-восток, длиной 85 м и шириной 10 м.

Раскопана одна из них, в которой обнаружены стены длинных строений, разделенных на отсеки частокотлом из деревянных столбов [Кызласов, 1959, с. 70–71]. По мнению Л. Р. Кызласова, это остатки зданий «казарменного» типа, а в центре – руины сооружения дворцового типа на фундаменте из плитняка с очагом на глинобитном полу, где были найдены фрагменты стенок серого сосуда, сделанного на круте [1979, с. 148]. В 2011 г. на поселении исследован вал и заложено 3 шурфа. Шурф № 1 располагался в юго-восточной части городища на небольшом всхолмлении. Его площадь 2×2 м. На глубине 45 см обнажился слой речной гальки. В западном секторе шурфа над мергелем выявлены следы прокала, в нем – слой угольков и фрагменты горелой древесины. Над углями обнаружен обломок металлического декоративного изделия. Шурф № 2, заложенный в северо-западной части поселения на площади 1×1 м, культурного слоя не выявил. Для шурфа № 3 выбрано место за пределами городища, в 80 м от юго-восточной стены. На глубине 15 см от поверхности обнаружены фрагмент керамики со следами обжига на внутренней стороне и осколок каменного изделия со следами шлифовки, возможно, от ручной мельницы или зернотерки. На уровне 35–40 см начался характерный для данной территории горизонт суглинистого мергеля бело-голубого оттенка без признаков наличия культурного слоя. Исследование восточной стены позволило выявить технологию возведения оборонительного сооружения городища. На плоскостях разреза четко зафиксировано 15 горизонтальных глинобитных слоев толщиной 10–12 см, неровности которых нивелировались 3–4-сантиметровым слоем темной супеси.

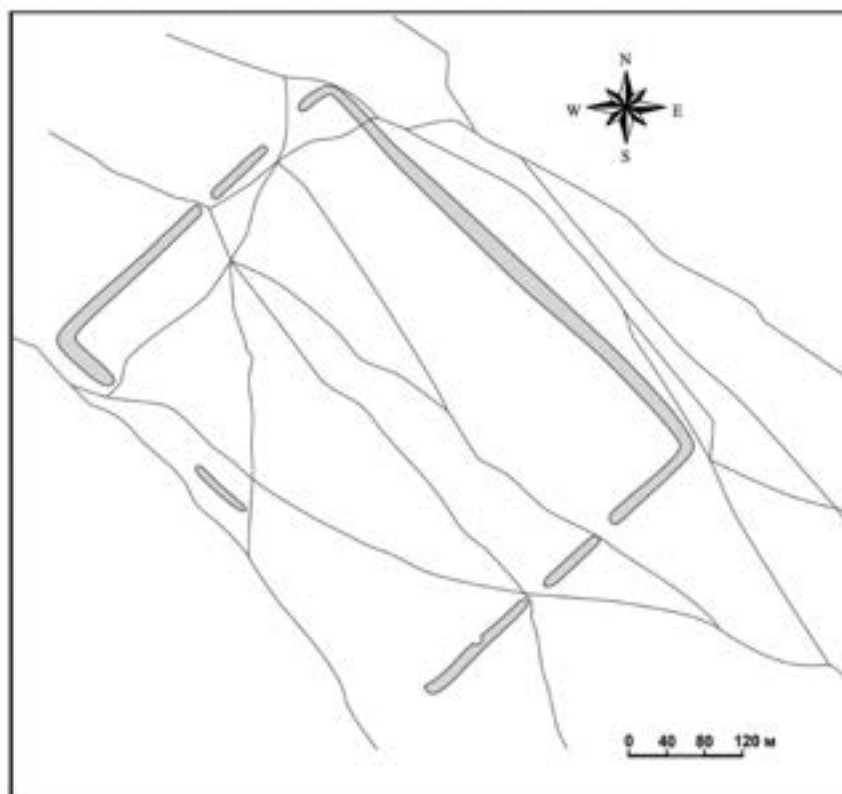

Рис. 1. План городища Бажын-Алаак

Раскопки за пределами площади поселения показали, что верхние слои почвы на этом участке – плодородный гумус, который не использовался при строительстве стен. Основной строительный материал фортификационных сооружений – привозная глина.

Незначительный культурный слой и отсутствие плотной застройки свидетельствуют о начальном периоде освоения территории возведенного городища, где временно сосредотачивались административные учреждения и разворачивалась хозяйственная жизнь с ограниченным числом жителей и небольшим военным гарнизоном.

Городище Малгаш-Бажын (Дом на болоте). Памятник находится в Барун-Хемчикском районе Республики Тыва, в 2,5 км к северо-западу от Ак-Довуракского рудника, в 6,5 км к северу от г. Ак-Довурак.

Городище расположено на левом, местами заболоченном, берегу р. Эдегейчик на невысоком плато ровной степной поверхности. С южной стороны оно ограничено горным кряжем, с севера – широкой долиной реки (рис. 2). Поселение имеет подквадратную в плане форму площадью 7,6 га и ограничено в пространстве оборонительными сооружениями – палами. Валы городища высотой до 3 м, в основании имеют ширину до 16 м, при уплощенной вершине – 8–10 м. С внешней стороны городище окружено рвами шириной от 10 до 20 м.

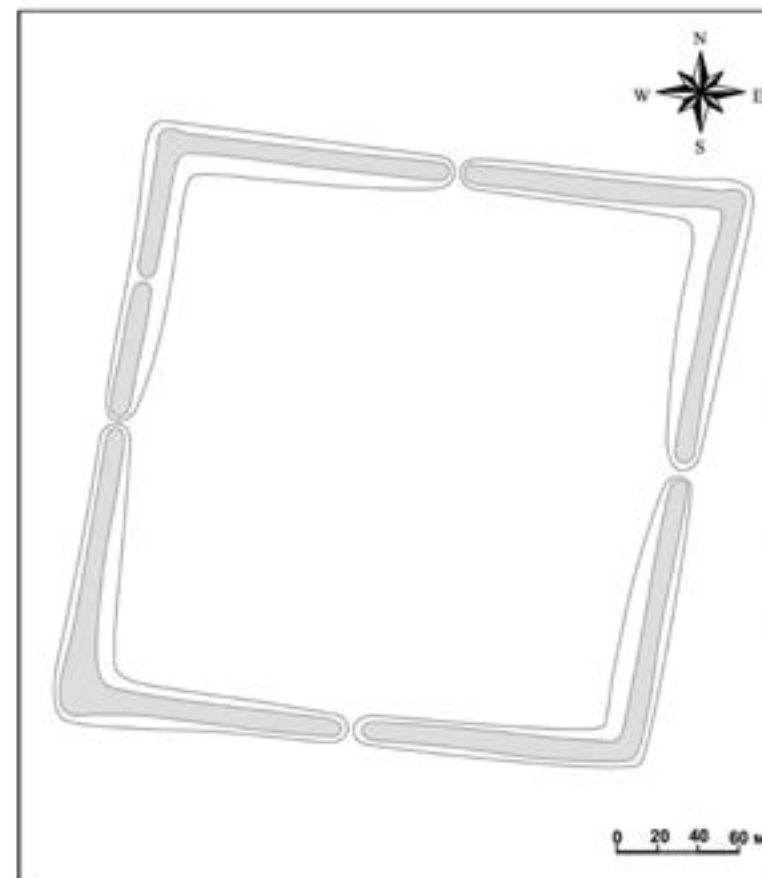

Рис. 2. План городища Малгаш-Бажын

Стены (валы) городища ориентированы строго по сторонам света и имеют размеры: северная стена – 269 м, восточная – 269 м, южная – 268 м, западная – 272 м. По углам городища прослеживаются остатки сторожевых башен, размеры которых отражены выступающими за вал расплывшимися основаниями: северо-западная башня – длина 50 м, ширина – 18 м; северо-восточная башня фиксируется в виде оплыва во внутреннюю часть городища и имеет длину 37 м и ширину 19 м; юго-восточная башня – длина 52 м и ширина 19 м; юго-западная башня – длина 49 м и ширина 19 м. На всех фортификационных сооружениях наблюдаются проемы въездных ворот в виде разрывов валов: на западном ширина проема – 9 м, на восточном – 10 м, на южном – 13 м, на северном – 11 м. Все ворота – без ограничения привратными башнями. Для въезда и выезда через внешние рвы сооружены земляные пандусы шириной от 10 до 15 м. Наиболее хорошо просматривается пандус при восточных воротах. На сегментах всех валов, между воротами и угловыми башнями, просматриваются руины двух фронтальных башен. Внутренняя горизонтальная поверхность поселения покрыта степной растительностью.

На площади памятника в 1977 г. экспедицией МГУ заложено два шурфа, в которых не было обнаружено культурного слоя [Кызласов, 1979, с. 158]. В 2011 г. исследован еще один шурф, в котором уже на уровне 20–25 см выявлен однородный слой серого суглинистого мергеля с красноватым оттенком. Культурный слой на поселении не зафиксирован, и не выявлено руин каких-либо наземных сооружений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования 2011 г. показали, что для части стационарных поселений Тувы характерным является отсутствие или скудость культурного слоя. Датировку таких памятников, вероятнее всего, необходимо проводить по анализу строительных технологий, примененных при возведении валов и стен, конструктивным особенностям и тем немногочисленным предметам материальной культуры, которые встречены на объектах. Технология возведения стен глинобитными слоями из «галыкобетона» – смеси речной гальки и глины – на Бажин-Алаак определена как древнекитайская технология ханту. Аналогичный материал и строительный прием применены при сооружении городов Байбалык на северном берегу р. Селенги и Орду Балык, столицы Уйгурского каганата, на р. Орхон, о чем свидетельствуют материалы археологических раскопок. Сходство всей группы средневековых памятников зодчества с глинобитными стенами между собой по планиграфии и внешним параметрам позволяет допустить их конструктивную идентичность и синхронность. Технологические особенности строительства – широкие (до 16 м) и высокие (до 3 м) земляные оборонительные валы, наличие на них нескольких въездных ворот и сложной системы угловых и фронтальных башен и в целом ориентация и планиграфия поселений – сближают архитектуру Малгаш-Бажын с Шагонарскими городищами, датированными уйгурским периодом истории Тувы [Кызласов, 1969, с. 59–63]. В то же время эти памятники – Бажин-Алаак и Малгаш-Бажын, несмотря на синхронность возведения, отличаются друг от друга строительной технологией. Если для первого памятника характерна древнекитайская технология ханту – возведение стеновых конструкций с послойной укладкой «галыкобетона» в передвижную деревянную опалубку, то второму присуща система чередования – глубокие и широкие рвы – мощные земляные валы, выполненные сплошной глиняно-земляной забутовкой, применявшейся в более ранний, хуннский, период. Таким образом, можно предположить, что в конце I тыс. н. э. параллельно развивались две строительные технологии – одна заимствованная, уходящая корнями в Танский Китай, вторая связана с традициями градостроительной практики центральноазиатских хунну.

Письменный источник «Селенгинская каменная стела» уточняет начало периода строительства городских поселений на территории Тувы, оккупированной войсками уйгурского кагана Моюн-Чура в 750–751 гг.: «...там я распорядился устроить свой беловатый лагерь и дворец, там я заставил построить крепостные стены...» [Малов, 1959, с. 40]. С этого времени начинается формирование военных поселений и строительство оборонительных сооружений в виде мощных крепостей на завоеванной территории. Сооружались они «в поймах рек, чаще на древних островах, окруженных протоками или отделенных от береговой надпойменной террасы еще и заболоченными пространствами» с целью создания дополни-

тельных естественных преград для противника, «чтобы избежать внезапного нападения» [Кызласов, 1969, с. 59].

О важной роли древних уйгуров в этногенетических процессах на территории Тувы в период девяностолетнего пребывания пишет М. Х. Маннай-оол. По его мнению, уйгуры благоприятно повлияли на хозяйственное и культурное развитие местных племен, а также составили уйгурский пласт в этногенезе тувинцев [Маннай-Оол, 2004, с. 66]. Кроме того, этот период оказал влияние и на этнические процессы в Прибайкалье, на территорию которого продвинулись такие племена уйгурского происхождения, как хоогой, онхотой, ирхидэй, холтубай.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кызласов Л. Р. Средневековые города Тувы / Л. Р. Кызласов // СА. – 1959. – № 3. – С. 66–80.
Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века / Л. Р. Кызласов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 212 с.
Кызласов Л. Р. Древняя Тува / Л. Р. Кызласов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 205 с.
Маннай-оол М. Х. Тувинцы. Происхождение и формирование этноса / М. Х. Маннай-оол. – Новосибирск: Наука, 2004. – 164 с.
Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии / С. Е. Малов. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 112 с.

BAZHYN-ALAAK AND MALGASH-BAZHYN: FORTRESSES OF OLD UYGHUR PERIOD IN THE WEST TUVA (ON THE 2011 YEAR FIELD RESEARCH)

S. V. Danilov¹, N. V. Imenokhiev¹, D. A. Miyagashev¹, B. Z. Nanzatov¹,
A. I. Simoukhin¹, D. K. Tulush², L. S. Erdenebold³

¹Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia

²Tuvan Institute for Applied Studies of Humanities and Socioeconomics, Kyzyl, Russia

³Mongolian University of Science and Technology, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract. Since the era of the Xiongnu, nomads of Central Asia began to create cities as places of commerce, craft centers, cult sites, fortifications. The period of domination of Old Uyghurs in Central Asia was marked by a new explosion of urban culture among nomads. In the time of the Uyghur Kaganate, a network of fortifications was established throughout Central Asia. The northern outposts were cities on the territory of modern Tuva. Due to the various objective reasons: geographic, climatic, economic, social, political, the nomads of Central Asia began to create forts, as a place of trade, handicraft centers, religious facilities, fortification for protection against the aggression of neighboring countries and tribal commissions. Urban development in the times of Uyghurs reached a high level. However, the emergence and development of the middle-ages cities in the nomadic societies has no final decision about the mechanism of urban culture. Research of the features of the space for development of urban settlements would clarify one aspect of the problem. Presently, only a few urban settlements are known in the territory of Central Asia and Southern Siberia. This article is dedicated to the research of Uyghur forts of Tuva, located in its Western part. The study is the result of a joint Russian-Mongolian expedition in 2011 on the territory of Barun-Khemchik (West-Khemchik) kozhuun and Dzun-Khemchik (East Khemchik) kozhuun. The collected data allowed to reproduce the latest topographical plans of settlements (with the orientation of the terrain relative to the sides, the presence of structures on their territory and more exact dimensions). The Uyghur expansion significantly influenced the ethnic composition of the population of Southern Siberia. The ancient Uyghurian layer is one of the most important in the ethnogenesis of the Tuvians.

Keywords: Central Asia, South Siberia, Tuva, Uyghur Kaganate, fortress, plan, middle ages.

Данилов С.В. Бажын-Алаак и Малгаш-Бажын: городища древнеуйгурского периода на западе Тувы (по результатам полевых исследований 2011 г.) / С.В. Данилов, Н.В. Именохоев, Д.А. Миягашев, Б.З. Нанзатов, А.И. Симухин, Д.К. Тулуш, Л. Эрдэнэболд // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. №6. Иркутск, ИГУ. 2017. С. 303-310.

Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. Выпуск 6

REFERENCES

- Kyzlasov L. R. Srednevekovye goroda Tuvy [Medieval cities of Tuva]. *Sovetskaya Arkheologiya [Soviet Archaeology]*. 1959, Vol. 3, pp. 66-80. (In Russ.)
 Kyzlasov L. R. *Istoriya Tuvy v srednie veka [History of Tuva in the Middle Ages]*. Moscow, MSU Publ., 1969, 212 p. (In Russ.)
 Kyzlasov L. R. *Drevnyaya Tuva [Ancient Tuva]*. Moscow, MSU Publ., 1979, 205 p. (In Russ.)
 Malov S. Ye. *Pamyatniki drevnetyurkskoj pismennosti Mongolii i Kirgizii [Monuments of the ancient Turkic script of Mongolia and Kirgizia]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1959, 112 p. (In Russ.)
 Mannay-ool M. Kh. *Tuvinty. Priskhozhdienie i formirovanie etnosa [The Tuvinians. Genesis and formation of ethnos]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004, 164 p. (In Russ.)

Данилов Сергей Владимирович
 доктор исторических наук
 Институт монголоведения, буддологии
 и тибетологии СО РАН
 670047, Россия, г. Улан-Удэ,
 ул. Сахьяновой, 6

Danilov Sergei Vladimirovich
 Doctor of Sciences (History)
 Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan
 Studies SB RAS
 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, Russia, 670047

Именохоев Николай Владимирович
 старший научный сотрудник, отдел
 истории и культуры Центральной Азии
 Институт монголоведения, буддологии
 и тибетологии СО РАН
 670047, Россия, г. Улан-Удэ,
 ул. Сахьяновой, 6
 e-mail: yni@mail.ru

Imenokhiov Nikolai Vladimirovich
 Senior Researcher, Department of History
 and Culture of Central Asia
 Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan
 Studies SB RAS
 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, Russia, 670047
 e-mail: yni@mail.ru

Миягашев Денис Алексеевич
 кандидат исторических наук, научный
 сотрудник, отдел истории и культуры
 Центральной Азии
 Институт монголоведения, буддологии
 и тибетологии СО РАН
 670047, Россия, г. Улан-Удэ,
 ул. Сахьяновой, 6
 e-mail: silker@mail.ru

Miyagashev Denis Alekseevich
 Candidate of Sciences (History).
 Researcher, Department of History and Cul-
 ture of Central Asia
 Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan
 Studies SB RAS
 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, Russia, 670047
 e-mail: silker@mail.ru

Нанзатов Баир Зориктоевич
 кандидат исторических наук,
 старший научный сотрудник,
 отдел истории, этнологии и социологии,
 Институт монголоведения, буддологии и
 тибетологии СО РАН
 670047, Россия, г. Улан-Удэ,
 ул. Сахьяновой, 6
 e-mail: nanzatov@yandex.ru

Nanzatov Bair Zoriktoevich
 Candidate of Sciences (History).
 Senior Researcher,
 Department of History,
 Ethnology and Sociology,
 Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan
 Studies SB RAS
 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, Russia, 670047
 e-mail: nanzatov@yandex.ru

Симухин Александр Ильич
 кандидат исторических наук,
 научный сотрудник,
 отдел истории и культуры
 Центральной Азии,
 Институт монголоведения, буддологии
 и тибетологии СО РАН
 670047, Россия, г. Улан-Удэ,
 ул. Сахьяновой, 6
 e-mail: simply.sima@mail.ru

Simoukhin Aleksandr Il'ich
 Candidate of Sciences (History).
 Researcher,
 Department of History and Culture of
 Central Asia,
 Institute of Mongolian, Buddhist
 and Tibetan Studies SB RAS
 670047, Россия, г. Улан-Удэ,
 ул. Сахьяновой, 6
 e-mail: simply.sima@mail.ru

Данилов С.В. Бажын-Алаак и Малгаш-Бажын: городища древнеуйгурского периода на западе Тувы (по результатам полевых исследований 2011 г.) / С.В. Данилов, Н.В. Именохоев, Д.А. Миягашев, Б.З. Нанзатов, А.И. Симухин, Д.К. Тулуш, Л. Эрдэнэболд // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. №6. Иркутск, ИГУ. 2017. С. 303-310.

Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. Выпуск 6

Тулуш Демир Константинович
 кандидат исторических наук, научный
 сотрудник, сектор археологии,
 Тувинский институт гуманитарных
 и прикладных социально-экономических
 исследований
 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, 4
 e-mail: demirtdk@mail.ru

Tulush Demir Konstantinovich
 Candidate of Sciences (History), Researcher,
 Department of Archaeology
 Tuvan Institute for Applied Studies of
 Humanities and Socioeconomics
 4, Koshetov st., Kyzyl, Russia, 667000
 e-mail: demirtdk@mail.ru

Эрдэнэболд Лхагвасүрэн Салжид
 кандидат исторических наук,
 старший преподаватель,
 кафедра гуманитарных исследований,
 Монгольский государственный
 университет науки и технологий
 210646, Монголия, г. Улан-Батор,
 Сухбаатар дуурэг, Бага тойруу, 46
 e-mail: erdene-ethnology@yahoo.com

Erdenebold Lkhagvasuren Salzhid
 Candidate of Sciences (History), Senior
 Lecturer, Department of Humanities,
 Mongolian University of Science and
 Technology
 Baga toiruu, 466, Sukhbaatar duureg,
 Ulaanbaatar, Mongolia, 210646
 e-mail: erdene-ethnology@yahoo.com

УДК 902.43

DOI <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.24.74>

Города эпохи хунну на территории Тувы*

С. В. Данилов¹, Н. В. Именохоев¹, Б. З. Нанзатов¹, А. И. Симухин¹,
Д. К. Тулуш², Л. Эрдэнэболд³

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия

²Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Республика Тыва, Россия

³Монгольский государственный университет науки и технологий, Монголия

Аннотация. Рассмотрена история хунну в границах северных окраин империи кочевников, в верховьях р. Енисей (Тува). Культура кочевников Внутренней Азии в эпоху хунну претерпела значительные изменения, одним из которых было появление крупных укрепленных стационарных объектов. Отмечено, что ключевыми памятниками археологии хунну наряду с погребальными комплексами являются городские крепостные сооружения. Первые города возникли примерно в конце III в. до н. э. и появлялись на протяжении всего существования хуннской империи. В ходе визуального осмотра местности, анализа спутниковых снимков, наряду с данными проведенных раскопок, выявлены конструктивные особенности городищ и проведена их культурно-хронологическая интерпретация.

Ключевые слова: Центральная Азия, Тува, археология, хунну, города, кочевники.

Для цитирования: Данилов С. В., Именохоев Н. В., Нанзатов Б. З., Симухин А. И., Тулуш Д. К., Эрдэнэболд Л. Города эпохи хунну на территории Тувы // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 24. С. 74–92. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.24.74>

Введение

Изначальное местопребывание древних хунну (匈奴 сюнну) указано в главе 97 «Цзиньшу» (晉書). По данным этого письменного источника, хунну контролировали территорию, которая «на юге соединялась с уделами Яньи Чжао (современные провинции Хэбэй и Шаньси), на севере достигало Шамо, на востоке примыкала к северным, а на западе доходила до шести жуанских племен, т. е. границы распространения древних хуннов совпадали с современными границами Внутренней Монголии...» [Цзиньшу, гл. 97]. Около 1200 г. до н. э. хуннские племена перешли через пустыню Гоби, положив начало процессу освоения и формирования основной территории их расселения [Киселев, 1951, с. 147]. Центральная Монголия и степная ландшафтная зона Забайкалья к III в. до н. э. составили территориальное ядро хунну.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Консолидация 24 этнически родственных племен и последующие реформы в созданной конфедерации: формирование и модернизация административно-политической системы хуннского общества, в частности организация мобильных воинских соединений, способствовали началу широкой экспансии хунну в Центральной Азии. Согласно «Историческим запискам» (史記 «Ши Цзи») Сыма Цяня (司馬遷) – объединенные силы хунну разгромили на востоке племена дунху, а на западе – юэчжей. На северной окраине государства в 203–202 гг. до н. э. они захватили владения: родственного хуннам племени хуньюй (сюньюй 獯鬻); юэше (шуйше 屈射) – динлинского племени, обитавшего на север от Алтая; их восточных соседей – динлинов (丁零), живших на северных склонах Саян от верхнего Енисея до Ангары; гэгунь (гэгуньили 隔昆, цзянькунь 堅昆) – кыргызов, занимавших территорию Западной Монголии около оз. Кыргыз-нор [Киселев, 1951, с. 560–561; Таскин, 1968, с. 10].

Именно с этого времени, согласно этим источникам, начинается период, когда «на территорию Западной, Южной и Центральной Тувы в ходе жестких боев проникают воинственные и сплоченные племена с иной формой материальной культуры, другим внешним обликом» [История Тувы, 2001, с. 50]. Вполне вероятно, что этот процесс должен был сопровождаться появлением археологических памятников с иными культурными традициями и погребальной обрядностью.

В середине 1950-х гг. на территории Тувы найдены археологические объекты со своеобразным погребальным ритуалом и оригинальным комплексом предметов материальной культуры. В 1955 г. археологическая экспедиция Московского государственного университета исследовала могильник Шурмак-Тей в Южной Туве, материалы которого позволили Л. Р. Кызласову впервые выделить особую группу однотипных погребальных памятников, отличающихся спецификой обрядовых действий, в археологическую культуру и дать ей общую характеристику. По мнению Л. Р. Кызласова, шурмакская археологическая культура существовала в пределах II в. до н. э. – V в. н. э. и в своем развитии прошла два этапа: II в. до н. э. – I н. э. и II–V вв. [Кызласов, 1958, с. 89–98; Кызласов, 1979, с. 80, табл. III]. Первый этап шурмакской культуры хронологически совпадал с периодом господства в Центральной Азии империи хунну, в которую, согласно письменным источникам, уже входила и территория Тувы. Однако Л. Р. Кызласов отмечал, что «никогда гунны в Хакасии и Туве не жили большими группами, оставляя лишь наместников, свои гарнизоны (не всегда состоявшие из собственно гуннских воинов) и, вероятно, своих рудоизнателей и мастеров», а выделенная археологическая культура является отражением материальной и духовной культуры местных племен [Кызласов, 1979, с. 81, 84].

В том же 1958 г. по результатам раскопок 1956–1957 гг. в Центральной Туве С. И. Вайнштейн выделяет сынь-чюрекскую археологическую культуру. Происхождение ее исследователь связывает с процессом проникновения в среду аборигенов Тувы хуннских племен, которые оказали значительное влияние на изменение обрядовых традиций и антропологических

особенностей местного населения в период с I в. до н.э. по IV в. н.э. [Вайнштейн, 1958, с. 232–233, табл. IV]. К этой же археологической культуре отнесен исследованный с 1959 по 1966 г. Кокзальский могильник (раскопано около 400 погребений), расположенный на р. Хемчик у подножия горы Ишкин-Аразы¹. Исследование этого памятника дало возможность ввести в научный оборот значительный археологический и палеоантропологический материал [Вайнштейн, 1958; Вайнштейн, Дьяконова, 1966; Манделыштам, Стамбульник, 1980; Стамбульник, 1983].

Погребения, аналогичные захоронениям хунну в Монголии и Западном Забайкалье, найдены при исследовании могильника Бай-Даг II в центральной Туве [Манделыштам, 1967, с. 128; Манделыштам, 1968, с. 170; Манделыштам, 1975, с. 232]. «Всего на могильнике Бай-Даг II в разные годы (1966–1967, 1976–1977 гг.) было раскопано 11 больших курганов, представлявших собой каменные сооружения с пристройками-дромосами трапезнической формы и глубокими (до 5 м) могильными ямами, на дне которых находились гробы, помещенные в узкие прямоугольные срубы. По характеру могильных сооружений они полностью соответствуют погребениям нонин-улинского типа (Суджинский этап по периодизации хуннских памятников Забайкалья)» [Длужневская, Савинов, 2007, с. 71].

По мнению многих исследователей, этот погребальный комплекс можно рассматривать как «прямое и бесспорное свидетельство археологии о том, что какая-то группа сюнну обитала на территории Тувы» [Манделыштам, Стамбульник, 1980, с. 55; Худяков, 1996]. В пользу факта длительного пребывания значительного количества хунну на территории Тувы говорят и обнаруженные в последние годы поселения с фортификационными сооружениями, аналогичные хуннским городищам Монголии и Южного Прибайкалья. Исследования в степных районах Центральной Азии велись с конца XIX в. Вначале были открыты многочисленные могильники, связанные между собой культурным единством [Коновалов, 1976]. В последующем были открыты и исследованы поселения и городища хунну в Монголии [Пэрлээ, 1957, Города эпохи хунну ... , 2016] и Западном Забайкалье [Сосновский, 1934, 1947; Давыдова, 1995, 1980; Данилов, 1995, 1996, 1998, 2004, 2011; Крадин, Бессонова, Зверев, 2016; Раскопки городища ... , 2017; Предварительные результаты ... , 2017].

На территории Тувы большее число археологических памятников этого типа были выявлены в ходе анализа аэрокосмических снимков остепненных участков долин рек, наиболее пригодных для устройства городищ, и последующей идентификации на местности (рис. 1). Городища с земляными валами чаще устраивались по берегам притоков р. Енисей и, судя по наличию вокруг них оросительных каналов, представляли собой укрепленные поселения земледельцев. На снимках все они выделяются подквадратной формой на фоне окружающего ландшафта.

¹ Оба названия – шурмакская, сымын-чорекская – появились одновременно для определения одних и тех же памятников и существовали в археологической литературе до признания в 1980-е гг. Кокзальского могильника эталонным. Тогда же памятники гуинно-сарматского времени Тувы было предложено называть кокзальской культурой [Савинов, 1984, с. 22–25].

Рис. 1. Города хунну на территории Тувы

Городище Кыйлыг-Хову (Целинное)

Городище расположено в Кызылском кожууне Республики Тыва в 2 км на юго-юго-запад от с. Целинное и в 2 км западнее дороги Кызыл – Балгазын, в местности Чинге-Даг. Название местности связано с одноименной грядой небольших гор, расположенных юго-восточнее памятника. Городище дислоцировано в котловине, обрамленной горными массивами, между двух небольших ручьев Кожур-Садак и Чедер, питающих с юга соленое оз. Чедер (рис. 2, 3).

Первые сведения о местонахождении были получены в 2003 г. от геологов, а сам памятник был выявлен сотрудниками Тувинского института гуманитарных исследований М. Х. Маннай-оолом и Д. К. Тулушем в 2006 г. в ходе визуального обследования территории. Археологические и земляные работы на памятнике не проводились.

Городище занимает остепненный участок, окруженный луговой растительностью и заболоченными местами на ровной поверхности, переходящей с восточной стороны в уположенный склон правого борта долинного участка. Поселение углами ориентировано по сторонам света с небольшим отклонением по оси запад – восток (аз. 84°).

Городище подквадратной формы, в плане ограничено валами, которые имеют следующие размеры: северо-западная сторона – 77,5 м, северо-восточная – 75,1 м, юго-восточная – 76,3 м, северо-западная – 74,8 м. Ширина сильно «смытых» валов по всему периметру не превышает 8 м. Оборонительные валы «оплыли», и их высота небольшая – не более 0,5 м. Следы привратной системы (смотровой башни?) в виде полуовального выступа

зафиксированы с внутренней стороны юго-восточного вала. Выступ имеет размеры 12,4×8 м и по своей высоте не выделяется от уровня вала. Также в южной части поселения, в системе оборонительного вала, зафиксированы нарушения: отсутствует примыкание к юго-восточному углу длиной 13,7 м. Возможно, это специально выполненная конструктивная особенность архитектуры оборонительной системы поселения – часть входной, привратной системы, или же приугловая часть вала была нарушена со временем под каким-то механическим воздействием.

Рис. 2. Городище Кыйлыг-Хову (Целинное), общий вид с юго-востока

Вокруг северо-западного угла отмечено наличие рва в оборонительной системе городища шириной до 4 м и длиной до 50–60 м. Местоположение въездных ворот не локализовано.

На территории поселения не выявлено руин каких-либо сооружений, кроме нескольких западин. Возможно, это следы ранее существовавших жилых строений типа полуземлянок размерами от 2 до 5 м в ширину и от 6 до 12 м в длину.

При современном анализе спутникового снимка городища из программы Google Earth и прилегающей к нему территории, с западной и северной сторон зафиксированы наиболее выразительные участки потемнения (понижения) поверхности (условно обозначенные как объекты), расположенные дугообразно. Четыре внешних объекта расположены на расстоянии 60, 60 и 80 м друг от друга, два внутренних – на дистанции 70 м, южный (наиболее близкий к городищу) – на расстоянии 60 м от западного угла городища (рис. 4). Объекты подпрямоугольной формы, с вариацией условных

размеров от 15×20 м до 20×30 м. В 350–440 м севернее городища расположена дуга из четырех объектов размерами около 15×15 м и интервалом между ними в 85, 105 и 85 м. Необходимо отметить, что эти объекты не были выявлены в ходе работы экспедиции в 2011 г. Природу их происхождения, равно как и других схожих, имеющихся вокруг городища, могут дать лишь натурное изучение местности по выявленным координатам и раскопочные работы в перспективе.

Подъемный материал скудный. Обнаружено лишь несколько фрагментов неорнаментированной керамики серого цвета. Раскопки на памятнике не проводились. Датировка по материальным остаткам затруднена, по особенностям оборонительных сооружений (валов) он предположительно датируется хуннским периодом истории Тувы.

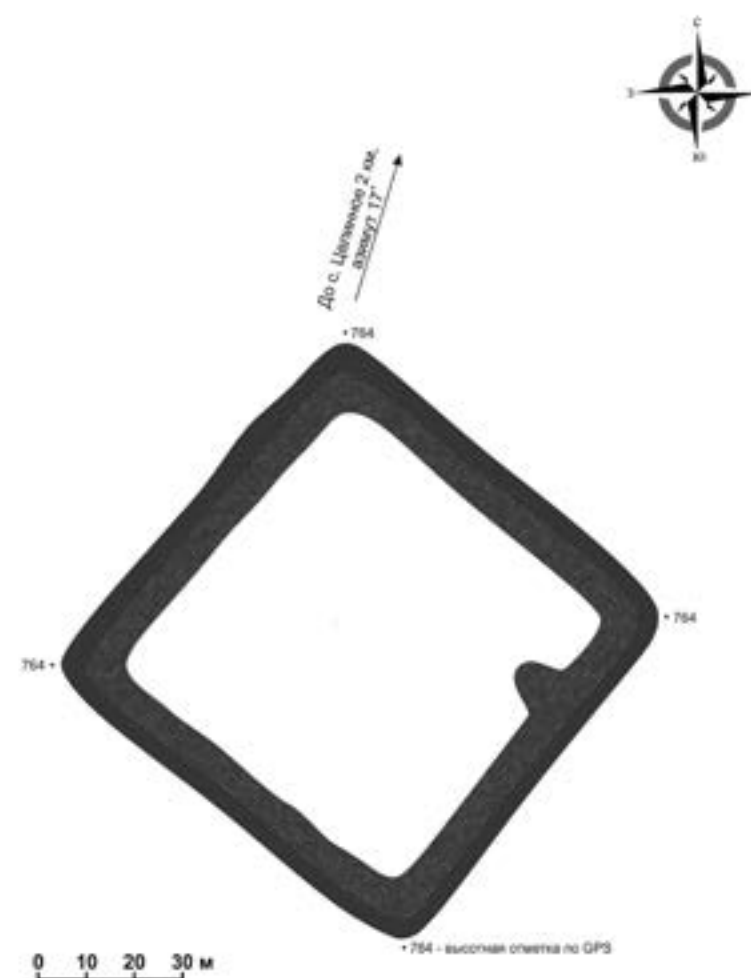

Рис. 3. Городище Кыйлыг-Хову (Целинное), план

Рис. 4. Городище Кылыг-Хову (Целинное), спутниковый снимок

Городище Барык

Сооружение находится на правом берегу р. Барык, левого притока р. Енисей, в Улуг-Хемском кожууне Республики Тыва, в 4 км на юго-юго-восток от моста через р. Барык по шоссе Кызыл – Ак-Довурак. Оно расположено в своеобразной котловине, со всех сторон окруженной горами (Бай-Даг, Барык, Ку-Даг), на уположенном склоновом участке, где вся местность имеет уклон к северу, в сторону р. Енисей (рис. 5).

Городище было обнаружено в 2007 г. Т. Н. Прудниковой, специалистом в области исследований древних оросительных систем, при анализе аэрофотоснимков долины р. Барык. Выявленные очертания подквадратной формы на аэрофотоснимке 1970-х гг. при дальнейшем полевом исследовании местности археологами Тувы оказались оборонительной системой поселения, которое и было именовано по названию реки. Памятник был выявлен на местности в ходе совместной разведки сотрудниками ИИМК РАН М. Е. Килуновской и В. А. Семеновым, с. н. с. ТИКОПР СО РАН Т. Н. Прудниковой и н. с. ТИГИ Д. К. Тулушем в 2008 г.

Городище Барык имеет подквадратную в плане форму и ограничено с четырех сторон оборонительными валами и рвами (рис. 6). Западный и восточный валы ориентированы по азимуту около 340° . Городище имеет следующие размеры: северная сторона – 212 м, восточная – 212 м, южная – 209 м, западная – 208 м. Валы сильно уплощены, местами практически уничтожены под воздействием природных факторов. Восточный и южный валы, а также юго-восточный угол сильно размыты и местами вообще не просматриваются. Оборонительная система по периметру с внешней стороны окружена ровом шириной в 3,5 м.

Рис. 5. Городище Барык, фото сверху

Ширина северного вала в районе северо-западного и северо-восточного углов колеблется от 8 до 10 м, ширина восточного вала равна 8 м, южного – от юго-восточного угла до юго-западного – 9–12 м; западного – 11 м. Высота валов колеблется от 0,6 м до 1 м. На северном, восточном и западном валах зафиксированы скопления камней, функциональное назначение которых не ясно. Углы городища (кроме юго-восточного угла) заметно расплылись: возможно, на городище были сооружены угловые башни.

В оборонительной системе наблюдаются разрывы и понижения уровня высоты валов с северной и западной сторон по 10 м длиной каждая. Разрывы зафиксированы на северном валу около северо-восточного угла и западном – ближе к юго-западному углу. Вероятно, в этих местах находились въездные ворота городища.

Внутренняя поверхность городища относительно ровная, поросла травой и кустарником. Видимых руин от каких-либо наземных строений не зафиксировано. При анализе спутникового снимка видно, что внутренняя территория памятника и область за его границами – это залежь, т. е. когда-то эти земли использовались как распаханые сельскохозяйственные угодья. В настоящее время по оси в 340° почти посередине памятника проходит заброшенная автомобильная насыпная дорога шириной по краям кюветов до 26 м. Автодорога, по словам местных жителей, строилась силами заключенных в 1960–1970-е гг. для сокращения расстояния между Хову-Аксыньским

кобальтовым комбинатом и трассой А-162 Кызыл – Ак-Довурак – Тээли. Можно предположить, что городище имело ворота по центру каждой стены, однако в отношении северной и южной стен, центральные участки которых разрушены автодорогой, подтвердить данную гипотезу уже невозможно.

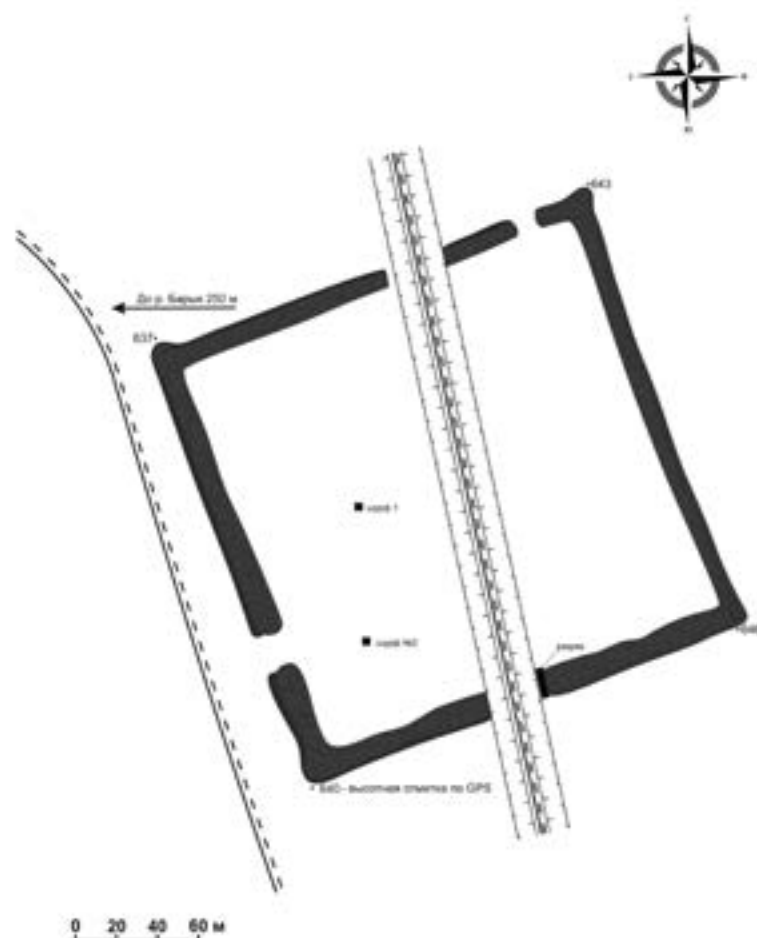

Рис. 6. Городище Барык, план

В ходе разведки 2008 г. найден фрагмент керамики предположительно гунно-сарматского периода. Находка представляет собой обломок подтреугольной формы толщиной 0,6–0,7 мм, красно-коричневого цвета с решетчато-ромбическим орнаментом на внешней поверхности и гладкой внутренней стороной. В 2011 г. в ходе обследования отрядом Российско-монгольской археологической экспедиции (РМАЭ) на поверхности городища и прилегающей территории собран незначительный подъемный материал.

Из найденных предметов материальной культуры выделяются небольшая коллекция каменных скребков и отщепов, вероятно, от существовавшего на этом месте неолитического поселения, обломок небольшого жернова или затирочного круга и фрагмент керамики с красновато-коричневой залощенной внешней поверхностью. На изломе найденного фрагмента просматривается структура глиняной массы – мелкая дресва и песок, использовавшийся при производстве керамического сосуда.

В 2011 г. Д. К. Тулушем на городище были заложены 2 шурфа и выполнен разрез южной стены. Шурф № 1 площадью 1×2 м заложен в центре западной половины памятника. В шурфе культурного слоя не выявлено, выработка рекультивирована. Шурф № 2 площадью 1×1 м заложен в юго-западной части городища на участке, насыщенном каменным неолитическим материалом. В гумусированном слое было выявлено 3 фрагмента отщепов. Как и в случае с шурфом № 1, других следов наличия культурного слоя в подперновых отложениях не было выявлено. Шурф был доведен до слоя суглинистого мергеля, после чего рекультивирован.

Разрез стены был выполнен в южной стене на участке разрушения памятника заброшенной автодорогой. Изначально был заложен шурф 1×2,5 м, где выявлена часть стены высотой около 40–45 см. Внутренний оплыв стены насыщен фрагментами углей. Было решено продолжить раскоп с целью выявить противоположный (внешний) край стены. Общая площадь разреза составила 4,5 м² (4,5×1 м). В разрезе выявлен профиль стены шириной 3,2 м и высотой в среднем 0,5 м. Местами верхняя кромка стены прерывистая и неровная, что может свидетельствовать как о намеренном разрушении, так и о расправке верхнего слоя городища. Около стены и над стеной в гумусированном слое прослеживаются фрагменты углей. Четких слоев прокала не выявлено. Отдельные фрагменты углей выявлены в слое под стеной [Тулуш, 2015, с. 141–143].

Сопоставление выявленного профиля стены (ширина 3,2 м при высоте 0,8 м) с объемом собственно оплывших валов (шириной до 12 м при высоте до 1 м) позволяет предположить, что реальная высота трапиевидных стен была не менее 4–5 м. На основании полученного материала автор склоняется к версии о строительстве городища Барык на месте существовавшего ранее поселения, возможно, неолитического периода, о чем свидетельствуют находки фрагментов отщепов и угольков под основанием стены. Разрез вала не выявил следов технологии «хан-ту», а находка керамики гунно-сарматского типа позволяет отнести время строительства Барыка к хуннскому времени.

Городище Тээли

Городище расположено в черте современного пос. Тээли – административного центра Бай-Тайгинского района Республики Тыва. Памятник археологии был найден в 1950 г. Л. Р. Кызласовым в 0,5 км юго-западнее поселка Тээли. Древнее поселение «представляло собою квадрат из валов 270×270 м, с оплывшими башнями по углам». Оно имело въездные

«ворота с юго-юго-восточной и северо-северо-западной сторон, а также с восточно-северо-восточной стороны» [Кызласов, 1958, с. 67].

В 2011 г. во время работы РМАЭ в Туве удалось уточнить нынешнее местоположение и техническое состояние памятника. В течение прошедшего со дня открытия времени строительство жилого массива населенного пункта велось в западном, южном и восточном направлениях и поглотило территорию городища. Основная часть городища была обнаружена в юго-западной части современного поселка Тээли (рис. 7, 8). В настоящее время площадь древнего поселения полностью занята жилыми домами и хозяйственными постройками.

Выявить действительные размеры городища по сохранившимся руинам фортификационных сооружений не представлялось возможным. Визуально определяемый и относительно неплохо сохранившийся юго-восточный угол городища со следами сильно оплывшей сторожевой башни был обнаружен на ул. им. Таржаа, южнее перекрестка с пер. Строительный. Восточный вал от найденного углового сочленения пересекает пер. Строительный, ул. Монгулек в северном направлении и уходит под жилые кварталы частного сектора поселка. Общая длина вала приблизительно равна 270 м. Южный вал уходит в западном направлении, пересекая пер. Строительный и ул. Мого Намчыл, под жилые дома и хозяйственные постройки. Высота валов в месте углового сочленения не превышает 0,5–0,7 м. Ширина валов, состоявших из щебня и гальки, в период первоначального исследования, вероятно, составляла не более 10 м.

Незначительная часть восточного вала не повреждена жилищным строительством и относительно неплохо сохранилась. Визуально выявлены два участка восточного вала: на южной оконечности участок, пересекающий пер. Строительный, от юго-восточного угла городища до современных жилых застроек длиной 50 м; на северной оконечности вала участок, пересекающий ул. Монгулек, длиной 112 м.

Для уточнения стратиграфии защитного сооружения в 2011 г. экспедицией ТИГИ был выбран наиболее сохранившийся возвышенный участок в северной части вала, где и были проведены предварительные исследования: заложена траншея с внешней стороны вала до его середины и на внутренней площади городища заложен шурф.

Траншея размером 4,5×1,5 м была сориентирована по оси восток – запад. Полученный профиль показал следующую стратиграфию: 1) верхний, дерновый слой и подстилающие его гумусированные отложения; 2) щебнистый суглинок; 3) песчано-галечная почва; 4) суглинистый слой – остаток основания стены; 5) под суглинком – материковый слой в виде мелкощебенистой почвы. Под двумя верхними слоями пачка песчано-галечного слоя носит явный наносный речной характер. Этот слой мощностью до 50 см перекрывает изначальное тело вала. Вероятно, городище было затоплено в древности и длительное время оставалось под водами р. Хемчик. Наводнение привело к полному разрушению крепостных стен. Сохранившаяся часть тела стены предположительно составляет всего около 1 м в ширину у основания и 10–15 см в высоту. Вся остальная масса вала – речной намыв и развал стены.

Рис. 7. Городище Тээли, юго-восточный угол, план

Рис. 8. Городище Тээли, юго-восточный угол, пос. Тээли, ул. Таржаа

Шурф был заложен в 50 м к северо-западу от разреза и в 10 м от восточного вала. Шурф доведен до глубины 0,4–0,5 м, до уровня материкового мелкощебенистого слоя древней дневной поверхности. Стратиграфия: 1) верхний, дерновый слой и подстилающие его гумусированные отложения; 2) коричневый суглинок; 3) тело стены; 4) мелкощебенистая почва; 5) слой глинистого оплыва стены. В разрезе проступают следы глинистой конструкции, возможно, стены здания, которая шла параллельно валам, т. е. по оси север – юг. Высота «стены» около 0,3 м, ширина – 0,35–0,4 м. Возможно, при затоплении памятника конструкции, расположенные внутри городища, были перекрыты глиной с крепостных стен, а уже следом – речными намывами, что способствовало их частичному сохранению. Признаков наличия культурного слоя с предметами материальной культуры в заполнении шурфа не выявлено [Тулуш, 2015, с. 147–149].

Памятник практически уничтожен. Сохранившиеся фортификационные сооружения разрушаются автомобильным транспортом и деятельностью жителей поселка. Техническое состояние городища Тээли требует проведения срочных охранно-спасательных работ. Отсутствие данных о находках с территории городища не позволяет уверенно датировать памятник, но по ряду таких признаков, как ориентация и строительная технология, поселение относится к гунно-сарматскому времени истории Тувы.

Заключение

Современные исследования не оставляют сомнений в том, что поселения, ограниченные по периметру земляными валами и рвами, значительно отличаются от надежно датированных городищ Тувы периода Уйгурского каганата. Если города уйгуров – это подпрямоугольные в плане крепости и имеют мощные глинобитные стены, возведенные в строительной технике «ханту» на высоту не менее 2 м, то поселения более раннего времени сооружены по иной технологии. Отличаются они не только по строительному материалу и форме стеновых конструкций, местоположению в окружающем ландшафте, наличию внутри городских сооружений и их конструктивных особенностей (цитаделей у уйгуров и полуземлянок хунну, не характерных для уйгурского времени), но и по наличию или отсутствию культурного слоя.

Приведенные в качестве примера городища хунну имеют общие характерные особенности:

1. Поселения строились с учетом рельефа местности в долинах рек, на плодородных землях, параллельно течению реки.
2. Городища имели выделяющуюся в окружающем ландшафте подквадратную форму в плане, вероятно, как наиболее простейшую геометрическую фигуру для контурного построения на местности.
3. Городища имели приоритетную ориентацию углами по сторонам света или с небольшим отклонением от оси север – юг, характерную для хунну [Викторова, 1980, с. 127–128].
4. Современная высота фортификационных сооружений – валов не превышает 0,8–1 м.

5. При возведении стен-валов применялась технология сплошной глиняно-земляной забутовки.

6. Отсутствие внутригородских сооружений, наземных зданий или сооружений, и значительного культурного слоя позволяет предположить о широком применении в военных условиях на периферии государства передвижных жилищ, как сборно-разборных типа юрт, так и стационарно установленных на специальных повозках.

Все эти характерные элементы строительства поселений с оборонительными сооружениями Тувы находят аналогии с известными хуннскими городищами на территории Монголии [Города эпохи хунну ..., 2016].

Проникновение и пребывание многочисленных хуннских племен из районов Центральной Азии свидетельствует о появлении поселений с земляными фортификационными сооружениями в долинах рек Енисей и Хемчик. Влияние культуры пришлых хунну нашло отражение в процессе формирования кокзельской (шурмакской, сыын-чорекской) археологической культуры.

Таким образом, как справедливо было отмечено исследователями, «вхождение территории Тувы в состав государства Хунну – это не результат единовременного завоевания во время северного похода Маодуня, а длительный и достаточно сложный процесс, что нашло отражение в археологических материалах этого времени» [Длужневская, Савинов, 2007, с. 66].

Источники

Цзиньшу, 97 глава: 卷九十七列傳第六十七四夷, Volume 97, Biographies 67: Four Barbarian Tribes // 晉書 (Book of Jin) [Электронный ресурс]. URL: <http://chinesenotes.com/jinshu/jinshu097.html>. (дата обращения: 10.05.2018)

Список литературы

- Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Учен. зап. ТННУ. Кызыл, 1958. Вып. 6. С. 217–237.
- Вайнштейн С. И. Погребения казылганской и сыынчорекской культур // Тр. ТКАЭЭ. Л., 1970. Т. 3. С. 7–79.
- Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокзель конца I тыс. до н. э. – первых веков нашей эры // Труды ТКАЭЭ. М.; Л., 1966. Т. 2. С. 185–291.
- Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 224 с.
- Города эпохи хунну на востоке Монголии / С. В. Данилов, Н. В. Именохоев, Б. З. Нанзатов, А. И. Симухин, А. Очир, Л. Эрдэнэболд // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 17. С. 74–93.
- Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. СПб., 1995. 282 с.
- Давыдова А. В. Новые данные о поселении хунну в Дуренах // Археологические открытия 1979 г. М., 1980. С. 200.
- Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
- Данилов С. В. Городища хунну Монголии и Забайкалья (к вопросу о функциональном предназначении поселенческих комплексов хунну) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 15–30.

Данилов С. В. К проблеме городов хунну // 100 лет гуинской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе : тез. докл. Междунар. конф. Ч. 1. Улан-Удэ, 1996. С. 20–22.

Данилов С. В. Раскопки здания на хуннском городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток : Дальнаука, 1998. С.111–114.

Данилов С. В., Жаворонкова Т. В. Городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. С. 26–36.

Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб. : ИИМК РАН, СПбГУ, 2007. 198 с.

История Тувы / ред. С. И. Вайнштейн, М.Х. Маннай-оол. Новосибирск : Наука, 2001. Т. 1, 367 с.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 642 с. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. 248 с.

Крадин Н. Н., Бессонова Е. А., Зверев С. А. Новые данные о планировке Иволгинского городища // Вестн. БНЦ СО РАН. 2016. № 2 (22). С. 9–21.

Кызласов Л. Р. Гуинский дворец на Енисее: Проблема ранней государственности Южной Сибири. М. : Вост. лит., 2001. 176 с.

Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : Изд-во МГУ, 1979. 208 с. Мандельштам А. М. Исследование могильников Бай-Даг II и Часкал II // Археологические открытия 1966 года. М. : Наука, 1967. С. 127–128.

Мандельштам А. М. К гуинской проблеме // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск : Наука, 1975. С. 231–233.

Мандельштам А. М. Новые данные о могильниках Бай-Даг II и III // Археологические открытия 1967 года. М. : Наука, 1968. С. 169–170.

Мандельштам А. М., Стамбуляник Э. У. О некоторых проблемах ранней истории кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 43–59.

Предварительные результаты исследований хуннского городища Тэрэлжийн-дуриулжин / А. Л. Ивлиев, Н. Н. Крадин, А. В. Харинский, А. Очир, С. А. Васютин, Е. В. Ковычев, Л. Эрдэнэболд // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 2 (18). С. 118–136.

Пэрлэ Х. К истории древних городов и поселений Монголии // СА. 1957. № 3. С. 43–53.

Раскопки городища Тэрэлжийн-дуриулжин и некоторые итоги изучения хуннской урбанизации / Н. Н. Крадин, А. Л. Ивлиев, С. А. Васютин, А. В. Харинский, А. Очир, Е. В. Ковычев, Л. Эрдэнэболд // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 163–175.

Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : ЛГУ, 1984. 174 с.

Сосновский Г. П. Нижне-Иволгинское городище // Проблемы истории докапиталистического общества. № 7/8. Л., 1934. С. 150–156.

Сосновский Г. П. О поселении гуинской эпохи в долине реки Чикой (Забайкалье) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1947. Вып. 14. С. 35–39.

Стамбуляник Э. У. Новые памятники гуинно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ) // Древние культуры Евразийских степей. Л. : Наука, 1983. С. 34–41.

Таскин В. С. Материалы по истории Сюнну. М. : Наука, 1968. 176 с.

Тулуш Д. К. Фортификационные сооружения на территории Тувы (конец I тыс. до н. э. – начало II тыс. н. э.) : дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2015. 257 с.

Худяков Ю. С. Хунны в Саяно-Алтае // 100 лет гуинской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе : тез. докл. Междунар. конф. Улан-Удэ, 1996. Ч. 1. С. 40–42.

Forts of Xiongnu Period on the Territory of Tuva

S. V. Danilov¹, N. V. Imenokhoev¹, B. Z. Nanzatov¹, A. I. Simukhin¹,
D. K. Tulush², L. Erdenebold³

¹Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS, Russian Federation

²Tuvan Institute for Applied Studies of Humanities and Socioeconomics, Russian Federation

³Mongolian University of Science and Technology, Mongolia

Abstract. The article dedicated to the history of Xiongnu in the borders of northern periphery of the nomadic empire, in the upper reaches of Yenisei River. The culture of the nomads of Inner Asia in the Xiongnu period has undergone significant changes. One of them was the appearance of big fortified stationary objects. The key sites of the Xiongnu archaeology is not only burial complexes but the fortifications too. The first forts emerged around the end of the 3rd century BC. New forts based throughout the whole existence of the Xiongnu Empire. However, the emergence of the early settlements in nomadic societies has no final decision about the mechanism of urban culture formation in the region. Xiongnu people after conquer of the Sayano-Altaï tribes established their power here, securing it with the construction of several fortresses. We present the results of the study of Xiongnu forts in Tuva obtained in the field work of the international Russian-Mongolian archaeological expedition in 2011. During the expedition there were researched forts in the Kyzyl and Ulug-Khem regions in the central part of Tuva (Kyilyg-Khovu and Baryk), and in the Bai-Taiga region in the west of Tuva, close to the border of the Altai Republic (Teeli). The fortification sites are in different state of preservation. Kyilyg-Khovu and Baryk have not actually suffered since the days of the research of L. R. Kyzlasov in the middle of the 20th century. However, the Teeli fort is located in the active development zone of the present settlement. On the site of the fort several streets were built. A visual inspection of the terrain, an analysis of satellite images with data from the excavations allows to identify the design features of the forts and define their cultural and chronological interpretation. The study allowed us to identify the preferred places for the construction of such forts (in river valleys), their configuration (sub-square form, along the north-south axis), construction technology and the absence of intra-urban facilities. The results will expand the horizons of understanding the history of nomadic empires in the early period.

Keywords: Inner Asia, Tuva, archaeology, Xiongnu, fortification, nomads.

For citation: Danilov S. V., Imenokhoev N. V., Nanzatov B. Z., Simukhin A. I., Tulush D. K., Ochir A., Erdenebold L. Forts of Xiongnu Period on the Territory of Tuva. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2018, Vol. 24, pp. 74–92. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.24.74> (In Russ.)

References

Danilov S. V. K probleme gorodov khunnu [To the problem of the Xiongnu cities]. *100 let guinskoi arkheologii. Nomadizm prashloe, nastoyashchee v globalnom kontekste i istoricheskoi perspektive* [100 years of Xiongnu archeology. Nomadism past, present in global context and historical perspective]. Ulan-Ude, 1996, Part 1, pp. 20–22. (In Russ.)

Danilov S. V. Raskopki zdaniya na khunnskom gorodishche Bayan Under v Dzhidinskoy raione Respubliki Buryatiya [Excavation of a building in the Hunnic site of ancient Bayan Under in the Dzhidinsky region of the Republic of Buryatia]. *Arkheologiya i etnologiya Dal'nego Vostoka i Tsentralnoi Azii* [Archaeology and Ethnology of the Far East and Central Asia]. Vladivostok, 1998, pp. 111–114. (In Russ.)

Danilov S. V. *Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentralnoi Azii* [Cities in nomadic societies of Central Asia]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2004, 202 p. (In Russ.)

Danilov S. V. *Gorodishcha khunnu Mongolii i Zabaikaliya (k voprosu o funktsionalnom prednaznachenii poselencheskikh kompleksov khunnu)* [Settlements of the Xiongnu of Mongolia and Transbaikalia (on the issue of the functional purpose of the Xiongnu settlement com-

plexes)]. *Khumbu: arkheologiya, proiskhozhdenie kultury, etnicheskaya istoriya* [Hunnu: Archaeology, Origin of Culture, Ethnic History]. Ulan-Ude, 2011, pp. 15–30. (In Russ.)

Danilov S. V., Zhavoronkova T. V. Gorodishche Bayan-Under v Dzhidinskoy raione Respubliki Buryatiya [The ancient settlement Bayan-Under in the Dzhidinsky region of the Republic of Buryatia]. *Arkheologiya bronzovogo i rannego zheleznoogo vekov Zabaykalya i Mongolii* [Archaeology of the Bronze and Early Iron Ages of Transbaikalia and Mongolia]. Ulan-Ude, 1995, pp. 26–36. (In Russ.)

Danilov S. V., Imenokhoev N. V., Nanzatov B. Z., Simukhin A. I., Ochir A., Erdenebold L. Goroda epokhi khunnu na vostoche Mongolii [Forts of Xiongnu Epoch in the East of Mongolia]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series]. 2016, Vol. 17, pp. 74–93. (In Russ.)

Davydova A. V. Novye dannye o poselenii khunnu v Durenakh [New data on the Xiongnu settlement in Duren]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1979 g.* [Archaeological discoveries of the 1979]. Moscow, 1980, p. 200. (In Russ.)

Davydova A. V. Ivolginskii arkheologicheskii kompleks [Ivolginsky archaeological complex]. St. Petersburg, 1995, T. 1. Ivolginskoe gorodishche [Vol. 1. Ivolginskoe ancient settlement], 282 p. (In Russ.)

Dluzhnevskaya G. V., Savinov D. G. Pamyatniki drevnosti na dne Tuvinskogo morya [Sites of antiquity at the bottom of the Tuva sea]. St. Petersburg, IHMC RAS Publ., SPbSU Publ., 2007, 198 p. (In Russ.)

Ivliev A. L., Kradin N. N., Kharinskii A. V., Ochir A., Vasyutin S. A., Kovychiev Ye. V., Erdenebold L. Predvaritelnye rezultaty issledovaniy khunnskogo gorodishcha Terelzhiin-durvalzhin [Preliminary results of the studies of the Xiongnu ancient settlement Terelzhiin-durvalzhin]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 2017, Is. 2 (18), pp. 118–136. (In Russ.)

Kiselev S. V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoi Sibiri [The ancient history of southern Siberia]. Moscow, AS USSR Publ., 1951, 642 p. (In Russ.)

Khudiyakov Yu. S. Khunny v Sayano-Altae [Xiongnu in the Sayan–Altai]. *100 let gunnskoj arkheologii. Nomadizm proshloe, nastoyashchee v globalnom kontekste i istoricheskoi perspektive* [100 years of Xiongnu archeology. Nomadism past, present in global context and historical perspective]. Ulan-Ude, 1996, Part 1, pp. 40–42. (In Russ.)

Kononov P. B. *Khunnu v Zabaykalie (pogrebalnye pamyatniki)* [Xiongnu in Transbaikalia (funerary sites)]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1976, 248 p. (In Russ.)

Kradin N. N., Bessonova E. A., Zverev S. A. Novye dannye o planigrafii Ivolginskogo gorodishcha [New data on the planigraphy of the Ivolginskoe ancient settlement]. *Vestnik BNC SO RAN* [Bulletin of Buryat Scientific Center SB RAS]. 2016, Is. 2 (22), pp. 9–21. (In Russ.)

Kradin N. N., Ivliev A. L., Vasyutin S. A., Kharinskii A. V., Ochir A., Kovychiev Ye. V., Erdenebold L. Raskopki gorodishcha Terelzhiin-durvalzhin i nekotorye itogi izucheniya khunnskoi urbanizatsii [Excavations of the Terelzhiin-durvalzhin ancient settlement and some results of the study of Xiongnu urbanization]. *Aktualnye voprosy arkheologii i etnologii Tsentralnoi Azii* [Actual issues of Archaeology and Ethnology of Central Asia]. Ulan-Ude, 2017, pp. 163–175. (In Russ.)

Kyzlasov L. R. Etapy drevnei istorii Tuvy (v kratkom izlozhenii) [Stages of the ancient history of Tuva (in short summary)]. *Vestnik MGU. Istoriko-filologicheskaya seriya* [Herald of Moscow State University. Historian and Philological series]. 1958, Is. 4, pp. 71–100. (In Russ.)

Kyzlasov L. R. Drevnyaya Tuva (ot paleolita do 9 v.) [Ancient Tuva (from Paleolithic to 9 century)]. Moscow, MSU Publ., 1979, 208 p. (In Russ.)

Kyzlasov L. R. Gunnskii dvorets na Yenisee: Problema rannei gosudarstvennosti Yuzhnoi Sibiri [Xiongnu Palace on the Yenisei: The Problem of the Early Statehood of Southern Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001, 176 p. (In Russ.)

Mandelstam A. M. Issledovanie mogilnikov Bai-Dag 2 i Chaskal 2 [Study of the burials of Bai-Dag 2 and Chaskal 2]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1966 goda* [Archaeological discoveries of 1966]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 127–128. (In Russ.)

Mandelstam A. M. Novye dannye o mogilnikakh Bai-Dag 2 i 3 [New data on the burial grounds Bai-Dag 2 and 3]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1967 goda* [Archaeological discoveries of 1967]. Moscow, 1968, pp. 169–170. (In Russ.)

Mandelstam A. M. K gunnskoj probleme [To the ward the Xiongnu problem]. *Soonoshenie drevnikh kultur Sibiri s kulturami sopredelnykh territorii* [The ratio of ancient cultures of Siberia with cultures of adjacent territories]. Novosibirsk, 1975, pp. 231–233. (In Russ.)

Mandelstam A. M., Stambulnik E. U. O nekotorykh problemakh rannei istorii kochevnikov Tuvy [On some problems of the early history of the nomads of Tuva]. *Noveishie issledovaniya po arkheologii Tuvy i etnogenezu turvintsev* [The latest research on the Archaeology of Tuva and the Ethnogenesis of Turvintsev]. Kyzyl, 1980, pp. 43–59. (In Russ.)

Perlee Kh. K istorii drevnikh gorodov i poselenii Mongolii [To the history of ancient cities and settlements of Mongolia]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1957, Is. 3, pp. 43–53. (In Russ.)

Savinov D. G. *Narody Yuzhnoi Sibiri v drevnyurkskuyu epokhu* [The peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic era]. Leningrad, LSU Publ., 1984, 174 p. (In Russ.)

Sosnovskii G. P. O poselenii gunnskoj epokhi v doline reki Chikoi (Zabaykalie) [On the settlement of the Xiongnu era in the valley of the Chikoi River (Transbaikalia)]. *Kratkie soobshcheniya instituta istorii materialnoi kultury* [Brief reports of the Institute of History of material culture]. 1947, Vol. 14, pp. 35–39. (In Russ.)

Sosnovskii G. P. Nizhne-Ivolginskoe gorodishche [Nizhne-Ivolginskoe ancient settlement]. *Problemy istorii dokapitalisticheskogo obshchestva* [Problems of the History of the Pre-Capitalist Society]. 1934, Is. 7–8, pp. 150–156. (In Russ.)

Stambulnik E. U. Novye pamyatniki gunno-sarmatskogo vremeni v Tuve (nekotorye itogi rabot) [New sites of the Xiongnu-Sarmatian time in Tuva (some results of the works)]. *Drevnie kultury Evrazijskikh stepei* [Ancient cultures of the Eurasian steppes]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 34–41. (In Russ.)

Taskin V. S. *Materialy po istorii Syannu* [Materials on the history of the Hsiung-nu]. Moscow, Nauka Publ., 1968, 176 p. (In Russ.)

Tulush D. K. Fortifikatsionnye sooruzheniya na territorii Tuvy (konets I tys. do n. e. – nachalo II tys. n. e.): diss. kand. ist. nauk [Fortifications in the territory of Tuva (the end of the 1st millennium BC – the beginning of the 2nd millennium AD. Cand. histor. sci. diss.). Kemerovo, 2015, 257 p.

Vainshtein S. I. Nekotore itogi rabot arkheologicheskoi ekspeditsii Tuvinskogo NIYa.I v 1956–1957 gg. [Some results of the work of the archaeological expedition of the Tuvan Scientific Research Institute of Language, Literature and History in 1956–1957]. *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii* [Scientific notes of the Tuvan research Institute of language, literature and history]. Kyzyl, 1958, Vol. 6, pp. 217–237. (In Russ.)

Vainshtein S. I. Pogrebeniya kazylganskoi i syynchurekskoi kultur [Burials of Kazylgan and Syynchurek cultures]. *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arkheologicheskoi i etnograficheskoi ekspeditsii* [Proceedings of Tuvan complex archaeological and ethnographic expedition]. Leningrad, 1970, Vol. 3, pp. 7–79. (In Russ.)

Vainshtein S. I., Diakonova V. P. Pamyatniki v mogilnike Kokel kontsa I tys. do n. e. – pervykh vekov nashei ery [Archaeological sites in the Kokel burial ground of the end of the 1st millennium BC – the first century AD]. *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arkheologicheskoi i etnograficheskoi ekspeditsii* [Proceedings of Tuvan complex archaeological and ethnographic expedition]. Moscow, Leningrad, 1966, Vol. II, pp. 185–291. (In Russ.)

Vainshtein S. I., Mannai-ool M. Kh. (eds.). *Istoriya Tuvy* [The History of Tuva]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2001, Vol. 1, 367 p. (In Russ.)

Viktorova L. L. *Mongoly. Proiskhozhdenie naroda i istoki kultury* [The Mongols. The origin of the people and the origins of culture]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 224 p. (In Russ.)

Данилов Сергей Владимирович

доктор исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

Именохоев Николай Владимирович

старший научный сотрудник, лаборатория археологии, этнологии и антропологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
e-mail: yni@mail.ru

Нанзатов Баир Зориктоевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, лаборатория археологии, этнологии и антропологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
e-mail: nanzatov@yandex.ru

Симухин Александр Ильич

кандидат исторических наук, научный сотрудник, лаборатория археологии, этнологии и антропологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
e-mail: symply.sima@mail.ru

Тулуш Демир Константинович

кандидат исторических наук, заместитель директора по науке, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований; Россия, 667000, г. Кызыл, ул. Кочетова, 4
e-mail: demirtdk@mail.ru

Эрдэнэболд Лхагвасүрэн

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Гуманитарный институт, Монгольский государственный университет науки и технологий; 14191, Монголия, Улан-Батор, 8-й округ, ул. Бага Тойру, 34
e-mail: erdene-ethnology@yahoo.com

Danilov Sergei Vladimirovich

Doctor of Sciences (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS; 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

Imenokhoev Nikolai Vladimirovich

Senior Researcher, Laboratory of Archaeology, Ethnology and Anthropology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS; 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation
e-mail: yni@mail.ru

Nanzatov Bair Zoriktoevich

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Laboratory of Archaeology, Ethnology and Anthropology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS; 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation
e-mail: nanzatov@yandex.ru

Simukhin Alexander Il'ich

Candidate of Sciences (History), Researcher, Laboratory of Archaeology, Ethnology and Anthropology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS; 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation
e-mail: symply.sima@mail.ru

Tulush Demir Konstantinovich

Candidate of Sciences (History), Deputy Director, Tuvan Institute for Applied Studies of Humanities and Socioeconomics; 4, Kochetov st., Kyzyl, 667000, Russian Federation
e-mail: demirtdk@mail.ru

Erdenebold Lkhagvasuren

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Humanitarian Institute, Mongolian University of Science and Technology; 34, Baga Toiruu st., 8th khoroo, 14191, Ulaanbaatar, Mongolia
e-mail: erdene-ethnology@yahoo.com